

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Костенко Наталья Юрьевна

АРХИВ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Специальность 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор культурологии
А. И. Шмаина-Великанова

Москва, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. БИОГРАФИЯ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ	26
1.1. Биографическая справка	27
1.2. «Я рождена быть учеником и не смею быть учителем»	32
1.2.1. Учителя.....	32
1.2.2. Ученики	47
1.3. «Мэверик»	68
1.3.1. Семья	69
1.3.2. Конфессиональная и национальная идентичность О. М. Фрейденоберг	82
1.3.3. Фрейденоберги и Пастернаки	86
1.4. Выводы	96
ГЛАВА 2. АРХИВ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ	99
2.1. История формирования архива	99
2.2. Состав и содержание документов	105
2.2.1. Научные труды и другие творческие материалы	105
2.2.2. Биографические документы	110
2.2.3. Документы по деятельности.....	111
2.2.4. Переписка.....	111
2.2.5. Документы семьи	114
2.2.6. Документы других лиц	115
2.2.7. Изобразительные материалы (фотографии)	115
2.3. Выводы	117
ГЛАВА 3. МЕМУАРНО-ДНЕВНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ «ПРОБЕГ ЖИЗНИ» (ЗАПИСКИ)	118
3.1. Публикации и изучение мемуарно-дневникового комплекса «Пробег жизни».....	118
3.1.1. Первые публикации фрагментов Записок.....	118

3.1.2. Научные публикации мемуарного наследия О. М. Фрейденберг	122
3.1.3. Исследования Записок и проблема их достоверности.....	125
3.1.4. «Идеология и филология» П. А. Дружинина и новый этап диффамации Записок.....	129
3.1.5. Зарубежные исследования Записок: И. А. Паперно и Н. М. Перлина	134
3.1.6. Разное.....	147
3.2. «Пробег жизни» — история создания мемуарно-дневникового комплекса.....	149
3.2.1. «Самое главное» — первая часть мемуаров	151
3.2.2. «Осада человека» — блокадные записи.....	156
3.2.3. «Воспоминания о самой себе» — послевоенные записи.....	174
3.2.4. «Послесловие» и «Затяжное послесловие», продолжение Записок	179
3.2.5. Воспоминания о времени с 1917 по 1941 год: «Венок из укропа»?	181
3.2.6. Продолжение Записок. «После изгнания», 1951—1955 годы.....	183
3.3. Этапы оформления и структура рукописи мемуарно-дневникового комплекса.....	184
3.4. К интерпретации заглавий мемуарно-дневникового комплекса.....	187
3.4.1. «Венок из укропа»	188
3.4.2. «Пробег жизни»	194
3.5. Мемуары как архив: роль документов и другие источники текста	196
3.5.1. Документы в Записках	196
3.5.2. Источники текста Записок.....	199
3.6. Выводы	207
ГЛАВА 4. АРХИВ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ КАК ИНТЕНЦИЯ	212
4.1. Формирование частного архива: мотивы и целеполагание	212
4.2. Концепция архива и истории у О. М. Фрейденберг	218
4.3. Архив М. Ф. Фрейденберга.....	237
4.4. Архив О. М. Фрейденберг и роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»	242
4.4.1. Записки О. М. Фрейденберг и «Охранная грамота» Б. Л. Пастернака	244
4.4.2. Послевоенная переписка О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернака	247
4.4.3. Публикация романа «Доктор Живаго»	268

4.4.4. Интенциональное единство романа и архива	274
4.5. Выводы	286
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	287
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	297
Источники.....	297
А) Неопубликованные	297
Б) Опубликованные	298
Литература.....	309
Справочные издания.....	332
Электронные ресурсы.....	333
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	335
Иллюстрации.....	335
Таблицы	335

ВВЕДЕНИЕ

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890—1955) — выдающийся ученый, филолог-классик, автор свыше десяти монографий, более полусотни статей. Она защитила первую после революции диссертацию по классической филологии, стала первой женщиной — доктором литературоведения, много лет заведовала воссозданной в 1932 году кафедрой классической филологии Ленинградского государственного университета. Непризнанная и крайне мало публиковавшаяся при жизни после увольнения из ЛГУ она была забыта почти на четверть века. Интерес к ее научному наследию возник только в начале 1970-х годов со стороны московско-тартусской семиотической школы (Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, Вяч. Вс. Иванов и др.). Тогда же появились первые публикации научных работ из ее архива. Изданная в 1981 году за рубежом переписка Фрейденберг с двоюродным братом Борисом Пастернаком, включающая отрывки из мемуаров, пользовалась большой популярностью среди читателей, интересующихся творчеством поэта, неоднократно переиздавалась и была переведена на многие языки. Изучение научного и литературного наследия Фрейденберг ширится не только в России, но и за рубежом. Библиография работ о ней насчитывает более трехсот книг и статей ¹, монографии «Поэтика сюжета и жанра», «Образ и понятие», «Лекции по теории фольклора» входят в программы филологических факультетов ряда университетов, широко используются учеными разных стран и различных гуманитарных дисциплин. Фрейденберг — свидетельница двух революций и мировых войн, пережила блокаду и оставила обширный мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни» (далее — Записки), объемом более двух тысяч листов рукописи, содержащий значительные материалы по истории гуманитарной науки 1920—1930-х годов, в частности, Ленинградского (Петроградского) университета, где она училась с 1917 года, а затем руководила кафедрой классической филологии (1932—1949), пережив самые драматичные годы в истории университета. Ее творческое наследие сохранилось и получило своих читателей благодаря тому, что с 1947 года она начала формировать личный архив, который, не рассчитывая на родственников, учеников и коллег, поручила надежному хранителю.

Актуальность темы. Несмотря на существенный вклад О. М. Фрейденберг в отечественную и мировую культуру значительная часть ее архива, в частности Записки, так и остаются не-

---

¹ См. последнее издание библиографии Фрейденберг и о ней: Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг; *Personalia* и некоторые упоминания; Опубликованные библиографии трудов О. М. Фрейденберг и сведения о материалах ее архива / сост. Н. Ю. Костенко // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 707—740, а также постоянно пополняемый библиографический раздел на сайте «Архив О. М. Фрейденберг»: <http://freidenberg.ru/Personalija/ObOMFrejjdenberg> (дата обращения: 12.07.2025).

достаточно изученными и, соответственно, не готовыми к публикации. Разбросанные по разным изданиям фрагменты не дают цельного представления о Записках, а немногочисленные работы, посвященные им, большинство исследователей рассматривают без связи с архивом. Между тем именно связь Записок с архивом, рассмотренным как авторская интенция, позволяет понять замысел как самого архива, так и Записок, а значит, приблизить их публикацию.

Степень научной разработанности проблемы. Архив Фрейденберг никогда не становился предметом отдельного исследования, его история и состав практически не отражены в посвященных Фрейденберг работах ². Тем более архив никогда не рассматривался как социокультурный феномен ³. Однако существующий ряд научных исследований по смежным темам позволяет приступить к этой работе.

Их можно разделить на несколько тематических групп: а) *биография О. М. Фрейденберг*: она сама, семья, коллеги, ученики, а также работы по истории России первой половины XX века, Ленинградского университета, отечественного антиковедения, идеологических кампаний второй половины 1940-х годов; б) *О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернак*: семейные и творческие взаимоотношения с поэтом; в) *мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни» (Записки)*: работы, затрагивающие или обращающиеся к Запискам в целом, исследующие отдельные их части или связанные с публикацией их фрагментов; г) *концепция архива и истории О. М. Фрейденберг*: работы, проясняющие ее взгляды на архивы и историю; д) *архивы в современном мире*: новые концепции института как государственных, так и частных архивов в современную эпоху, в том числе опирающиеся на теоретические воззрения М. Фуко ⁴, Ж. Дерриды ⁵ и Я. Ассмана ⁶.

---

² Исключение составляют работы Н. В. Брагинской, где она сообщает об архиве некоторые общие сведения.

³ Под определением социокультурного феномена в данной работе подразумевается сложное явление культуры, в котором интегрированы личная и общественная составляющая, что дает возможность выйти за рамки теории и практики архивоведения и рассматривать архив в более широком культурологическом контексте (Герман О. Г. Социокультурный феномен: к вопросу о терминологии // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Белгород, 10 февраля 2021 г.): в 4-х т. Белгород: БГИИК, 2021. Т. 1. С. 238—243).

⁴ Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. Изд. 2-е, испр. СПб.: Гуманитар. акад., 2012. 415 с.

⁵ Автономова Н. С. О роли словоформ с элементом «архе» в концептуальной системе Жака Деррида // Вестник культурологии. 2011. № 1. С. 185—198.

⁶ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.

а) Биография О. М. Фрейденберг

Полного и всестороннего исследования биографии Фрейденберг на сегодняшний день нет. Основные вехи ее жизни известны из предисловий к публикациям ее работ и фрагментов воспоминаний и комментариев к ним, но, разумеется, точные биографические сведения лучше всего отражены в документах государственных и частных архивов, мемуарах, переписке и пр., в том числе в материалах личного архива и Записках.

Исследователи рассматривали роль Фрейденберг в отечественной гуманитарной науке, влияние предшественников, роль учителей и современников, ее судьбу как ученого, а также отдельные аспекты биографии в связи с освещением ее научных взглядов или при публикации конкретных работ. Впервые фигура Фрейденберг в контексте советской и мировой гуманитарной науки стала объектом отдельного исследования в диссертации Кевина Мосса ⁷. В ней большое внимание уделено Н. Я. Марру, его роли в научной карьере Фрейденберг, лингвистической теории, а также теории о первобытном мышлении, на которой Фрейденберг основывала свой литературоведческий анализ, и источникам этой теории в работах Э. Кассирера и Л. Леви-Брюля. Работа Мосса также показывает общность Фрейденберг со структурализмом К. Леви-Стросса и теоретическими воззрениями М. М. Бахтина, что еще в 1970-е годы заметили представители московско-тартусской семиотической школы. Влияние Марра и особое положение Фрейденберг в советской академической науке отмечается в статье и предисловии Мосса к его переводу итоговой монографии Фрейденберг «Образ и понятие» ⁸.

В книге Н. М. Перлиной «Труды и дни Ольги Фрейденберг» гораздо больше внимания уделено собственно биографии, которая дополнена взаимоотношениями с Пастернаком (см. ниже), а также сведениями об образовании, ролью учителей и коллег (С. А. Жебелев, Марр, И. Г. Франк-Каменецкий, Г. А. Гуковский и др.) на фоне разных течений в литературоведении и фольклористике 1920—1930-х годов. Биография у Перлиной сочетается с систематическим исследованием идей Фрейденберг, анализом ее основных работ и связью с другими направлениями в литературоведении (формальная школа, Бахтин и др.).

Монография А. Кабанов «Ольга Михайловна Фрейденберг (1810—1955): советский ученый между канонами и свободой» ⁹ рассматривает фигуру Фрейденберг в контексте формирова-

---

⁷ Moss K. M. *Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context: a Thesis... for the Degree of Doctor of Philosophy*. [Ithaca]: Cornell University, 1984. 303 p.

⁸ Moss K. M. *Introduction // Image and Concept: Mythopoetic Roots of Literature / O. M. Freidenberg*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997. P. 1—19.

⁹ Kabanov A. *Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890—1955): eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2002. 417 s.

ния в СССР идеологического канона. Помимо подробного исследования происхождения советского канона, его эволюции и влияния на различные научные направления и учреждения, работа содержит подробный биографический очерк, основанный на кропотливой работе в российских архивах и знакомстве не только с Записками, на которые в основном опирались предыдущие авторы, но и с хранящимися в Москве материалами архива Фрейденберг.

Н. В. Брагинская, многолетняя исследовательница творчества Фрейденберг и первая, кто работал с архивом, не подготовила о ней отдельного биографического исследования, но длинный перечень работ, включая краткие или обширные предварения и послесловия к публикуемым текстам, статьи, затрагивающие отдельные аспекты ее биографии, в том числе научной, вплоть до обобщающих жизнь и творчество, мог бы составить серьезную монографию, рассматривающую необычную для филолога-классика судьбу ученого ¹⁰. Ее статьи могут быть использованы еще и в качестве источника по истории архива и изучения творческого наследия Фрейденберг.

---

¹⁰ Мелетинский Е. М., Брагинская Н. В. От мифа к лирике: [предисловие] // Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 101—103; Брагинская Н. В. От составителя // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. М.: Наука, 1978. С. 568—575; Ее же. О работе О. М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 272—283; Ее же. Анализ литературных мотивов у О. М. Фрейденберг // Актуальные проблемы семиотики культуры. Тарту: [б. и.], 1987. С. 115—119; Ее же. О научном наследии О. М. Фрейденберг // Миф и театр: лекции по курсу «Теория драмы» для студентов театральных вузов / О. М. Фрейденберг. М.: ГИТИС, 1988. С. 3—12; Ее же. Предисловие к публикации [главы «Утопия» из моногр. «Семантика „Трудов и дней“ Гесиода»] // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 141—147; Ее же. Филологический роман: предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. Вып. 3. С. 134—144; Фрейденберг О. М. Фр[агмент] I. Сафо / публ. и предисл. Н. В. Брагинской // Новый круг. Киев, 1992. № 2. С. 142—148; Брагинская Н. В. Елена Лившиц — Ольга Фрейденберг, или Травестия близнечного мифа // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 107—115; Ее же. De vita memoriae // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. [Т. 1]. С. 701—703; Ее же. Песнь горизонта // Там же. С. 719—731; Ее же. Siste viator!: предисловие к докладу О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках» // Одиссей. Человек в истории, 1995: Представления о власти. М.: Наука, 1995. С. 244—271; Ее же. «...Имеют свою судьбу» // Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. М.: Лабиринт, 1997. С. 421—433; Ее же. Послесловие ко второму изданию // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 1998. С. 744—765; Braginskaia N. V. From the Marginals to the Center: Olga Freidenberg's Works on the Greek Novel // Ancient Narrative. 2002. Vol. 2. P. 64—76; Ее же. [Предисловие к публикации статьи О. М. Фрейденберг «К изучению источников Энгельса. Баховен»] // Русская антропологическая школа: труды. М.: РГГУ, 2004. Вып. 1. С. 290—294; Ее же. Лукавая буква // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 155—161; Ее же. Между свидетелями и судьями: реплика по поводу кн. В. М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (М.: Яз. славян. культуры, 2005) // М. М. Бахтин в Саранске: исследования, документы, материалы: сб. науч. тр. Саранск: [б. и.], 2006. С. 39—60; Ее же. Торжество Кривды, или Эсхатологический зверь в басенной шкуре // Синий диван. 2007. № 10—11. С. 117—125; Ее же. О. М. Фрейденберг о лирике in statu nascendi // Лирика: генезис и эволюция. М.: РГГУ, 2007. С. 392—395; От сундука к сети: беседа с Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко, А. Д. Леоновым и

Первая работа о роли Фрейденберг в организации кафедры классической филологии ЛГУ принадлежит ее ученицам Б. Л. Галеркиной и Н. А. Чистяковой ¹¹.

Более общие вопросы, связанные с организацией высшего гуманитарного, в том числе классического, образования в СССР и конкретно в Ленинградском (Петроградском) университете, а также историей организации кафедры классической филологии и ее функционирования в довоенное, военное и послевоенное время, рассмотрены в статье Н. В. Гришиной ¹² и в ряде статей А. М. Скворцова ¹³. Работы последнего, написанные на основе изучения архивов научных

А. С. Малковой о создании электронного архива О. М. Фрейденберг / бесед. Елена Пенская // Русский журнал. 2008. 25 дек. URL: <http://www.russ.ru/pole/Ot-sunduka-k-seti> (дата обращения: 15.06.2018, в настоящее время ресурс недоступен); Брагинская Н. В. Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе: препринт WP6/2009/05. М.: ГУ ВШЕ, 2009. 40 с.; Ее же. Дух записок: реплика Н. В. Брагинской по поводу интеллектуального наследия О. М. Фрейденберг и книги П. А. Дружинина «Идеология и филология» // Гефтер. 2013. 16 авг. URL: <http://gefeter.ru/archive/9736> (дата обращения: 17.09.2025); Braginskaja N. V., Kostenko N. Ju. Archives et destin d'un chercheur en U.R.S.S. Ol'ga Mixaiajlovna Frejdenberg (1890—1955) // Revue des études slaves. 2014. Т. 85, Fasc. 1. P. 109—129; Braginskaya N. V. Olga Freidenberg: a Creative Mind Incarcerated // Women Classical Scholars: Unsealing the Fountain from the Renaissance to Jacqueline de Romilly. New York: Oxford University Press, 2016. P. 286—312; Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 11—38; Ее же. Образ и наследие Фрейденберг // Польша — Россия: поиски новой идентичности: сходства и различия. Варшава: Wydział «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2017. С. 365—383; Ее же. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 9—20; Ее же. О связи основных идей О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 71—97; Ее же. Показ, каталог, сравнение, экфраза: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: IKRiBL im. F. Karpińskiego, 2018. С. 13—27; Ее же. Друзья, университет, учителя, коллеги, наука, жизнь в общем в письмах Ольги Михайловны Фрейденберг // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 159—171. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9994/10890> (дата обращения: 17.09.2025); Ее же. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. I—XXIV.

¹¹ Галеркина Б. Л., Чистякова Н. А. К истории советской классической филологии: (О. М. Фрейденберг, 1890—1955) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1990. Вып. 4 (№ 23). С. 67—73.

¹² Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860—1920-е гг. // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 122—145.

¹³ Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса // Philologia Classica. 2020. Т. 15. № 2. С. 394—341; Его же. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // Там же. 2022. Т. 17, № 1. С. 159—172; Его же. Кадры решают все? Подготовка кадров по античной истории в 1920—1930-е годы // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР. М.: ИВИ, 2022. С. 7—55; Его же. «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии

и учебных учреждений Ленинграда (Петрограда), дают много материала о положении дел в советском антиковедении, включая классическую филологию.

Трагическая история ЛГУ в период идеологических кампаний рассмотрена в документальном исследовании П. А. Дружинина¹⁴, а также в статьях Б. Ф. Егорова и К. М. Азадовского¹⁵.

Ряд работ посвящен значимым для Фрейденберг коллегам: С. А. Жебелеву — центральной фигуре советского антиковедения довоенного периода и основному университетскому учителю и научному руководителю первой диссертации Фрейденберг (сложный путь ученого и его отношения с советской властью рассмотрены в работах И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова, В. А. Шишкина, В. Г. Ананьева и М. Д. Бухарина, С. Г. Карпюка и О. В. Кулешовой, М. Н. Кирилловой¹⁶); искусствоведа И. И. Иоффе (статьи Ананьева и Бухарина об участии Фрейденберг

ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942—1944) // *Philologia Classica*. 2023. Т. 18, № 1. С. 125—138; Его же. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: институциональный аспект // *Сравнительное языкознание и классическая филология — XXVII: материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского*, 26—28 июня 2023 г. СПб.: ИЛИ, 2023. Ч. 2. С. 1049—1066; Его же. Подготовка кадров по классической филологии в Петроградском/Ленинградском университете в 1920-е годы: институциональный аспект // *Philologia Classica*. 2024. Т. 19, № 2. С. 321—346.

¹⁴ Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 2 т.

¹⁵ Азадовский К. М., Егоров Б. Ф. О низкопоклонстве и космополитизме // *Звезда*. 1989. № 1. С. 157—176; Их же. «Космополиты» // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 1. С. 83—135.

¹⁶ Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева // *Древний мир и мы*. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 116—161; Тункина И. В., Фролов Э. Д. Историографические этюды С. А. Жебелева: (из неизданного научного наследия) // *Вестник древней истории*. 1993. № 2. С. 172—201; Фролов Э. Д. Сергей Александрович Жебелев // *Портреты историков. Время и судьбы: в 2 т.* М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000. Т. 2. С. 16—27; Шишкин В. А. Академик С. А. Жебелев и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.) // *Русская наука в биографических очерках*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 288—295; Ananiev V. G., Bukharin M. D. Academician S. A. Zhebelev and State Hermitage // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2018. Vol. 11. P. 43—70; Карпюк С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелев, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // *Вестник древней истории*. 2018. Т. 78, № 1. С. 88—112; Их же. Предвоенная древняя история: С. А. Жебелев и советско-германские научные связи в 1939—1941 гг. // *Там же*. 2018. Т. 78, № 2. С. 389—404; Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелев в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Ч. I. 1913—1927 // *Там же*. 2020. Т. 80, № 2. С. 497—512; Ч. II. 1927—1932 // *Там же*. 2020. Т. 80, № 3. С. 753—774; Кириллова М. Н. «Я — фактопоклонник»: С. А. Жебелев и советская наука о древности в начале 1930-х гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11, вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008205-4-1> (дата обращения: 17.09.2025).

в защите его докторской диссертации¹⁷); антиковеду *И. М. Тронскому* и его семье (статья *И. В. Тункиной*¹⁸), шекспироведу и кельтологу *А. А. Смирнову* (монографии *Б. С. Кагановича*¹⁹), историкам древности, по разным причинам не сумевшим встроиться в догмы марксистско-ленинской идеологии и оказавшимся на периферии научной жизни, *Е. Г. Кагарову*, *В. В. Струве*, *Б. Л. Богаевскому*, *М. Е. Сергиенко* (монография *С. Б. Криха*²⁰).

Об ученицах Фрейденберг, диссертациями которых она руководила, *С. В. Поляковой*²¹, *Б. Л. Галеркиной*²², *О. А. Гутан*²³, литературы не так много. Тогда как четвертой ученице, *Н. В. Вулих (Моревой)*, которая «вовремя» покинула своего учителя, сделала успешную карьеру

---

¹⁷ Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. «Давайте отложим. Ошибиться всегда успеем»: докторская одиссея Иеремии Иоффе (1935—1943) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2022. Vol. 15. P. 102—136; Их же. Докторская диссертация И. И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГА РФ) // *Исторические записки*. 2023. № 22 (140). С. 315—364.

¹⁸ Тункина И. В. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Ч. I. Корни: Троцкие — Фрейдлины — Дубновы (историко-антропологические зарисовки) // *Varietas Delectans*: сб. ст. к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 510—538; Ее же. Одесский период биографии И. М. Тронского (1897—1923) // *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. СПб.: изд-во СПбГУ, 2013. Вып. 12. С. 555—575.

¹⁹ Каганович Б. С. Александр Александрович Смирнов, 1883—1962. СПб.: Европейский Дом, 2018. 239 с.

²⁰ Крих С. Б. Другая история: «периферийная советская наука о древности». М.: Новое лит. обозрение, 2020. 312 с.

²¹ Мейлах М. Б. Памяти Софии Викторовны Поляковой // *Русская мысль*. 1994. 6 июля. С. 12; Любарский Я. Н. Софья Викторовна Полякова // *Византийский временник*. 1995. Вып. 56. С. 373—374.

²² Шейнман Е. Портрет на фоне века // *Мишпоха: международный еврейский журнал*. 1999. № 5. URL: <http://mishpoha.org/rodoslovnaya/1334-portret-na-fone-veka> (дата обращения: 15.04.2022).

²³ Гутан А. С. Правнучка Аполлона // *Колпица: литературный альманах*. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 3—18; богатая история и судьба ее семьи представлена в статьях: Науменко П. И. Судьба семьи военно-морских офицеров Гутанов в перипетиях войн, революций, эмиграции (конец XIX — середина XX в.); ... (Продолжение); ... (Окончание) // *Вестник Челябинского университета. История*. 2013. Вып. 54, № 6. С. 114—117; Вып. 55, № 12. С. 64—67; Вып. 56, № 18. С. 84—86.; Гутан А. С. Об авторе и книге // *Судьба иная / Сергей Гутан*. Л., 1990. С. 3—10; Кузнецова З. С. Академик архитектуры Александр Фёдорович Красовский (1848—1918) // *Петербургские чтения 98—99: материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003»*. СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 224—228.

и стала знаменитостью в провинции, посвящено несколько работ ²⁴, в том числе художественно-документальная повесть ²⁵, а также множество материалов в региональной прессе.

Семья Фрейденберг представлена в литературе в основном фигурой отца, *М. Ф. Фрейденберга*, изобретателя, журналиста и литератора. Приоритет его изобретений в области телефонии и кинематографа отмечен в работах историков техники И. Н. Рогинского и И. В. Соколова ²⁶, а трудная судьба изобретателя и изобретательства в России на его примере отражена в статьях сотрудников Центрального музея связи им. А. С. Попова Н. И. Лосич, Л. И. Бажитовой и Н. А. Борисовой ²⁷. Подробный очерк С. А. и А. А. Троицких рассматривает литературную и журналистскую деятельность Фрейденберга в контексте «интеллектуальной тесноты» имперской провинции, важности среды и ее влияния ²⁸.

б) О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернак

Тема значимости семьи продолжена в работах, связанных с родственным по матери Фрейденберг семейством Пастернаков и фигурой наиболее знаменитого его представителя — *Б. Л. Пастернака*. Такие исследователи биографии и творчества поэта, как, например, Е. Б. Пастернак и Л. С. Флейшман, рассматривали взаимоотношения семейств с позиции их

---

²⁴ Егорова С. Л. Феномен личной переписки в контексте биографики на примере писем профессора-антиковеда Наталии Васильевны Вулих // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 9. С. 45—57. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26766 (дата обращения: 17.09.2025); Рощевская Л. П., Кучеренко Л. П. Наталия Васильевна Вулих. Ухта: УГТУ, 2004. 37 с.; Бурлыкина М. И. Вулих Наталья Васильевна // *Ученые СГУ: биографические очерки*. Сыктывкар: СГУ, 1997. Вып. 1: Доктора наук, профессора. С. 18—19.

²⁵ Новикова Т. Т. Королева филологии: художественно-документальная повесть о профессоре Ухтинского государственного технического университета Н. В. Вулих. Ухта: УГТУ, 2010. 89, [3] с.

²⁶ Рогинский И. Н. Михаил Федорович Фрейденберг — изобретатель АТС // *Известия АН СССР. Отделение технических наук*. 1950. № 1. С. 1243—1253; Его же. Вклад русских изобретателей в развитие автоматической коммутации // *Электросвязь*. 1976. № 3. С. 55—60; Соколов И. В. Вклад русской науки и техники в изобретение кинематографа // *Известия АН СССР. Отделение технических наук*. 1952. № 4. С. 587—602; Его же. История изобретения кинематографа. М.: Искусство, 1960. 198 с.

²⁷ Лосич Н. И., Бажитова Л. И. Две стихии (о многогранном таланте М. Ф. Фрейденберга) // *Телекоммуникации: история инноваций: материалы Третьих научных чтений памяти А. С. Попова, посвященных Дню радио — празднику работников всех отраслей связи (6 мая 2010 г.)*. СПб.: ЦМС им. А. С. Попова, 2010. С. 176—183; Борисова Н. А. Автоматическая телефонная коммутация: легенды, версии, факты // *Первая миля*. 2017. № 8 (69). С. 70—75; Её же. М. Ф. Фрейденберг об изобретательстве в России и за рубежом // *Там же*. 2020. № 6 (91). С. 72—80.

²⁸ Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья: одесский след в русской культуре // *Δόξα / Докса*. 2021. № 1 (35). С. 181—215.

противопоставления, сделанного самой Фрейденберг в первой части Записок²⁹. В то время как Перлина, Б. М. Гаспаров, А. И. Шмаина-Великанова и Брагинская³⁰, напротив, отмечали их общий биографический опыт, удивительную близость в восприятии явлений культуры и «присутствие», очевидное или незримое, в жизни и творчестве друг друга.

Для понимания взаимоотношения кузенов важное значение имеет переписка, длившаяся почти всю их сознательную жизнь. Разные ее аспекты затронуты во многих названных выше работах, однако особо хотелось бы отметить статьи и диссертацию П. Л. Микуровой, в которых рассмотрена тематика переписки и ее изменение после войны, когда преобладающей становится тема творчества и его философского осмысления. В этот период, когда Пастернак начинает работу над главным своим произведением — романом «Доктор Живаго», а Фрейденберг принимает решение сформировать архив, завершить начатые работы и синтезировать научный опыт в итоговой монографии «Образ и понятие», для нее их письменный диалог становится единственным общением с равным по масштабу собеседником.

«Доктору Живаго» посвящена огромная литература. Однако в данной работе для сопоставления романа с трудом Фрейденберг по формированию архива важна прежде всего история его создания, драматической публикации, получения Пастернаком Нобелевской премии и последствий данных событий для поэта. Эта тема обстоятельно рассмотрена в монографиях Е. Б. и Е. В. Пастернаков, Л. С. Флейшмана, И. Н. Толстого, П. Финна и П. Куве³¹.

Для понимания присутствия Фрейденберг и ее среды среди персонажей романа важным являются способы использования элементов биографии автора в романе. Эти способы затронуты

---

²⁹ Флейшман Л. С. Из семейной переписки Пастернаков: [предисловие к публикации] // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде. М.: Азбуковник, 2017. С. 6—20; Пастернак Е. Б. Вступление // Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / Борис Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 3—18.

³⁰ Гаспаров Б. М. Поэтика Пастернака в культурно-историческом измерении: (Б. Л. Пастернак и О. М. Фрейденберг) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 366—384; Перлина Н. М. Избирательное сродство: вчувствование как осмысление духовной истории в творчестве Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8. С. 71—98; Шмаина-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 99—116.

³¹ Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: биография. М.: Цитадель, 1997. 726, [2] с.; Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака: документальное повествование. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. 524 с.; Флейшман Л. С. Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Азбуковник, 2013. 639 с.; Толстой И. Н. «Доктор Живаго»: новые факты и находки в Нобелевском Архиве. Прага: Human rights publ., 2010. 87, [1] с.; Финн П., Куве П. Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2015. 347, [2] с.

в приведенных выше монографиях Пастернаков, а также в статье Е. В. Пастернак³². Некоторые прототипы персонажей подробно рассмотрены в недавно вышедшей монографии К. М. Поливанова³³ и статье Шмаиной-Великановой³⁴.

в) Мемуарно-дневниковой комплекс «Пробег жизни» (Записки)

История изучения Записок (1939—1950), опубликованных лишь фрагментарно, представлена в первом параграфе третьей главы. Необходимость подробного ее рассмотрения обусловлена тем, что после публикации в 1988 году воспоминаний Фрейденберг о Марре, написанных в 1936 году и исполненных уважения и благодарности к ученому, стало формироваться диффамационное отношение ко всему мемуарному наследию Фрейденберг, что связано прежде всего с негативным восприятием фигуры создателя «нового учения о языке». При этом совершенно игнорируется факт критического восприятия Марра автором воспоминаний, что было проиллюстрировано публикатором в комментариях соответствующими выдержками из Записок.

В период с 1981 по 2013 год в изучении Записок можно выделить два основных подхода: 1) *описательно-аналитический* (предисловия к публикациям фрагментов — Пастернаки, Ю. М. Каган, Брагинская, — содержащие краткие сведения и общие оценки Записок, а также защищенная мною дипломная работа на кафедре археографии, включавшая источниковедческий анализ Записок и фрагментов их публикаций³⁵), 2) *критический* (бездоказательные диффамационные упоминания В. М. Алпатовым и реплики И. А. Левинской, связанные в основном с вопросами достоверности, и обстоятельные ответы на них Брагинской и Дружинина). Кроме того, предпринимались попытки американских исследовательниц рассматривать Записки как жанр архива (Перлина³⁶), в антропологическом аспекте (блокадные части) и как мифополитическую теорию-дневник (военные и послевоенные части, И. А. Паперно³⁷).

---

³² Пастернак Е. В. Значение автобиографического момента в романе «Доктор Живаго» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 1. С. 257—268.

³³ Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман. М: Новое лит. обозрение, 2024. 373 с.

³⁴ Шмаина-Великанова А. И. Сестра: Цветаева в творчестве Пастернака // Пастернаковский сборник: статьи и публикации. М.: РГГУ, 2011. 1. С. 345—356.

³⁵ Костенко (Глазырина) Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых на примере архива О. М. Фрейденберг: дипломная работа / Рос. гос. гуманитар. ун-т.; научный рук. А. Д. Степанский. 1994 [2009]. URL: <http://freidenberg.ru/Issledovanija/Diplom> (дата обращения: 17.09.2025).

³⁶ Перлина Н. М. Избирательное сродство // Indiana Slavic Studies. 1996. Vol. 8. С. 71—98.

³⁷ Паперно И. А. «Осада человека»: блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе // Новое литературное обозрение. 2016. № 3 (139). С. 184—204; Ее же. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день»: послевоенные записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория» //

Часть Записок, «Осада человека», была написана во время блокады, а феномену блокадного письма в последнее время уделяется много внимания в научной литературе. Среди работ, посвященных особенностям эго-документов, созданных во время блокады и о блокаде, — монография А. Пери³⁸, сборник «Блокадные нарративы» с предисловием П. Ю. Барсковой * и Р. Никологи³⁹, вступительные статьи и послесловия Барсковой *, Н. А. Ломагина, М. А. Мельниченко, А. Ю. и А. Ф. Павловских к изданным Европейским университетом в Санкт-Петербурге и центром «Прожито» сборникам блокадных дневников и дневников эвакуированных из Ленинграда⁴⁰. Особо следует отменить работы Э. ван Баскирк и А. Л. Зорина, посвященные блокадному творчеству Л. Я. Гинзбург⁴¹, с которым часто сравнивается «Осада человека». Д. А. Хорошилов анализирует блокадные тексты Фрейденберг и Гинзбург с позиции психологии личности⁴².

Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 7—28; Ее же. «Осада человека»: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 218 с.

³⁸ Peri A. The war within. Diaries from the Siege of Leningrad. Cambridge: Harvard University Press, 2017. XVIII, 337 p.: ill.

* П. Ю. Барскова 10.10.2025 включена в реестр иностранных агентов. Здесь и далее помечена *.

³⁹ Барскова П. Ю. *, Никологи Р. Разговор о том, как и зачем изучать блокадные нарративы (вместо предисловия) // Блокадные нарративы: сборник статей. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 7—19.

⁴⁰ Барскова П. Ю. * Что осветило зарево пожара: механизмы и цели блокадного дневникового письма // Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. С. 16—37; Ломагин Н. А., Мельниченко М. А. Библиотека «Прожито». Блокада // Там же. С. 7—15; Павловская А. Ю., Павловский А. Ф. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа (1941—2021) // Там же. С. 421—456; Павловская А. Н. Блокадный архив Ленинградского отделения Института истории ВКП(б): сбор воспоминаний горожан в 1942—1944 годы и влияние исторического авангардизма // Неприкосновенный запас. 2019. № 6. С. 104—118; Ломагин Н. А. Трагическое уравнение: к вопросу об эвакуации, снабжении и смертности в Ленинграде 1941—1942 гг. // Вы, наверное, из Ленинграда?: дневники эвакуированных из блокадного города. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2023. С. 14—28; Павловский А. Ф. Сценарий выживания в эпоху катастроф: о чем говорят дневники эвакуированных из блокадного Ленинграда (1941—1945) // Там же. С. 29—70.

⁴¹ Ван Баскирк Э. Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека / Лидия Гинзбург. М.: Новое изд-во, 2011. С. 506—530; Зорин А. Л. «Доделать и обеспечить сохранность» // Там же. С. 531—544; Ван Баскирк Э., Зорин А. Л. «Записки блокадного человека»: история текста // Там же. С. 545—556.

⁴² Хорошилов Д. А. Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг в поисках новой концепции личности // Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы международной научной конференции, 22—25 окт. 2019 г. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 352—353; Его же. Блокада человека: поиск психологической концепции личности в Записках Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 149—182.

2) *Концепция архива и истории О. М. Фрейденберг*

Еще одна тематическая группа работ связана с концепцией архива и истории, которой Фрейденберг в Записках обосновывает решение формировать архив. Здесь важна интерпретация этой концепции Паперно, высказанная в упомянутой выше монографии, обоснования такой интерпретации, приведенные в монографии, посвященной отражению советской эпохи в автобиографических текстах современников ⁴³, и статье о преемственности советской мемуарной традиции ⁴⁴. Моя критика доводов Паперно основана на трудах специалиста по отечественной мемуаристике А. Г. Тартаковского ⁴⁵ и исследователя массовых источников по советских истории (революции, гражданской и отечественных войн, фабрик, заводов и т. д.) Й. Хелльбека ⁴⁶. Для собственной интерпретации концепции истории и архива Фрейденберг, представленной в четвертой главе диссертационного исследования, использованы работы о важной для Фрейденберг фигуре швейцарского антиковеда Иоганна Якова Бахофена (1815—1887) в контексте судьбы ученого, восприятии его идей при жизни и их рецепции в XX веке ⁴⁷.

Иллюстрацией того, насколько Записки отличаются от иных текстов сталинского периода, служит монография И. И. Сандомирской «Блокада в слове». В числе ее героев Фрейденберг отсутствует именно потому, что ее тексты — антитеза «блокады в слове», они написаны человеком, сохранившим внутреннюю свободу и отрицающим самоцензуру ⁴⁸.

---

⁴³ Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: опыт чтения. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 317, [2] с.

⁴⁴ Паперно И. А. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (68). С. 102—127.

⁴⁵ Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35—55; Его же. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археографический центр, 1997. 356, [1] с.

⁴⁶ Хелльбек Й. Историки авангарда // Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев: (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / [сост.: К. Дроздов и др.]; отв. ред.: И. Хелльбек. М.: Германск. ист. ин-т в Москве [и др.], 2015. С. 116—132; Его же. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 416, [2] с.

⁴⁷ Ставру А. Иоганн Яков Бахофен // Религиозная жизнь. 2017. 15 дек. URL: <https://religious-life.ru/2017/12/bachofen/> (дата обращения: 17.09.2025); Беньямин В. Иоганн Яков Бахофен // Маски времени: эссе о культуре и литературе. СПб.: Symposium, 2004. С. 293—312; Klages K. Vom Kosmogonischen Eros. München: G. Müller, 1922. XI, 182 S.; Винников И. Н. Из архива Льюиса Генри Моргана... М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. VII, 262 с.; Шалаева А. В. Мифология в романтической науке: символика Фридриха Крейцера // Труды БГТУ. Серия 6: История, Философия. 2014. № 5 (169). С. 87—90.

⁴⁸ Сандомирская И. Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 425 с.

д) Архивы в современном мире

Последняя группа работ связана с архивной тематикой. В зарубежной, преимущественно американской, науке на рубеже веков разгорелись дискуссии о переосмыслении роли архивов и архивистов, когда последние стали рассматриваться не как пассивные хранители, но как субъекты архивной теории и практики, способные влиять на систему отбора, хранения и использования документов⁴⁹. Обзору этих дискуссий посвящены статьи М. В. Черкасовой, в которых на основе анализа размышлений философов и архивистов, в том числе отечественных, о проблемах отбора, сохранения и использования архивной информации автор приходит к выводу, что архивы (архивное законодательство, принципы архивирования) сохраняют историческую память общества, одновременно ее «конфискуя», то есть воздействуют на общество, формируя его прошлое, тем самым определяя настоящее и будущее⁵⁰. И хотя речь идет о государственных архивах, это применимо и к частным собраниям, когда человек, отбирая для сохранения или уничтожения свидетельства своей жизни, конструирует свой образ в глазах потомков. Такая «интенция фондообразователя» рассмотрена в статье М. Э. Маликовой об архиве известного советского и французского филолога, переводчика и историка литературы Е. Г. Эткинда (1918—1999)⁵¹.

Специфика состава документов, хранящихся в фондах личного происхождения, в том числе творческих деятелей, представленных в Архивном фонде РФ, проанализирована в работе Е. М. Буровой⁵², а вопросы формирования, сохранности и использования архивов ученых, в частности отечественных филологов и историков, — в статьях Б. Ф. Егорова, К. М. Азадовского,

---

⁴⁹ Schwartz J. M., Cook T. Archives, Records, and Power: The Making of Modern Memory // Archival Science. 2002. Vol. 2, № 1—2. P. 1—19. См. также: Cook T., Schwartz J. M. Archival Science and postmodernism: New Formulations for Old Concepts // Archival Science. 2000. Vol. 1, № 1. P. 3—24; Nesmith T. Seeing Archives: Postmodernism and the Changing Intellectual Place of Archives // The American Archivist. 2002. Vol. 65. P. 24—41; Каплан Э. «Полно путей к неполным истинам»: архивное дело, антропология и власть репрезентации // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций. СПб.: Пушкинский дом, 2018. С. 300—314 и др.

⁵⁰ Черкасова М. В. Власть архивов и власть над архивами: опыт осмысления архива в постмодернистской традиции // Культура и история в компаративном измерении: материалы I Всерос. науч.-методолог. семинара (Самара, 12 мая 2011 г.). Самара: Книга, 2012. С. 238—241. См. также: Ее же. «Канон» и «архив» в современной архивной науке США // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5, № 4 (17). С. 158—162; Жердева Ю. А., Сумбурова Е. И., Черкасова М. В. Семейный архив в цифровой среде: проблемы реконструкции // Центр и периферия. 2020. № 3. С. 70—74.

⁵¹ Маликова М. Э. Автор архива: Е. Г. Эткинд // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций. СПб.: Пушкинский дом, 2018. С. 47—54.

⁵² Бурова Е. М. Личные архивы в контексте репрезентативности архивного фонда Российской Федерации // Документ. Архив. Информационное общество: сб. материалов III-ей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, Рос. гос. гуманитарный ун-т, 28 сент. 2017 г., Пушкино, Моск. архив. центр, 29 сент. 2017 г. М.: Термика.ру, 2018. С. 406—425.

Э. ван Баскирк, М. Э. Маликовой, О. А. Коростелева, Т. Д. Кузовкиной, А. Л. Хорошкевич и И. А. Крайневой⁵³.

Феномен формирования частного архива рассматривается в статье Н. Ю. Веселовой⁵⁴ на примере двух архивов, составленных «обычными людьми». Автор выделила присущие подобного рода частным собраниям документов общие типологические черты и рассматривает феномен их создания в тесной связи с развитием мемуарного жанра, появление которого обусловлено формированием комплекса представлений о ценности частной жизни, и делает вывод, что такого рода архивы требуют комплексного исследования, включая изучение мировоззрения составителя и его мотивации, что помогло бы объяснить отбор документов и состав архива.

Научная проблема, разрешению которой посвящено настоящее исследование, состоит в определении мотивов, побудивших Фрейденберг формировать архив, преследуемых ею целей, оценке результатов усилий и значения архива для науки, общества, истории и культуры в целом. Каковы причины побудили Фрейденберг сформировать архив? Что он должен был представлять и какие документы содержать? Удалось ли Фрейденберг задуманное? Каково значение архива для его составителя и истории науки?

Рабочая гипотеза. Формирование личного архива при жизни — явление само по себе не уникальное, хотя и не слишком распространенное. При этом самому феномену личного архива уделяется мало внимания — исследователей, работающих с архивами, в первую очередь интересует содержание его документов. В тех случаях, когда целенаправленно собранные архивы все-таки рассматриваются, отмечается наличие замысла, обусловленное личностью составителя архива, и перечисляются общие типологические черты таких собраний.

Архив Фрейденберг хотя и имеет некоторое типологическое сходство с подобными архивами, существенно отличается от них и по составу и содержанию документов, и по условиям хранения и использованию, и по особенностям биографии его автора. Занимающий вторую по

---

⁵³ Егоров Б. Ф. О личном архиве. Что хранить и что уничтожить // Архив ученого-филолога. СПб.: Пушкинский дом, 2018. С. 15—18; Азадовский К. М. Архив Марка Азадовского // Там же. С. 19—32; Ван Баскирк Э. Лидия Гинзбург: человек и его архив. С. 33—46; Коростелев О. А. Архив В. Ф. Маркова как источник сведений о научной и литературной жизни русской эмиграции в США в 1940—1980-х гг. // Там же. С. 55—65; Кузовкина Т. Д. Архивы Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц: штрихи к семейному портрету // Там же. С. 66—79; Хорошкевич А. Л. Вопросы издания творческого наследия советских историков русского феодализма // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 5—27; Крайнева И. А. Персональный архив ученого как феномен исторической идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18). С. 135—142.

⁵⁴ Веселова А. Ю. Архив частного человека: проблема типологии // Архив петербургской русистики: к 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. [2009]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4> (дата обращения: 17.09.2025).

объему часть архива мемуарно-дневниковый комплекс также выходит за рамки обычных воспоминаний или дневников по своей сложной структуре, условиям создания, обильному включению документов и его значению для архива. Существующие исследования подходят к комплексу с разных позиций и не ставят себе задачи объяснить его как целое.

Специфика архива обусловлена особенностями личности и биографии Фрейденберг, представлениями об истории и архиве как способе сохранения не востребованного современниками творческого наследия и передачи его будущим поколениям ученых, которые, как она надеялась, смогут его оценить по достоинству и дадут новую жизнь ее научным идеям. Кроме того, архив должен был донести до потомков свободно высказанные свидетельства об эпохе и оставить образ не только ученого, но человека и гражданина.

Объект исследования: частный архив Фрейденберг как социокультурный феномен.

Предмет исследования: предметом диссертационного исследования являются условия формирования и эволюция представлений Фрейденберг о сохранении своего творческого наследия при невозможности открытого выражения своих научной и гражданской позиций.

Цель исследования: выявить и определить условия формирования и эволюцию представлений Фрейденберг о сохранении своего творческого наследия в обстоятельствах, когда невозможно открытое выражение гражданских взглядов и научных идей, воплотившихся в формировании личного архива, в контексте ее биографии, научных трудов и переписки с Б. Л. Пастернаком.

Задачи исследования:

- изучение биографии Фрейденберг в семейном и историческом контексте и выявление мотивов, послуживших основанием для формирования архива;
- исследования истории формирования, состава и содержания архива Фрейденберг и определения его отличий от подобных архивных собраний;
- изучение истории создания Записок, анализ структуры, содержания и определение их роли и значения для архива;
- выявление источников концепции истории и архива Фрейденберг для прояснения ее нюансов;
- анализ послевоенной переписки Фрейденберг и Пастернака;
- сопоставление архива Фрейденберг и романа Пастернака «Доктор Живаго».

Хронологические рамки исследования: последняя треть XIX — настоящее время, что определяется необходимостью выявления сведений о родителях Фрейденберг, обстоятельствах ее рождения и воспитания, ее собственной биографией, а также судьбой архива, его изучением и публикациями как собственных работ Фрейденберг, так и исследований о ней.

Источники исследования составляют две группы: *неопубликованные* и *опубликованные*.

К первой группе относятся материалы Фрейденберг и о ней, членов ее семьи, учеников и коллег, хранящихся в частных, государственных и зарубежных архивах. Это прежде всего сам архив Фрейденберг, находящийся в частном хранении в Москве, архив семьи Пастернаков в Москве, находящийся в процессе передачи в РГАЛИ (ф. 379), а также подборки материалов из частных архивов А. С. Гутана (копии и выписки) и И. М. Лившиц (оригиналы писем и копии фотографий), вошедшие в состав архива Фрейденберг в 1990—2000-е годы. Материалы Фрейденберг, связанные с ее научной и преподавательской деятельностью, а также материалы коллег и учеников, сохранились в фондах государственных архивов Москвы (РГАЛИ) и Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАЛИ СПб, ОА СПбГУ, СПбФ АРАН), материалы семьи хранятся в архиве семьи Пастернаков, РГАЛИ, ЦМС им. А. С. Попова (фонд М. Ф. Фрейденберга) ⁵⁵. Оригиналы Записок и письма к семье Л. О. Пастернака в Берлин и Мюнхен хранятся в архиве Гуверовского института (Hoover Institution Archives) в США ⁵⁶.

К опубликованным источникам относятся: изданные научные работы и фрагменты мемуаров Фрейденберг; переписка с Пастернаком, его поэзия, проза, в том числе зарубежные издания «Доктора Живаго» на русском и иных языках; эпистолярные и мемуарные свидетельства о Фрейденберг, ее коллегах и учениках, Пастернаке и истории создания и публикации романа, ЛГУ и других научных учреждений Ленинграда в 1920—1940-е годы; дневники, воспоминания и другие документы, связанные с блокадой; сборники документов научных учреждений, а также государственных и партийных органов, связанные с публикацией романа, хроники научной жизни ЛГУ в конце 1940-х годов; фрагменты произведений древнегреческих авторов, проясняющие концепцию истории и архива Фрейденберг, эпитафия и названия частей Записок.

Теоретические и методологические основания исследования. Теоретически работа опирается на современное понимание института архива, основанное на воззрениях М. Фуко, Ж. Дерриды, Я. Ассмана. Междисциплинарный характер исследования предполагает комплексный подход, включающий базовые методы архивоведения, источниковедения, истории и литературоведения. Методика работы с текстами Фрейденберг, как научными, так и автобиографическими и эпистолярными, основана на трудах Н. В. Брагинской.

---

⁵⁵ В данной работе использованы как оригиналы документов, так и их копии и выписки, сделанные в разное время М. Ю. Сорокиной и Брагинской, Гутаном, В. В. Емельяновым, С. А. Троицким и др., за что приношу им искреннюю благодарность.

⁵⁶ Я приношу искреннюю благодарность П. Е. Пастернаку, сделавшему фотокопии Записок в 2003 году, когда они еще хранились в архиве семьи Пастернаков в Оксфорде, а также архивисту Гуверовского института Л. Сороке, к которой я при необходимости обращалась за консультациями.

Для определения замысла архива Фрейденберг в целом, его эволюции и этапов реализации, а также ее представлений об истории и архиве одним из основных стал *метод реконструкции*. Для изучения Записок, датировки, истории создания, определения смысла заглавий, источников, особенностей оформления рукописи, а также переписки с Пастернаком использован *анализ содержания*. В вопросах, связанных с определением особенностей личности и условий жизни и творчества, повлиявших на решение Фрейденберг о формировании архива, а также взаимоотношений с Пастернаком и историей создания романа «Доктор Живаго» применен *биографический метод*. Для поисков феноменов, сходных с архивом Фрейденберг, и сопоставления архива и романа использован *сравнительный метод*.

Научная новизна. Впервые архив Фрейденберг введен в научный оборот и рассмотрен как единое целое, изучена история его формирования, состава и содержания документов. Впервые всесторонне исследована и реконструирована история Записок: изучена рукопись, источники текста, структура и этапы оформления, установлена роль и значение Записок для архива. Впервые в биографическом, историческом и культурологическом контексте рассмотрены и установлены цели, которые поставила перед собой Фрейденберг при формировании архива, проведено их сопоставление с работой Пастернака над романом «Доктор Живаго». Кроме того, в научный оборот введены ранее не публиковавшиеся документы из архивов Фрейденберг, семьи Пастернаков и других частных и государственных архивов и установлены новые биографические и исторические факты.

Положения, выносимые на защиту:

1. Осмысление архива в современную эпоху как формирующего прошлое, настоящее и будущее социума может быть отнесено не только к государственным архивам, но и к частным собраниям — продуктам намеренного действия. Фрейденберг формировала свой архив по образцу личного архивного фонда государственного архива, но он отличается от последнего, как и от других частных архивов, составом документов, отражающих представление его создателя об истории и своего места в ней.
2. К идее формирования архива Фрейденберг пришла, пытаясь найти способ преодоления научной и общественной изоляции. Его воплощению способствовал опыт блокады, когда ослабевшее давление академических структур дало импульс неподцензурному творчеству, а попытки эвакуации сформировали принципы «экспертизы ценности» бумаг. Уверенности в успехе начинания помогла работа по устройству архива отца и введению его имени в историю науки.
3. Анализ послевоенных научных работ и Записок позволяет выявить концепцию архива и истории Фрейденберг: историю она понимает как процесс смены поколений, которые, подобно светилам в древних космогониях, появляются и исчезают,

оставляя «славу» (память) о себе. По мысли Фрейденберг, наступит время, когда из сундука, где будет храниться архив, как из могилы, «вспомнится слава», то есть возродится и жизнь ее, и идеи. Образ истории как «рая», означающего победу над смертью — забвением, почерпнут из архаической трактовки спортивных состязаний как борьбы героя со смертью, где в качестве награды праведнику-победителю даруются вечная жизнь.

4. При реконструкции архивной «матрицы» выделено три основные группы документов: 1) опубликованные и завершённые неопубликованные научные работы (в архиве мало рукописей, нет черновиков опубликованных работ, только варианты работ, готовившихся к печати и подвергавшихся цензуре), 2) избранная переписка, прежде всего письма Пастернака и университетских учителей, 3) мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни» (Записки).
5. Исследование рукописи и содержания Записок показывает, что они являются не просто литературным произведением мемуарно-дневникового жанра, но важнейшей и неотъемлемой частью архива. Записки содержат значительное число документов и писем собственного архива и тем самым становятся документально подтвержденной научной биографией, где описана жизнь автора с раннего детства, когда закладываются основы личности, способность к рефлексии над проблемами, которым посвящены научные работы, подготовленные к изданию и помещенные в архив. Совокупно с избранной перепиской и научными работами Записки представляют всю «систему духовного наследия» Фрейденберг, которое она передает потомкам, не рассчитывая на учеников, коллег или историков науки.
6. Общий исторический и человеческий опыт сверстников и кузенов, сформировавший научные идеи Фрейденберг и художественные концепции Пастернака, отразился в их итоговом творчестве послевоенного периода, а именно в формировании Фрейденберг архива и создании Пастернаком романа. Эти два различных явления объединяет интенциональное единство: в условиях невозможности открытого выражения научных, художественных и гражданских взглядов, вытеснение в частную жизнь и уготованное забвение, им удалось «в освобожденной форме свободно высказать итоги свободных наблюдений» и забвение преодолеть, что в какой-то мере можно рассматривать и как политическое действие.

Научно-практическая значимость. Результаты настоящей работы могут быть полезны исследователям научного и литературного творчества Фрейденберг, мемуаристики, теории и практики архивного дела, истории отечественной гуманитарной науки 1920—1950-х годов и, в частности, отечественного языкознания и антиковедения, истории блокады Ленинграда

и особенностей блокадных нарративов, литературного творчества Пастернака и политической философии.

Выявленные факты, а также выводы исследования будут использованы для публикации Записок Фрейденберг, ее научных работ, писем и других материалов из ее архива.

Результаты исследования могут применяться вузами в курсах по отечественной культуре, истории, литературе, архивоведению и иным гуманитарным дисциплинам, а также при подготовке учебников, пособий и образовательных программ. Работа также может быть полезной культурологам, архивистам, историкам, литературоведам и философам.

Апробация диссертационной работы. Результаты исследования были представлены на международных конференциях и научных семинарах: XXIII Лотмановские чтения «Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории» (2015), XXV Лотмановские чтения «Писатель как читатель» (2017), XXVI Лотмановские чтения «Литература и...» (2018), Международная научная конференция «Миф, ритуал, литература» (2021), XXXI Лотмановские чтения «Литература и документ. Фольклор и документ» (2021), XXIV Мелетинские чтения «Текст и историческая реальность» (2022), XXXII Лотмановские чтения «Литература и книга» (2024), Международный ежемесячный научный семинар Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского (2020 (два доклада), 2023, 2024 (два доклада), 2025).

Результаты и выводы исследования были использованы в комментариях к публикациям фрагментов мемуаров и писем, а также научных работ Фрейденберг (Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й / публ. и коммент. Н. Костенко // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 21—37; Ее же. Происхождение литературного описания; Фрагмент / Ольга Фрейденберг; публ. и примеч. Натальи Костенко при участии Нины Брагинской // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: колл. монография. Siedlce: IKRiBL im. F. Karpińskiego. С. 28—84; Ее же. Письма, 1911—1940 гг. / публ. и коммент. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 172—204. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9995/10891>; № 4. С. 304—339. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/10258/11100>; Ее же. Письма 1926—1940 годов / публ. и коммент. Н. Ю. Костенко // Там же. 2021. Т. 4, № 2. С. 216—225. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/12619>.)

По теме диссертации опубликован несколько статей в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России объемом свыше 2,6 п. л. (три статьи и два предисловия к публикациям) и две публикации источников с комментариями ок. 1,4 п. л. Четыре статьи объемом ок. 3,8 п. л. опубликованы в других печатных и электронных изданиях.

Соответствие паспорту специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 5.10.1 «Теория и история культуры, искусства», а именно пунктам:

9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 15. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры; 16. Роль культурного и природного наследия в жизнедеятельности общества; 18. Культурно-историческая память и культурное наследие; 20. Компоненты культуры (мифология, религия, искусство, образование, просвещение, наука, мораль и др.); 37. Личность и культура. Индивидуальные ценности. Творческая индивидуальность.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы (список источников содержит 156 наименования, в том числе опубликованных — 144; исследовательской литературы — 250, справочной литературы — 13 и интернет-ресурсов — 3, список иллюстративного материала — 21. Общий объем работы — 335 страницы.

Во введении представлены актуальность, степень научной разработанности темы, состоящая из пяти тематических групп, на основе которых сформулированы научная проблема и основные исследовательские вопросы, объект, предмет, цель и задачи исследования. В данной части работы также обозначены и обоснованы основные источники, методология, новизна и значимость исследования, основные положения и апробация результатов.

В главе 1 «Биография О. М. Фрейденберг» рассматриваются две важнейшие темы в биографии Фрейденберг, повлиявшие на ее решение о формировании архива и способ его реализации. Глава включает в себя три параграфа. В первом представлена краткая биография Фрейденберг — те факты и события в ее жизни, с опорой на которые проводилось настоящее исследование. Второй посвящен исследованию темы учителя и ученика, рассмотренной в контексте роли учителя в биографии самой Фрейденберг и на примере биографий ее учениц. Третий раскрывает особенности личности Фрейденберг, характеризующейся как жизнь вне социальной группы, круга или традиции, рассмотренной в контексте семейной, конфессиональной и национальной идентичности.

Глава 2 «Архив О. М. Фрейденберг: история формирования и обзор документов» посвящена истории формирования и обзору состава и содержания архива. Глава содержит два параграфа. В первом рассмотрена история формирования архива, изъятия и пополнения за все время его существования, которая позволяют выявить первоначальный состав его документов. Во втором проанализирован состав и содержание документов архива, в том числе соотношение рукописей и машинописи, творческих и деловых материалов, входящей корреспонденции, свидетельствующих о замысле архива Фрейденберг как совокупности ее «духовного наследства».

В главе 3 «Мемуарно-дневниковый комплекс О. М. Фрейденберг «Пробег жизни» (Записки)» впервые во всех подробностях изучены Записки, занимающие важное место в структуре архива. Глава включает пять параграфов. В первом подробно анализируются публикации

фрагментов Записок и рассмотрены основные направления в их исследованиях. Во втором реконструирована история создания комплекса. В третьем выявлены и определены этапы оформления и структура рукописи Записок, отражающие не только сознательное выделение Фрейденберг определенных периодов своей жизни, но и время написания различных частей Записок. В четвертом реконструирована и проанализирована история общих заглавий Записок и предложена их возможная интерпретация, исходящая из смысла и значения всего мемуарно-дневникового комплекса в контексте архива Фрейденберг. В пятом проанализирован текст мемуарных частей Записок и определены явные и неявные источники текста, не вошедшие в состав архива и впоследствии в большинстве своем уничтоженные, которые позволяют судить о первоначальном объеме несохранившихся документов.

В главе 4 «Архив О. М. Фрейденберг как интенция» рассмотрен феномен формирования частного архива, его типологические черты, мотивы и цели составителей, приведены схожие с архивом Фрейденберг примеры. Глава включает четыре параграфа. В первом рассмотрены варианты частных архивов, проведено сравнение их с архивом Фрейденберг, выявлены сходства и различия. Во втором проанализирована концепция истории и архива Фрейденберг и выявлены ее источники, сложившиеся из тем и образов ее научных работ этих лет: работы И. Я. Бахофена и о нем, а также по греческой поэзии (Сафо, Пиндар и др.). В третьем реконструирована история архива отца, М. Ф. Фрейденберга, непризнанного при жизни изобретателя, документы которого хранились в семье более 30 лет после его смерти и в конце 1940-х были переданы в Музей связи, а имя Фрейденберга вошло в историю отечественной науки, что, помимо прочего, вдохновило его дочь на решение распорядиться собственным творческим наследием. В четвертом проанализирована послевоенная переписка с Пастернаком, на основе которой сопоставлено формирование архива Фрейденберг с созданием и публикацией «Доктора Живаго» Пастернаком в контексте их интенционального тождества.

В заключении изложены выводы об условиях возникновения и эволюции представлений Фрейденберг о сохранении своего культурного наследия и их реализации путем формирования личного архива.

ГЛАВА 1. БИОГРАФИЯ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

Документального исследования биографии Ольги Михайловны Фрейденоберг в настоящее время не проведено. Во многих предисловиях к публикуемым работам и фрагментам ее воспоминаний содержатся краткие биографические данные о ней или рассматриваются отдельные аспекты ее биографии. Монографические исследования К. М. Мосса, Н. М. Перлиной и А. Кабанов⁵⁷ дают много сведений для научной биографии Фрейденоберг в контексте советской и мировой гуманитарной науки, но, как и вышеупомянутые предисловия, основаны в значительной степени на ее собственных автобиографических записях. Н. В. Брагинская, одна из первых исследовательниц творчества Фрейденоберг, ее биографии не написала: «Когда в далекой молодости мне предлагали написать биографию Фрейденоберг (это же легко, имея ее подробные записки и архив!), я не хотела. Я была оглушена ее ушедшей жизнью, трагедиями, поведенными тайным тетрадкам, и тем еще, что я уже ничего не могу поделать, ничем не могу помочь ей, исповедующейся мне в сущности первой»⁵⁸. Это действительно очень трудная задача — составить биографию Фрейденоберг, «соперничая с ее полными могучей горечи» Записками, которые «гасят окружающий их текст»⁵⁹. В данной главе я приведу необходимую биографическую справку, не превышающую размера энциклопедической статьи, чтобы иметь возможность в дальнейшем опираться на основные события в жизни Фрейденоберг, а также остановлюсь на двух аспектах, важных для понимания ее биографии в целом и сыгравших, на мой взгляд, решающую роль в ее стремлении сформировать свой архив и определивших его смысл и значение. Первый — взаимоотношения учителя и ученика, осмысливаемые Фрейденоберг на протяжении всей жизни. Второй — совокупность черт характера, которую можно определить как независимость и отсутствие нужды принадлежать к какому-либо кругу, создавать и поддерживать свой собственный. Эти две темы я постараюсь рассмотреть, основываясь не только на Записках, но и на материалах архива Фрейденоберг, а также других архивных собраний, мемуарных и эпистолярных свидетельств.

---

⁵⁷ Moss K. M. *Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context*. [Ithaca]: Cornell University, 1984. 303 p.; Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, IN: Slavica, 2002. VII, 288 p.; Kabanov A. *Ol'ga Michajlovna Freidenberg (1890—1955): eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2002. 417 S.

⁵⁸ Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 12.

⁵⁹ Там же.

1.1. Биографическая справка

Ольга Михайловна Фрейденберг родилась в Одессе в 1890 году в семье журналиста и изобретателя Михаила Филипповича Фрейденберга (1858—1920) и сестры Л. О. Пастернака, Анны Осиповны (1860—1944). В 1901 году семья переехала в Санкт-Петербург, а в 1903-м Фрейденберг поступила в частную гимназию Е. М. Гедда, по окончании которой с серебряной медалью в 1907 году еще один год обучалась там же в дополнительном педагогическом классе. Серебряная медаль не давала Фрейденберг права на продолжение образования без экзаменов, сдавать которые было для нее мукой. Она не меняла иудейского вероисповедания, поэтому была ограничена квотой для приема в учебные заведения. Кроме того, университетское образование в те годы в России было закрыто для женщин, и она могла поступать только на Высшие женские курсы, которые казались ей суррогатом образования. После окончания гимназии она пыталась давать частные уроки, работала фальцовщицей в одной из типографий, была секретарем отца в его изданиях. В 1911 году Фрейденберг заболела туберкулезом, и врачи рекомендовали ей лечиться за границей. Она лечилась в Германии и Швейцарии, затем путешествовала по Италии, несколько раз была в Швеции. Занималась самообразованием, много читала, была любителем и знатоком театра. Первая мировая война застала ее в Швеции. С трудом вернувшись в Россию, Фрейденберг в ноябре 1914 года окончила курсы сестер милосердия и работала в двух частных лазаретах. В октябре 1917-го поступила в Петроградский университет, сначала посещая лекции и семинары разных университетских преподавателей как сторонняя слушательница, а с марта 1919 года уже как действительная студентка классического отделения историко-филологического факультета. Под руководством С. А. Жебелева (1867—1941) Фрейденберг работала над апокрифом «Деяния Павла и Феклы», из которой выросла ее будущая диссертация «Происхождение греческого романа». В 1923 г. она закончила университет и познакомилась с Н. Я. Марром (1865—1934), который горячо поддержал ее готовую работу и взялся провести ее публичное обсуждение, заменявшее после отмены степеней защиту диссертаций, в Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ). Диспут состоялся в ноябре 1924 года, но работа большинством присутствующих была воспринята резко отрицательно, что привело к своего рода бойкоту Фрейденберг ее коллегами и, как следствие, к невозможности получить работу по специальности. Несмотря на сложное финансовое положение, она продолжила учебу — посещала все семинары и лекции Марра, семинар Жебелева, много занималась самостоятельно, трудилась над монографией «Семантика сюжета и жанра» (1927—1929). Благодаря тому же Марру с конца 1925 года она стала штатным сотрудником ИЛЯЗВа, но все ее научные интересы были сосредоточены в Яфетическом институте, где, работая внештатно, т. е. без твердого заработка, в секции сюжета и мифа, она наконец получила научную среду и единомышленников,

среди которых был гебраист и египтолог И. Г. Франк-Каменецкий (1880—1837). Их объединяла не только близость научных взглядов, но и глубокая взаимная симпатия. Фрейденберг стала инициатором и автором концепции коллективного «палеонтологического» исследования сюжета Тристана и Изольды, изданного Яфетическим институтом в 1932 году ⁶⁰. В то время она уже покинула Яфетический институт и Марра — ее энергичность и самостоятельность не устраивали ни окружение Марра, которое не желало делиться местом «под солнцем» рядом с влиятельным советским чиновником, ни его самого, нуждавшегося прежде всего в слепых последователях. И Фрейденберг вернулась в образованный на основе ИЛЯЗВа Институт речевой культуры (ГИРК), где занимала разные научные и административные должности, заведовала учебной частью и даже замещала директора. Это время «наибольшего вовлечения в социальный контекст» ⁶¹ закономерно завершилось в 1932 году приглашением Фрейденберг возглавить вновь образованную кафедру классических языков и литератур в Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ, позже ЛИФЛИ, выделенный, а затем в 1937 году снова влитый в ЛГУ) после постановления ЦИК СССР о восстановлении факультетской структуры в высших учебных заведениях. Она была единственным классиком, получившим образование уже после революции и активно сотрудничавшим с Марром ⁶². Фрейденберг с воодушевлением взялась за организацию кафедры, разрабатывала учебные планы, организовывала научную работу, пригласила на работу крупных ленинградских классиков, которых знала со времени учебы, стараясь не считаться с личными отношениями. В 1935 году она защитила докторскую диссертацию «Поэтика сюжета и жанра», которая стала единственной опубликованной ею при жизни монографией ⁶³. Сразу после издания книга была подвергнута разгромной критике в центральной прессе, тираж был арестован. Пытаясь спасти книгу, Фрейденберг писала Сталину, ездила в Москву на прием к заместителю наркома просвещения Б. М. Волину ⁶⁴. Книгу удалось

---

⁶⁰ Тристан и Изольда: от героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреварии: коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / АН СССР; под ред. акад. Н. Я. Марра. Л.: АН СССР, 1932. 286, [2] с. (Труды Института языка и мышления АН СССР; 2).

⁶¹ Брагинская Н. В. *Siste, viator!:* предисл. к докладу О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках» // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 1995. С. 249; Ее же. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // *Миф и литература древности* / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. VII—VIII.

⁶² Подробнее см.: Брагинская Н. В. Послесловие ко второму изданию // *Миф и литература древности* / О. М. Фрейденберг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 1998. С. 747; Сковцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15. № 2. С. 399—401.

⁶³ Фрейденберг О. М. *Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы*. Л.: Гослитиздат, 1936. 454 с.

⁶⁴ О драматической истории книги см.: Брагинская Н. В. «...Имеют свою судьбу» // *Поэтика сюжета и жанра* / О. М. Фрейденберг. М.: Лабиринт, 1997. С. 421—433.

отстоять, но больше никаких больших работ Фрейденберг опубликовать не дали. Впоследствии ей с трудом удавалось напечатать еще несколько статей и тезисов своих выступлений на научных сессиях университета. Монография о «Композиции „Трудов и дней“ Гесиода», законченная и подготовленная к печати перед войной, так и не была опубликована.

Семья Фрейденберг не избежала репрессий. Летом 1937 года был арестован и приговорен к заключению «без права переписки» Александр Михайлович Михайлов (1884—1938), родной брат Фрейденберг. Много позже выяснилось, что он был расстрелян в начале 1938 года.

Всю войну и блокаду Фрейденберг вместе с престарелой матерью провела в Ленинграде. Несмотря на голод и холод, обстрелы и налеты, она не переставала заниматься научными исследованиями. Были написаны «Лекции теории античного фольклора» (1941—1943), «Гомеровские сравнения» (1941) и «Комическое до комедии» (1942—1944), кроме того, в 1942—1944 годах вела блокадные записи⁶⁵. Поскольку из университета она была фактически уволена как не уехавшая в эвакуацию, чтобы сохранить рабочее место и полагающуюся к нему продуктовую карточку или паек, Фрейденберг в июле — сентябре 1943 года работала в Ленинградском государственном историческом архиве над составлением сборника о культурной работе ленинградских женщин в блокаду⁶⁶. С октября 1943 по июль 1944 года Фрейденберг как профессор античной литературы читала лекции в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. В апреле 1944 года после нескольких месяцев болезни умерла мать, что для Фрейденберг стало самым тяжелым событием блокады.

В 1944 году из эвакуации стал возвращаться университет. Фрейденберг была восстановлена в прежней должности и приступила к работе на кафедре. История кафедры классической филологии в условиях послевоенной реакции — это трагическая, прежде всего для ее создателя, история постепенного ее развала, бесконечных проработок, проверок, ревизий, склок, и, как следствие, столь же бесконечных заявлений Фрейденберг об уходе, которые администрация не принимала. Тем временем в Ленинградском университете набирала обороты кампания по борьбе с космополитизмом, и осенью 1949 года вдруг было удовлетворено одно из заявлений Фрейденберг об уходе с поста заведующей кафедрой. К 1950 году травлю ученых усугубила дискуссия о «новом учении о языке». Обстановка в университете становилась все более невыносимой, и летом 1951 года, незадолго до начала учебного года, столь же внезапно Фрейденберг была отправлена на пенсию с должности профессора.

В послевоенные годы Фрейденберг написала три монографии: «Паллиата» (1945—1946), «Сафо: к происхождению греческой лирики» (1946—1947), «Образ и понятие» (1945—1954),

---

⁶⁵ Подробнее см. п. 3.2.2 настоящей работы.

⁶⁶ См. ниже п. 3.2.2, с. 171, прим. 604 и п. 4.2, с. 220, прим. 743.

привела в порядок другие работы и свой архив, занималась архивом отца-изобретателя и его передачей в Музей связи и другие хранилища, писала мемуары. Незадолго до смерти, по устному свидетельству тогдашней аспирантки, будущего археолога Е. Е. Кузминой (1931—2013), она читала в Педагогическом институте им. Герцена курс по античной мифологии. Умерла Фрейденберг 7 июля 1955 года в больнице, завещав архив и все, что имела, дочери своей гимназической учительницы кавказоведу Р. Р. Орбели (1910—1985). На похоронах присутствовали всего шесть человек, среди которых только одна ученица — О. А. Гутан (1900—1990) ⁶⁷.

Фрейденберг прожила очень яркую и трудную жизнь. Довольно поздно пришла в науку — в числе первых женщин, которым после революции было открыто университетское образование. Написала новаторскую работу о греческом романе и добилась ее защиты, что за последовавшей после революции отменой всех степеней и званий казалось невыносимым. Стала первой женщиной, заведующей кафедрой классической филологии, и первой женщиной — доктором литературоведения. Но после принудительного ухода на пенсию была почти на два десятилетия забыта, причем не только ближайшими коллегами, но и собственными учениками. При жизни ее знали немногие, она занималась довольно узкой областью в науке, но была долгие годы заведующей кафедрой в Ленинградском университете, преподавала до 1951-го — ее должны были помнить выпускники, но даже для Ю. М. Лотмана — не существовала ⁶⁸. Оставила сундук с неопубликован-

---

⁶⁷ Гутан А. С. Правнучка Аполлона // Колпица: литературный альманах. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 15.

⁶⁸ Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 14; Ее же. *De vita memoriae* // Лотмановский сборник. М.: Иц-Гарант, 1995. Т. 1. С. 701. Практически не оставили о ней воспоминаний студенты, аспиранты и коллеги, а иногда даже не могли вспомнить направление ее исследований или не подозревали в ней большого ученого (см. Брагинская Н. В. *De vita memoriae* // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. [Т. 1]. С. 701—702). См. упоминания Фрейденберг в мемуарах: Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Paris: Atheneum, 1987. С. 145—148, 203. То же. 2004; Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. С. 300, 319, 358; Любарский Я. Н. Мой Александр Зайцев // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. СПб.: Алетей, 2003. Вып. 3. С. 212; Его же. Кафедра в послевоенные годы (Περὶ ἐαυτοῦ) // *Cathedra Petropolitana*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 52—57; Гринбаум Н. С. Воспоминания (Ленинград, 1945—1948 гг.) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию победы в Великой Отечественной войне. СПб.: Наука, 2005. С. 293—300, см. также устные воспоминания Гринбаума: Брагинская Н. В. «Письма с оплаченным уведомлением» // Аристей. 2024. Т. 30. С. 287—291; Старкова К. Б. Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 202—210). Воспоминания Галеркиной (Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // *Russian Studies*. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 353—433) написаны уже после прочтения воспоминаний самой Фрейденберг и на них в значительной степени основаны, неопубликованные фрагментарные воспоминания О. А. Гутан о Фрейденберг, написанные незадолго до смерти, цитируются в ст.: Гутан А. С. Правнучка Аполлона // Колпица. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 11, 14—15, 16. Некоторые, например свидетельство знакомой А. А. Тахо-Годи, без

ванными работами, автобиографическими записками и письмами Бориса Пастернака. Но содержимым сундука долгое время не интересовались ни ученики, ни родственники ⁶⁹.

Неожиданно в конце семидесятых ее имя стало возвращаться в науку благодаря ученым московско-тартуской школы ⁷⁰, а также, что совсем удивительно, в историю литературы — благодаря опубликованной за рубежом переписке с Пастернаком, где она предстает собеседницей, равной большому поэту, нобелевскому лауреату. Стали выходить ранее не публиковавшиеся работы из ее архива. Они переводятся на многие языки, входят в программы университетов. Теоретические взгляды Фрейденберг на литературу затрагивают проблемы культуры в целом, что делает ее работы востребованными учеными в самых разных гуманитарных дисциплинах. В разных странах о различных аспектах ее метода выходят статьи, защищаются диссертации. Помимо переписки с Пастернаком, публикуются ее многочисленные письма к друзьям, родственникам, ученикам и учителям, а также фрагменты из мемуаров, полный текст которых до сих пор не издан ⁷¹.

должного комментария кажутся курьезом (Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 431, подробнее см. ниже, с. 95, прим. 355).

⁶⁹ Переписка Пастернака с его кузиной Машурой, Марией Александровной Марковой (1893—1960), дочерью сестры Р. И. Пастернак, Клары) свидетельствует, что она, очень близко общаясь с Фрейденберг в последние годы ее жизни, не была посвящена в планы по поводу судьбы рукописей. Не беспокоился об этом и сам Борис Леонидович, считая, что этим должен заняться университет и «признательные ученики и товарищи» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / сост., вступл. и прим. Е. В. и Е. Б. Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 378—379). И старшему сыну беспокоиться не велел до его смерти (Там же. С. 18; о возможных причинах такого, на первый взгляд, странного отношения к наследию сестры см. ниже: п. 4.4.4, с. 281). Приезжавшая в 1960 г. в Москву Лидия Пастернак-Слейтер интересовалась прежде всего картинами Л. О. Пастернака и письмами брата (Письмо от 19 окт. 1964 // Архив О. М. Фрейденберг, см. также ниже п. 2.1, с. 101).

⁷⁰ Подробнее см. Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 13—14.

⁷¹ Подробнее о посмертной судьбе ее работ см. Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. XXI—XXIII. Библиографию трудов О. М. Фрейденберг и о ней см.: Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг; *Personalia* и некоторые упоминания; Опубликованные библиографии трудов О. М. Фрейденберг и сведения о материалах ее архива // Там же. С. 707—740. Постоянно пополняемая библиография Фрейденберг доступна на сайте, посвященном ее наследию: <http://freidenberg.ru/Personalija> (дата обращения: 17.09.2025).

1.2. «Я рождена быть учеником и не смею быть учителем»

1.2.1. Учителя

Учителя играли огромную роль в жизни Фрейденберг еще со школьных лет. В гимназии это был учитель словесности Иван Егорович Антонов ⁷², который по словам Фрейденберг, «пробил, как огонь из кремня, страстную любовь к поэзии и литературе» ⁷³. В воспоминаниях она писала, что он был «юдофоб и мракобес», состоял членом черносотенной организации, называла его «футляром в вицмундире». Но, когда он говорил о литературе, он преображался: «Антонов был настоящий, божьей милостью, поэт. Читал ли он стихи — без всякой аффектации — или знакомил с русской литературой, из него вырывался огонь. Поэзией было все, что он читал. <...> Душа, покорствуя ему, шла туда, куда он ее вел. Я стала чувствовать все нюансы русской поэзии, была ли это тончайшая красота «Слова о полку Игореве» и «Моления Даниила», Пушкина ли стихи — эпохи сердца. Я жила уроками Антонова, я трепетала на них; протянулись нити от его души к моей, и, как всегда, в таких случаях, с обратным билетом» ⁷⁴. Фрейденберг поразила его сочинением о завещании Владимира Мономаха; он был настолько потрясен, что не мог поставить подобающей оценки. В гимназии Фрейденберг отнеслась к этому эпизоду с юмором ⁷⁵, но, описывая его в письме к Пастернаку в 1910 году, рассуждая о своих способностях к письменному слову, отнеслась к нему гораздо серьезнее, назвав временем, «когда слово меня опьяняло; когда у меня был большой подъем, и большая вера в себя и в свое слово, и когда я могла писать и упиваться написанным» ⁷⁶. Но любимый учитель был уволен и его заменила молодая и современная

---

⁷² Антонов Иван Егорович родился в 1862 году в семье чиновника, окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета со званием кандидата. Преподавал русский язык и словесность в различных учебных заведениях, в том числе с 1900 года в гимназии Е. М. Гедда и с 1902-го во Второй Санкт-Петербургской гимназии.

⁷³ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 1—2 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 4. [Л. 40 об.] (Далее — Фрейденберг О. М. Тетр...). Листы в Гуверовском архиве не пронумерованы, поэтому в данной работе я использую нумерацию тетрадей из «Электронного архива Ольги Михайловны Фрейденберг (1890—1955)» (<http://freidenberg.ru/docs/literaturnyeproizvedeniya/zapiski> (дата обращения: 15.10.2025)). Шифры хранения отдельных тетрадей см. в «Списке источников и литературы» настоящей работы (№ 12). Цитаты из Записок и других текстов Фрейденберг приводятся преимущественно в авторской орфографии и пунктуации.

⁷⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 40 об.—41.

⁷⁵ В письме к Е. С. Лившиц (весна 1905) Фрейденберг, шутливо описывала подарки к Пасхе своим гимназическим учителям и предлагала подарить Антонову «удобоподвижную руку, а то теперешние его руки так неуклюжи, что он, при всем своем старании, никак не может разогнать их и поставить цифру 5^{xxx}, которая, как ты знаешь, очень пресловута и чтобы начертить ее, нужно иметь легкие, эластичные руки» (Архив О. М. Фрейденберг).

⁷⁶ Письмо от 30 июля 1910 г. (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 52).

дама — Ольга Владимировна Никольская (в замужестве Орбели) ⁷⁷. Это стало одним из первых серьезных потрясений в социальной жизни Фрейденберг, и, как это часто бывает в подобных случаях, она возненавидела новую преподавательницу и не прощала ей своей разлуки с первым и любимым учителем — не слушала, высмеивала и не принимала. В середине выпускного класса разразился скандал. Начальница гимназии перед всем классом обвинила Фрейденберг в «террористических замыслах против гимназии, благонравия, против учителей и начальства» ⁷⁸. Публичное унижение и невозможность возражать стали тяжелым ударом для Фрейденберг. Она хотела покинуть гимназию, однако по настоянию отца не только осталась, но продолжила учебу уже в педагогическом классе. Бунтарство ушло, и, прислушиваясь к урокам Никольской, она поняла, что глубоко ошибалась по отношению к ней. Никольская почувствовала этот перелом, и они стали друзьями на всю жизнь ⁷⁹, причем Фрейденберг всегда сохраняла дистанцию ученицы, что видно по сохранившимся письмам — это своеобразные отчеты о полученных знаниях и опыте, а в последнем письме, написанном за два года до собственной смерти, подвела свой научный и жизненный итог ⁸⁰.

Окончив гимназию, Фрейденберг не смогла поступить на Высшие женские курсы из-за серебряной медали и процентной нормы для евреев, но, походив на лекции вместе с принятыми подругами, решила, что существовавшее тогда в России «женское» высшее образование

---

⁷⁷ О. В. Никольская — дочь Владимира Васильевича Никольского (1837—1883), профессора Петербургской духовной академии, преподавателя Александровского лицея. Брат ее, Борис Владимирович (1875—1919), — поэт, литературный критик, историк римского права (впоследствии профессор Петербургского и Юрьевского университетов). Никольская окончила Смольный институт в 1895 году (63-й выпуск), прошла педагогический класс при Императорском воспитательном обществе, окончила историко-филологическое отделение Бестужевских курсов с отличием. Преподавала русский язык и литературу в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга: гимназии и реальном училище Видемана, гимназиях Е. М. Гедда, Демидовской, Александровского и Смольного институтов, гимназии кн. А. А. Оболенской (1912—1918). В 1918 году уехала вместе с мужем, Р. А. Орбели, в Тамбов, по возвращении в Петроград продолжила преподавательскую деятельность в школе, а также в других образовательных и просветительских учреждениях города. См. о ней также воспоминания Нины Гаген-Торн, у которой она преподавала: Гаген-Торн Н. И. *Memoria*. М.: Возвращение, 1994. С. 9—13.

⁷⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 46 об.

⁷⁹ Там же. Л. 52 об.—53 об.

⁸⁰ См. Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 140—145, 148—152; Ее же. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] / публ. и коммент. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 185—197, 202—203. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9995/10891> (дата обращения: 17.09.2025).

не для нее⁸¹. Она несколько лет искала свое место в жизни: работала секретарем отца в его изданиях, живо интересовалась современной литературой и театром, путешествовала, изучала языки⁸². В начале Первой мировой войны она еще была в Швеции, а, вернувшись на родину, той же осенью окончила курсы сестер милосердия⁸³. Однако занималась в основном культурным просветительством раненых: читала им книги, ходила с ними в церковь и театры, помогала в устройстве их дел⁸⁴. Здесь в ее жизни случился первый и серьезный мировоззренческий кризис. В жестоких мучениях умер от столбняка близкий для нее человек, прапорщик Иван Иванович Димитриев, а администрация госпиталя не пустила ее с ним проститься. Много позже она написала: «Я ненавидела страдание. За изогнутый позвоночник человеческого тела я возненавидела жизнь и отказалась от бога»⁸⁵. Фрейденберг погрузилась в сестринскую работу: «Во мне появилась свойственная моей душе одержимость, неугасимое горение, самоотречение. Я ничего не видела и не слышала. Я могла пробить лбом стену»⁸⁶. Она посещает самые безнадежные больницы, поднимает самых безнадежных раненых, утешает умирающих, отстаивает права раненых солдат в самых высоких инстанциях⁸⁷. После революции, когда университет открыл двери для женщин, Фрейденберг, «разбитая бурями пережитого», тоже подала прошение, считая, что идет «в монастырь, на консервацию»⁸⁸.

---

⁸¹ «Я абсолютно ничего не понимала в науке и ничего, кроме образования, от нее не хотела; однако, что-то подсказывало мне, что все, что я слушала, было вторым сортом. Женские курсы чем-то грешили, в чем — я не могла отдать себе отчета. Частные курсы отдавали пошлятиной: барышни аплодировали, профессора кривлялись, Зелинский плакал чересчур наглядно» (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 54 об.—115).

⁸² См. письма Фрейденберг М. С. и Е. С. Лившицам и Тетр. 1—2. Третья глава (Архив О. М. Фрейденберг).

⁸³ В архиве сохранилось удостоверение Лазарета № 160 «кружка Е. М. Гедды», где она состояла сестрой-волонтеркой (т. е. не состоящей в общине, добровольцей) со времени его возникновения в октябре 1914 года, позже она также работала в Городском лазарете Ончуковых № 100, располагавшемся непосредственно в доме, где жила Фрейденберг.

⁸⁴ Об этом периоде жизни Фрейденберг подробнее см.: Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2: Война. Л. 115 об.—144; Ее же. Письма М. С. Лившицу // Архив О. М. Фрейденберг, в том числе опубликованные: Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 147; Ее же. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й / публ. и коммент. Н. Костенко // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 21—37, а также: Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 11—14; Костенко Н. Ю. Записки Ольги Фрейденберг и «Охранная грамота» Бориса Пастернака: диалог автобиографий // «Премудрость построила себе дом...»: Anne Ильиничне Шмаиной-Великановой. М.: МЦНМО, 2025. С. 208—214.

⁸⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 127.

⁸⁶ Там же. Л. 128.

⁸⁷ Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг. С. 146—147.

⁸⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 144.

Сложный путь своего образования Фрейденберг подробно описывала в письмах-отчетах к Никольской (Орбели) и своей гимназической подруге Елене Семеновне Лившиц (1891—1972), а позже — в воспоминаниях⁸⁹. Сначала это были просто публичные курсы лекций, которые она в качестве сторонней слушательницы⁹⁰ посещала вместе с друзьями. Затем, в марте 1918 г., подала прошение о зачислении вольнослушательницей на историко-филологический факультет университета. Она знала испанский язык и любила старинную испанскую литературу, читая ее в оригинале, посещала спектакли Старинного театра⁹¹ и пришла в университет, намереваясь заниматься именно ею, но не нашла взаимопонимания с Д. К. Петровым (1872—1925), историком романской литературы и основателем русской научной испанистики, считая его курсы банальными⁹².

---

⁸⁹ Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 140—145, 148—152; Ее же. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 185—197, 202—203; Ее же. Университетские годы / публ. и коммент. Н. В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 145—156; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698.

⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698. Л. 6. Статус стороннего (постороннего) слушателя в дореволюционной России могли иметь лица, состоящие на государственной службе или имеющие общественное положение или занятие, окончившие при этом среднее учебное заведение и подавшие соответствующее прошение (Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов: [утверждены 16 мая 1885 г. министром народного просвещения]. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1885. С. 25—30). Это примерно то же самое, что и вольный слушатель, с той только разницей, что сторонний слушатель не обязательно проходил весь курс обучения и мог посещать только определенные предметы (например, изучать восточные языки и историю, необходимые сотрудникам соответствующих дипломатических ведомств). До марта 1918 г. Фрейденберг продолжала выполнять обязанности сестры милосердия и, возможно, просто посещала отдельные лекции, не учась планомерно. Прошение о зачислении вольнослушательницей на историко-филологический факультет она написала 1 марта 1918 г., накануне выхода России из мировой войны, считая себя «освобожденной от исполнения своих гражданских обязанностей» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698. Л. 3).

⁹¹ Старинный театр — историко-реконструктивная театральная студия, возникшая в Петербурге по инициативе Н. Н. Евреинова и просуществовавшая два сезона: 1907/1908 — западноевропейский театр Средневековья и 1911/1912 — испанский театр эпохи Возрождения, XVI—XVII вв. (Старк Э. Старинный театр. Петроград: Третья стража. 1922. 72 с.). Фрейденберг упоминает посещение Старинного театра, изучение испанского и чтение Сервантеса в письмах к М. С. Лившицу — [осень 1911], [17.12.1911], [28.02.1912] (Архив О. М. Фрейденберг).

⁹² В письме к О. В. Орбели она, упоминая о его курсе о драме XVI—XVII вв. и семинарий по Шекспиру, называет Петрова «примитивным и лишенным дарования» (Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 144), а в воспоминаниях называет еще одну причину нежелания у него заниматься: «Петров был женоненавистник и так „отшил“ меня, что я не стала заниматься испанской литературой, из-за которой и пришла в университет» (Фрейденберг О. М. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 148). В воспоминаниях об учебе в университете довольно часто упоминается «женоненавистничество», а иногда и юдофобия профессоров, не привыкших видеть среди своих студентов женщин, да еще и евреек, но в большинстве случаев Фрейденберг довольно успешно преодолевала этот барьер, становясь для них любимой ученицей.

Фрейденберг слушает философов А. И. Введенского, Н. О. Лосского, И. И. Лапшина, литературоведов С. А. Венгерова, А. А. Шахматова, востоковедов В. В. Бартольда, Б. А. Тураева, И. Ю. Крачковского. Древней русской литературой она занимается у А. К. Бороздина (1863—1918), ересиолога и историка литературы, изучавшего русские религиозные течения, в том числе протопопа Аввакума⁹³. «Чудаковатый, злой профессор» поначалу вызывает у нее смех, но вскоре она с воодушевлением начала заниматься в его домашней библиотеке, пишет доклады и становится любимой и благодарной ученицей⁹⁴. По мнению Фрейденберг, это был первый университетский преподаватель, учивший ее научно-исследовательской работе⁹⁵. Она пишет об этом и в письме к Орбели в октябре 1918 года и много позже в воспоминаниях: «Сколько он мне дал за эти несколько месяцев — я вижу не только по итогам работы, но потому, как я оказалась подготовленной к любому курсу литературы: куда ни придешь, всюду чувствуешь твердый фундамент, на котором стоишь. Этот фундамент — научный подход к литературе, историко-литературный метод и знакомство с историей научной мысли и научных методов. Бороздин дал — пусть схематически — путеводитель по науке; и для меня, ученицы-первокурсницы, страшно важно и ценно, что есть рука, ведущая меня».

После смерти Бороздина в октябре 1918 года Фрейденберг решила уйти из семинария С. А. Венгерова как от «литературных дел мастера»⁹⁶.

---

⁹³ Подробнее о занятиях у Бороздина см.: Фрейденберг О. М. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 149—150, Ее же. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 140—142). В архиве Фрейденберг сохранился доклад, сделанный в семинарии Бороздина, — «Женитьбы Добрыни Никитича» с надписью «Первый мой студенческий доклад. Прочитан в семинарии по народной словесности проф. Алекс. Корнил. Бороздина весной 1918 года».

⁹⁴ Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг. С. 149—150.

⁹⁵ «Все остальные профессора представляли собой либо лекторов, либо школьных преподавателей. Бороздин учил в своих семинарах осмысленно, системно. <...> Он дал мне былинку, и я должна была по различным изданиям установить основной текст, датировку, осмысление. Для второй задачи я получила исследования Жданова и Веселовского, и должна была разобраться в их научной методологии. <...> Мой первый доклад очень ему понравился. Но второй — это было событие в моей жизни! Вопреки зависти товарищей, Бороздин дал необыкновенно высокую оценку моей первой методологической работе. <...> С тех пор навеки вкус к методологии, и технический путь к ней, и понимание ее великого значения были мне привиты и научно ассимилировались мною. Выйдя из школы Бороздина, я коренным образом отличалась от классиков, воспитанных на эмпиризме» (Там же. С. 149—150).

⁹⁶ В 1918/1919 г. Венгеров вел просеминарии «Пушкин и его время» и «Мир Достоевского»: «Когда я представляла себе Венгерова и его аудиторию, его дополнительные темы „О садизме Достоевского“ и „О любви к скандалу у Достоевского“ — эти три года, три!! — стали казаться мне кошмаром, попиранием творческой души Достоевского, просто распинанием его, — и участие в этом должна была принять и я, из соображений „прямого пути к цели“» (Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 141).

Потеря учителя и научного руководства в еще малознакомом университетском мире привела Фрейденберг к решению покинуть университет: «Университетское безлюдье, неумелое ремесленничество или недобросовестность даровитых людей особенно теперь уразумелись мною, и хотелось сделать резкий жест искренности и уйти из ун[иверсите]та»⁹⁷. Но оставался еще греческий язык, которым она, как все студенты-филологи ее курса, начала заниматься весной 1918 года у профессора И. И. Толстого⁹⁸. Он настолько вдохновенно вел занятия, что Фрейденберг не только увлеклась изучением греческого языка, но и влюбилась в преподавателя. Будущая знаменитая пианистка Мария Юдина писала: «Это было некое буйство познания... То был в скорлупе урока, лекции — Дифирамб. И на этих занятиях так нас было мало; сидела на них в упор глядя на Ивана Ивановича громадными хрустально-дымчатыми очами, гениальная женщина Ольга Михайловна Фрейденберг, сама — миф, сама — сивилла, сама — философ, двоюродная сестра Пастернака, умершая задолго до него, неузнанная...»⁹⁹

Фрейденберг осталась в университете, объясняя это тем, что Толстой все также продолжал преподавать, а она продолжала у него учиться, развернув свои научные интересы в сторону грецистики¹⁰⁰, что и обусловило начало ее занятий и у одного из двух крупных классиков, оставшихся на тот момент в России, Сергея Александровича Жебелева.

Как вспоминала Фрейденберг, в послереволюционное время на классическом отделении университета было две школы: «[Ф. Ф.] Зелинского¹⁰¹ — „интересная“, „идейная“, с „эллинской

---

⁹⁷ Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 141

⁹⁸ Толстой Иван Иванович — филолог-классик, академик АН СССР (1946). Подробнее о нем см.: Фрейденберг О. М. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 149—154; Ее же. Три письма Ольги Фрейденберг. С. 141—142; о преподавательской деятельности Толстого см.: Поникаровская М. В. Иван Иванович Толстой (1880—1954) как преподаватель (по воспоминаниям учеников) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Том 14, вып. 2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024920-1-1/> (дата обращения: 17.09.2025).

⁹⁹ Мария Вениаминовна Юдина: Статьи. Воспоминания. Материалы / [сост. подгот. текста и примеч. А. М. Кузнецова; общ. ред. С. В. Аксюка; предисл. Г. М. Когана]. М.: Сов. композитор, 1978. С. 220.

¹⁰⁰ «Толстой положительно спас меня, в самом буквальном смысле этого слова, тем только, что в критические дни моей жизни он так же писал слова на доске и так же вскрывал их дух, как и до этого по пятницам. И „выпасть“ не смела и я, ибо вне меня находилось нечто объективное и живое, рожденное и мною, и бросить которое я не могла» (Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг. С. 141).

¹⁰¹ Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) — российский и польский филолог-классик, переводчик древнегреческой литературы, популяризатор античности, профессор Петербургского, а с 1918 года — Варшавского университета. В 1922 г. эмигрировал в Польшу. Подробнее о нем см.: Гаврилов А. К. Зелинский Фаддей Францевич // Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. 1. С. 274—291; Аксер Е. Тадеуш Зелинский среди чужих // Древний мир и мы. СПб.: Bibliotheca classica

красотой“ и „вчувствованьем“, сильно опошленная модернизатором Зелинским, но очень „интеллигентная“ и „поэтическая“; и вторая — Жебелева, сухая фактология, строгая, серьезная, „без мыслей“. <...> Так как Зелинского я не выносила, то меня отбросило к Жебелеву»¹⁰². Жебелев причислял себя к школе «фактопоклонников», основной задачей которых, по его мнению, было критическое изучение литературных, документальных, вещественных источников и установление на основе этого конкретных фактов, поскольку «в установлении фактов заложены фундамент, цель и назначение научного знания — узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию»¹⁰³.

Petropolitana: Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 4. С. 12—22; Альбрехт М. фон. Наводя мосты между культурами и народами: филолог Ф. Ф. Зелинский // Там же. С. 24—31. Гаврилов А. К. Фаддей Францевич Зелинский в контексте русской культуры // Там же. С. 32—45; Зелинский Ф. Ф. Автобиография / пер. с нем. А. И. Рубана; коммент. А. И. Рубана при участии В. В. Зельченко // Там же. С. 46—197.

¹⁰² Фрейденберг О. М. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 152. «Не выносила» Зелинского Фрейденберг, вероятно, еще со времен посещения его лекций на женских курсах (см. выше с. 34, прим. 81). Однако впоследствии она пересмотрела свое отношение к нему, высоко оценивая как «большого и тонкого знатока классических языков и культур» (Фрейденберг О. М. Кафедра классической филологии: (материалы к 120-летию университета) // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2000. С. 107, сама статья была написана Фрейденберг в 1937—1938 годах). В 1948 году в Записках выразилась еще более определенно: «Увлеченная Толстым и апокрифами Жебелева, я недооценивала все то богатство, которое еще можно было получить от Зелинского: его настоящее знание античных языков, его комментариев, его непревзойденное смакование поэзии. Сейчас-то, среди пигмеев и претенциозной бездарности (в лучшем случае — плоского ординара), я понимаю, какой фигурой был Зелинский: он знал свой предмет в совершенстве и был европейским, подлинным профессором, знатоком; он имел свое лицо, как профессор. Но тогда я была академически глупа. Мораль меня занимала! Научное мещанство претило мне!» (Фрейденберг. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 154) и описала посещение его занятия в 1919 году (Там же. С. 154—155).

¹⁰³ Жебелев С. А. Автонекролог / [публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 180. Фигура академика Жебелева с начала 1990-х гг. привлекает особое внимание историков науки, что связано в том числе с его положением в послереволюционной России: он не только избежал эмиграции, пережил революцию и Гражданскую войну, но и продолжил заниматься античной древностью и смог обеспечить преемственность русского и советского антиковедения. См., например: Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. СПб.: Алетея, 2000. Вып. 2. С. 116—161; Фролов Э. Д. Сергей Александрович Жебелев // Портреты историков. М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000. Т. 2. С. 16—27; Шишкин В. А. Академик С. А. Жебелев и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.) // Русская наука в биографических очерках / ред. Э. И. Колчинский, И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 288—295; Ananiev V. G., Bukharin M. D. Academician S. A. Zhebelev and State Hermitage // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2018. Vol. 11. P. 43—70; Карпюк С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелев, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 88—112; Их же. Предвоенная древняя история:

На русском отделении она продолжила заниматься древней русской литературой у Владимира Владимировича Буша (1888—1934) — литературоведа, фольклориста, краеведа, библиографа и сотрудника Книжной палаты ¹⁰⁴.

Влюбленность в Толстого вскоре сменилась разочарованием, и осенью 1919 года Фрейденберг снова пытается уйти, но уже не из университета — он стал слишком важен для нее ¹⁰⁵, —

С. А. Жебелев и советско-германские научные связи в 1939—1941 гг. // Там же. 2018. Т. 78, № 2. С. 389—404; Аняньев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелев в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Ч. I. 1913—1927 // Там же. 2020. Т. 80, № 2. С. 497—512; Ч. II. 1927—1932 // Там же. 2020. Т. 80, № 3. С. 753—774; подробнее о фактопоклонниках см. Кириллова М. Н. «Я — фактопоклонник»: С. А. Жебелев и советская наука о древности в начале 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008205-4-1> (дата обращения: 17.09.2025).

¹⁰⁴ «Прекрасно читает курс древней литературы пр[иват]-д[оцент] Буш. Толстой и он — вот все, что есть сейчас на факультете. Но Толстой лирик, поэт, одухотворенный и „насыщенный“ человек; Буш фактичен, своеобразно сух и узок, но „человек дела“. У него все прекрасно: метод, ясный и последовательный <...> Древняя литература в замечательном порядке изучится нами; попутно с изучением фактов идет история научной мысли, так что библиография у него не душливый газ, предшествующий атаке, а естественный прием, вскрывающий смысл изучаемого. <...> Много книг приносится в аудиторию; мы просто видим их, держим, смотрим в них, и если мы прочтем в ссылке или услышим о том или ином издании, словаре — нам имена книг не будут звучать отвлеченно, и сейчас же мы вспомним физиономию, размер и — так сказать — систему книг. До начала курса шло прекрасное введение, давшее нам многое по методологии, библиологии и библиографии. Я была благодарна за все то, что услышала о книгохранилищах, собраниях рукописей, исследователях и знатоках древней литературы — за все, о чем обычно не говорят, что стоит по соседству с литературой и что знать нужно и важно. И как рефрен — обучение практическое: куда пойти, за что взяться, что делать сначала, в чем искать путеводителя по работе. Положительно, этот Буш — явление редкостное» (Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 143—144).

¹⁰⁵ Письмо И. И. Толстого к О. М. Фрейденберг от 13 октября 1919 г. (Архив О. М. Фрейденберг); Письмо О. М. Фрейденберг к Е. С. Лившиц [осень 1919] (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 183—185), к О. В. Орбели от 5 ноября 1919 г. (Там же. С. 185—189). В мемуарах Фрейденберг так вспоминала о своем разочаровании в учителе: «И вот Толстой дал мне прочесть по-русски „Тесмофориазус“. Я лежала полубольная, на диване и плакала. Идиотом мне вдруг показался мой кумир. Какое впечатление произвела на меня похабность Аристофана, да еще по-русски, с пояснениями! Я не знала ни греческой литературы, ни древней комедии, ни Аристофана! И начать таким обухом по голове!» (Тетр. 3. Л. 32), «Толстой начал говорить, что жизнь — игра, и что никогда не следует забывать в разгар страстей, что все мы — лишь актеры на жизненной сцене <...> Что значила его речь, я не поняла, но глубокая печаль залегла на моем сердце. Я была подавлена. Инстинкт подсказал мне, что Толстой пуст, что ему не следовало омрачать наше молодое сознание, — ему, профессору, — таким поверхностным и банальным пессимизмом. Он убивал душу, он оскорблял веру в жизнь походя. <...> Разумелось само собой, что Толстой даст мне на каникулы задание. Я всегда делала домашние задания по языку, по переводу греческих авторов. Я ждала на каникулы темы, занятий, разговоров, какой-то преемственности внутреннего с Толстым общения. То, что он отпустил меня „без ничего“, поразило

она постепенно покидает лекции и семинары Толстого, сосредоточив все свои занятия у Жебелева и отчасти Г. Ф. Церетели, эллиниста, папиролога и специалиста по Менандру ¹⁰⁶.

Изучение древнерусской литературы у Бороздина, впервые познакомившего Фрейденберг со славянской апокрифической литературой, а также новая книга Жебелева «Евангелия канонические и апокрифические» ¹⁰⁷ побудили продолжить занятия интересовавшей ее темой в семинаре Жебелева ¹⁰⁸. Осенью 1919 года там читали апокрифические деяния апостола Павла, и книга с апокрифами осталась у Фрейденберг во время ее долгой болезни. «Я, от нечего делать, вчитывалась в этот текст. Он пленял меня. Еще бы! Деяния начинались с того, как Фекла замороженно внемлет своему учителю, Павлу. Апокриф говорил мне. Я ощущала его любовный, языческий аромат, его художественность. Бороздин, Жебелев, Толстой, Буш. Мои учителя, мой весь марш-

---

меня прямо в сердце. И снова инстинкт любви веще предсказал мне, что все кончено. Что все? Я ничего не требовала. Мне казалось, так может пройти вся жизнь. Но уже ощущалось, что сюжеты имеют окончания. Что-то должно было воспоследовать. Но наступил эпилог любви в самой убийственной форме „ничего“. Относясь к жизни со страстью, я не знала ничего страшней для себя» (Тетр. 3. Л. 41—42). Брагинская предполагает, что событие этого романа происходили в основном в голове Фрейденберг, а внешние проявления сводились только к добыванию продуктов и лекарств для заболевшего преподавателя и в иступленном и страстном учении (Брагинская Н. В. Филологический роман: предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. № 3. С. 142). Это подтверждает и недоуменное письмо Толстого (13 октября 1919 г. Архив О. М. Фрейденберг), написанное, по-видимому, в ответ на несохранившееся письмо Фрейденберг об уходе из университета. Но неразделенный, пусть и «филологический», роман, несмотря на конкретную дату его окончания («30 июля — экскурсия на острова и конец» ([Датированный конспект отношений с И. И. Толстым: июнь 1918 — июль 1919]. Записная книжка № 1 (Там же); Тетр. 3. Л. 40 об.—42 об.) не отпускал Фрейденберг в течение почти всей жизни. Она долго и тяжело переносила разочарование в своем кумире, ревниво и мучительно переживала встречу с невестой Толстого, С. В. Меликовой, весной 1920 г., его женитьбу, рождение ребенка, семейную жизнь, его отзыв о своей диссертации и поведение на защите, а позже работу Толстого и его жены на своей кафедре, ее смерть, на которую откликается горячим сочувствием к вдовцу, а затем снова испытывает страшное разочарование в человеческих и научных качествах Толстого после его возвращения из эвакуации, избрания академиком и всяческого «почивания на лаврах», что выражается в несоответствии чрезмерно злого и карикатурного изображения его в мемуарах о своей научной юности с восторженным описанием его занятий, посвященных ему стихов и своих чувств к нему.

¹⁰⁶ Обучение у Г. Ф. Церетели, которое Фрейденберг с большим воодушевлением описывает в письме к О. В. Орбели 5 ноября 1919 г., продлилось недолго — 23 ноября этого же года Церетели был арестован и освобожден только в мае следующего года, а осенью переезжает в Грузию, воспользовавшись предложением новоучрежденного Тифлисского университета (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 185—189. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9995/10891>).

¹⁰⁷ Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические: [общий очерк]. Петроград: Огни, 1919. [6], 123, [3] с.

¹⁰⁸ Фрейденберг О. М. Происхождение греческого романа: предисловие. 1924. Л. 201 (Архив О. М. Фрейденберг).

нут ума и сердца. Все привело меня к Фекле и поставило у ее окна»¹⁰⁹. Потом была голодная и холодная зима 1919/1920 года. Университет был почти закрыт. Фрейденберг осталась без научного руководства и работала самостоятельно, занимаясь греческим текстом о Фекле на славянской почве «с громадными, по неопытности, задачами — с установлением источников, генеалогией славянских текстов, анализом легенды etc.»¹¹⁰. Это по достоинству сумел оценить Жебелев, когда весной 1920 г. она представила ему и Бушу свои исследования: «Жебелев, сам прошедший кошмарную зиму, сказал, что получил такую радость, которая заставила его забыть все невзгоды и жить полной жизнью. Был высокий и патетический момент, когда он утешал меня и указывал на высшее счастье, которым отныне я должна быть счастлива. Все неудачи мои, сказал он, залог моего успеха; то, что я была одна и без чьей-либо помощи, должно дать мне удовлетворение, потому что я прошла сложный путь самостоятельно и вынесла больше, чем пятилетнее университетское ученье. Этот холодный и сдержанный человек раскрылся; моя душа радостно отдалась ему, и мы оба были взволнованы и очень искренни. Его два-три указания сразу ввели меня в русло, отмели все лишнее, разрешили все сомнения»¹¹¹. Но кратковременный успех снова сменился неудачами: для продолжения работы на славянско-русской почве нужны были рукописи, которые хранились в Синодальной библиотеке в Москве. Но, несмотря на выделенные Академией наук и университетом по представлению Буша и Жебелева деньги на командировку, поездка так и не состоялась — Синодальная библиотека в 1918 году была национализирована и передана в Исторический музей, и нужные Фрейденберг рукописи оказались недоступны¹¹². Кроме того, ее отец был смертельно болен, и сама она опасно заболела — снова туберкулез¹¹³. К тому же она снова лишилась научного руководителя — профессор Буш как бывший член Конституционно-демократической партии регулярно подвергался арестам, а в июле 1920 г. был переведен в Ташкентский университет¹¹⁴. Фрейденберг пришлось работать с греческим оригиналом апо-

---

¹⁰⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 12 об.

¹¹⁰ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 190.

¹¹¹ Там же. С. 191—192.

¹¹² Подробнее см. письмо к О. В. Орбели от 7 июня 1920 года (Там же. С. 192—193). Письмо из Отделения русского языка и словесности РАН с подписью Шахматова и «талонном к ассигновке» от 26 мая 1920 года сохранилось также в Архиве О. М. Фрейденберг.

¹¹³ Там же. С. 193. Отец Фрейденберг скончался 1 августа 1920 года.

¹¹⁴ Зюзин А. В. В. В. Буш // Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. URL: <https://old.sgu.ru/structure/philological/history/history/bush> (дата обращения: 17.09.2025); Буш Владимир Владимирович / сост. и ред. И. В. Сидорчук, Е. А. Ростовцев // Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/813-bush-vladimir-vladimirovich.html> (дата обращения: 17.09.2025); Пришвин М. М. Дневники. М.: Моск. рабочий. 1994. Кн. 2: 1918—1919. С. 8; СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 42.

крифа только под руководством Жебелева, который старался всячески ей помочь, устраивал консультации у видных специалистов ¹¹⁵, однако и здесь возникли трудности — она чувствовала памятник, но определить, что он такое, не могла: «Меня все больше и больше мучило невысказанное чувство к моему памятнику: я словно знала, что он собой представлял, но определить не умела» ¹¹⁶. Тогда Жебелев предложил делать комментарий к апокрифу, реальный, религиозный, языковой, археологический и т. п., думая, что доскональное изучение памятника поможет понять его ¹¹⁷. Фрейденберг работала в Публичной библиотеке и перечитывала горы разнообразных источников, справочников, монографий.

«И вдруг все годы, все муки, все книги взлетели в моем мозгу пламенным вихрем, и одна единственная мысль отделилась и вышла из моего нутра, как выходит давно проглоченный предмет — в неожиданно законченном виде. Эта мысль была: греческий роман. И я почувствовала глубочайшее волнение, но в еще большей степени — чувство беспрекословной истинности. В тот же день сделала доклад Жебелеву. <...> С трудом я раздобыла лапидарные доказательства своего прозрения. Из каких подвалов сознания попала ко мне эта мысль? Доклад, который я сделала Жебелеву, перевернул старика: он почувствовал дыхание науки. Боже мой, как он был счастлив, как был взволнован, какой свежей, молодой, чувствительной оказалась душа этого каменного человека! Как он хвалил меня! Какие сильные слова нашел для меня! Чисто по-русски он принялся каяться при всей аудитории, и кричал, стуча кулаком по столу:

— Я ее мучил! Я заставлял ее делать огромную, тяжелую и бесплодную работу! Но она одолевала все искусства!

С моей основной мыслью он сразу же согласился, — как для того времени это ни было спорно и маловероятно» ¹¹⁸.

---

¹¹⁵ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 196—197; Ее же. Тетр. 5. Л. 4—4 об.

¹¹⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 36. В предисловии к «Происхождению греческого романа» то же: «Методы формальной филологии, воспитавшие меня, теперь не могли мне помочь: я чувствовала диссонанс внутри самого апокрифа — и уловить его не умела. <...> Я чувствовала инстинктом все, я не умела выразить ничего» (Происхождение греческого романа: предисловие // Архив О. М. Фрейденберг. Л. 265).

¹¹⁷ Следы этой работы сохранились в первой части «Этюдов к „Деяниям Павла и Феклы“» (1919—1921) // Там же.

¹¹⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 34 об., Л. 44 об.—45 об. См. также: Костенко Н. Ю. «Греческий роман» в переписке О. М. Фрейденберг и С. А. Жебелёва // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 207—208.

Фрейденберг продолжила работать над апокрифом, определенным ею как греческий роман, и над самим жанром греческого романа. В отличие от Эрвина Роде ¹¹⁹ она рассматривала не его развитие, а генезис, и, опираясь на тщательное изучение имен двух его персонажей — Фамирида, жениха Феклы, и Фалькониллы, умершей дочери царицы Трифены, покровительницы Феклы, — пришла к выводу, что в «анамнезе» сюжетной схемы греческого романа содержится образная система сказаний, окружающих культы богов плодородия ¹²⁰. Эта часть работы для «фактопоклонника» Жебелева имела важную научную ценность, потому что оставалась в понятных ему пределах историко-литературного метода и устанавливала новые факты. Дальнейшее же исследование греческого романа не вызвало в нем понимания, так как он считал работу ворохом множества фактом, не скрепленных ни одной мыслью: «Ценные указания пр. С. А. Жебелева и здесь еще раз потребовали дополнительного пересмотра всей работы, но, на этот раз, уже окончательного и необходимого для меня самой: указания, что в моей работе нет „происхождения“, движения от начала к концу — это указание открыло мне глаза на мой метод. Я совершенно выбросила все этапы развития, тяжело мне дававшиеся из-за глухого диссонанса, еще не осознанного мною, — я теперь выбросила всю „эволюционность“, закрепила статический момент общности и закономерности, и впервые оправдала в своих глазах тот путь работы, которому я не поддавалась вначале, сама же все время единоборствуя с ним» ¹²¹.

Жебелев был категорически против того, чтобы Фрейденберг использовала эту работу в качестве диссертации. Основное препятствие он видел не столько в том, что защиты были отменены, как и все степени и звания, и он не хотел содействовать их легализации ¹²², сколько

---

¹¹⁹ Rohde E. Der Griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig: Breitkopf und Hartel, 1876. XIX, 617 S.; 2. Aufl. 1900.

¹²⁰ Подробнее о работе Фрейденберг «Происхождение греческого романа» см.: Брагинская Н. В. Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2009. 40 с.

¹²¹ См. Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 202—203. В воспоминаниях Фрейденберг приводит оценку Жебелевым уже готовой работы: «Я вполне одобряю вашу работу. Но это я, потому что я сам „фактопоклонник“, и такой был мой покойный учитель, Федор Федорович Соколов. Ваша работа переполнена материалом, фактов чересчур много, они еще не утрамбованы. Но, все же, беда у вас одна: фактов много, но ни одной мысли! Повторяю, я-то умею это ценить, и сам таков. Но надо было провести сквозь работу хоть одну мысль!» (Тетр. 4. Л. 54).

¹²² Защиты, как и сами диссертации, были отменены в прежнем виде, а Жебелев в ответ на просьбу помочь Фрейденберг с обнародованием ее работы, согласно ее воспоминаниям, предлагал ей «бросать бомбы», и она это относил к его скверному характеру, но дело было сложнее. Аналог будущей аспирантуры или статус оставленного при кафедре в описываемое время все же существовал в виде научных сотрудников II разряда, которые не только числились в учреждениях и получали зарплату и карточки, чтобы иметь возможность работать над своими сочинениями, но проходили обучение под руководством своих научных руководителей (см. документы ИЛАЗВа в РГАЛИ).

в том, что работа казалась ему слишком масштабной для магистерской (=кандидатской) диссертации, чересчур смелой, а выводы — труднодоказуемыми и не опирающимися на научные авторитеты. Нового метода он не увидел или не посчитал его таковым, а возможно, наоборот, пугался его новизны. Если бы Фрейденберг ограничилась первыми двумя главами, в которых содержались анализ «Деяний Павла и Феклы» и квалификация этого сочинения как романа по жанру (к чему западная наука пришла только в конце XX века)¹²³, Жебелев был бы готов отвечать за такую работу, но генезис самого жанра — это было для него «слишком»¹²⁴. Однако работу Фрейденберг поддержал Н. Я. Марр, который увидел в ней близкую ему «палеонтологию» (в данном

Ф. 211. Оп. 1. Д. 320). Так, например, Р. Л. Эрлих, как и Фрейденберг, учившаяся в университете в 1917—1921 годах по еврейско-арабско-сирийскому отделению и одновременно изучавшая классическую филологию, была после окончания университета зачислена в ИЛЯЗВ как раз сотрудником II разряда и писала под руководством И. И. Толстого диссертацию «Еврейские колонии и культ Бога Всевышнего на Северном Причерноморье» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-288. Оп. 2. Д. 155. Л. 8.). Соученик по семинару у Жебелева Б. И. Коплан в это время был таким же сотрудником ИЛЯЗВа, но русистом (РГАЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 320. Л. 14—14 об.). Наиболее влиятельными классическими филологами в секции древнего и ирано-эллинистического мира ИЛЯЗВа были А. И. Малеин и Толстой (Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15. № 2. С. 398), с которыми у Жебелева, как и у Фрейденберг, отношения были сложными. Кроме того, Жебелев был противником практики создания научных институтов в составе университетов, считая, что это размывает саму идею университета (Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860—1920-е гг. // *Мир историка: историографический сборник*. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 138, прим. 56). Нежелание Жебелева организовать защиту Фрейденберг, о чем она свидетельствует в Записках, складывалось из многих обстоятельств, не все из которых, вероятно, ей были известны. Тем не менее он неоднократно делал попытки пристроить ее в ИЛЯЗВ, еще когда она была студенткой, а потом и для организации защиты, в том числе в секцию романо-германского мира, договорившись с Д. К. Петровым. В Записках Фрейденберг цитирует собственное письмо того времени, возможно, адресованное Толстому, где признается, что отказалась от выступления в ИЛЯЗВе с докладом за-за «чувства неприязни к „ученой касте“», поясняя затем, что речь идет о неприятии академических и бюрократических процедур: «Им нужно слушать доклады, следить за ходом мысли. Они не понимают, что мысль — только одно из колес телеги, что научная работа подчиняется всем законам творчества, что она — в цельности, что нельзя отрывать мясо от костей, мысль от слова и его воздействия. <...> Нет, для завершения цехового образования нужно еще всходить на кафедру, публично выступать в роли подсудимого, подвергая плод своего одушевления допросу „с пристрастием“, и балансируя с „искомым“, в зависимости от бое-способности языка! Нужно клясться за каждую фазу своего полуслеплого творчества, оправдываться, ручаться за доброкачественность товара перед почтеннейшей публикой!» (Фрейденберг О. М. Тетр. 6. Л. 46 об.). И речь здесь, возможно идет не о защите уже готовой работы, а о промежуточных стадиях обоснования возможности выйти на защиту. Так или иначе, Фрейденберг, вероятнее всего, удалось избежать именно сопутствующих защите процедур.

¹²³ Брагинская Н. В. *Мировая безвестность*. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2009. С. 9—25.

¹²⁴ Жебелев С. А. Отзыв о сочинении О. М. Фрейденберг «Происхождение греческого романа» // РГАЛИ. Ф. 211 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 358. Л. 2—3.

случае палеонтологию сюжета)¹²⁵ и организовал в ИЛЯЗВе публичный диспут, заменявший тогда процедуру защиты. Во время диспута Жебелев попытался «объяснить» публике «ошибки» диссертантки в том числе тем, что она не знакома с последним изданием Роде, тогда как самой Фрейденберг, когда она просила у него это издание, сказал, что оно стереотипное и ей не нужно¹²⁶. Фрейденберг защитила диссертацию, несмотря на «большие прения»¹²⁷, получила научную квалификацию, но подвергалась негласному бойкоту со стороны ленинградских классиков вплоть до осени 1926 года, когда немецкий авторитетный ученый Адольф Гарнак, которому она с помощью дяди, Л. О. Пастернака, оправляла резюме своей работы, полностью поддерживал ее выводы¹²⁸. Все это время она продолжала посещать семинарий Жебелева, одновременно слушая лекции Марра и сотрудничая в Яфетическом институте¹²⁹. Она не была ученицей Марра

---

¹²⁵ Диспут был организован в Секции славяно-греческого мира и Ближнего Востока, где Марр был председателем (см. Протокол заседания секции, на котором обсуждалась работа Фрейденберг (РГАЛИ. Ф.211 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 317. Л. 19—19 об.)

¹²⁶ Там же. Л. 1—6. Фрейденберг приводит этот эпизод в воспоминаниях, описывая выступление Жебелева на защите с указанием на незнакомство диссертантки со вторым (в памяти Фрейденберг третьим) изданием Роде, с которым он не дал ей ознакомиться, как основное упущение, из которого происходят «все ошибки диссертантки» (Тетр. 6. Л. 6 об.). Брагинская считает, что это была своеобразная попытка защитить ученицу (и себя соответственно) «библиографической» критикой, призванной смягчить новые и слишком смелые выводы (Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 20). Из имеющихся документов нам остается неизвестным, что именно говорил Жебелев в своем выступлении на диспуте и как отличалось его выступление от отзыва (в Протоколе заседания секции об издании Роде не упоминается (РГАЛИ. Ф. 211 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 317. Л. 19)), но, возможно, в памяти Фрейденберг произошла контаминация упоминания Жебелевым второго издания Роде в начале разбора работы в его отзыве (и выступлении?) и последовавшей затем критики метода исследования романа Фрейденберг в противоположность формально-филологическому методу Роде, который она проигнорировала, по мнению, Жебелева, совершенно напрасно: «Роде провел все свое исследование о греческом романе, оставаясь исключительно на историко-филологической базе; он прочно установил постепенное возникновение греческого романа и проследил его историю, как одного из литературных жанров» (Там же. Л. 3 об.). Так или иначе, она запомнила это именно как предательство Жебелева.

¹²⁷ «Доклад вызвал большие прения не только официальных оппонентов, перечисленных выше, но и целого ряда других сотрудников секции, а также и лиц, присутствовавших на этом открытом заседании в качестве гостей» (Там же. Л. 77; Фрейденберг, Тетр. 6, л. 6—10 об.).

¹²⁸ Фрейденберг О. М., Жебелев С. А. Письма 1926—1940 годов / публ. и коммент. Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 216—217, прим. 6. Оригинал отзыва Адольфа Гарнака, изначально вложенный в мемуары и там переведенный, ныне хранится в Архиве Пастернаков в Москве.

¹²⁹ Жебелев вел семинарий до 1927 г. Фрейденберг покинула его в октябре 1926 г., объясняя уход перегрузкой и изменением расписания по яфетидологии: «слушала университетские курсы палеонтологии речи и армяно-грузинской литературы и принимала систематическое участие в занятиях Яфетического института по секции „сюжета и мифа“» (из «Отчета о занятиях в 1925/1926 гг. научного сотрудника 1 разряда [ИЛЯЗВ] О. М. Фрейденберг» // СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 489. Л. 1 об.; Фрейденберг О. М., Жебелев С. А. Письма 1926—1940 годов. С. 216—217).

в том смысле, в котором обычно употребляют это слово. Она слышала о нем еще в семинарии Жебелева от лингвиста А. Н. Генко, ученика Марра, и пришла к нему с уже готовой работой, написанной под руководством Жебелева, но еще более самостоятельно, по рекомендации С. Л. Быховской, с которой познакомилась в Публичной библиотеке во время работы над романом¹³⁰. Пожалуй, именно увлечение личностью Марра и его яфетической теорией, а также резко отрицательно воспринятый Жебелевым замысел новой работы «Семантика сюжета и жанра», ставшей основой ее докторской диссертацией (1935) и позже опубликованной как «Поэтика сюжета и жанра» (1936), стали главным содержанием деятельности Фрейденберг в эти годы и обусловили ее уход от Жебелева. С 1924 и до начала 1930-х годов она находилась под большим впечатлением и отчасти влиянием яркого и гениального человека, получив еще и богатую научную среду — «атмосферу большой науки»¹³¹. Видя, что Фрейденберг вполне самостоятельна и не стремится записываться в число его последователей и продвигать только его идеи, Марр начал терять к ней интерес, а она не старалась его поддерживать, доказывая слепую преданность его теории¹³². Фрейденберг покинула Яфетический институт¹³³ и вернулась в ГИРК (бывший ИЛЯЗВ), в котором числилась с 1925 года¹³⁴.

¹³⁰ Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре / предисл. И. М. Дьяконова; публ. и примеч. Н. В. Брагинской // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 181—182.

¹³¹ Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 25. О Марре и его роли в научной судьбе Фрейденберг см. также: Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре. С. 181—204; Moss K. M. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. [Ithaca]: Cornell University, 1984. 303 p.; Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, IN: Slavica, 2002. VII, 288 p.; Мосс К. М. Ольга Фрейденберг и марризм // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 98—106; Velmezova E. O. M. Freidenberg: a la recherche d'une «science intégrale» // Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne: (épistémologie, philosophie, idéologie). Lausanne: Université de Lausanne, 2003. P. 265—280.

¹³² «В 1931 г. Марр потребовал от меня, чтоб я сделала лингвистом. Я попросила подумать, но потом пришла с отрицательным ответом. Марра это охладило, так как он страдал от отсутствия учеников-лингвистов» (Фрейденберг О. М. По поводу языковедческой дискуссии. Л. 2 // Архив О. М. Фрейденберг). См. также письмо Фрейденберг к Марру от 9 октября 1931 года (СПБФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 986. Л. 1—2), частично опубликованное в: Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. VII.

¹³³ См. Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН, 1921—1937 гг. и 1941—1945 гг. / сост.: А. Н. Анфертьева, Л. Б. Вольфцун. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 176, 180, 193, 232, 237, 238, 241, 242, 250).

¹³⁴ Фрейденберг была зачислена в ИЛЯЗВ после того, как написала возмущенное письмо наркому просвещения А. В. Луначарскому, оставив тщетные попытки найти работу после своей защиты, однако до начала 1930-х там практически не работала. (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 304—308. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/10258/11100> (дата обращения: 18.09.2025)).

1.2.2. Ученики

В 1932 году в ЛИФЛИ была восстановлена кафедра классической филологии и ее заведующей назначена Фрейденберг. До этого времени она была только в роли ученицы и коллеги. Теперь она организовывала учебный процесс для вновь набранных студентов-классиков¹³⁵. Здесь меня интересует судьба четырех ее учениц — студенток второго набора (1933—1937) Н. В. Моревой (по мужу Вулих), С. В. Поляковой, Б. Л. Галеркиной и О. А. Гутан, в судьбе которых Фрейденберг приняла активное участие именно как первый учитель, а три последние затем написали кандидатские диссертации под ее руководством, представляя, таким образом, школу Фрейденберг на кафедре.

Директива партийного секретаря факультета И. Я. Снитковской предписывала снижать отметки «детям служащих» — категория, в которую попадали студенты с сомнительным для советского вуза социальным статусом, — и завышать — «детям рабочих». Фрейденберг же считала, что «дети делятся на трудолюбивых и лодырей»¹³⁶, и отказывалась ее выполнять. На этой почве в 1936 году даже случился скандал: одна из студенток «пролетарского» происхождения, заслужено получившая низкие отметки по древним языкам, пожаловалась на «вылазку классового врага» и потребовала разбирательства¹³⁷. Начались многочисленные собрания, проработки и обследования, в ходе которых выдвигались обвинения против отличников и отстаивающей их права Фрейденберг. В свою очередь завкафедрой сама стала писать жалобы, в том числе в горком партии, и в итоге одержала победу. Зачинщица скандала была отчислена¹³⁸, студентки-отличницы Морева, Полякова, Галеркина, Гутан восстановлены в правах¹³⁹.

---

¹³⁵ Подробнее об организации кафедры и организации учебного процесса на ней см.: Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15. № 2. С. 394—410. Незадолго до перехода в ЛИФЛИ Фрейденберг заведовала учебной частью ГИРКа (Там же. С. 400).

¹³⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 8. Л. 83 об.

¹³⁷ Речь идет о Сарре Моисеевне Шмерлинг, студентке III курса ЛИФЛИ в 1935/36 гг. (Дружинин П. А. Идеология и филология. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 108, прим. 233; Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ. С. 403; Фрейденберг О. М. Тетр. 8. Л. 83—83 об.)

¹³⁸ Правда, через месяц она была восстановлена с объявлением строгого выговора (Скворцов. А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ. С. 403; Фрейденберг О. М. Тетр. 8, л. 85 об.). Несмотря на низкую успеваемость и скандальный характер, С. М. Шмерлинг закончила ЛИФЛИ, позже работала в Академии материальной культуры и оставалась в хороших отношениях с Фрейденберг, помогая ей в блокаду: «Это была истеричная, но полная молодости, добродушная, по-своему неглупая, с большим запасом энергии, девушка. Она с одинаковой преданностью идее могла интриговать и делать добро. Теперь она навещала меня и всячески выражала доброе расположение и уважение ко мне, а я давным-давно простила ей пережитое» (Тетр. 14. Л. 4 об.).

¹³⁹ Гутан А. С. Правнучка Аполлона // Колпица: литературный альманах. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 11.

Весной того же 1936 года они стали участницами семинара повышенного типа по изучению и переводу «Характеров» Теофраста. Семинар был объявлен Фрейденберг факультативным в том числе и по той причине, что им заинтересовались только студенты-отличники, сколько она ни приглашала «детей рабочих»¹⁴⁰. Перевод и статьи участниц были опубликованы только в 1941 году в «Ученых записках ЛГУ»¹⁴¹.

К тому времени Наталья Васильевна Морева (1915—2012) отошла от Фрейденберг, испугавшись ареста «Поэтики» и проработок ее автора и перешла к И. М. Тронскому¹⁴². Еще до войны вышла замуж и взяла фамилию мужа — Вулих. Потом вступила в партию, в 1948 году стала парторгом кафедры и в этом качестве известна как гонитель и организатор проработок и обследований кафедры классической филологии в самый разгар борьбы с космополитизмом на филологическом факультете ЛГУ.

---

¹⁴⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 50 об.—51.

¹⁴¹ Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 7 (№ 63). С. 129—175. См. также предисловие Фрейденберг к этому выпуску: с. 2.

¹⁴² Об истории издания, разгромной критики в печати, попыток спасения и последующей судьбы книги см. Брагинская Н. В. «...Имеют свою судьбу» // Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. М.: Лабиринт, 1997. С. 421—433; Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 58 об. — Тетр. 10. Л. 1—53; Старкова К. Б. Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 202—210. Фрейденберг тяжело переживала уход Моревой и ее поступки, вызванные карьерными соображениями, но не препятствовала ни переходу к другому научному руководителю, ни поступлению в аспирантуру и горячо сочувствовала личным невзгодам: «От меня отпала Наташа Морева, любимая ученица, с которой связывались мои мечты. Это была куклообразная хорошенькая девушка, любившая блеск. Она уже на I курсе делала научные доклады, самоуверенно выступала и умела «подать» себя <...>, она знала иностранные языки, была начитанна, могла научно работать. Тщетно Снитковская предупреждала меня, что Морева карьеристка и пуста: я не верила и сражалась за нее с „детьми рабочих“. Теперь Морева резко прекратила посещения моих занятий. Мало того. Считая, что я погибла, она перестала раскланиваться со мной... Одновременно ее мамаша <...> говорила моим знакомым: Фрейденберг не руководитель для Наташи. Ей нужен поднимающийся, а не упавший, профессор. „Поэтику“ я запретила ей в руки брать: эта эротическая книга не для девушек» (Тетр. 10. Л. 19 об.—20). Увидев, что Фрейденберг сохранила работу и пост, а надо идти в аспирантуру, Морева, уже перейдя к Тронскому, написала ей лстивое письмо: «„Тем, что я пытаюсь что-то писать, тем, что какие-то проблемы встают передо мной, я обязана только Вам, Вашему курсу литературы, Вашим беседам с нами, Вашим советам, Вашим книгам и статьям“ <...> Я показала письмо Тронскому, руководителю Моревой. Сказала: она фальшива, карьеристка, негодяйка, но я ни с кем не свожу личных счетов, и препятствовать ей не буду. <...> Умер Морев, отец Наташки. Я моментально все простила, написала ей горячее письмо. Она ответила... просьбой дать ей ассистентуру» (Тетр. 11. Л. 9 об.—10 об.).

Под руководством Тронского после окончания аспирантуры написала первый вариант диссертации о Катулле, который не был допущен к защите ¹⁴³. Вулих пришлось переписывать диссертацию. Защита состоялась только в мае 1946 года, в тот же день, когда свою работу защищала Галеркина ¹⁴⁴. Фрейденберг считала работу слабой и примитивно-формальной ¹⁴⁵, а саму Вулих хорошо образованной карьеристкой из «поповской и антисоветской семьи» ¹⁴⁶.

Действительно, оба ее деда были священниками. Иоанн Васильевич Морев (1860—1935) — богослов и писатель, протоиерей собора преподобного Сергия Радонежского всей артиллерии в Ленинграде, после закрытия которого в 1932 году (храм был переоборудован в здание ОГПУ) жил за городом. Другой дед, Иван Петрович Смирнов, также лишенный прихода, жил в семье Моревых, умер во время войны по дороге в эвакуацию. Для СССР семья Моревых считалась очень обеспеченной: они жили в семикомнатной квартире, имели прислугу и домашнюю учительницу для детей ¹⁴⁷. Наташа начала учебу в трудовой школе № 11, образованной на базе престижного училища Святой Анны (Анненшуле), преподавание здесь велось на немецком языке, а заканчивала обычную советскую школу, где в старших классах ей грозило отчисление за участие в спектакле по пьесе «буржуазного декадента» М. Метерлинка, к тому же еще и шедшем на французском языке. Закончить школу ей помогло вмешательство друга семьи, С. Я. Маршака ¹⁴⁸. Вероятно, она сделала выводы и больше репутационных потерь не допускала.

Партийная карьера и хорошее знание французского и немецкого языков помогли ей не только удержаться в университете после сомнительной защиты, но в дальнейшем продолжать

---

¹⁴³ Вулих Н. В. Поэзия Катулла: интерпретации и стилистические наблюдения: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. Л., 1945. 177 с. Автореферат: Л., 1946. 4 с. По свидетельству Фрейденберг, неофициальным руководителем был И. И. Толстой, он же забраковал первый вариант работы, а когда она была переделана согласно его советам уже после войны, отказался быть оппонентом (Тетр. 23. Л. 35—35 об. и далее).

¹⁴⁴ Подробнее см.: Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // *Philologia Classica*. 2022. Vol. 17, Fasc. 1. С. 159—172; Фрейденберг О. М. Тетр. 23. Л. 35—38, 45 об.—49.

¹⁴⁵ Фрейденберг разочаровалась в научных дарованиях Вулих еще во время ее учебы в аспирантуре. Предположительно о ней она писала в письме к Поляковой от 23 апреля 1940 г.: «У Natalie — mania gloriosa. „Проблемы“ принимают мировой масштаб. Она уже говорит мне о своем „одиночестве, которое, впрочем, понятно, если принять во внимание грандиозность ее задач и степень вводимой ею в науку новизны“. Мы все, в ее обрисовке, старые клячи, закорюзлые регрессисты, бревна, старый хлам. <...> Кажись, открытия выражаются, прежде всего, в каких-то конкретных результатах, в новых фактах. Но о них не слышно» (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2019. Т. 2, № 4. С. 333).

¹⁴⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 8. Л. 20.

¹⁴⁷ Новикова Т. Т. Королева филологии. Ухта: УГТУ, 2010. С. 14—21. Беллетризованное описание детства Вулих и ее семьи в этом издании выглядит больше дореволюционным, чем советским: большая богатая квартира, отдельные комнаты для детей, домашняя учительница, разговоры в семье на немецком, детские праздники и т. п.

¹⁴⁸ Там же. С. 22—24.

преподавать в ЛГУ, публиковать свои работы и читать лекции в разных вузах СССР и даже за рубежом. В 1965 году она преподавала русскую литературу в Дижонском университете, в следующем году — в Берлинском университете, посещала конференции в Констанце (Румыния) и Сульмоне (Италия). В 1966 году вместе с мужем ездила в круиз по Средиземному морю, что для ее беспартийных коллег тогда было практически невозможно ¹⁴⁹. В феврале 1978 года Вулих защитила докторскую диссертацию «Мировоззрение и художественный стиль Овидия: поэма „Метаморфозы“». Но после смерти мужа, что стало для нее тяжелым потрясением ¹⁵⁰, неожиданно переехала сначала в Сыктывкар, где преподавала в местном университете (1979—1982), затем еще дальше — в Ухту, где стала профессором кафедры иностранных языков Индустриального института.

Такое понижение статуса — уход из крупнейшего университета, переезд в провинцию и преподавание не по специальности (в Ухте, разумеется, не было кафедры классической филологии) — из-за смерти мужа, кажется, было единственным в ее жизни «некарьерным» поступком. Но чем бы этот переезд ни был вызван, в богатой полезными ископаемыми Республике Коми Вулих пользовалась большим авторитетом, руководство вузов относилось к ней с пиететом и щедро финансировало издание ее книг и зарубежные поездки в 1990-е годы. Она вела активную научную жизнь — читала лекции в разных университетах, причем не только в российских, участвовала в конференциях, была вице-президентом международного общества *Ovidianum*, была награждена его медалью за исследование творчества Овидия, изучала античные мотивы и образы в русской литературе и творчестве коми поэта И. А. Куратова ¹⁵¹. Вулих прожила 97 лет, считалась местной знаменитостью, интервью с ней неоднократно выходили в местных СМИ ¹⁵².

В 2015 году в Ухтинском государственном техническом университете столетие Вулих отметили круглым столом и установкой мемориальной доски ¹⁵³.

---

¹⁴⁹ Новикова Т. Т. Королева филологии. Ухта: УГТУ, 2010. С. 47—56.

¹⁵⁰ Г. И. Миловидова, завсектором международного абонементов Библиотеки АН СССР, вспоминала: «Я видела Наталью Васильевну после того, как она овдовела. На нее больно было смотреть: все так же элегантно одетая, только уже в одеждах темных тонов, она будто погасла изнутри, и во всем ее облике сквозила глубокая душевная скорбь. Тогда она как будто и улыбаться разучилась...» (Там же. С. 75).

¹⁵¹ Рощевская Л. П., Кучеренко Л. П. Наталия Васильевна Вулих. Ухта: УГТУ, 2004. С. 18—19. Список работ Вулих см.: с. 21—31.

¹⁵² Литература о Н. В. Вулих: Там же. С. 34—36. См. также: Егорова С. Л. Феномен личной переписки в контексте биографии на примере писем профессора-антиковеда Наталии Васильевны Вулих // *Genesis*. 2018. № 9. С. 45—57. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26766 (дата обращения: 18.09.2025).

¹⁵³ В УГТУ отметят 100 лет со дня рождения Н. В. Вулих. 07.07.15. URL: <https://www.ugtu.net/event/35462> (дата обращения: 12.07.2022); Шучалина Д. К столетию. Памяти Натальи Вулих // *Красное знамя Севера*. 2005. 12 сент. URL: <http://www.kzsrk.ru/news/7255/> (дата обращения: 12.07.2022, в настоящее время ресурс не доступен).

Примечательно, что среди своих учителей она называла И. И. Толстого, В. М. Жирмунского, В. Ф. Шишмарева, Д. С. Лихачева и др., но не упоминала Фрейденберг¹⁵⁴.

Иначе сложились судьбы учениц Фрейденберг, не покинувших ее так вовремя, как Вулих, и написавших под ее руководством диссертации.

София Викторовна Полякова (1914—1994), как и Вулих, получила хорошее образование, учась в знаменитой Петришуле (первая школа Санкт-Петербурга, после революции было переименована и имела разные номера, в том числе школа № 222), поступила в ЛИФЛИ в 1932 году сначала на отделение западной литературы, а в 1933-м перевелась на классическое отделение. Еще будучи студенткой, она выступала с серьезными докладами в семинарах Тронского, Толстого, участвовала в Марровских конференциях, печаталась в студенческом журнале «Лингвист»¹⁵⁵. В 1938 году поступила в аспирантуру в ЛГУ и преподавала там же как ассистент. В 1940-м заболела туберкулезом¹⁵⁶ и не смогла завершить обучение до войны. С 1942 по 1944 год находилась в эвакуации в Москве. Вернувшись в Ленинград, закончила аспирантуру и под руководством Фрейденберг написала диссертацию «Семантика образности античного исторического эпоса (V в. до н. э. — I в. н. э.)», которую защитила в 1945-м¹⁵⁷.

---

¹⁵⁴ Рощевская Л. П., Кучеренко Л. П. Наталия Васильевна Вулих. Ухта: УГТУ, 2004. С. 4—5. Тем не менее, когда в 1989 году, во времена перестройки, цитирование ее выступления 1948 года с критикой «глубоко ошибочных и порочных методологических установок проф. О. Фрейденберг» в статье К. М. Азадовского и Б. Ф. Егорова (О низкопоклонстве и космополитизме // Звезда. 1989. № 1. С. 164) могло бы повредить ее репутации «королевы филологии», Вулих прислала в редакцию журнала письмо, утверждая, что ей предлагалось выступить против ее учителя Тронского, чего она, разумеется, делать не стала, о Фрейденберг же тогда речи вообще не шло. Это письмо приведено во второй редакции статьи (Азадовский К. М., Егоров Б. Ф. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 1. С. 129—130, прим. 51), но, как замечают авторы, Вулих сообщает о «проработках» 1949 года, тем самым подменяя один эпизод другим.

¹⁵⁵ ОА СПбГУ. Ф. 1. Св. 56. Д. 1494. Л. 4—5, 8, 11. Первый номер «Лингвиста» (бюллетень студенческих научных кружков Лингвистического факультета под ред. И. И. Мещанинова) за декабрь 1935 года со статьей Поляковой «Семантика отрицательного персонажа у Гомера» сохранился в Архиве О. М. Фрейденберг.

¹⁵⁶ См. Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 327—333.

¹⁵⁷ Полякова С. В. Семантика образности античного исторического эпоса, V в. до н. э. — I в. н. э.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. [Л., 1945]. 211 с.: ил.; Ее же. Тезисы к диссертации на соискание учен. степени канд. филол. наук. [Л.]: тип. ЛГУ, [1945. 2] с.

В период кампании по борьбе с космополитизмом и разрушения кафедры классической филологии Полякова поддерживала Фрейденберг, но после ее ухода из университета перестала с ней общаться ¹⁵⁸.

Фрейденберг относилась к Поляковой почти по-семейному — ее отец и дядя учились в одной гимназии со старшим братом Фрейденберг ¹⁵⁹. Считала ее самой любимой и талантливой ученицей и мечтала передать ей свой метод и сделать преемницей и наследницей ¹⁶⁰. Но их отношения всегда складывались непросто, отчасти из-за характера Поляковой, отчасти от, возможно, непомерно тяжелого груза надежд и ответственности, который Ольга Михайловна на нее возлагала и которому Полякова готова не была ¹⁶¹.

---

¹⁵⁸ Фрейденберг в письме к Гутан приводит рассказ В. В. Каракулакова, аспиранта Толстого, которого Ольга Михайловна поддерживала во время его защиты и дальнейшего трудоустройства, как он в июле 1951 года спрашивал у Поляковой адрес Фрейденберг в Комарове: «Она ответила запальчиво: „Не знаю. Почему Вы спрашиваете об этом — меня? Откуда я могу знать?“» (письмо к О. А. Гутан от 25 июля 1953 года: копия // Архив О. М. Фрейденберг). Тем не менее 20 декабря 1953 года Фрейденберг написала ей краткое письмо с соболезнованиями в связи со смертью матери, Тины Яковлевны: «Многоуважаемая Софья Викторовна! Примите мое искреннее соболезнование по поводу постигшей Вас тяжелой утраты. Никто, после Вас, не может понять всю силу Вашего горя, как я. Жму Вашу руку. О. Фрейденберг» (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 77. Л. 58). При этом в архиве сохранился, вероятно, неотправленный, более подробный вариант письма, где в начале Фрейденберг резюмирует свое отношение к бывшей ученице и близкому человеку: «Соня, я никогда не в состоянии буду простить Вам Вашего отношения ко мне — к жизни, к тому, что обязано стоять нерушимо, к канонам совести и человеческим святыням» (Архив О. М. Фрейденберг; это письмо датировано 21 декабря 1954 года, но совпадения с отправленным вариантом, другие чернила и почерк датировки свидетельствуют, что дата проставлена позже, и, скорее всего, она ошибочна).

¹⁵⁹ «Наша дружба скреплялась тем, что когда-то в одесской гимназии ее отец и дядя, знаменитый в нашей семье хромой Фека, учились вместе с Сашкой; было сказочным, что с улицы пришедшая чужая девушка оказалась родней того самого Феки „с ножкой“, который, как *ex libris* знатного библиофила, значился на титульных листах, на подкладке переплетов и на первых страницах всех наших фамильных учебников, доставшихся от Сашки» (Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 49—49 об.). Дедушка Поляковой, Абрам Гершевич Поляков (ум. в 1921), владел конфетной фабрикой в Одессе. Отец, Виктор Абрамович Поляков (1886—1941/42), имел юридическое образование (Петербургский университет), но работал редактором в разных газетах, после революции стал директором издательства «Радуга» и Московского отдела Литфонда. Хорошо известны его старшие братья Владимир (1864—1939) — издатель в Одессе, Санкт-Петербурге и Париже, владелец немецкоязычной антигитлеровской газеты *Pariser Tageblatt*, и Александр (1879—1971) — журналист в газетах Одессы и Москвы, после революции покинул Россию, сотрудничал с парижской эмигрантской газетой «Последние новости», затем работал в нью-йоркской газете «Новое русское слово».

¹⁶⁰ «Мой единственный пафос — передать Вам свою бор-машину и щипцы, увидеть Вас на ногах и за работой» (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 330.

¹⁶¹ Там же. С. 326—327.

После увольнения Фрейденберг Полякова осталась в университете, преподавала греческий язык и литературу в должности доцента на историческом и филологическом факультетах, занималась исследованиями и переводами греческого романа и поздней греческой прозы, с годами все больше отдалялась от своих коллег-классиков, сосредоточившись на греческом средневековье, которое преподавала студентам-византинистам на историческом факультете ¹⁶², переводила и издавала многие памятники византийской литературы ¹⁶³, а также занималась исследованиями русской литературы XX века. В 1979 году в нью-йоркском издательстве «Ардис» издала сборник стихов забытой поэтессы Софии Парнок, и именно Полякова разгадала ее отношения с Цветаевой ¹⁶⁴. В последние годы жизни работала над исследованиями о Мандельштаме ¹⁶⁵, Олейникове, Клюеве, Белом и др.

Берта Львовна Галеркина (1914—2000) происходила из вполне состоятельной еврейской семьи из Полоцка, среди членов которой были купцы, заводчики, ремесленники, предприниматели, революционеры, наркомы, художники, а также математик и академик Б. Г. Галеркин (1871—1945). Ее отец, Лев (Лейба) Донович Галеркин (1885—1956), занимался сельским хозяйством в Полоцке, но в конце 1920-х был лишен собственности и сослан в город Шклов. С 1928 года жила в Ленинграде и получала образование в обычной советской школе, где практиковался бригадный метод обучения ¹⁶⁶. В старших классах параллельно училась в вечернем техникуме при Гипроруде, затем там работала, была членом дома-коммуны. Классиком стала случайно, не поступив в Горный институт.

---

¹⁶² Мейлах М. Б. Филологические воспоминания: 1. О Софии Викторовне Поляковой // Лесная школа: труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе / [редкол.: А. Балакин и др.]. пос. Поляны (Уусикиркко), Ленингр. обл.: РГПУ им. А. И. Герцена [и др.], 2010. С. 179.

¹⁶³ О вкладе Поляковой в византиноведение: «Если мы, к примеру, утверждаем, что Шекспир говорит сейчас с русским читателем языком Пастернака, Данте — Лозинского, а Рабле — Любимова, то с тем же правом можно сказать, что авторы византийских житий святых, сатирических произведений и романа „Исмений и Исмения“, переведенные Софьей Викторовной, заговорили ныне с русским читателем языком Поляковой Этот русский язык византийских авторов необходимо было создать заново, и он был создан со своеобразным, слегка имитирующим оригинал синтаксисом, тактично архаизированной лексикой и своеобразной ритмичной фразой» (Любарский Я. Н. Софья Викторовна Полякова // Византийский временник. 1995. Вып. 56. С. 374).

¹⁶⁴ Полякова С. В. Закатные оны дни: Цветаева и Парнок. Ann Arbor, MI: Ardis, 1983. Репр.: М: Из глубин, 1992.

¹⁶⁵ Полякова С. В. Осип Мандельштам: наблюдения, интерпретации, неопубликованное и забытое. Ann Arbor, MI: Ardis Press, 1992. 202 с.

¹⁶⁶ Шейнман Е. Портрет на фоне века // Мишпоха. 1999. № 5. URL: <http://mishpoha.org/rodoslovnaya/1334-portret-na-fone-veka> (дата обращения: 18.09.2025); Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 359.

В начале первого курса провела несколько месяцев в больнице. Ее собирались отчислить, так как пришлось бы самостоятельно изучать древние языки, но Галеркина решила остаться и, получив разрешение Фрейденберг, успешно сдавала экзамены за первый семестр ¹⁶⁷.

После окончания университета поступила в аспирантуру, прервав обучение во время войны и эвакуации. В 1944 году вернулась в Ленинград и преподавала в ЛГУ. Тронский, временный заведовавший кафедрой в эвакуации, предлагал Галеркиной свое руководство ее диссертацией, но она отказалась, так как не считала возможным из-за карьерных соображений переходить от Фрейденберг к другому руководителю ¹⁶⁸. После того как Фрейденберг была восстановлена в должности, Галеркина подготовила диссертацию под ее руководством ¹⁶⁹.

Фрейденберг считала работу новой и интересной: «Беба совершенно самостоятельно открыла много интереснейших генетических черт в структуре трагедии. Она отлично изучила тридцать две трагедии, сделала большую и чрезвычайно „умственную“ работу, в которой чувствовалось дыхание большой науки. Но ей не на кого было, ввиду полной новизны мысли, сослаться. Чтоб показать знакомство с научной литературой, она сделала введение, где критически привела всю основную литературу» ¹⁷⁰.

Галеркина защищалась в один день с Вулих, и обе «провалились». Но в то время как над последней один из оппонентов, С. Я. Лурье, откровенно насмехался за ее непонимание или игнорирование истинного смысла поэзии Катулла ¹⁷¹, оппонент Галеркиной Б. В. Казанский посчитал, что одного только материала трагедий недостаточно для тех выводов, которые она сделала в диссертации, и что молодые исследователи вообще не должны браться за слишком широкие темы и поднимать теоретические вопросы ¹⁷². Галеркина, вдова с маленьким ребенком, потерявшая на войне мужа

---

¹⁶⁷ Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 354—358.

¹⁶⁸ Там же. С. 373.

¹⁶⁹ Галеркина Б. Л. Агон в структуре греческой трагедии: тезисы к диссертации на соискание учен. степени канд. филол. наук. [Л.]: тип. ЛГУ, [1945]. 2 с.

¹⁷⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 23. Л. 8.

¹⁷¹ «„Наталия Васильевна, по-видимому, получила очень нежное воспитание, но с институтским воспитанием не следовало браться за такого поэта, как Катулл, который не рассчитывал на щепетильных барышень“. Желая показать, что такое Катулл и как Морева обходила или не понимала катулловской сальности, Соломон пародировал Мореву и бил ее тем, что нарочно раскрывал значение катулловских похабств. Мужчины ржали» (Там же. Л. 46). Выступление другого оппонента, Толстого, также носило негативный характер, хотя подробностей Фрейденберг не приводит: «И вновь впадал в напыщенную патетику, уничтожая и Мореву, и Тронского, и меня за утверждение этой темы и подготовку плохих кадров» (Там же).

¹⁷² «Молодой филолог непременно должен заявить о себе именно как филолог, т. е. в данном случае на почве классической филологии, и только после этого — в порядке перевыполнения задачи — позволить себе углубиться в подземные недра», — цит. по: Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное

и брата, много преподавшая, измученная бытовыми трудностями и почти полугодовой задержкой отзывов на диссертацию ¹⁷³, знавшая о негативном отношении к ее работе, на защите выглядела бледно ¹⁷⁴. Однако степень кандидата наук и ей, и Вулих присудили. Но в 1949 году после доноса и последовавшего обсуждения в экспертной комиссии Министерства высшего образования в Москве степень была отозвана, притом что из множества довольно серьезных обвинений, в том числе в преклонении перед западной наукой, формализме и множестве ошибок, остались только два: неправильные ударения в некоторых греческих словах и тяжелый слог ¹⁷⁵.

После аннулирования степени Галеркина договорилась с Фрейденберг и Тронским, что будет писать новую диссертацию под неофициальным руководством последнего ¹⁷⁶. В работе «Лукиан в борьбе с языческими религиозными течениями (Любитель лжи и Александр)» она «стремилась пройти школу настоящей филологии и сделать работу как „все“» ¹⁷⁷ и не касалась теоретических проблем, а мировоззрение «атеиста» Лукиана было востребовано антирелигиозной идеологией СССР, и о нем самом с похвалой отзывались Маркс и Энгельс. Галеркина благополучно получила степень в 1954 году, что позволило ей продолжать научную и преподаватель-

---

время // *Philologia Classica*. 2022. Т. 17, № 1. С. 168. Примечательно, что, изучая послевоенные защиты на кафедре классической филологии, а именно Поляковой, Вулих и Галеркиной, Скворцов приходит к выводу, что в целом диссертации производили впечатление наспех выполненных работ, хотя подробно исследует только диссертацию Галеркиной, приводя краткое содержание ее работы, отзывы оппонентов, сведения о тяжелом материальном положении последней и письмо Фрейденберг к Казанскому с просьбой войти в сложное положение Галеркиной и поддерживать работу, пусть и не во всем совершенную. При этом Вулих работала над диссертацией довольно долго, и ни она, ни Полякова не нуждались так, как Галеркина. Кроме того, именно работы Галеркиной нет в свободном доступе в библиотеках, только тезисы, поэтому невозможно независимо оценить сейчас степень доказанности ее выводов или неряшливости ее работы.

¹⁷³ Фрейденберг сообщает, что Казанский получил работу в октябре 1945 г., а отзыв писал прямо при курьере из университета, когда уже прошел установленный срок (7 марта 1946 г.). Сергиенко также долго тянула с отзывом, по свидетельству Фрейденберг, выторговывая у нее удобное расписание для себя (Тетр. 23. Л. 9—43 об.). Независимо подтвердить это невозможно, но такое поведение Сергиенко не кажется невероятным в свете выбранной ею стратегии поведения в советских академических реалиях, подробнее см.: Крих С. Б. Другая история: «периферийная советская наука о древности». М.: Новое лит. обозрение, 2020. С. 120—135, 146—149.

¹⁷⁴ «Бebка, совершенно подавленная, потеряла все приготовленные слова. Ей вдруг все стало безразлично. Она просящим тоном что-то признавала, в чем-то извинялась. И пяти минут она не защищалась. Это была не Кармен, как мы называли яркую Бebку, не умная и спокойная, всегда владеющая собой, женщина, а маленькое забитое и бездарное существо» (Фрейденберг О. М. Тетр. 23. Л. 44 об.).

¹⁷⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 32. Л. 38—41; Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // *Russian Studies*. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 389—392.

¹⁷⁶ Там же. С. 392.

¹⁷⁷ Там же. С. 393.

скую работу в ЛГУ. Однако она не отказывалась от теорий Фрейденберг в дальнейших своих исследованиях ¹⁷⁸.

Ольга Александровна Гутан (1900—1990) была правнучкой Аполлона Григорьева и дочерью известного архитектора, академика Императорской академии художеств А. Ф. Красовского ¹⁷⁹. После окончания Константиновской гимназии при Императорском женском педагогическом институте в Петербурге с золотой медалью и смерти отца училась в Институте живого слова ¹⁸⁰, работала в разных советских учреждениях на конторско-счетоводческих должностях, одновременно занимаясь живописью в художественных студиях Ленинграда.

В 1921 году вышла замуж за Сергея Рудольфовича Гутана (1892—1959), архитектора, инженера и поэта, происходившего из семьи морских офицеров, участвовавших в белом движении. Его брат Александр погиб в Русской армии адмирала Колчака, а брат Николай вместе с семьей, сестрой и матерью оказался в эмиграции в Северной Африке ¹⁸¹. В 1924 году Сергей Гутан закончил Институт гражданских инженеров и работал инженером и архитектором в различных учреждениях. В 1935 году с началом репрессий после убийства С. М. Кирова по предложению однокурсника уехал из Ленинграда и работал на стройке в Сухуми. После возвращения в 1937 году работал на Кировском заводе ¹⁸².

О. А. Гутан пришла в ЛИФЛИ в 33 года, не была зачислена из-за происхождения и потому, что не могла сдать обществоведение больше чем на «три», но Фрейденберг разрешила ей посещать занятия как кандидату в студенты ¹⁸³. Закончила ЛИФЛИ с дипломом первой степени, поступила в аспирантуру, но завершить образование смогла только в 1946 году после возвращения из эвакуации. В конце того же года она подготовила диссертацию «К происхождению греческого

---

¹⁷⁸ Например, на фольклорной теории Фрейденберг была основана статья: Галеркина Б. Л. Элементы фольклора в «Угрюмце» Менандра // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 162—171.

¹⁷⁹ Гутан А. С. Правнучка Аполлона // Колпица. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 7—9, 15; Кузнецова З. С. Академик архитектуры Александр Федорович Красовский (1848—1918) // Петербургские чтения 98—99: материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 224—228.

¹⁸⁰ Подробнее об этом учебном заведении см.: Вассена Р. К реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918—1924) // Новое литературное обозрение. 2007. № 4. С. 79—95; Чоун Е., Брандист К. «Из предыстории Института живого слова: протоколы заседаний курсов художественного слова // Там же. С. 96—106.

¹⁸¹ Гутан С. Р. Судьба иная: книга стихов / [сост. и предисл. А. С. Гутан]. Л., 1990. 160 с.; Науменко П. И. Судьба семьи военно-морских офицеров Гутанов в перипетиях войн, революций, эмиграции (конец XIX — середина XX в.); ... (Продолжение); ... (Окончание) // Вестник Челябинского университета. История. 2013. Вып. 54, № 6. С. 114—117; Вып. 55, № 12. С. 64—67; Вып. 56, № 18. С. 84—86.

¹⁸² Гутан А. С. Об авторе и книге // Судьба иная / Сергей Гутан. Л., 1990. С. 8—9.

¹⁸³ Гутан А. С. Правнучка Аполлона // Колпица. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 11; Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 378.

фольклорного театра»¹⁸⁴, в которой «сопоставляла могильные комические фигурки из Керчи с обрядовыми фигурами и фольклорным комическим персонажем античности. В Керченских статуэтках она видела до-сценических актеров-покойников», опираясь на обширную научную литературу на разных языках¹⁸⁵. Однако диссертация к защите допущена не была¹⁸⁶.

Гутан преподавала, не будучи официально оформлена на кафедре, т. е. фактически бесплатно. Благодаря хлопотам Фрейденберг ей тайком выдавали карточки, и, в конце концов, она была зачислена на работу, но постоянные унижения, бедность и неопределенность будущего приводили ее в отчаяние: «Она говорила только об одном, она стала маниаком <...> Она считала, что ей хуже всех на свете, что она заплевана. Недоедание (как я ее ни кормила, — ведь она отдавала мальчику и мужу), изнурительная болезнь, вид замученного полускелета „папы“, моральные пощечины, бесправие, сознание несправедливости — съедали ее»¹⁸⁷.

В 1949 году И. И. Толстой согласился провести ее диссертацию, если она напишет новую под его неофициальным руководством и по теме, которую он выберет¹⁸⁸.

Все это время Гутан продолжала преподавать как ассистент по 20—30 часов в неделю пока не была уволена в 1955 году, однако через несколько лет снова была принята в штатные преподаватели и работала над диссертацией «Творчество Кратина» — тема, которую выбрал Толстой¹⁸⁹. Диссертация была защищена только в 1967 году, а через два года она была уволена на пенсию, проработав еще до 1974 года как почасовик.

---

¹⁸⁴ Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 1-м полугодии 1946/47 уч. года // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 216.

¹⁸⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 24—24 об. В архиве Гутанов также сохранился краткий отзыв Фрейденберг на диссертацию Гутан от 26 ноября 1946 года, а в архиве Фрейденберг — фрагмент ее тезисов с правкой (копия отзыва передана в Архив О. М. Фрейденберг, см. ниже п. 2.1, с. 104, 2.2.4, с. 112, прим. 402, и 2.2.6).

¹⁸⁶ Оппонентами были выбраны В. Я. Пропп и Н. Д. Флитнер (1879—1957), египтолог-искусствовед, сотрудница Эрмитажа, но Пропп быстро отказался, а Флитнер, по свидетельству Фрейденберг, написала отзыв, в котором не было допуска к защите (Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 27 об.).

¹⁸⁷ Там же. Л. 26 об.—27; Гутан А. С. Правнучка Аполлона // Колпица. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 14. О тяжелом послевоенном материальном положении семьи Гутан сообщает также А. М. Скворцов (Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // Philologia Classica. 2022. Т. 17, № 1. С. 169).

¹⁸⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 32. Л. 35—35 об. Запись относится к январю 1949 года.

¹⁸⁹ Гутан О. А. Творчество Кратина: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. Л., 1967. 169 с.

Таким образом, защититься, официально оставаясь ученицей Фрейденберг, удалось только Поляковой, которую при этом несколько лет не утверждали доцентом, хотя она все это время читала доцентские курсы ¹⁹⁰.

Послевоенная история кафедры классической филологии — это череда обследований, заседаний, скандалов, проработок, когда научные разногласия, которые несомненно были у Фрейденберг с членами кафедры и воспринимались ею как вполне здоровое явление ¹⁹¹, приняли опасную политическую окраску ¹⁹². В записках она отмечает, что в этих условиях студенты, разумеется, боялись писать курсовые и дипломы у преподавателей с «шатким» положением: «У студентов двойственность: они презирают ходячую фразеологию и рвутся к свету, но боятся за себя и свое будущее, хорошо зная, какие дороги ведут в жизнь; поэтому, они первые кидаются в „авангард“ и первые бегут при землетрясении. Но как им тяжело! Ведь каково учиться — и узнавать, что учитель тащит в бездну!» ¹⁹³ Она констатирует, что учеников получали те преподаватели, чье положение, казалось устойчивым или было таковым сформировано: «Результатом „обсужденья“ явилось то, что мой и Лурье авторитеты стали подрывать, а Тронского и Толстого (для рифмы!) возвеличивать. Ни один студент (даже те, которым я с таким многообразием и интересом читала) не записался ни ко мне, ни к Лурье, отдающим все знания, все силы студентам, на курсовые работы. Они записались к Толстому по грецистике и к Тронскому по латинистике, хотя те у них не читают и не могут ими руководить» ¹⁹⁴.

---

¹⁹⁰ Полякова прошла конкурс и была утверждена доцентом только весной 1948 года (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 89). Еще одна аспирантка Фрейденберг, Наталья Александровна Чистякова (1920—2008), учившаяся у нее еще до войны, испугавшись истории с Галеркиной, на третьем курсе аспирантуры приняла предложение Толстого неофициально руководить диссертацией, чтобы потом он мог выступить оппонентом, не отвечая в целом за диссертацию. Однако Фрейденберг добилась ее официального перехода к Толстому (Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 7 об.—8). Чистякова в 1950 году защитила диссертацию «Аргонавтика Аполлония Родосского: (место Аполлония в литературной борьбе III в. до н. э. и образы главных героев его поэмы)». Автореферат сохранился в архиве Фрейденберг с дарственной надписью: «Дорогой Ольге Михайловне, первой моей учительнице и старшему товарищу, определившей мое призвание, с глубокой признательностью 25 / V 50. Автор»

¹⁹¹ См.: Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // *Philologia Classica*. 2022. Т. 17, № 1. С. 159—172. Хронологические рамки статьи ограничены маем 1946 года, т. е. до начала масштабных идеологических кампаний, но и позже, передавая свое выступление на заседании осенью 1948 года Фрейденберг подчеркивала: «Своих воззрений я никому не навязываю. Наши расхожденья во взглядах — естественное и здоровое явление науки. Если б мы все одинаково думали и в лад говорили, не было бы науки» (Тетр. 32. Л. 31—31 об.).

¹⁹² О положении на филологическом факультете ЛГУ в послевоенный период в целом см.: Дружинин П. А. Идеология и филология. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 2 т.

¹⁹³ Фрейденберг О. М. Тетр. 32. Л. 19.

¹⁹⁴ Там же. Л. 33—33 об.

Я. Н. Любарский, известный византист, студент классического отделения в 1946—1951 годах, писал, что Фрейденберг была полна идей и планов «поворота» в классической науке, но явно не находила сочувствия ни среди своих коллег, ни среди студентов, «лишь один студент того времени (Л. В. Голодников) находился в ее научном фарватере»¹⁹⁵.

Скворцов предполагает, что это все же преувеличение и передает скорее личный опыт Любарского, так как он сам писал диплом у Фрейденберг, но окончание им университета совпало с ее увольнением, в аспирантуру он взят не был, а диссертация, продолжавшая дипломную работу, забракована¹⁹⁶. Фактически он, как и Полякова, был вынужден сменить направление исследований, став византистом. Упоминание именно Голодникова все же неслучайное — это был один из двух студентов, названных в записках Фрейденберг, который на очередном заседании с «критикой» Фрейденберг 1 июня 1948 года выступил в ее защиту¹⁹⁷.

Стремление учеников выжить в тяжелых условиях послевоенного времени и массовых идеологических кампаний путем смены опального научного руководителя иногда вместе с направлением исследований на более «правильного» было не единственной проблемой для Фрейденберг. Всегда имевшиеся сложности с публикацией ее работ¹⁹⁸ после истории с «Поэтикой» стали почти непреодолимыми — тезисы и небольшие статьи почти не выходили за пределы изданий университета, и она только выступала с докладами на кафедре и научных сессиях и конференциях, зачитывая главы из неопубликованных монографий¹⁹⁹.

---

¹⁹⁵ Любарский Я. Н. Кафедра в послевоенные годы (Περὶ ἐαυτοῦ) // *Cathedra Petropolitana*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 53.

¹⁹⁶ Подробнее о Любарском см.: Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // *Philologia Classica*. 2022. Т. 17, № 1. С. 164.

¹⁹⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 30. Л. 31—31 об. Леонид Владимирович Голодников (1922—1988) в 1949—1950 и 1957—1960 годах работал на кафедре классической филологии ассистентом (Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета / [сост. И. С. Лутовинова]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ФФ СПбГУ, 2000. С. 368), в 1957 году в ЛГПИ им. А. И. Герцена защитил диссертацию «Система пособий по латинскому языку для педагогических институтов и факультетов иностранных языков». Вторым студентом был К. И. Петров, см. о нем ниже с. 65 настоящей работы.

¹⁹⁸ См., например, уже упоминавшееся выше письмо Н. Я. Марру от 9 октября 1931 года (с. 46, прим. 132) по поводу публикации статьи «Маккус и Мария», пролежавшей три года в редакции Яфетического сборника и опубликованной только в 1936 г. (Советское языкознание. Л.: ЛНИЯ, 1936. С. 3—20); письмо Поляковой о публикации «Характеров» Теофраста от 15—17 июля 1936 года (Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. № 3 (36). С. 145—147). Последняя работа была напечатана только через пять лет, см. с. 79, прим. 288.

¹⁹⁹ См.: Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг: Прижизненные публикации / сост. Н. Ю. Костенко // *Миф и литература древности* / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект

Поэтому все, чем она делилась со своими учениками, — мысли, научные построения, открытия, — не защищенное правом публикации, естественным образом использовалось и развивалось в их работах как собственные мысли и идеи: «Рисуя перед своими ученицами будущее построение, я говорила им, что впервые увидела путь древнего сознания от сложного к простому, но не наоборот. Я не допускала независимых форм в античности, ни рассказа, ни „логоса“ — новеллы, вопреки обычным взглядам. Сначала большая и сложная проза с паратаксической композицией. Паратаксис быстро подхватили Чистякова и Полякова. Я не успела ахнуть, а уж они писали и доказывали то же самое»²⁰⁰.

Фрейденберг часто сталкивалась с тем, что коллеги считали возможным не ссылаться на ее работы²⁰¹, но от учеников это было тяжелее и больнее: «Велика драма ученого без печати. Но не менее велика драма профессора. Он не может не вести учеников по найденным им новым дорогам, иначе он перестанет быть их учителем. Но и ученики не могут заирать в портфели новые эти мысли. Они начинают следовать за ними, пропитываясь ими. И это правильно. Но печати нет. И ученик начинает, совершенно добросовестно, претворять в жизнь неопубликованные мысли учителя. Появляются их диссертации, печатные тезисы, публичные доклады. В них поглощаются мысли учителя. Я всегда была слишком щепетильна, чтоб останавливать учеников за рукав. В стране, где есть печатное научное слово, так и должно быть. Но у нас профессора поставлены в положение арестантов»²⁰². Самая первая работа Фрейденберг, ее диссертация

2021. С. 707—709, а также на сайте, посвященном творческому наследию Фрейденберг (<http://freidenberg.ru/Personalija/Prizhiznennyyepublikacii> (дата обращения: 18.09.2025); Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Там же. С. IX; Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 2-м полугодии 1947 года // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 140—141; Его же. Кафедра классической филологии ЛГУ // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 181.

²⁰⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 24. Л. 42.

²⁰¹ Фрейденберг, большинство работ которой, включая первую, не было опубликовано, крайне болезненно относилась к тому, что коллеги позволяли себе не ссылаться на ее работы. Например, в воспоминаниях она приводит эпизод с докладом Тронского в ИЛАЗе о Дафнисе, когда он излагал мысли, высказанные Фрейденберг в работе о романе, не сославшись, а когда она отметила это в прениях, самодовольно ответил: «Вы сами виноваты, что я не сослался. Вы приняли диссертацию из библиотеки. На несуществующую книгу не ссылаются», и при этом научное сообщество его не осудило (Тетр. 6. Л. 65). Или с горечью пишет о вышедшей в 1934 г. книге Иоффе, который, по ее словам, печатал то, что говорила и писала в неопубликованных работах она (Тетр. 9. Л. 6). См. также письмо к Поляковой об отношении в ней и ссылках на нее Толстого (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 330—331).

²⁰² Фрейденберг О. М. Тетр. 24. Л. 42 об.

«Происхождения греческого романа», так и не напечатанная ²⁰³, имела для нее не только научное, но и важнейшее биографическое значение. Каков же был удар, когда недавно защитившаяся любимая ученица сообщила, что хочет писать о греческом романе докторскую диссертацию и спрашивает ее разрешения!

«Я помолчала, потом печально ответила: „Если вы сами хотите работать над этой темой, что же мне вам сказать? Я не возражаю“.

У меня было такое чувство, что она захотела бы любить того самого человека, которого любила бы я. Она не знала дистанции между мной и собой. Любя меня, любя, как любят мать и родственницу, она желала всего, чего желала я, и никаких табу для нее не существовало. В этом была ее любовь и беспредельная подражательность натуры.

Но я долго страдала, я носила яд в себе. Как, сделать предметом диссертации то самое, чему посвящена диссертация учителя! Смела ли бы я себе позволить писать на тему „Архаики“ Жебелева! Возможно ли это было даже в помыслах! <...> Я переживала это, как духовное кровосмешительство. Не любила я таких вещей! <...> Но я не возразила ей из гордости, чтоб она не подумала, что я держу тему и не хочу с ней делиться, что я патентую греческий роман. И пессимизм разъедал меня: раз она посягнула — это было главное, а самая реализация меня уже не трогала. Но я предвидела в эти тяжелые для себя дни, что когда-нибудь, когда я вернусь к греческому роману (а я постоянно об этом мечтала) Соня примет это за недозволенное вторжение в ее область. Так со временем это и произойдет» ²⁰⁴.

Действительно, осенью 1946 г. Полякова избрала греческий роман своей темой в рамках научной работы на кафедре ²⁰⁵. В течение 1947 года сделала три доклада: в январе на общеуниверситетской научной конференции — «Метаморфозы в греческом романе», в апреле на сессии, посвященной 15-летию кафедры, — «Фольклорные элементы в греческом романе» и на ноябрьской научной сессии университета — «Греческий роман и античная риторика» ²⁰⁶. В архиве Поляковой сохранилась и программа спецкурса «Греческие романы I—III вв. н. э.» ²⁰⁷.

---

²⁰³ При жизни был опубликован только экстракт: Фрейденберг О. М. Евангелие — один из видов греческого романа // Атеист. 1930. № 59. С. 129—147. В настоящее время готовится к печати обобщенное издание двух вариантов работы (1924 и 1929 гг.) с приложением фрагментов Записок, писем и архивных документов, касающихся истории написания, защиты и попыток публикации работы.

²⁰⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 23. Л. 25 об.—25 об.

²⁰⁵ Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 1-м полугодии 1946/47 года // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 216.

²⁰⁶ Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 2-м полугодии 1946/47 года // Вестник древней истории. № 4. С. 140—141; Его же. Кафедра классической филологии ЛГУ // Там же. 1948. № 3. С. 181.

²⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 90, программа не датирована, предполагаемая дата кон. 1940-х — нач. 1950-х.

Фрейденберг не критиковала работы Поляковой и не упоминала их, но в письме к Пастернаку осенью 1946 года о своих учениках пишет в общем и в числе прочего, происходящего на кафедре и с ней: «Печататься нельзя. Ученики подражают и утрируют. В августе я задумала оставить кафедру и перейти на полставки. Зимы ужасают меня. Я, однако, не ушла»²⁰⁸, а характеризуя доклады молодых ученых на 15-летию кафедры, пишет опять же в общем, стараясь не останавливаться на подробностях: «Доклады молодых были бездарны. <...> Лучше других был доклад студентки Розиной, но формалистический (у Тронского). Чистякова блистала, хотя существо доклада было банальное. Морева и Галеркина показали, что наукой заниматься они не могут, — у первой не было мыслей, у другой никакой техники. Соня вызвала у всех возмущение. Желанье показать себя баталистом, при технике миниатюриста, совлекло ее с пути. Она щеголяла высоким академизмом и лакированным аппаратом, но мысль, которую она хотела провести, и мысль, которая могло быть проведена при ее технике, не уживались, поражая диспропорцией. Я отстранялась от помощи в ее романе с моим возлюбленным. Удалось бы ей, хорошо. Не удалось, мне все равно»²⁰⁹.

Тогда же (весна 1947) Фрейденберг подводит три неутешительных итога своей жизни: основные ее работы не напечатаны, она разочарована в учениках и не видит смысла в преподавании: если студент талантлив, он исчезал, если еврей, ему закрыта аспирантура, остальным все было безразлично²¹⁰.

Но осенью 1948 года, когда Фрейденберг приступила к написанию воспоминаний о своем научном пути, своих учителях и работы над греческим романом, она снова с горечью пишет об ученице, даже не называя ее по имени: «„Зачем же вы вторгаетесь в мою область?“ — говорит мне моя ученица, когда я возвращаюсь в мечты о греческом романе.

Она прекрасно знает научную литературу о романе, от которой я уже отстала. Она прошла по всем асфальтированным шоссе, которые я укладывала щебнем с наклоненной головой, среди

---

²⁰⁸ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 290.

²⁰⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 26. Л. 16. Она действительно не позволяет себе никакой критики научных работ ученицы, отмечая только общий характер ее выступлений и передавая мнения слушателей как отрицательные: «вызывала возмущение», так и положительные: «Выступала и Соня [«Греческий роман и античная реторика» (ноябрь 1947 г.) — *Н. К.*]. Толстой начал свое обычное кусанье. В бестактной форме он старался скомпрометировать Соню перед студентами. Однако, она отражала всего его злобные атаки. Аудитория устроила ей овацию. Когда Толстой узнал, что она имела успех, он вернулся, подошел к ней и объявил, что согласен с ее положениями» (Тетр. 28. Л. 19). Ср. ее «молчание» по поводу работ Поляковой о романе с критикой советских учебников по фольклору: «Вместо полемики с такого рода книгами я предпочитаю молчание. Положительное построение есть всегда лучшая форма отрицательной критики» (Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 15).

²¹⁰ Там же. Л. 10—10 об.

рытвин и болот. Она знает все книги в переплетах, написанные другими по христианистике, по византинизму, о Фекле и Павле, о всех моих памятниках. Она ценит меня, но знает и все мои недостатки. Наука перешагнула мою диссертацию. Я уже не имею права трактовать этого вопроса. Мое право перешло к ней» ²¹¹.

Взаимоотношения с ближайшими учениками еще более осложнились, когда Фрейденберг покинула пост заведующей кафедрой. В 1950 году после очередного обследования теперь уже не отягощенного административной должностью профессора предпенсионного возраста и троих ее учениц, Полякову, Галеркину и Гутан, вызвали к ректору, где спрашивали о конфликте с Вулих. И ученицы как об удачной хитрости потом рассказывали Фрейденберг, как они описали этот конфликт: «Когда Полякову спросили обо мне, она сказала: „Если всех людей можно графически описать в виде прямой линии, то О. М. — в виде зигзага. Одна черта мешает ей, к сожалению, в личной и в общественной жизни: за минуту нельзя предсказать, как О. М. будет реагировать. Ее отношения с Вулих — это борьба двух борцов, сцепившихся друг с другом и давно забывших, из-за чего они борются. От этой борьбы пыль стоит столбом, и кроме этой пыли со стороны уже ничего не видно. Они могли бы отлично сработаться, если б не их дамские черты, которые им обоим мешают“. Галеркина сказала обо мне и Вулих: „На кафедре слишком много шума, но в нем мало принципиальных причин“.

Все это они рассказывали мне дружески, запивая чаем с бутербродами, за моим столом. Соня должна была мне деньги. Она подражала мне метафоричностью языка даже в тот момент, когда предавала меня.

Я смотрела на эту деморализацию и уже не испытывала негодования. Обе мои креатуры, столько лет сосавшие меня, волновавшие, подстрекавшие, требовавшие заступничества, — они только что прошли через ужас безработицы и теперь горячо раскаивались в соучастии с человеком, вышедшим в тираж. Они жадно искали примиренья с Вулих, они желали быть послушными, тихими, отгороженными от меня. Обе они сказали именно то, что так нужно было Бердникову, чтоб сказали обо мне самые близкие мои ученики» ²¹².

В задачу данной работы не входит проверка, насколько справедливы суждения Фрейденберг об учениках. Важно, что она увидела предательство в попытке компромисса, снижения накала страстей, возможно, простительного и объяснимого в подобных обстоятельствах,

---

²¹¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 40. Тем не менее Брагинская считает, что диссертация Фрейденберг не потеряла своей актуальности и в настоящее время (Брагинская Н. В. Мировая безвестность. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2009. С. 9—25).

²¹² Фрейденберг О. М. Тетр. 33. Л. 32—33.

и зафиксировала эпизод в Записках именно в таком аспекте ²¹³. Эти события можно отнести к марту 1950 года.

Фрейденберг не получила счастья иметь таких учеников, какой была она сама. Она не только не видела в них себя, своего упорства, самостоятельности, научного горения, способности к отстаиванию своих (не учителя!) научных достижений. «Я рождена быть учеником и не смею быть учителем. По-видимому, есть два типа людей. Мне дано ловить, воспринимать, вбирать, любить; я хочу идти даже вслед за теми, кого вынуждена обучать. Это не значит, что моя душа пассивна. То, что я получала, я долго носила в себе, и оно не мешало мне оставаться самой собой. Но я любила и люблю чужую точку зрения, люблю учиться и слушать другого, люблю человеческий голос и игру человеческого ума. Я была и в университете душу-потрясающей ученицей. <...> Мир не видывал таких учеников, как я, — бесповоротно усердных, преданных ученью и учителю, горящих внутренним сгоранием; и всегда учителя понимали меня и отвечали мне полной и глубокой взаимностью. Это были величайшие романы духа, сокровеннейшее взаимопроникновение. Глубочайшие духовные связи у учителя и его ученика!» ²¹⁴

Некоторых учителей Фрейденберг быстро потеряла: А. К. Бороздин умер, не успев завершить ее обучение, В. В. Буш был вынужден покинуть Петроградский университет в 1920 году, когда работа Фрейденберг над апокрифом была в самом разгаре. В И. И. Толстом она разочаровалась. Но это не помешало пригласить его вместе с другими коллегами-классиками на вновь открытую кафедру и попытаться наладить с ним рабочие отношения, горячо сочувствовать его горю от потери жены в тот момент, когда после войны решался вопрос о передачи заведывания кафедрой Толстому ²¹⁵. Фрейденберг переросла и, несмотря на благодарность и уважение, покинула сначала С. А. Жебелева, затем и Н. Я. Марра. Но написала воспоминания, которые в годовщину смерти Марра не смогла дочитать в своем выступлении на кафедре из-за волнения и переполнявших ее чувств. Разумеется, они не были приняты в печать, потому что не укладывались

---

²¹³ Похожее по силе впечатление на Фрейденберг произвела встреча со своим бывшим студентом А. И. Зайцевым в театре, когда он как бы не узнал ее (Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // *Russian Studies*. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 396, подробнее см. ниже с. 130—133). Ср. воспоминание О. А. Гутан: «Она измерила всю глубину отступничества от наставника, — от учения, от научных взглядов, — учеников. Все старались опередить один другого — спешили отречься от учения, показать свою «лояльность», и лягали и казнили того, кто ближе — ее» (Гутан А. С. Правнучка Аполлона // *Колпица*. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 15).

²¹⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 41 об.

²¹⁵ Жена Толстого, также филолог-классик, С. В. Меликова-Толстая умерла в эвакуации в 1942 г. Подробнее см. ниже: п. 3.2.2, с. 169, прим. 596. В архиве Фрейденберг сохранилось ответное письмо Толстого от 17 ноября 1944 г., оно же переписано в Записки: «Это был документ глубочайшей человечности и скорби, но не письмо. Мне казалось, что два человека, претерпевшие самое страшное, что на земле можно претерпеть, через черную бездну протягивают друг другу руки» (Тетр. 22. Л. 9 об.—10).

в агиографический жанр академических мемуаров ²¹⁶. Когда В. В. Буш, исключенный из партии во время партийных чисток как бывший кадет и всеми покинутый, тяжело умирал на холодном чердаке без печки и мебели, Фрейденберг посещала и поддерживала его ²¹⁷. Тяжело переживая его смерть, она написала о нем статью-воспоминание «Настоящий учитель (памяти В. В. Буша)» ²¹⁸. Позже в своих Записках она посвятила много страниц своим учителям: Антонову, Никольской-Орбели, Бороздину, Толстому, Бушу, Жебелеву и Марру. А после развенчания Марра летом 1950 г. публично высказала ему свое глубокое уважение «как большому и честному советскому ученому» ²¹⁹, что, скорее всего, и стало основной причиной ее увольнения.

В архиве Фрейденберг сохранилось три варианта завещания. По первому, очень подробному, датированному 30 ноября 1949 года, весь ее научный архив должна была унаследовать Полякова, дубликаты всех ее работ — храниться у Гутан, а книги она распределила между учениками и студентами (Поляковой, Галеркиной, Гутан, Голодниковым и К. И. Петровым). Но уже в октябре 1950 года она исключила Полякову, завещав архив для передачи в Архив Академии наук СССР, хотя в тексте остались другие ее ученики и студенты. Возможно, изменение завещания связано с оставшимися неизвестными событиями, произошедшими в этот период ²²⁰.

Третий вариант завещания предельно прост: «Все имущество, которое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, где бы таковое ни находилось и в чем бы оно ни заключалось, а также вклады с причитающимися процентами, наличные деньги, ценности, облигации Госзаймов, я завещаю в полную собственность Орбели Русудан Рубеновне» ²²¹. Р. Р. Орбели была дочерью Ольги Владимировны Никольской и Рубена Абгаровича Орбели ²²². В Записках,

---

²¹⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 51—52. Воспоминания о Марре были опубликованы только в 1980-х: Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 181—204.

²¹⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 52—53.

²¹⁸ Архив О. М. Фрейденберг. 1936. 6 л.; Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 52—53 об.

²¹⁹ Фрейденберг О. М. По поводу языковедческой дискуссии. 30 июня 1950. Л. 3 (Архив О. М. Фрейденберг).

²²⁰ См. цитированное выше письмо Гутан от 25 июля 1953 года (с. 52, прим. 158), в котором Фрейденберг, описывая встречу с общей знакомой, передает мнение последней о Поляковой: «...о Соне теперь говорит иначе и иронизирует над моими былыми чувствами к той. А Карак[улаков] прямого говорит, что я несу за Соню моральную ответственность. Скажите, что я могла поделать с ее натурой и ее окружением? Ведь я не Савонарола» (Архив О. М. Фрейденберг).

²²¹ Архив О. М. Фрейденберг.

²²² Орбели Рубен Абгарович (1880—1943) — профессор права, один из основателей и преподаватель Тамбовского университета, основоположник подводной археологии. С 1912 до середины 1920-х гг. вел частную религиозную практику, выступал с лекциями и проповедями в Петрограде и других городах, и создал собственное социально-религиозное учение, пользовавшееся популярностью среди интеллигенции (подробнее см.: Мельник А. Н.

относящихся к периоду после окончания университета, они оба почти не упоминаются, как и в сохранившейся переписке, и мы очень мало знаем об их взаимоотношениях с Фрейденберг, но по редким упоминаниям ясно, что они не прерывались. В послегимназический и университетский период Орбели были важными для Фрейденберг собеседниками и наставниками. Однако по сохранившимся письмам к супругам ²²³ и упоминаниям в Записках создается впечатление, что после завершения работы о греческом романе в 1923 году они сошли с главной дороги ее научной биографии ²²⁴, оставшись, возможно, добрыми друзьями. В следующий раз Фрейденберг обратится к Орбели с письмом уже зимой блокадного 1941 года, подчеркивая важность того, что Ольга Владимировна остается в городе: «Это дает мне силы пережить все трудности и испытания. Я очень ценю и чувствую присутствие, хотя и невидимое, и соучастие в жизни дорогих моему сердцу людей» ²²⁵, но вскользь все же упоминая о своей научной работе ²²⁶. Фрейденберг была автором вступления к одному из разделов книги Р. А. Орбели, изданной посмертно ²²⁷. Последнее письмо, в котором Фрейденберг сожалеет, что Орбели, как оказалось, не читала ее научных работ, и в нескольких сильных словах излагает свой научный метод, датировано 9 октября 1953 года ²²⁸. Это письмо похоже на завещание, но юридическое оформление последнего произойдет примерно через месяц, 14 ноября 1953 года. Поскольку в этот период О. В. Орбели, вероятно, умерла или находилась при смерти, душеприказчицей Фрейденберг стала уже ее дочь ²²⁹.

Насколько дальновидным было это решение, показало время и последующая судьба учениц. После ухода Фрейденберг из университета и Галеркина, и Гутан сохраняли с ней дружеские

Предисловие к фрагментам из социально-богословского наследия проф. Р. А. Орбели // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 92—94).

²²³ В архиве сохранилось только одно письмо к Р. А. Орбели (21 мая 2 июля 1914 г.), но в письмах к Ольге Владимировне Фрейденберг всегда обращалась и к Рубену Абгаровичу.

²²⁴ Последнее из сохранившихся перед большим перерывом письмо Фрейденберг к О. В. Орбели датировано 1922 г., в нем она сообщает, что работа, несмотря на подобранный материал, «не пишется» (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 202—203). Больше до войны писем либо не было, либо они не сохранились.

²²⁵ Письмо Фрейденберг к О. В. Орбели от 13 декабря 1941 г. (Архив О. М. Фрейденберг).

²²⁶ «Дома пишу «паки и паки», в счет будущего. Сейчас записываю курс, читанный весной, пока он жив в памяти; благо не требуется библиотек и предварительного материала» (Там же).

²²⁷ Фрейденберг О. М. [Вступление к разделу «Фрагменты»] // Исследования и изыскания. Материалы к истории подводного труда с древнейших времен до наших дней / Р. А. Орбели. М.; Л., 1947. С. 277—278.

²²⁸ Письмо опубликовано, см.: Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 148—149.

²²⁹ Точная дата смерти О. В. Орбели не известна. В краткой записи Фрейденберг о событиях 1951—1955 годов (см. Рисунок 14, с. 183), ныне хранится в Архиве семьи Пастернаков в Москве) смерть Орбели и матери Поляковой, Тины Яковлевны, объединены и запись о них не датирована, но находится после конца декабря 1953 года.

отношения, встречались, состояли в переписке. Фрейденберг поздравила телеграммой Галеркину с защитой второй диссертации ²³⁰, но та не решилась прочесть ее прилюдно ²³¹.

На похоронах Фрейденберг из учениц присутствовала лишь Гутан с мужем, и никто не отозвался на смерть университетского профессора ни воспоминаниями, ни хотя бы некрологом. Нет сведений, что до публикации Ю. М. Лотманом работ Фрейденберг после почти четвертьвекового забвения кто-то из ее учениц интересовался ее наследием.

Галеркина сообщает, что не была знакома ни с Орбели, ни с архивом Фрейденберг, когда после первой посмертной публикации ее работ задумала провести заседание кафедры, посвященное ее памяти ²³². Само заседание завершилось скандалом: бывшие коллеги отказали Фрейденберг в праве считаться ученым и особенно филологом-классиком ²³³.

В 1989 году вместе с Н. А. Чистяковой Галеркина выступила с докладом о творчестве Фрейденберг на XVIII межвузовской конференции преподавателей и аспирантов ²³⁴. А к ее 100-летию они организовали двухдневную конференцию в ЛГУ ²³⁵.

Незадолго до смерти в 1990 году Гутан написала краткие воспоминания «Памятки» ²³⁶.

В конце 1990-х Галеркина опубликовала воспоминания, явно написанные под впечатлением от прочитанных в машинописи Записок Фрейденберг ²³⁷.

---

²³⁰ Тезисы второй диссертации Галеркиной сохранились в архиве Фрейденберг с дарственной надписью: «Дорогой Ольге Михайловне на память... 2 / II — 54 г. Беба».

²³¹ Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 409. В подготовительных материалах к Запискам Фрейденберг с горечью отмечает: «Вторая защита Бебы за моей спиной» (Архив О. М. Фрейденберг).

²³² Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 420—421.

²³³ Заседание состоялось 15 мая 1974 года, на него были приглашены, помимо членов кафедры и студентов, Р. Р. Орбели, давние подруги Фрейденберг, устроена выставка ее трудов (Там же. С. 420—426). Об этом заседании также см. ниже, с. 131—132, прим. 465.

²³⁴ Галеркина Б. Л., Чистякова Н. А. К истории советской классической филологии: (О. М. Фрейденберг, 1890—1955) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1990. Вып. 4 (№ 23). С. 67—73.

²³⁵ Чистякова Н. А., Галеркина Б. Л. Юбилейное заседание, посвященное памяти О. М. Фрейденберг: (к 100-летию со дня рождения) // Труды по знаковым системам. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1992. [Вып.] 25. С. 144—150. Статья содержит также резюме докладов, прочитанных на конференции, среди участников которой были Б. Н. Путилов, С. Ю. Неклюдов, Н. В. Злыднева, О. А. Седакова, А. Г. Левинсон, Б. Л. Галеркина, Н. А. Чистякова, Я. Н. Любарский, Н. В. Брагинская и др.

²³⁶ См. Гутан С. А. Правнучка Аполлона // Колпица. Колпино, 1994. Вып. 11. С. 16. Часть этих воспоминаний, но не о Фрейденберг опубликована: Гутан О. Памятки // Линтула. 2018. Кн. 10, ч. 2. С. 38—40.

²³⁷ Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 353—433.

Полякова, по свидетельству М. Б. Мейлаха, о Фрейденберг вспоминать не любила ²³⁸, но в самом конце жизни опубликовала статью ²³⁹, где анализировала ее научный метод, дала высокую оценку «Поэтике сюжета и жанра», но итоговые работы, написанные в блокадном Ленинграде и после изгнания из университета (т. е. в изоляции), назвала находящимися вне научной критики, потому что они «лишены ссылок на предшественников» и излагались «без привлечения фактов» ²⁴⁰.

1.3. «Мэверик»

К. Мосс в предисловии к своему переводу «Образ и понятия», определяя положение Фрейденберг в академической среде 1920—1930 гг., использовал слово «мэверик» (maverick) ²⁴¹. Оно происходит от фамилии техасского предпринимателя, политика, юриста Самуэля Мэверика (Samuel Maverick, 1803—1870), известного в том числе тем, что упорно отказывался клеймить свой скот. В результате его имя стало использоваться для обозначения неклеяемого скота, а в переносном значении — индивидуалиста, диссидента, инакомыслящего, что в применении к академической среде означает независимость, «непринадлежность» к какому-либо научному направлению, школе, группе. Такая «непринадлежность» проявлялась у Фрейденберг не только в научной, но в других сферах жизни.

В одной из многих своих работ, посвященных Фрейденберг, Брагинская определяет ее как человека независимого и не склонного отождествлять себя с какой-либо социальной группой: «По обстоятельствам ее жизни и свойствам характера, обсуждение которых заняло бы слишком много места, она не только не была человеком групповым или кружковым, но и обладала

---

²³⁸ Мейлах М. Б. Филологические воспоминания: 1. О Софии Викторовне Поляковой // Лесная школа: труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикиркко), Ленингр. обл.: РПГУ им. А. И. Герцена [и др.], 2010. С. 173—185.

²³⁹ Полякова С. В. Из истории генетического метода // Литературное обозрение. 1994. № 7/8. С. 13—20. Перевод в: «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб.: ИНАпресс, 1997. С. 363—379.

²⁴⁰ Там же. С. 17 (372). См. ниже раннее предисловие Фрейденберг к «Образу и понятию» (с. 184, прим. 660). При первом издании «Мифа и литературы древности» (1978) Н. В. Брагинская снабдила обе монографии Фрейденберг научно-справочным аппаратом (существенно расширенным во втором издании книги): комментариями, ссылками на источники и литературу, словарем терминов и указателями: «Я убеждена, что „аппарат“ — необходимый атрибут научности, но не смысл ее; его может составить и другой человек, вот я как могла, и составила, потому что это дело техники и времени, а не принципа». Подробнее см.: Брагинская Н. В. Послесловие ко второму изданию // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 1998. С. 764.

²⁴¹ «Freidenberg is difficult. Her revolutionary spirit made her a maverick even in the context of the unrestrained Soviet scholarship of the '20s and '30s» (Moss K. M. Introduction // Image and Concept / O. M. Freidenberg. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997. P. 18).

известной независимостью от взглядов и норм как общепринятых, так и ближайшего социального окружения»²⁴².

В настоящей работе я постараюсь осветить те аспекты биографии Фрейденберг, в которых эти особенности проявились наиболее ярко, и показать, как именно они привели ее к идее формирования архива как выходу из ситуации полной изоляции, в которой оказался во второй половине 1940-х гг. такой независимый человек, как она.

Эта независимость от социальных групп и норм осознавалась самой Фрейденберг и подчеркивалась на протяжении всего текста ее автобиографических записок. В подготовительных материалах к ним она в краткой, конспективной форме записала несколько определений этого своего качества и его истоков, связывая его с семьей и прежде всего с отцом: «Деклассированность отца, жили вне общ[еств]ва. И это потом сказалось на мне. Opp[osition] Ленчик, Боря и др.; К[a]к отец прошел жизнь, вне общества, вне значенья (opp[osition] Пастернаки). На него не действовало ни имя, ни положение, он смотрел в ч[е]ловека (Саша тоже)²⁴³.

1.3.1. Семья

Отец Фрейденберг — журналист и изобретатель Михаил (Моисей) Филиппович (Федорович) (1858—1920). Его биография настолько богата и разнообразна, что сам он никогда не мог рассказать ее связно²⁴⁴. Родился в уездном городе Прасныше Полоцкой губернии 9 января

---

²⁴² Брагинская Н. В. *Siste, viator!*: предисл. к докладу О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках» // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 1995. С. 251. См. также более поздние статьи Брагинской, где она подробнее рассматривает эти качества Фрейденберг в разных сферах жизни: социальной, конфессиональной, гендерной: Braginskaya N. V. *Olga Freidenberg: a Creative Mind Incarcerated* // *Women Classical Scholars: Unsealing the Fountain from the Renaissance to Jacqueline de Romilly*. New York, NY: Oxford University Press, 2016. P. 286—312; Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 4 (25). С. 15—19.

²⁴³ Материалы О. М. Фрейденберг (Архив семьи Пастернаков. Москва).

²⁴⁴ Фрейденберг О. М. М. Ф. Фрейденберг (изобретатель автоматического телефона). Л. 1 (Архив О. М. Фрейденберг). Архив Фрейденберга хранится в Центральном музее связи им. А. С. Попова, Санкт-Петербург (ЦМС ДФ. Ф. 36). Подробнее см. о нем: Рогинский И. Н. Михаил Федорович Фрейденберг — изобретатель АТС // *Известия АН СССР. Отделение технических наук*. 1950. № 1. С. 1243—1253; Его же. Вклад русских изобретателей в развитие автоматической коммутации // *Электросвязь*. 1976. № 3. С. 55—60; Соколов И. В. Вклад русской науки и техники в изобретение кинематографа // *Известия АН СССР. Отделение технических наук*. 1952. № 4. С. 587—602; Его же. История изобретения кинематографа. М.: Искусство, 1960. 198 с.; Билык А. А. Театрально-критическая элита «Одесского листка»: конец XIX — начало XX века // *Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах*. Одесса, 2007. № 30. С. 230—238; Лосич Н. И., Бажитова Л. И. Две стихии (о многогранном таланте М. Ф. Фрейденберга) // *Телекоммуникации: история инноваций*. СПб.: ЦМС им. А. С. Попова, 2010. С. 176—183; Щурова Т. В. «И светло, и легко, и отрадно...» // *Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах*. Одесса, 2012. С. 314—326;

1858 года в еврейской семье ²⁴⁵. По семейной легенде, которую приводит Фрейденберг в Записках, его отец «свободолюбивый вольтериянец», «деспот и денди», не желая жить в России, переехал в Париж вместе с женой и младшей дочерью ²⁴⁶. Старших сыновей он пристроил у родственников или знакомых в Одессе ²⁴⁷. Михаил, тогда еще подросток, был отправлен в школу, из которой сбежал, и с тех пор был предоставлен сам себе и пробовал себя в различных профессиях: работал разнорабочим в порту, на фабриках, учился ремеслу у маляров, сапожников, оружейников, граверов и т. д. С несколькими франками в кармане ездил в Париж, голодал, спал на улице, но затем успешно работал на фабрике эльзасца Феликса Леви ²⁴⁸. В то же самое время «бредил литературой», пробовал писать, в 1876 году организовал драматический театр в Евпатории и сам играл на его сцене, издавал литературно-художественные издания в Одессе («Калейдоскоп», «Оса», «Сверчок» и др.). В 1881 году начал издавать журнал «Пчелка», с работы над которым началась многолетняя дружба с Л. О. Пастернаком, тогда еще учеником гимназии, привлеченным в качестве карикатуриста, и состоялось знакомство с младшей сестрой Л. О. Пастернака

Борисова Н. А. Автоматическая телефонная коммутация: легенды, версии, факты // Первая миля. 2017. № 8 (69). С. 70—75; Ее же. М. Ф. Фрейденберг об изобретательстве в России и за рубежом // Там же. 2020. № 6 (91). С. 72—80. Подробный очерк об этом разностороннем человеке о нем см.: Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья // Δόξα / Докса. 2021. № 1 (35). С. 181—215.

²⁴⁵ Там же. С. 196. Авторы приводят сведения о родителях М. Ф. Фрейденберга, но не указывают их источник.

²⁴⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 23.

²⁴⁷ В статье об отце Фрейденберг упоминает нескольких братьев помимо Михаила, но в Записках рассказывает только о старшем брате, народовольце Александре, изучавшем в Новороссийском университете химию и ослепшим от опытов. Он был женат на городской повивальной бабке Одессы Дарье Дмитриевне Фрейденберг (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 96—96 об.; Ее же. М. Ф. Фрейденберг (изобретатель автоматического телефона) // Архив О. М. Фрейденберг; Фрейденберг А. Революционная Одесса в конце 70-х годов // Былое. 1925. № 3 (31). С. 84—91.

²⁴⁸ Фрейденберг М. Ф. Русский в Париже: из воспоминаний русского непосада. Одесса: тип. М. Фрейденберга, 1889. [4], 144 с. В статьях Н. И. Лосич и Л. И. Бажитовой и С. А. и А. А. Троицких дата поездки в Париж — 1873—1874 гг., но тогда ему было всего 15—16 лет, при этом по тексту воспоминаний представляется более взрослый человек (Лосич Н. И., Бажитова Л. И. Две стихи // Телекоммуникации: история инноваций. СПб.: ЦМС им. А. С. Попова, 2010. С. 177; Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья // Δόξα / Докса. 2021. № 1 (35). С. 183). В статье же О. М. Фрейденберг об отце дата поездки не указана, но хронологически ее описание располагается после организации театра в Евпатории. Тем не менее сам М. Ф. Фрейденберг в письме к Л. О. Пастернаку от 11 ноября 1901 года писал: «Я в 16-ть лет уже пол-Европы исколесил», что может как раз свидетельствовать о той самой поездке в Париж.

Анной Осиповной, впоследствии ставшей его женой. Журнал имел огромный успех в Одессе и за ее пределами ²⁴⁹. Фрейденберг сотрудничал с другими одесскими и московскими изданиями.

Кроме литературы и журналистики, его страстью и призванием было изобретательство. В том же 1881 году Фрейденберг совершил несколько полетов на воздушном шаре собственной конструкции. К началу 1890-х годов он разрабатывал сразу несколько изобретений — универсальный объектив для фотокамеры, аппарат для воспроизведения движущейся натуры (кинетоскоп) и «телефонный самосоединитель» ²⁵⁰. Но разработка и создание моделей требовали объемного финансирования и на родине никого не заинтересовали. Попытки продвинуть изобретение в области автоматизации телефонной связи за рубежом также успехов не имели — большинством акций акционерного общества, созданного специально для строительства АТС системы Фрейденберга, завладела английская телефонная компания Bell, которая использовала ручные телефонные станции и препятствовала внедрению АТС, а изобретатель потерял права на часть своих изобретений и вернулся на родину ²⁵¹. За неудачами в изобретениях последовало разочарование в литературной деятельности в Одессе — ему было тесно в рамках провинциальной газеты, конфликты с коллегами привели к его уходу из «Одесских новостей» ²⁵². В марте 1901 года, уже будучи 42-летним отцом семейства, Фрейденберг получил аттестат Одесской общей ремесленной управы, пожалуй, единственный официальный документ об образовании, утверждающий его в звании мастера физико-механического ремесла по слесарно-механическому цеху, что позволяло жить вне черты оседлости ²⁵³. Одновременно ему поступило приглашение от редактора «Петербургского листка» Н. А. Скроботова (1841—1920) работать в столичной газете. Он с радостью согласился на переезд, надеясь в столице найти лучшее применение своим изобретательским и литературным талантам. В 1904 году накануне русско-японской войны он разработал проект подводной лодки, который представил царю, получил одобрение, но после убийства В. К. Плеве ²⁵⁴, проект был отложен и так

---

²⁴⁹ Чехов А. П. Письмо к Н. А. Лейкину от 22 марта 1885 г. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. М.: Наука, 1974. Письма: в 12 т. Т. 1: 1875—1886. С. 144; подробнее о журнале «Пчелка» см.: Щурова Т. В. «И светло, и легко, и отрадно...» // Дерибасовская — Ришельевская. Одесса, 2012. С. 314—326.

²⁵⁰ Борисова Н. М. Ф. Фрейденберг об изобретательстве в России и зарубежом // Первая миля. 2020. № 6 (91). С. 74.

²⁵¹ Там же. С. 75; Лосич Н. И., Бажитова Л. И. Две стихии // Телекоммуникации: история инноваций. СПб.: ЦМС им. А. С. Попова, 2010. С. 179—181.

²⁵² Письмо М. Ф. Фрейденберга Л. О. Пастернаку от 23 марта 1901 г. (Архив семьи Пастернаков. Москва).

²⁵³ Там же. См. также. Лосич Н. И., Бажитова Л. И. Две стихии. С. 177.

²⁵⁴ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — государственный деятель Российской Империи, с 1902 года министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов. Проводил жесткую политику в отношении оппозиционных и революционных движений. Поводом для организации покушения на него послужили еврейские погромы

и не был использован к начавшейся войне ²⁵⁵. Последнее его изобретение касалось типографского дела — это была усовершенствованная буквоотливная машина, охранное свидетельство и привилегию, на которую он получил в 1908—1909 годах ²⁵⁶, но и только. Уже после революции, работая в 15-й государственной типографии в Петрограде, Фрейденберг познакомил А. В. Луначарского со своим изобретением. Нарком просвещения заинтересовался и обратился с отношением к наркому Совета народного хозяйства В. М. Молотову с просьбой об обследовании изобретения и содействии в его реализации. Это письмо датировано апрелем 1919 года ²⁵⁷, но в августе следующего года Фрейденберг скончался, и модель буквоотливной машины простояла в кладовке у дочери до ее смерти ²⁵⁸.

Во второй своей «стихии» — литературе — Фрейденберг также не получил признания. Многолетняя работа журналистом позволяла много публиковаться, но в основном это были жанры обзоров, заметок, злободневных фельетонов ²⁵⁹. Фрейденберг пробовал себя и в драматургии. Совместно с переводчиком и либреттистом И. Г. Яроном написал либретто к оперетте-шарж

в Кишиневе в апреле 1903 года. Убит эсэром — студентом Е. С. Созоновым, бросившим бомбу в его карету 15 (28 июля) 1904 года.

²⁵⁵ См. письма М. Ф. Фрейденберга Л. О. Пастернаку от 29 января и 29 июня 1904 года (Архив семьи Пастернаков. Москва), в которых Фрейденберг рассказывал о своем изобретении и просил приехать, чтобы нарисовать чертеж лодки, так как никому не хотел его доверить. Во втором письме он рассказывает и о судьбе изобретения: после одобрения Николая II, проект заинтересовал великих князей и «странствовал» по их дворцам, бумаги были разделены и едва не потеряны, а когда все было собрано вновь, убийство Плеве «затормозило» рассмотрение дела, а между тем аналогичный проект появился за границей. О безуспешной попытке представить проект в 1914 года см.: Рабинянц А. Г. Борис Пастернак и Петербург // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 256.

²⁵⁶ Охранное свидетельство Министерства торговли и промышленности № 36373 (11.12.1908) и привилегия на наборную буквоотливную машину на имя М. Ф. Фрейденберга № 20448 (17.11.1909) были переданы в 1949 году сначала в Музей связи им. А. С. Попова (Акт передачи от 30 ноября 1949 г. // Архив О. М. Фрейденберг), а оттуда — в Политехнический музей в Москве (Переписка Р. Р. Орбели с Государственным политехническим музеем о передаче буквоотливной машины М. Ф. Фрейденберга, 1956—1958 гг. // Там же).

²⁵⁷ Фрейденберг О. М. М. Ф. Фрейденберг (изобретатель автоматического телефона). Л. 24 (Архив О. М. Фрейденберг).

²⁵⁸ Ее макет был передан Р. Р. Орбели в Политехнический музей в Москве в 1956 г. (Переписка Р. Р. Орбели с Государственным политехническим музеем о передаче буквоотливной машины М. Ф. Фрейденберга, 1956—1958 годы // Там же), где ныне и храниться: <https://polymus.ru/ru/museum/fonds/stock/mashina-nabornaya-bukvootlivnaya-konstruktsii-m.f.freydenberga-92128/> (дата обращения: 18.09.2025) вместе с другими документами.

²⁵⁹ Некоторые из них были опубликованы отдельными изданиями: Фрейденберг М. Ф. [псевд. — Оса]. Находчивый редактор и «еврейский вопрос»: [житейские метаморфозы в 10 картинах]. Одесса: тип. «Одесского вестника», 1885. 8 с.; Его же. Гамлетовский вопрос. Монолог кассира. Одесса: тип. «Одесского вестника», 1885. 16 с.

«Фауст»²⁶⁰, комедию в четырех действиях «Профессор Ясенов» (1892), провалившуюся как в Одессе, так и в Петербурге²⁶¹. Ни одно из сравнительно крупных литературных произведений Фрейденберга не сохранилось²⁶², но из писем от 12 и 26 ноября А. Н. Пыпину, редактору «Вестника Европы», известно, что Фрейденберг работал над романом «Марера» и даже пытался его опубликовать²⁶³. С. А. и А. А. Троицкие, обнаружившие эти письма и посвятившие Фрейденбергу большой биографический очерк, считают, что изобретатель с его интересом к изобретательству как способу усовершенствования жизни пытался и через литературу усовершенствовать человеческие нравы. Роман, видимо, показался редактору слабым и опубликован не был. Сюжет, кратко изложенный в письме к Пыпину, — простой и социальный: судьба служанки в современном автору мире, где все герои являются типичными представителями среды и результатами ее влияния. О литературных достоинствах произведения трудно что-либо сказать, но в сюжете воплотились те проблемы, с которыми Фрейденберг сталкивался постоянно: общественные условности и ограничения среды, которые губят человека и которых он всеми силами пытался избегать²⁶⁴.

Фрейденберг, родившись в еврейской семье, не был религиозен и тяготился своим происхождением как ограничивающим его права и свободы, но, по всей видимости, так и не крестился: «Ты хорошо знаешь, Ленчик, что я давно перерос всякие формы религиозные, политические и пр. Я так же мало верю в Мессию, как в парламент, народн[ое] представ[ительство] и т. д. Я ненавижу всякую тиранию, как бы она ни называлась. Моя религия — человек, справедливость, доброта. Я люблю ближнего (по крайн[ей] мере, стараюсь любить) как самого себя и не желаю

²⁶⁰ Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья // Δόξα / Докса. 2021. № 1 (35). С. 191.

²⁶¹ Фрейденберг О. М. М. Ф. Фрейденберг... Л. 11. Эта комедия в трех экземплярах (цензорский экземпляр от 14 января 1892 года № 327 и еще два экземпляра без даты) упоминается в «Списке патентов и рукописей М. Ф. Фрейденберга» (Архив О. М. Фрейденберг), но не значится в актах передачи в различные музеи и в самом архиве отсутствует. В письме к Л. О. Пастернаку от 23 июня 1901 года, уже после переезда в Петербург, М. Ф. Фрейденберг сообщает, что у него в чемодане лежат пять драматических произведений, которым он надеется дать ход в столице (Архив семьи Пастернаков. Москва). О постановке пьесы в Одессе и разной реакции на нее театральной критики см.: Билык А. А. Театрально-критическая элита «Одесского листка»: конец XIX — начало XX века // Дерибасовская — Ришельевская, 2007. № 30. С. 232—233.

²⁶² Сохранились несколько мемуарных свидетельств Фрейденберга: изданные им самим вышеупомянутые путевые записки о поездке в Париж «Русский в Париже: из воспоминаний русского непоседа» (Одесса, 1889), являющиеся образцом вполне достойной мемуарной прозы, а также неопубликованные «Воспоминания изобретателя», «25 лет цензурской опеки», «Первый драматический театр в Евпатории», написанные в 1913 году и служащие прекрасным источником по истории провинциальной журналистики и театра, а также российского изобретательства (см. Борисова Н. А. М. Ф. Фрейденберг об изобретательстве в России и за рубежом // Первая миля. 2020. № 6 (91). С. 72—80).

²⁶³ ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин, А. Н.). Д. 941.

²⁶⁴ Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья // Δόξα / Докса. 2021. № 1 (35). С. 191—193.

другому того, чего не желал бы себе»²⁶⁵. Но сына своего крестил, «чтобы вернуть ему права, утраченные при рождении»²⁶⁶. И собирался креститься, и крестил бы всю семью при угрозе высылки из Петербурга, если бы не было другого выхода²⁶⁷.

Неудачи не останавливали и не ожесточили Фрейденберга. Не заинтересовав своими изобретениями российскую провинцию, он отправился за границу. Потерпев неудачу там, вернулся в Россию и не устал предлагать стране, где он был ограничен в правах по рождению, свои новые изобретения. После революции он так же старался принести свои таланты на службу людям, хотя видел вокруг только распад и разрушение. Он не разделял политику Антанты по отношению к революционной России не потому, что сожалел о разрушении империи, а потому, что это ведет к страданиям и гибели людей: «разные дипломаты и политики — потирают руки от удовольствия по поводу блестящих результатов придуманной ими блокады несчастной России и спокойно дожидаются сведений: сколько еще человек погибло жертвою их системы»²⁶⁸. Ему было тесно в провинции, но не стало свободнее ни за границей, ни в столице. О. М. Фрейденберг писала о нем: «Самоучка, не получивший никакого образования, отец был подлинно образованным и просвещенным человеком, с широким и ясным умом, с поразительным диапазоном взглядов, глубоко человеческий, земной, многогранный. В нем не было двух вещей, — и не этим ли человек и познается? — догмы и заднего ума. <...>. Он знал и любил жизнь, был грешен своими страстями, и это делало его человеческим и теплым. Он никого в жизни не унижил»²⁶⁹. Среди его знакомых были люди различных сословий, положения, вероисповеданий — грузчики, ремесленники, актеры и актрисы, писатели и поэты, ученые, газетчики и литераторы всех мастей, но и чиновники, и министры²⁷⁰. Он признавался при этом, что «всегда стоял в стороне от всего, что отдавало партией, кружковщиной»²⁷¹, и не сохранял ни полезные, ни бесполезные знакомства.

---

²⁶⁵ Письмо М. Ф. Фрейденберг Л. О. Пастернаку от 9 декабря 1901 г. (Архив семьи Пастернаков. Москва).

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Письмо А. О. Фрейденберг Пастернакам [1903] (Там же).

²⁶⁸ Письмо М. Ф. Фрейденберга Л. О. Пастернаку от 1 января 1920 г. (Там же).

²⁶⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 25.

²⁷⁰ Фрейденберг консультировался с Д. И. Менделеевым по поводу химического состава для аэростата (Письмо М. Ф. Фрейденберга проф. Д. И. Менделееву от 14 апреля 1880 г. // ЦМС ДФ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 19), работал в Одессе под началом С. Ю. Витте, бывшем тогда начальником эксплуатации Юго-западных железных дорог (Лосич Н. И., Бажитова Л. И. Две стихии // Телекоммуникации: история инноваций. СПб.: ЦМС им. А. С. Попова, 2010. С. 177), затем много общался с ним в Петербурге уже как редактор «Петербургского листка», см. письма А. О. Фрейденберга Пастернакам от 20 и 21 октября 1905 года (Архив семьи Пастернаков. Москва).

²⁷¹ «Ленчик, теперь подумай, в каком положении я, я, не владеющий кистью, отставной литератор, всегда стоявший в стороне от всего, что отдавало партией, кружковщиной? <...> мне претило всякое сектантство. Я в своей

Зато презирал чины и репутации и предпочитал общаться с сомнительными с точки зрения общества людьми «из неприязни к моральному высокомерию и самодовольству, из неуважения к приличию, которое было в его глазах фальшью» ²⁷². И к концу жизни он почти все потерял и оказался в полном одиночестве. Б. Л. Пастернак писал о нем в неотправленном письме зимой 1913 года: «Люди захвачены настоящей минутой, которая никому не принадлежит и обнимает их общей бесцветною средою «данного времени» — действительности. Непрерывно наступает все новое и новое настоящее, столь мало принадлежащее, как случайность, постигшая без различия всех. И только прошлое, по-видимому, множится в интимные ряды. Однако я встречал несколько личностей, которые как бы дышат своим собственным временем, у которых показанья их часов, может быть, только — уступка общественному порядку. Что это означает? Это означает, во-первых, некоторую черту бессмертия, проникающую их движения. И затем это говорит о какой-то одинокой их близости со своей судьбой. Судьба эта нисколько не поработает их. Но она как-то неизменно родственна им, как близнец — обязанный тому же как они происхождению.... Присутствие таких людей как-то прерывает действительность: с ними говоришь и уже как будто воспоминание твое повествует о них, вероятно потому, что они никогда не вступали в безразличную среду нашего настоящего» ²⁷³.

Ни одно из изобретений Фрейденберга не было внедрено, более того, о некоторых из них сохранились сведения только в его воспоминаниях и письмах. Его имя было бы навсегда забыто в истории науки, литературы и журналистики, если бы накануне ареста его сын, не передал его воспоминания вместе с другими бумагами сестре, а та, в свою очередь, ввела его имя в историю науки в конце 1940-х, когда государству, борющемуся с космополитизмом, понадобилось утверждать национальный приоритет в мировых открытиях ²⁷⁴.

Мать Фрейденберг, Анна Осиповна (1860—1944), была младшей дочерью в традиционной еврейской семье Пастернаков, происходивших, по семейной легенде, из старинного еврейского рода Абрабанелей ²⁷⁵. Она была единственной из дочерей, кто закончил гимназию, хорошо

писательской деятельности был один, всегда один, да и вся эта слава меня весьма мало занимала» (письмо М. Ф. Фрейденберга Л. О. Пастернаку от 1 января 1920 г. // Архив семьи Пастернаков. Москва).

²⁷² Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 25 об.

²⁷³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 81—82.

²⁷⁴ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 326—331.

²⁷⁵ Эта легенда изложена в «Записке о роде Абрабанелей» и сохранилась в архиве О. М. Фрейденберг. Она написана «пастернаковским почерком», скорее всего, кузеном Л. О. Пастернака, Карлом Евгеньевичем Пастернаком, который имел «подлинную „родословную грамоту“, ведущую прямую связь с дон Исааком Абарбанеллом!..» (Копельман З. Л. Письма Л. О. Пастернака Х. Н. Бялику // *Studies in modern Russian and Polish culture and bibliography*. Stanford: [s. n.], 1999. P. 259].

играла на рояле. Влюбившись в знакомого своего младшего брата, вышла за него замуж без разрешения и благословения родителей и, разумеется, без приданого и посвятила жизнь мужу и детям. Была очень горда, эмоциональна и экспансивна. При разногласиях с мужем нередко угрожала уходом ²⁷⁶, но по части морали была строга и непреклонна: «Страшно наивная, прямолинейная и без всяких обиняков чистая, мама имела тонкую и нежную душу дневного цветка. Страстей она не знала и так и не узнала <...> Мама, как Пастерначка с голубыми глазами, дышала горным воздухом, была, словно перпендикуляр, пряма. У нас не судили людей, не сплетничали и не приземлялись. Но она наивно верила в универсалии. Она верит до сих пор, что ее мораль универсальна, что брак священен, что существует недвижимое имущество добродетели и порока» ²⁷⁷. Экспансивность натуры раскрывалась в ее письмах с «пунктуационным „нигилизмом“ и своеобразной орфографией» ²⁷⁸, снабженных иногда комическими рисунками, которые она посылала родственникам в Москву, Берлин и Мюнхен, а также другим знакомым ²⁷⁹. О твердости ее характера можно судить по болезненному эпизоду в отношениях двух семей, когда она страшно обиделась на Леонида Осиповича, который, вероятно, недостаточно «правильно» отозвался на смерть М. Ф. Фрейденберга, и на несколько лет прекратила переписку с семьей Пастернаков ²⁸⁰. Она горячо поддерживала стремления дочери учиться в университете, хотя отец был против, как был всегда против ценза, и была первой читательницей ее научных работ, вместе с ней переживая их трагическую судьбу. Всю блокаду она провела в Ленинграде и умерла после долгой болезни 9 апреля 1944 года.

В семье, кроме Ольги, были еще два старших сына. Средний, Евгений (1887—1901), умер в Одессе от аппендицита, что, возможно, послужило еще одной причиной для переезда семьи в Санкт-Петербург.

Старший брат Александр пошел по стопам отца, унаследовав его талант к изобретательству и интерес к техническим новинкам. Еще будучи гимназистом, изобрел мотоциклетный

---

²⁷⁶ «Мать держала меня в страхе своих вечных уходов. То она собиралась поступить на курсы шитья и стать швейкой; то уехать в Москву к брату, то еще что-то. К счастью, она была гордая, взбалмошная, горячая; ее порывы проходили, а гордость удерживала» (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 33; см. также письма А. О. Фрейденберг к Пастернакам 1903 года // Архив семьи Пастернаков. Москва).

²⁷⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 32.

²⁷⁸ Флейшман Л. С. Из семейной переписки Пастернаков: [предисловие к публикации] // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 20, прим. 30.

²⁷⁹ Фрейденберг О. М., Фрейденберг А. О. Из семейной переписки Пастернаков. Письма О. М. и А. О. Фрейденберг к родным в Германии / публ. Н. Костенко и Л. Флейшмана // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 21—155. См. также письма А. О. Фрейденберг к С. В. Поляковой (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 2—3, 49—50, 52—53).

²⁸⁰ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 87—89.

двигатель собственной конструкции. А в 1908 году в петербургской прессе сообщалось об изобретении «прибора для взрывания мин и фугасов посредством беспроволочного телеграфа» и успешном его испытании студентом Электротехнического института Фрейденбергом, который «известен как строитель первого автомобиля в России и как первый изобретатель ревертинового бензинового двигателя» ²⁸¹. В какое время он сменил фамилию и стал Александром Михайловичем Михайловым, неизвестно. В Петербурге перед Февральской революцией, по свидетельству сестры, он отвечал за городской автотранспорт, который в «полной сохранности» передал «народу» ²⁸². После революции продолжил служить «по автомобильной части» ²⁸³. Затем работал главным инженером по спецпроизводству на ленинградском Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ им. ОГПУ), занимаясь разработкой и изготовлением оборонной продукции, после увольнения работал инженером по оборудованию в Ленинградском парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова ²⁸⁴. После ареста в марте 1937 года жены ²⁸⁵ пытался хлопотать об ее

---

²⁸¹ Русское слово. 1908. 19 мар. Цит. по: Тюляков С. П. Фамилия мастеров высокой марки // Военно-промышленный курьер. 2009. 4 нояб. (43).

²⁸² Фрейденберг. О. М. Тетр. 1—2. Л. 76.

²⁸³ Письмо М. Ф. Фрейденберга Л. О. Пастернаку от 1 января 1920 года // Архив семьи Пастернаков. Москва.

²⁸⁴ Тюляков С. П. Фамилия мастеров высокой марки // Военно-промышленный курьер. 2009. 4 нояб. (43).

²⁸⁵ Михайлова Мария Мартыновна (1903—19??) была арестована 9 марта 1937 года по обвинению в шпионаже (ст. 58-6 УК РСФСР). В ноябре 1937-го приговорена к исправительным работам сроком на пять лет. 6 июля 1942 года освобождена из Севвостлага НКВД (Магаданская область) по окончании срока наказания, но с запретом жить в Ленинграде. После освобождения вторично вышла замуж (в замужестве — Филоненко), реабилитирована в 1958 году. Проживала вместе с мужем в Мелитополе (ответ Управления Федеральной службы контрразведки РФ по Ленинграду и Ленинградской области по делу А. М. и М. М. Михайловых от 11 марта 1994 года // Архив О. М. Фрейденберг).

освобождении, подарил Эрмитажу коллекцию монет ²⁸⁶, но сам был арестован в августе и расстрелян в январе следующего года ²⁸⁷.

Фрейденберг писала о нем: «Взбалмошный, недисциплинированный, буйный, как ветер, он по-своему, очень странно смотрел на мир, был гениально талантлив (играл, лепил, рисовал), знал, как отец, все ремесла, был лишен самых элементарных черт буржуазной культуры. Этот человек ничему не подчинялся, жил в стороне от общепринятого. Скромный, застенчивый и дикий, он мог буяннить и плевать в лицо каким угодно авторитетам. Чины, возрасты, общественная значимость в его глазах не различались, как цвета: он был дальтонист (и сильно заикался). Его широкая натура, страсть к сопротивлению всему тому, что считало себя правомочным, — в том числе и к злу, — делало его совершенно необычным. Для него все житейские узаконенья и люди казались баней, где все одинаково голы и отличаются только телосложением. <...> Сердцем он всех нас глубоко любил, но языком глумился, и несчастная, вечно зависимая мать (которую он буквально обожал и которой был особенно близок) не раз хотела наложить на себя руки из-за

---

²⁸⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 10. Л. 126 об. Михайлов был известным в кругах нумизматов коллекционером, членом секции Ленинградского общества коллекционеров (ЛОК), где часто выступал с научными докладами, был хорошо знаком с сотрудниками Эрмитажа, в частности с заведующим отделом нумизматики и глиптики А. А. Ильиным. Он несколько раз передавал в музей части своей коллекции. В 1926—1928 годах это был обмен, в результате которого он отдал свою коллекцию мелких западноевропейских монет (4292 экз.), что помогло музею восполнить фонды после возвращения коллекции Нумизматического кабинета Варшавского университета Польше в 1928 году. Другую часть коллекции, состоявшую из рублей времени Петра I (450 экз.), и ее подробное описание на 350 страницах с фотографиями Михайлов завещал Эрмитажу еще в 1936 году, но незадолго до ареста действительно направил председателю по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцеву (Лебедеву) письмо с предложением передать в дар музею свою коллекцию, упомянув свои былые заслуги: участие в Октябрьской революции, знакомство с Лениным и Кировым. Она была передана тещей Михайлова, О. И. Шмидт, в марте 1938 года, уже после его расстрела. (Подробнее о нумизматической деятельности, интересах и судьбе коллекции Михайлова см.: Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука, 1970. [Т.] 8. С. 211, 219; Глейзер М. М. XX век: любительская нумизматика в Петербурге — Петрограде — Ленинграде — Санкт-Петербурге. СПб.: [б. и.], 2009. 78 с.; Краснов Р. В. Из истории изучения и коллекционирования монет Петра I: каталог Александра Михайловича Михайлова // Нумизматика. 2011. № 2 (29). С. 64—67; Калинин В. А. Александр Михайлович Михайлов: судьба коллекционера и его коллекции // Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. СПб.: Гознак, 2020. Вып. 3. С. 370—374).

²⁸⁷ По свидетельству Фрейденберг, О. И. Шмидт сказала ей, что Александр отправлен в Читу на пять лет без права переписки (Тетр. 10. Л. 130 об.—131 об.). Того, что это означает расстрел и что такого наказания, как «5 лет без права переписки», не существует Фрейденберг не знала, ждала его освобождения по окончании срока и до начала 1950-х не теряла надежды на его возвращение (он указан в первых двух вариантах завещания). Р. Р. Орбели в ответ на обращение в УКГБ по Ленинградской области в 1955 года было сообщено, что Михайлов скончался 15 июня 1944 года от инфаркта миокарда (Архив О. М. Фрейденберг). На самом деле он был приговорен 3 января 1938 года к высшей мере наказания и расстрелян через неделю, 9 января (Ответ Управления ФСК... // Там же).

страшной его опеки. Меня он, нежно любя, преследовал. А нащупав мою слабую сторону, преследовал мою науку, оскорблял — и гордился мной ²⁸⁸. <...> Доведя нас с мамой до обморока, он отправлялся в магазин и приносил в нереальных количествах всяких деликатесов, обнимал нас и весело угощал, с гениальным остроумием выдумывая сценки о нас, о людях, о знакомых, — и все это поражало неожиданными сопоставлениями, смелостью мысли, необыкновенной свежестью чувства и юмора» ²⁸⁹.

Семья Фрейденберг в большой степени была лишена сословных, религиозных и многих других условностей и предрассудков. Это в значительной мере определило и ее жизненные установки: «И я росла, не получая ни одной порции из тех условностей, сумма которых называется жизнью. Он [отец] давал мне воспринимать мир таким, каким он входил в мою душу. Он потакал моим наклонностям и обожал их, он культивировал мою мечтательность и воображение» ²⁹⁰.

До переезда в Петербург ее жизнь была заключена в тесный домашний круг: родители, братья, кузены, бабушка и дедушка, дядя и тетушки. С первыми социальными условностями и предрассудками она встретилась, поступив в гимназию, и в ней раскрылся «общественный человек». Учительница оскорбила гимназистку из бедной семьи, что вызвало у Фрейденберг активный протест, она «выгнала классную даму, скамьями забаррикадировала дверь и в страстной форме стала поднимать класс к бунту» ²⁹¹. Это действие произвело на всех столь сильное впечатление, что начальница гимназии ее не отчислила, но, запомнила, и Фрейденберг «попала в атмосферу ненависти и затаенной мести, задекорированной светским приличием» ²⁹², которая в старших классах разрешилась скандалом ²⁹³. И этот, возможно, первый опыт борьбы с несправедли-

---

²⁸⁸ Михайлов имел связи и знакомства в различных кругах и помогал Фрейденберг разными способами, например страшно дефицитной после революции бумагой: в 1923 году достал лист бумаги для ее диплома, поскольку в университете отсутствовала бумага даже для квалификационных свидетельств; в 1935-м «организовал» бумагу и типографию для тезисов ее докторской диссертации, где отметил как технический редактор (Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы / [отв. ред. Якубинский; техн. ред. А. М. Михайлов]. Л.: ЛИФЛИ, 1935 (тип. Госфиниздата им. Котлякова). 15 с.); в 1936-м договорился о бумаге для издания студенческих переводов «Характеров» Теофраста, осуществленных под руководством Фрейденберг (издан в 1941 году в «Ученых записках ЛГУ», вып. 7(63); подробнее см.: Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 145—148). В том же году снабдил ее неопубликованную статью «Семантика постройки кукольного театра» (1926) рисунком тушью за своей подписью (Архив О. М. Фрейденберг).

²⁸⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 47.

²⁹⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 26—26 об.

²⁹¹ Там же. Л. 35.

²⁹² Там же.

²⁹³ См. п. 1.2.1, с. 33.

востью определил ее положение в любом «обществе» как человека, живущего и поступающего согласно собственными жизненным принципам, а не признанным общественным установкам.

По окончании гимназии она не стала работать домашней учительницей, как многие ее одноклассницы, уже на этапе найма ощутив свое положение унижительным ²⁹⁴. Зато из любви к книжным переплетам захотела работать фальцовщицей. И поступила в мастерскую простой работницей, разделяя с женщинами из другого социального круга их тяжелый труд в суровых условиях ²⁹⁵.

Во время Первой мировой войны, как ее гимназические подруги и многие женщины в Петрограде, Фрейденберг стала сестрой милосердия, причем работала в солдатских лазаретах, а ее сердечные симпатии были отданы офицерам из солдат ²⁹⁶. Она не только заботилась о раненых в госпиталях, водила в театры и читала книги, но также выступала как доверенное лицо в их взаимоотношениях с разного рода инстанциями ²⁹⁷.

Ее резкая, иногда буквально физиологическая реакция на фальшь, несправедливость и предрассудки распространялась не только на социальные отношения и выражалась не только словами и однозначно направленными действиями. После того как в 1911 году Фрейденберг заболела туберкулезом, немецкий врач отправил ее на лечение в Швейцарию, дав различные рекомендации, включая запрет читать книги и особенно стихи, чтобы не усугублять болезнь лишними волнениями. Только Мопассана он позволил взять с собой, считая его легкомысленным беллетристом. Но Фрейденберг так не считала: «Первое знакомство с искусством играло в моей жизни роль целых биографических этапов. С Мопассаном у меня было связано глубокое разочарование

---

²⁹⁴ «В неумытой до-революционной России деление на господ и холопов было очень резкое. За внешним приличием тона слышался наем, и тот, кто предлагал труд, воспринимался, как батрак. Это делалось тонко, но внятно. О, я в этом пункте была слишком чувствительна! Для меня нестерпимо унижение человека, унижения пережить я не в состоянии, я ли это или другой кто. И дело кончалось тем, что я с оскорбительным высокомерием вставала и уходила» (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 83 об.—84).

²⁹⁵ «Смешно, что не могу побороть гнусного чувства трепета и недоброжелательства по отношению к хозяину. Там совсем другой мир. Возврат к своему и от него к этому был сначала для меня мучителен. Отношения между нами, фальцовщицами, очень хороши и естественны, но только обстановка плоха по неизбежности: сырость, сильный холод, промозглость <...> полу-жилой флигель, мертвого цвета охры, который торчит перед глазами работниц с 9 ч. утра до 7 часов вечера; за которым не видно ни солнца, ни неба, и который символизирует однообразную и нищенскую молодость работающих женщин. Самое же страшное — это то, что ничего в этом страшного нет, и все очень просто и жизненно» (Письмо О. М. Фрейденберг М. С. Лившицу [от 20 октября 1913 года] // Архив О. М. Фрейденберг).

²⁹⁶ Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 22, 30, прим. 6.

²⁹⁷ Там же. С. 23—25. См. также: Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 146—147.

жизнью, то чисто человеческое разочарование, которое испытывает именно человек, когда впервые его глаза открываются на жизнь и на его место в жизни. <...> Возможно, что он всегда так мне близок потому, что в нем яркость жизненных соков уживается со смертельной грустью и большим самосознанием»²⁹⁸. Местный эскулап принялся усердно лечить больную: «Господин придворный советник, главный врач, повел на меня вражескую атаку. Он разрисовал мне спину синим карандашом, мерзавец, из пальца брал кровь, залил меня сливками с маслом и маслом со сливками, назначил углекислые ванны, от которых я едва оставалась жива, заставлял натирать мне тело зеленым мылом и массировать его. Это был поединок, молчаливый, но упорный. Я читала Мопассана. И велико было мое злорадство, когда ученый немец еженедельно меня взвешивал, и еженедельно я теряла в весе. О, я была счастлива!»²⁹⁹ Фрейденберг поправилась, лишь когда переехала во французскую Швейцарию, где не нужно было доказывать величие Мопассана.

Так же она боролась и за Оскара Уайльда. «Портрет Дориана Грея» потряс и «захлестнул» Фрейденберг. Отец, когда она делалась впечатлением от романа, решил осторожно просветить дочь, по его мнению, не понявшую «истинного» смысла отношений между мужскими персонажами или, возможно, убересть от реакции общества на ее слишком страстное восхищение книгой, по его мнению, «безнравственной и возмутительной по порочности»³⁰⁰. Подруга Фрейденберг, до того восхищавшаяся романом, узнав о гомосексуальности Уайльда, в ужасе отшатнулась от книги. Но Фрейденберг, несмотря на авторитет отца, выдержав с ним долгий и тяжелый разговор, осталась при своем мнении: «Но все эти нравственные сентенции папаши меня не трогали. Было только дико, что в «Дориане» не видят слона, а говорят о букашках менее булавочной головки. <...> Подумайте, какое святотатство: к новой мысли, к новым горизонтам подходят все с той же старой житейской моралью! С моралью, которая сама по себе давно уже выдохлась и не годится ни к черту»³⁰¹.

Удивительно остро Фрейденберг почувствовала, как время делает бессмысленными светские условности. В воспоминаниях она описывает один из своих приездов в Москву и прием у

---

²⁹⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 71. Мопассан был предметом обсуждения и с Борисом Пастернаком: «Вот Мопассан — у него желания всегда осуществляются, а, между тем, нет писателя более грустного, пессимистического, прямо безнадежного. Мне еще не приходилось с тобой говорить о Мопассане; если б слово любовь не было так бессодержательно и условно, я сказала бы, что люблю его, страшно люблю» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 23).

²⁹⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 72 об.

³⁰⁰ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 175.

³⁰¹ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 175—176.

Пастернаков, с чинно накрытым столом, чашечками шоколада, интеллигентным московским «обществом», осматривающим мастерскую дяди-художника. И вот на этом приеме неожиданно появился ее дядя, Карл Евгеньевич Пастернак, двоюродный брат Леонида Осиповича, австрийский поданный, которого она помнила в детстве как бравого, блестящего авантюриста, рассказывающего невероятные истории. Сейчас он выглядел как маленький, дряхлый и беспомощный старик. Этот контраст вызвал у молодой женщины слезы, которые она не в силах сдержать ³⁰².

А позже на экзамене в университете она не смогла сдержать смех, когда ответ на вопрос по античному искусству неожиданно для нее оказался до пошлости банальным: «Опустив глаза, я тихо вздрагивала от душившего меня хохота. Он задал третий вопрос о трех стилях, и так как я продолжала смеяться, ответил ужасной пошлостью — „благородный, строгий, изящный“». Я нахально и безмолвно смеялась. Экзаменатор встал. — Вы, я вижу, веселая. Но ровно ничего не знаете, самых элементарных вещей» ³⁰³. Экзамены были уязвимым местом Фрейденберг, она потому так поздно поступила в гимназию, что органически не могла их сдать: «система деланного опроса всегда вызывала какое-то внутреннее сопротивление, тормозившее мысли». Экзамен по античному искусству знаменитому сотруднику Эрмитажа профессору О. Ф. Вальдгауэра она так и не сдала, но не сомневавшийся в надлежащем уровне ее знаний Жебелев поставил ей отличную оценку ³⁰⁴.

1.3.2. Конфессиональная и национальная идентичность О. М. Фрейденберг

Как уже говорилось, семья Фрейденберг формально принадлежала к иудейскому вероисповеданию, но религиозной не была. О какой-либо иудейской обрядности в семье в Записках и письмах не упоминается. Известно лишь, что Анна Осиповна поздравляла с еврейскими праздниками семью брата Л. О. Пастернака. Фрейденберг вспоминала, что после примирения с родителями Анны Осиповны они возобновили общение, но дед, Иосиф Акивович Пастернак, никогда не ел и не пил в их доме, возможно соблюдая кашрут ³⁰⁵. Во время начавшейся в 1901 году вспышки чумы в Одессе Анна Осиповна, видимо, находясь в сильнейшем волнении, написала

---

³⁰² «Зрелище лицемерной суеты, дам с лорнетками и светской пошлости — и тут же гримаса Времени, уничтожающего человека... Я вспомнила, как дядя Карл был молод и искрист, как, по семейному преданию, он был влюблен в одну из моих теток... посмотрела на него... и неудержимые рыдания стали вырываться у меня из груди. <...> Тетя подбегает, уводит меня поспешно, никто не понимает, в чем дело... Гостям говорят, что я больна» (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 76—77).

³⁰³ Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 34 об.

³⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698. Л. 2.

³⁰⁵ И. А. Пастернак был видным членом местной еврейской общины, но в конце жизни демонстративно порвал с ней, оставаясь при этом глубоко религиозным человеком (Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 15; Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 22 об.).

мужу с просьбой крестить сына, таким магическим образом надеясь его защитить от смертельной болезни ³⁰⁶. Переезд в Петербург всей семьи в условиях законодательства о евреях, процентной нормы и правил перехода из одной гимназии в другую требовал, чтобы Александр Фрейденберг был крещен. После долгой эмоциональной переписки супругов крещение все же состоялось, и Александр поступил в одну из лучших гимназий Петербурга — гимназию Гуревича, и семья в полном составе обосновалась в городе ³⁰⁷.

В связи со слухами об ужесточении законодательства о проживании евреев в столице М. Ф. Фрейденберг в 1903 году снова поднял вопрос о крещении остальных членов семьи. Это снова вызвало бурные эмоции у Анны Осиповны в том числе из-за Оли, которая креститься не желала ³⁰⁸.

Первое упоминание в Записках о еврействе относится к периоду раннего детства, когда Фрейденберг впервые услышала, что есть евреи и русские, и задала матери типичный детский вопрос: «мухи — евреи или русские?» ³⁰⁹ Следующий раз эта тема поднимается, видимо, когда она категорически отказалась креститься: «Был возраст, когда хотелось припасть к внешнему, повесить над кроватью вид Иерусалима или получить бога, по возможности национального, одетого, почти губернского. Но это исчислялось неделями. В семье не было никаких поводов обращаться в веру, и это настолько расхолаживало меня, что я первая совершенно охладела» ³¹⁰. Но тем не менее сохранила иудейское вероисповедание, что стало одной из причин травли в гимназии ³¹¹. При этом посещала уроки Закона Божьего ³¹², хотя не была обязана, а после гимназии вместе

---

³⁰⁶ Письмо А. О. Фрейденберг Пастернакам от 11 ноября 1901 г. (Архив семьи Пастернаков. Москва).

³⁰⁷ Письма М. Ф. и А. О. Фрейденбергов 11 ноября — 9 декабря 1901 года (Там же).

³⁰⁸ «Но вот главное и самое больное! Оля не хочет... ей жаль еврейства!.. Представьте: она ярая еврейка» (письмо А. О. Фрейденберг Пастернакам [1903 г.] // Там же).

³⁰⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 26 об.

³¹⁰ Там же. Л. 2. об.

³¹¹ Письмо О. М. Фрейденберг М. С. Лившицу [б. д.]: «И меня в гимназии травили, не только на словах, как жидовку, но мучали физически, доводили до изнеможения, сворачивали назад руки, били и натравливали всех негодяев из прочих классов. <...> Травили подонки, но как характерны два факта: 1) эти подонки были компанией Лены [Лившиц], и она смотрела в качестве веселой зрительницы; 2) зачинщицей словесных поношений и травли была Семенович, крещеная жидовка» (Архив О. М. Фрейденберг).

³¹² В записных книжках Фрейденберг сохранилось расписание, где вписан этот предмет, а ведущий его преподаватель, отец В. И. Жмакин (1853—1907), выпускник Петербургской духовной семинарии, протоиерей церкви Николаевского кадетского корпуса и законоучитель корпуса, ученый-богослов, редактор журнала «Церковные ведомости» (Хвалин А. Великий пост в судьбе Императора Павла I Петровича // Русская линия. 107. 6 апр. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=111438> (дата обращения: 18.09.2025)), о его смерти упоминается в письме к Е. С. Лившиц от 27 мая 1907 года (Архив О. М. Фрейденберг).

со своими друзьями слушала проповеди Р. А. Орбели, интересовалась баптизмом³¹³, правда, в переписке с Марком Семеновичем Лившицем (1893—1953), братом гимназической подруги Елены, отзывалась о его деятельности довольно иронично и сочиняла об этом шуточные стихи и рассказы³¹⁴. 1917 год она встретила в церкви вместе с солдатами³¹⁵. А в письме к Лившицу от 8 апреля 1917 года определяет себя «индивидуалисткой, верующей в космос»³¹⁶. Ее духовные поиски и сложившиеся представления о мире и «совершеннейшем сверхличном» не совпадали ни с одной религиозной доктриной: «Он [Бог] был для меня универсом и совершенством, но совершенством моим, тем, которого я искала для себя здесь, или всевышней, не нарекаемой именами, родиной духа... и материи, — Всего. Но бог-субъект шокировал меня, религиозный бог»³¹⁷.

Примерно так же обстояло дело и с национальной принадлежностью. Отказываться от еврейства, включая вероисповедание, она не желала из гордости и солидарности с гонимым народом. Это была очень личная и выстраданная позиция. Показательна ее реакция на дело Бейлиса. Она не упоминает о нем в Записках, но есть письма Марку Лившицу, свидетельствующие о том, что она напряженно следила за процессом. В одном из них, написанном за несколько дней до вынесения приговора, Фрейденберг высказывается о возможных его вариантах: «У нас все больше держится слух, что резолюция суда predeterminedена и Бейлиса обвинят. Видные люди, приехавшие с процесса, это подтверждают. Я не знаю, что хуже. Если б не каторга невинному человеку, если б можно было рассуждать идейно, — я сказала бы, что обвинение будет лучше. Самая боль ведь в процессе; что они ответят на вопрос — идейно неважно. Есть что-то невыносимое в их оправдании. Скажите, если б на Вас напали озверелые люди и Вас истязали бы — то что было бы легче Вашему сознанию: если б они бросили Вас, даже плюнув на Вас или если б они извинились перед Вами? В их «оправдании» (вникните в это слово!) слишком много унижения для нас; и нашей гордости было бы легче от обвинения. Это было бы, кроме того, эффектно в глазах

---

³¹³ См. о нем выше с. 65—66, прим. 222.

³¹⁴ В архиве Фрейденберг сохранился юмористический рассказ «О праведнике, распознавшем рыкание нечистого, и о хождениях по мукам одержимой души», посвященный Орбели и Е. С. Лившицу, шуточная поэма о них и рисунки в письмах.

³¹⁵ «Новый год я встречала в церкви, потому что туда отправляли солдат, и не религия тянула, а душевная тоска, жаждавшая восковых свечей и заунывности. Священник говорил проповедь «о несчастной России»: он предлагал молиться за нее. Об утешении и ободрении уже не могло быть речи. И всех нас объединял этот запах ладана, и все мы были испуганы и несчастны. Здесь, в церкви, был подведен итог войне» (Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 13).

³¹⁶ Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 145.

³¹⁷ Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. XI—XII.

русской интеллигенции и Европы. Потому что это был бы тот глубоко-человеческий случай, когда в угнетенности есть радость и гордость, а в победе — унижение и позор. И мне хотелось Вам сказать: если Бейлиса оправдают, не радуйтесь. Я ужасно боюсь, что евреи (им всегда не достает такта) будут в суде рукоплескать защитникам, закатят банкеты, появятся в общественных местах etc. Это будет трагично. Я считаю, что день вердикта будет величайшим днем печали. Его надо встретить в полном молчании. Как сказал Мирабо: молчанье народа — урок королям ³¹⁸. Если б в университете не выносились резолюций, не посылали бы защитникам телеграмм, не выражали радости! Чувство национального достоинства велит встретить оправдание молчанием и печалью. Много, психологически, было гордости в древнем «воздержании», посте и посыпании головы пеплом. Мне это ближе и дороже, чем телеграммы адвокатам» ³¹⁹.

С другой стороны, когда Фрейденберг узнала, что любимый дядя, Л. О. Пастернак, размышлял о переезде из Берлина в США, она написала ему гневное письмо, где в сильных выражениях, заставляющих усомниться в ее происхождении, пишет, что не пристало одаренному художнику менять широкий европейский горизонт на неизбежно местечковую американскую диаспору: «Да, Берлин в прологе, а эпилог Америка. Это такая же биография для светлого таланта, как для девицы Марии земная связь и общественный дом. <...> Талмудическая религия, Моисеев закон сохранили, законсервировав евреев для очень долгого употребления. Религия — их оплот; религия буквы, закона, уставов. Разве еврей настоящий — человек? Разве мы все евреи? <...>. Мы русские, не евреи. Мы люди иного духа, иной культуры, иных запросов. Боже мой, как в XX-м веке понимается национальность! Какой позор!» ³²⁰ Как справедливо замечают Троицкие, отношение к национальности и религии для Фрейденберг носило характер прежде всего личной ответственности и экзистенциальной честности ³²¹.

Накануне революции Фрейденберг продолжала регулярно получать полицейское разрешение на жительство в Петрограде ³²², а уже в советских документах, видимо, была записана

---

³¹⁸ Мирабо Оноре Габриэль де (1749—1791) — политический деятель Великой французской революции. Подробнее об этой фразе и ее значении см.: Неклюдова М. Ю. Молчание народа: еще раз о французских реминисценциях «Бориса Годунова» // *Russian Literature and the West: a Tribute for David M. Bethea*. Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University / ed. by D. M. Bethea, A. Dolinin, L. Fleishman, and L. Livak, 2008. Pt. 1. P. 147—156.

³¹⁹ Письмо Фрейденберг М. С. Лившицу от 26 окт. 1913 (Архив О. М. Фрейденберг).

³²⁰ Фрейденберг О. М., Фрейденберг А. О. Из семейной переписки Пастернаков // *Новое о Пастернаках*. М.: Азбуковник, 2017. С. 22—23.

³²¹ Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья // *Δόξα / Докса*. 2021. № 1 (35). С. 204.

³²² Свидетельство на жительство в Петрограде (по 23 марта 1917 г.), выданное 1-м участком Казанской части Петроградской полиции. 23 сентября 1916 г. (Архив О. М. Фрейденберг).

русской, так как с революцией был упразднен государственный национализм и антисемитизм, и ей гораздо приятнее было выбирать национальность не по крови, а по культуре ³²³.

1.3.3. Фрейденберги и Пастернаки

В литературе о переписке О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернака и их самих, и их семьи часто сравнивают и противопоставляют. В предисловии к последнему изданию переписки Е. Б. и Е. В. Пастернаки дополняют эту тему противопоставлением городов. Многоукладность и разношерстность Москвы определяет особенности лексики, доброту, мягкость, уступчивость и широту взглядов Б. Л. Пастернака, тогда как классический и холодный Петербург — строгость мысли и стройность языка О. М. Фрейденберг, стремление к определенности и окончательности и суровость к человеческим слабостям ³²⁴. В знаменитой встрече кузенов во Франкфурте Пастернак представлен как ответственный и экономный — он смог учиться в Марбурге благодаря подарку матери и тратил деньги только на оплату семинаров и курсов, отчитывался «перед родителями в каждой израсходованной марке» ³²⁵. Фрейденберг же пользовалась неограниченными отцовскими средствами и могла позволить себе шикарные отели и рестораны, жила в роскоши и расточительстве, «в полной мере наслаждаясь свободой», и невзрачный вид кузена вызывает у нее «стыд и досаду» ³²⁶.

Л. Флейшман продолжает сравнение в предисловии к письмам О. М. и А. О. Фрейденберг к семье Пастернаков в Берлин и Мюнхен, отмечая различия в семейном укладе и отношении к революции. Фрейденберг, по мнению Флейшмана, превратно оценивала семейный уклад Пастернаков, выделяя черты «барства» и буржуазности, зато у Фрейденбергов солидаризация

---

³²³ «Редчайшие мысли, еще никем не высказанные, одновременно срывались с уст трех людей в одном и том же городе, трех людей различных жизней, судеб, характеров, национальных культур: в Марре ярко чувствовалась кавказская натура, Франк-Каменецкий был типичный европеец, немецкий ученый, я — русской культуры» (Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 69 об.). См. также свидетельство Галеркиной: «По документам О. М. — русская. <...> она объяснила мне <...>, что не кровью определяется национальность, а той культурой, на которой воспитан человек. Поэтому, когда в 1917 или в 1918 годах выдавали новые паспорта, она на вопрос о национальности ответила — „русская“» (Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // *Russian Studies*. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 431). Национальность брата Фрейденберг по советским документам — украинец (Ответ Управления ФСК... от 11 марта 1994 года // Архив О. М. Фрейденберг). И. В. Тункина сообщает, что в анкете, заполненной в 1931 году, Фрейденберг определила себя как русскую, а русский язык назвала родным (Тункина И. В. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Ч. I // *Varietas Delectans*. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 511, прим. 4, сожалению, источника этих сведений автор не приводит).

³²⁴ Пастернак Е. Б. Вступление // *Пожизненная привязанность* / Борис Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 3.

³²⁵ Там же. С. 10.

³²⁶ Там же. Подробнее об этой сцене и о диалоге этой части Записок Фрейденберг с «Охранной грамотой» Пастернака см. п. 4.4.1. настоящей работы.

с идеалами Октябрьской революции до начала 1930-х гг. была безоговорочной, а Ольга Михайловна, подобно Маяковскому, с восторгом отнеслась к тем изменениям в общественной жизни, которые несло с собой послереволюционное десятилетие³²⁷. И если в первом случае исследователь прав, то оценка поддержки революции семьей Фрейденбергов основана лишь на одном абзаце из записок³²⁸ и более ничем не подтверждается. Это убедительно доказала Брагинская, сопоставив отношение к революции в письмах Фрейденберг к Марку Лившицу 1917 года, в записках 1939—1940 и 1948—1949 годов³²⁹. Ранее Брагинская отмечала также различия и несоответствие призваний Фрейденберг и Пастернака, отраженные в Записках: будущий поэт, а тогда студент-философ, с путеводителем в руках тщательно осматривающий Пизанский собор и изучавший детали, не соглашался с будущим профессором, которая хотела «охватывать впечатления и забывать»³³⁰.

Исследователи, помимо различий, отмечают и удивительное сходство Бориса и Ольги и их присутствие, явное и скрытное, в жизни и творчестве друг друга.

Б. М. Гаспаров в статье «Поэтика Пастернака в культурно-историческом измерении»³³¹ пишет, что общий биографический опыт, отразившийся в их многолетнем диалоге, сыграл

---

³²⁷ Флейшман Л. С. Из семейной переписки Пастернаков: [предисловие к публикации] // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 8, 12.

³²⁸ «Тогда, в те годы Маяковского, мной владел пафос разоблачения мирового мещанства, косности и веры в универсальность самообманов. Все до революции представлялось единым периодом старых норм сознания. В сущности, это, как и многое другое в моей науке, должно было быть понято революцией, к которой я была ближе всех окружающих меня людей» (Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 55 об.).

³²⁹ Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 9—20.

³³⁰ Брагинская Н. В. Филологический роман // Человек. 1991. № 3. С. 135.

³³¹ Гаспаров Б. М. Поэтика Пастернака в культурно-историческом измерении (Б. Л. Пастернак и О. М. Фрейденберг) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 366—384. Гаспаров использовал первое издание переписки, где фрагменты из Записок лишь заполняли лакуны между письмами и дополняли комментарии, что не давало представления ни о Записках в целом, ни о биографии их автора. Поэтому некоторые положения статьи, в целом верные, нуждаются в уточнении. Например, утверждения, что в истории обращения Феклы, невесты из знатной семьи, в христианскую проповедницу отразилось собственное преображение Фрейденберг из «„светской“ молодой дамы в ученого» и что апокриф изучался ею во время смертельной болезни, что соответствует чудесному спасению Феклы от мучений (Гаспаров Б. М. Поэтика Пастернака в культурно-историческом измерении (Б. Л. Пастернак и О. М. Фрейденберг) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 367—368). На самом же деле между «„светской“ молодой дамой» и университетом в биографии Фрейденберг было целых три года работы сестрой милосердия, и болела она дважды: осенью 1919-го, когда оставшаяся у Фрейденберг книга и предписанный постельный режим позволили ей заострить внимание на апокрифе, и в мае—июне 1920-го, когда ее успешные исследования были омрачены смертельным диагнозом, а затем еще и заболеванием глаз, грозившем слепотой.

важную роль в формировании как историко-культурных концепций Фрейденберг, так и художественной метафизики Пастернака.

Н. М. Перлина сравнивает раннюю прозу Пастернака и эпизоды первой части воспоминаний Фрейденберг (до поступления в университет) и определяет, что их сходство не объясняется понятиями «прототип» или «влияние», а позволяет говорить об «избирательном сродстве», которое разворачивается на общем историческом фоне и проявляется на основе общего философского знания и художественного опыта ³³². Пастернак был осведомлен о научных изысканиях Фрейденберг, а она, в свою очередь, была одним из самых понимающих читателей романа «Доктор Живаго» ³³³.

Статья Н. В. Брагинской и А. И. Шмаиной-Великановой «Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака» посвящена образу сестры в творчестве Бориса Пастернака, его связи с реальной сестрой, Ольгой Фрейденберг, а также комплексу мотивов в его поэзии, касающихся пограничных ситуаций, где можно определить ее присутствие как персонажа ³³⁴.

В Записках Фрейденберг тоже сравнивает свою семью с семьей Пастернаков и с их родом. Сравнение получается гипертрофированным и неправдоподобным: ее отец — голодранец, Пастернаки — аристократический древний род, дедушка с со стороны Пастернаков предстает богатым и независимым домовладельцем. Леонид Осипович в Москве имел «богатый» дом с «челядью», няньками и гувернантками, тогда как у Фрейденбергов не было стабильного дохода, о детях заботилась только мать. Анна Осиповна — домохозяйка, посвятившая себя мужу и детям,

---

Так же обстоит дело с предположением Гаспарова, что в качестве «биографического» учителя, под влиянием которого Фрейденберг изменила свою жизнь, в Записках описан Борис Пастернак (для Феклы таковым стал апостол Павла) во время их бесед, точнее монологов поэта в 1910 году (Там же. С. 368—370), притом что, описывая университетский период в Записках в 1948 году, Фрейденберг «относит этот мотив в своим университетским учителям, называя их поименно. Однако сама множественность такой отсылки существенно ослабляет ее значение. Ведь в апокрифе у Феклы **один** [выделено автором. — Н. К.] учитель» (Там же. С. 368). Здесь снова биографическая неточность. Учителя в Записках описаны не одновременно, а последовательно, сменяя друг друга, таким образом, здесь нет противоречия: учитель всегда один, ему и внемлет ученица (даже в случае совпадения по времени Фрейденберг в Записках меняет реальные даты своего ученичества на «даты сердца», см. ниже с. 127, прим. 445). На мой взгляд, акцент стоит сделать не столько на конкретных фигурах учителей — они меняются: умирают, разочаровывают, предаются, уезжают и отдаляются, — сколько на неизменности ее собственной роли ученицы и ученического почтения и верности учителю. Интересное и тонкое наблюдение Гаспарова о Пастернаке в роли учителя в данном случае не противоречит, а дополняет не только меняющийся ряд учителей, но эпизоды «неявного присутствия» кузена в жизни и творчестве Фрейденберг и пожизненного диалога с ним (см. также п. 4.4 настоящей работы).

³³² Перлина Н. М. Избирательное сродство // *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8. С. 71—98.

³³³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 314.

³³⁴ Шмаина-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 4 (25). С. 99—116.

несмотря на свои музыкальные таланты. Мать Бориса Пастернака, Розалия Исидоровна, известная пианистка, после замужества оставила работу в Одесской консерватории, но не перестала давать концерты. Пастернаки устраивали светские рауты, званые обеды, детские праздники, елки, а Михаил Филиппович оберегал семью от своих знакомств, и только иногда атмосфера уединения нарушалась «званным обедом». Отец был лентяй, дядя — труженик. Отец всего добивался сам, не получив формального образования. Дядя выполнил требование отца и сначала получил образование юриста, а затем уже ему было позволено рисовать ³³⁵. Нетрудно заметить, что различия были в основном внешними, поверхностными и касались в основном имущественного положения и социального статуса. При этом даже сама Фрейденберг отмечала внутреннюю близость между семьями, не столько родственную, сколько именно дружескую: «Только изредка ходили к дряхлевшим старикам, с которыми жил горбатый дядя, а с дядей Леней и его семьей, — лишь с ними, — дружили тесно и горячо» ³³⁶.

Подлинным различием между семьями было отношение с внешним миром.

Леонид Осипович Пастернак был преподавателем в академии художеств, популярным художником-портретистом, и все, кого он рисовал, образовывали круг его разной близости знакомых, порой становящихся друзьями, в который были включены и дети. «У него бывали художники, артисты, писатели, крупные политические деятели, великие князья и революционеры. Тетя была крупной пианисткой, выступавшей только на больших и очень серьезных вечерах, иногда в концертах у Кусевитского ³³⁷. Лев Толстой был крестным отцом пастернаковского семейного уклада. Когда дети были маленькими, он сам бывал у дяди, и Софья Андреевна тоже. Потом дядя с тетей наезжали к ним в Ватикан [Ясная Поляна. — *Н. К.*], и Толстой любил, чтобы тетя ему играла. Своим человеком был у дяди Шаляпин; близким знакомым — Горький, который потом из Капри послал Боре горячее признание его таланта (Бори), как Брюсов и многие другие. После революции оказалось, что большинство вождей — старые пастернаковские знакомые. Члены Совета комиссаров, члены ЦК партии, виднейшие старые большевики, занимавшие самые высокие

---

³³⁵ Л. О. Пастернак получал юридическое образование заочно в Новороссийском университете, одновременно обучаясь рисованию в Мюнхене. Эту сложную часть его биографии не смогла правильно изложить не только Фрейденберг, но члены семьи Пастернаков, оставившие воспоминания, включая самого Леонида Осиповича (Подробнее см.: Пастернак Л. О. Записи разных лет / [тексты собраны и обраб. Ж. Л. Пастернак; послесл. М. Милотворской]. М.: Сов. художник, 1975. 287 с.; Пастернак А. Л. Воспоминания. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 430 с.; Пастернак Ж. Л. Хождение по канату: мемуарная и философская проза, стихи / [сост. Е. Б. Пастернак, Елена В. Пастернак; пер. с англ. Ирина Борисова и др.]. М.: Три квадрата, 2010. 543 с.

³³⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 24.

³³⁷ Кусевитский Сергей Александрович (1874—1951) — дирижер, композитор, контрабасист-виртуоз. В 1909 году основал в Москве собственный оркестр, который успешно гастролировал по Европе. С 1920-х годов — в США.

посты в СССР, когда-то посещали дядин салон. Во время пребывания Бори на парижском конгрессе писателей, ему довелось отправиться к нашему послу Потемкину. Тот, увидя его, воскликнул: „О, да я вас знал еще вот таким маленьким, когда бывал у вашего отца!“ И слава Бори, в своей внешней судьбе, потому так легко ему далась, что много любви и ласковых рук к нему обратилось, как к сыну дяди. <...> Дядя был знаком с Лениным и всеми членами первых революционных комитетов. За границей его знали и принимали у себя все деятели культуры, начиная с Эйнштейна, с которым он был знаком домами» ³³⁸.

Михаил Филиппович Фрейденберг по долгу службы общался с большим кругом известных и влиятельных людей, но, по всей видимости, они не становились близкими друзьями ни для него, не для его семьи. И Фрейденберг не унаследовала и не сохранила никаких знакомых ни отца, ни брата: «Адельгеймы [известные актеры] звонили — благородные, несколько утомленные и грустные трагические артисты; я им открывала дверь и вызывала папу. Не могло быть и речи, чтобы я с ними познакомилась. Я была очень застенчива, да и они, как люди, меня не интересовали. Папе делала визиты и Кузнецова, молодая жена Бенуа<...>, будущая всеевропейская звезда, первая развратница, из-за которой кончали самоубийством и разорялись вдрызг, такая головокружительная красавица, такая красавица, что я умирала, бегала, заглядывала ей в острые, черные, слепившие разум очи, блестящая красавица, примадонна Мариинского театра, которая появлялась на премьерах в малиновом бархате, с лучезарным телом, с белым эспри, как королева, в черных блестящих волосах. Теперь это была скромная брюнетка, которой я открывала двери и убегала» ³³⁹.

Застенчивость, скромность, гордость и щепетильность, иногда болезненные, приводили к тому, что Фрейденберг органически не могла пользоваться знакомствами, даже собственными,

---

³³⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 28—28 об. Отчасти это признавал и Борис Пастернак в письме к отцу от 20 сентября 1924 года: «Письмо Шуры из Мюнхена глубоко огорчило нас. Оно скучно, несостоятельно и бесцветно. Это он — за границей, у предела своих желаний. Давайте будем говорить прямо и жестоко. Похоже на то (да и в самом деле оно так и есть), что он существует, поскольку тобой, отцом, накоплен громадный аккумулятор (я теперь его измерил и об этом еще расскажу), состоящий из имени, средств, знакомств, сообщенных ему знаний, постоянных советов, денежной и моральной поддержки и прочего. По существу, мот и кутила, расточающий отцово наследство, ярче и выше его в градации жизненных типов. Это я говорю потому, что если бы, скажем, тебя не было и все скопленное тобою сосредоточилось в его руках, то и этого было бы мало: недоставало бы тебя как советчика, который бы объяснял ему и внушал, как всем этим воспользоваться, и толкал бы его — в природу, в трактиры, к женщинам или на железные дороги. Все это я с такой отчетливостью изложил вот за чем. По существу, с этой точки зрения мало чем отличаюсь от него и я. И Жоня. Кажется, Лида — исключенье <...> Мне страшно горько и обидно за тебя, за то, что с тобою в нас случилось» (Пастернак Б. Л. Письма к родителям и сестрам / изд. подгот. Е. Б. Пастернак и Е. В. Пастернак. Stanford, 1998. Кн. 1. С. 36).

³³⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 49—49 об.

чтобы воплотить или ускорить решения, которые были ей иногда жизненно необходимы. Но при этом накопление несправедливости вызывало взрыв, и тогда она могла обрушить всю мощь своего праведного гнева устно или письменно на любого виновника, будь то близкий родственник, знакомый, коллега, чиновник или влиятельная инстанция: «Любовь ко всем краскам жизни и внутреннее внимание к различным ее оттенкам перебивалась у меня страстной нетерпимостью, резкими выступлениями затемненной от страсти слепоты, кричащим бунтарством, слишком воспламененной ненавистью. Отец терпеть этого не мог во мне. Этого не было ни в нем, ни в брате, ни у Бори, тем паче ни в светлой душе дяди. Я совершенно не могла пережить несправедливости в отношении кого бы то ни было. Меня выводила из равновесия и догма. Я способна была — враг морали! — ввязаться в любую борьбу общественного порядка, чтоб кого-то разгромить и раздавить из-за умственного или морального насилия ...не над собой» ³⁴⁰.

Она могла прийти к незнакомому ей Марру с новой работой, потому что считала ее новым словом в науке, могла с жаром отстаивать ее положения перед относящимся к ней настороженно и враждебно научным сообществом, могла написать ругательное письмо наркому просвещения Луначарскому, но была не в состоянии попросить Марра об улучшении своих бытовых условий. В этом причина ее резкой реакции на ответ Бориса, которого она просила помочь с работой и приемом у Луначарского, когда после окончания университета, защиты диссертации и получения квалификации она оказалась без работы и средств к существованию и ходила на Обводной рынок продавать семейные вещи, а Борис предложил, руководствуясь распространенной и вполне обыденной практикой, для представления ее наркому взять рекомендации у Марра, что для Фрейденберг было просто невыносимо ³⁴¹.

*
**

Перечисленные качества, осознаваемые и анализируемые самой Фрейденберг, помогают понять, почему она не поступала так, как поступали в сходных обстоятельствах ее коллеги и современники. Основа этих качеств, проявившихся еще в детстве, была закреплена в юности и осмыслена в год 50-летия, когда она начала писать воспоминания, и позже, когда она приняла решения формировать свой архив и продолжить мемуары.

Она отказалась креститься из солидарности со своим притесняемым народом, хотя не исповедовала иудаизм и не принимала участия в сионистском движении. Национальность в документах, вероятно, сменила после революции, когда это перестало быть важным и можно было

---

³⁴⁰ Там же. Л. 93 об.—94.

³⁴¹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 94—123. «...Никогда я не научусь в ученом видеть влиятельного человека, никогда не начну форсировать научное доброе отношение к себе и менять его на звонкую монету. <...> Да если б я внутренне могла брать записки у ученых, была б ли такая у меня жизнь!» (Там же. С. 115)

идентифицировать себя с культурой, к которой она считала себя принадлежащей. Но в 1947 году на фоне разворачивающейся борьбы с космополитизмом и внедрения антисемитизма на государственном уровне размышляла о возвращении в паспорт еврейской национальности ³⁴².

Во время Первой мировой войны она стала сестрой милосердия в солдатских лазаретах, где «культурно просвещала» вчерашних крестьян и рабочих и отстаивала их права перед полицией и командованием, открывая двери самых высоких кабинетов и требуя помощи и защиты раненым. После того как стала заведующей кафедрой, она столь же самоотверженно защищала гонимых, на этот раз из противоположного лагеря, принимая в университет студентов из бывших дворян, отстаивая равные права «детей служащих» перед «детьми рабочих», помогая попавшим в сложное положение студентам, аспирантам и преподавателям ³⁴³. Она пыталась помочь репрессированным коллегам ³⁴⁴, сочувствовала даже своим недоброжелателям, когда те подвергались гонениям или находились в уязвимом положении ³⁴⁵. Во время кампании борьбы с космополи-

---

³⁴² «Но государственный антисемитизм нашей «демократии» еще более жесток, чем при царях. Он проводится беспощадно, в молчаливом понимании, однако, в обычной лжи и лицемерии: человек отстраняется без всякой мотивировки. <...> Если я где-нибудь столкнусь с этим лично, мне придется, по моральным причинам, списываться опять в евреи; но я это сделаю со скандалом, назвав явление своим именем, послав в Верховный Совет просьбу об изменении национальности» — писала Фрейденберг в 1947 году (Тетр. 26. Л. 10 об.). Но уже через полтора года, в конце 1948-го, даже такой протест стал невозможен: «Как я была наивна, когда думала, что перейду обратно в еврейство! У нас чисто фашистский антисемитизм. Но вся разница в том, что за упоминание об этом антисемитизме дают 8 лет тюрьмы» (Тетр. 32. Л. 34 об.).

³⁴³ См. устные свидетельства Н. С. Гринбаума (Брагинская Н. В. «Письма с оплаченным уведомлением» // Аристей. 2024. Т. 30. С. 289—290.)

³⁴⁴ Благодаря Фрейденберг смог преподавать на кафедре классической филологии ЛГУ после ссылки Андрей Николаевич Егунов (1895—1968), филолог-классик, ученик С. А. Жебелева, участник АБДЕМа — кружка по переводу классической литературы на русский язык. В 1933 году он был арестован по делу Р. В. Иванова-Разумника и выслан в Томск, после ссылки жил в Новгороде, приезжая оттуда на занятия в ЛГУ и уезжая обратно, но разрешение жить в Ленинграде он получить не смог, несмотря на хлопоты Фрейденберг и других коллег. Был в оккупации, затем был вывезен в Германию, после окончания войны был осужден на десять лет лагерей, смог вернуться в Ленинград только в 1956 году. Фрейденберг также хлопотала вместе с другими коллегами, но безуспешно, о приеме на работу Аристида Ивановича Доватура (1897—1982), также участника АБДЭМа, ученика Жебелева и коллеги Фрейденберг по кафедре, высланного еще в 1934 году и вернувшегося в Ленинград из заключения осенью 1947-го (Фрейденберг О. М. Тетр. 12а. Л. 19—19 об.; Тетр. 28. Л. 47 об.—48).

³⁴⁵ Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. XI. Я. С. Лурье в мемуарах отмечал: «Обсуждение работ С. Я., проведенное на кафедре классической филологии, было самым либеральным из всех обсуждений 1949 г. Резолюция, вынесенная кафедрой, была максимально сдержанной, почти парламентской» (Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Paris: Atheneum, 1987. С. 203). Более того, проработка Лурье стала для

тизмом, когда развенчивали А. Н. Веселовского, а затем и Марра, с которыми Фрейденберг не соглашалась и полемизировала, когда они были в чести, но в ком уважала и ценила великих ученых, и как благодарный ученик она не могла себе позволить никакой критики, кроме научной ³⁴⁶. Она отказывалась публично каяться в своих ошибках и до последнего пыталась сопротивляться. Это было еще одно неотъемлемое ее качество: не сдаваться молча.

С юности она не преклонялась перед авторитетами, что позволило ей уже в университете смотреть на привычные явления по-новому, не бояться делать открытия и защищать их перед незнакомой ей научной аудиторией ³⁴⁷. Она стала пионером во многих отношениях: первой защитила диссертацию по классической филологии, одной из первых в СССР женщин — заведующих кафедрой и первой — доктором литературоведения. Ассоциация с Марром и непринадлежность к старой профессуре только однажды сыграли положительную роль в ее карьере, сделав ее

Фрейденберг той чертой, которую она перейти отказалась и выступила в его защиту в единственно возможной тогда для нее форме протеста: ошибки Лурье были лишь в области истории, поэтому он может остаться на кафедре как филолог. После этого Ольга Михайловна подала очередное заявление об увольнении с резким письмом декану филологического факультета Г. П. Бердникову (Фрейденберг О. М. Тетр. 33. Л. 4 об.), но руководство, как обычно, было неудобно уступать ее требованиям, поэтому 12 июля 1949 года ее аттестовали как профессора, но не как заведующую кафедрой, в том числе из-за поддержки Лурье: «Однако в последние годы с ответственной задачей руководства перестройкой работы кафедры в духе решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам не справилась. В работу свою она вносила много личного, что создавало на кафедре обстановку нездоровых тренировок. При обсуждении на кафедре научной продукции проф. Лурье, ныне отстраненного от работы в Университете за допущенные им серьезные ошибки, неправильно ориентировала работников кафедры, пытаясь доказать, что проф. Лурье имеет ошибки лишь как историк, а как филолог к нему никаких претензий предъявлено быть не может. Занимаемой должности зав. кафедрой не соответствует. Целесообразно использовать в должности профессора кафедры» (ОА СПбГУ. Д. 624 (Фрейденберг О. М.). Л. 37. Цит. по: Kabanov A. Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890—1955): eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit. Wiesbaden: Harrasowitz, 2002. S. 263). А уже в проекте соответствующего приказа об увольнении это партийное решение было сформулировано как личное желание Фрейденберг (Ibid.).

³⁴⁶ См., например, предисловие к «Лекциям по введению в теорию античного фольклора»: «Критика теории Н. Я. Марра, которого я глубоко уважала, вызывалась чисто научными причинами. В разгар насильственного насаждения его теории я не могла предполагать, что последует за 1950 годом» (Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 6); «За последние пятнадцать лет я отошла в своих работах от увлечений молодых иллюзий, а сейчас и от марровской семантики. Но я сохранила уважение к Марру, как к большому и честному советскому учёному» (Фрейденберг О. М. По поводу языковедческой дискуссии: выступление на кафедре классической филологии ЛГУ 30 июня 1950 // Архив О. М. Фрейденберг).

³⁴⁷ «Не могу объяснить, каким образом моя ученическая мысль сразу обрела такую силу и не оробела перед авторитетами и традицией. Возможно, что тут сказалась природа отца, воспитанье, особый путь жизни, страсть к свободе и полету, иммунитет к навязываемым суждениям и условным институтам» (Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 31 об.). Фрейденберг также приводит в Записках мнение Жебелева о ее научной работе: «Вы умеете в самом затаканном источнике найти новые стороны» (Там же. Л. 63 об.).

кандидатуру на должность заведующего кафедрой единственно приемлемой из классиков для партийного руководства, желающего назначить «советского» человека. Но процесс назначения на должность прошел без ее активного участия, а, организовывая новую кафедру, она и здесь проявила независимость от политической конъюнктуры: разрабатывала новые образовательные планы и приглашала бывших коллег и оппонентов, не считаясь с разногласиями. И оставалась одинокой. Среди коллег были те, кто, будучи классиком, просто не «пренебрегал» ею, как А. Н. Егунов ³⁴⁸, кто ценил и уважал ее, как И. И. Иоффе, В. Я. Пропп, И. П. Еремин, М. И. Стеблин-Каменский и др., но в ключевые моменты они, как и ученики, отстранялись от нее. Так, Пропп отказался от оппонирования диссертации О. А. Гутан ³⁴⁹, Стеблин-Каменский просто не пригласил на защиту ³⁵⁰. Единственный близкий друг и коллега — И. Г. Франк-Каменецкий — погиб в 1937-м. Она, конечно, общалась со знакомыми, соседями, друзьями детства, учениками и студентами, но не имела рядом с собой равных себе по масштабу коллег ³⁵¹.

Фрейденберг, как и в юности, не могла, остро чувствуя фальшь, не реагировать на невыносимое и не стеснялась проявлять эмоции на публике. Так, она шокировала студентов-классиков, чрезмерно восхищавшихся классической античной культурой, напоминанием о простом греческом быте ³⁵², или включала радио, чтобы продемонстрировать неуместность «коккетства» студента, выступавшего с докладом ³⁵³. Она не могла закончить свои воспоминания о Марре на кафедре из-за волнения, вызванного глубокой скорбью от смерти ученого, так много значившего для нее, а слушатели решили, что это ораторский прием, потому что, судя по себе, не верили, что к Марру можно относиться с искренней любовью и уважением, а не ради карьеры ³⁵⁴. Ее страстное сопротивление «публичному бичеванию» во время одной из партийных проработок на

---

³⁴⁸ «Адя был единственным классиком, который не пренебрегал мною» (Фрейденберг О. М. Тетр. 3. Л. 38).

³⁴⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 25—25 об.

³⁵⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 29. Л. 4—6.

³⁵¹ Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. XI.

³⁵² «„Не забывайте, что от греков пахло чесноком и мочой“ (они использовали мочу для стирки одежды)» (Moss K. M. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. [Ithaca]: Cornell University, 1984. P. 315, note 47).

³⁵³ Я. Н. Любарский в своих воспоминаниях приводит эпизод с чтением своего доклада на занятиях у Фрейденберг на дому, которое он предварил «коккетливым замечанием», что его сообщение может показаться скучным: «Ну, что же сказала Ольга Михайловна, — тогда нам придется включить радио». И весь доклад продолжался под песни из репродуктора. (Любарский Я. Н. Кафедра в послевоенные годы (Περὶ ἐαυτοῦ) // Cathedra Petropolitana. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 53—54).

³⁵⁴ «...многие её не любили и не верили, что она сторонница Марра не ради карьеры, а по убеждению» (Старкова К. Б.: Воспоминания о прожитом. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 208).

кафедре или защита бесправных диссертантов от произвола и диффамации в глазах одной из будущих аспиранток выглядели настолько невозможными для «ученейшей дамы», что она отказалась от мысли учиться у Фрейденберг и уехала³⁵⁵. Непредсказуемость ее поведения пугала и отвращала коллег, а любимая ученица считала эту черту помехой в личной и общественной жизни³⁵⁶.

Еще в 1925 году, когда она получила приглашение от С. Я. Лурье принять участие в его домашнем семинаре, она ответила отказом (и это в то время, когда классики бойкотировали ее, и она не имела работы!) со странной, как показалось Лурье, мотивировкой: «Участие в замкнутом обществе с кругом вполне определенных лиц на частной территории, при объединении по признаку житейски-профессиональных соседств — все это не соответствует ни моему научному,

---

³⁵⁵ «Ольга Михайловна швыряла стулья, бранила и изгоняла традиционалистов, в том числе И. М. Тронского, презирала иудеев — сама была католичкой», — это свидетельство аспирантки классического отделения МГПИ, специально приехавшей в ЛГУ, чтобы учиться у Фрейденберг, приводит А. А. Тахо-Годи (Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 431). Не вполне ясно к какому времени оно относиться. Но если ориентироваться на единственную дату, упоминаемую в тексте этого фрагмента, — июль 1948 года — и исходить из того, что события эти относятся ко времени 1947/48 учебного года, то можно попытаться разгадать часть этой фантастической характеристики, используя метод Ю. М. Лотмана (Лотман Ю. М. К проблеме работы с недостоверными источниками // Пушкин: биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: комментарий / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 324—329). Летом 1948 года проходили защиты Н. С. Гринбаума и В. В. Каракулакова, аспирантов Толстого, которым, по свидетельству Фрейденберг, Тронский препятствовал: отказался быть оппонентом у первого и объявил диссертацию второго плагиатом. Фрейденберг принимала горячее участие в судьбе обоих аспирантов и как заведующая кафедрой делала все, чтобы защита состоялась, что значительно бы улучшило бытовые условия молодых людей, у которых на иждивении находились семьи (Фрейденберг О. М. Тетр. 31. Л. 1—4 об.). К этому эпизоду в Записках относится характеристика Тронского как ученого и преподавателя, который давал своим ученикам огромную литературу на разных языках и требовал знания ее в совершенстве, что замещало таким образом мысль критикой, но при этом Тронский мнил себя крупным ученым и «академическим Юпитером» (Там же. Л. 5—8; Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями // М. М. Бахтин в Саранске. Саранск: [б. и.], 2006. С. 58—60). В этой характеристике Фрейденберг называла метод Тронского «талмудическим», т. е. начетническим, считая его выходцем из бейт-мидраша — школы, где изучают священные тексты (его отец был преподавателем многих предметов в еврейских учебных заведениях Одессы, в том числе математики, русской и древнееврейской словесности и «иудейской веры», и Тункина считает, что Тронский, обладавший феноменальной фотографической памятью, начальное образование получил дома, впоследствии сдал экзамены экстерном и поступил сразу в 6-й класс Одесской частной мужской гимназии И. Р. Раппопорта (Тункина И. В. Одесский период биографии И. М. Тронского (1897—1923) // Мнемон. СПб.: изд-во СПбГУ, 2013. Вып. 12. С. 555—575). Возможно, неприятие «талмудического» метода, губящего живую мысль, высказанное на заседании кафедры было воспринято непосвященным человеком слишком буквально и превратилось в «презрение к иудеям». В такой логике Фрейденберг могли посчитать и католичкой, если она упомянула имя какого-либо известного деятеля католической церкви (Савонарола, Торквемада) или уподобила заседание кафедры суду инквизиции.

³⁵⁶ См. выше, с. 63.

ни умственному моему темпераменту. Широкая жизнь, по моим взглядам, должна питать научную мысль, и в суровой борьбе за ее независимость гласность, открытый простор и свежий приток новых людей должны сопутствовать ее жизненной реализации. Здесь нет места ни уюту добрых житейских отношений, ни обычным условностям общежития, никаким путам и никакому подбору»³⁵⁷. В науке, как и в религии, она не вписывалась не только в какую-либо школу (конфессию), но и не соблюдала академической «обрядности». Однако к концу жизни она оказалась насильно втиснута именно в такой круг на собственной кафедре, правда, это было не замкнутым сообществом и не частной территорией, а государственной политикой в области науки, пойти наперекор которой она не могла.

Фрейденберг в жизни и науке была «мэвериком» — не носила клейма принадлежности к какому-либо сообществу, что, однако, позволяет произвольно причислять ее либо к марристам, либо к марксистам, к атеистам или католикам³⁵⁸. От подобного рода клеймения она решила защитить себя сама. «Мне суждено было познать и в области мысли, и в области чувства гнет человеческих условностей и оскорблений. Природа окружавших меня людей подготовила во мне протест и сделала из меня, как питательная среда из микроба, страстного противника своей эпохи. Утомленная долгим заточеньем, моя мысль жаждет одного: в освобожденной форме свободно высказать итоги свободных наблюдений», — записала она на клочке бумаги 30 марта 1949 года³⁵⁹. Вероятно, речь шла об ее итоговой работе «Образ и понятие». И единственным равным ей по масштабу собеседником в это время стал Борис Пастернак, переписка с которым стала столь же интенсивной, что и в юности, но обсуждали они, конечно, не классическую филологию, а скорее вопросы бытия и небытия, бессмертия и забвения, творчества и архива.

1.4. Выводы

Учителя имели огромное значение для Фрейденберг еще с гимназических времен и символизировали отдельные этапы ее жизненного пути. Она посвятила много страниц писем и воспоминаний сложному пути своего образования, персонифицированному в учителях: русисты Бороздин и Буш дали путеводитель по науке, Толстой увлек греческим языком и определил выбор научного

---

³⁵⁷ Архив О. М. Фрейденберг. Черновик своего ответа Лурье она написала на пустой странице его письма с приглашением, которое сохранилось в ее архиве. Выдержки из отправленного письма приведены так же в: Коприжива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Paris: Atheneum, 1987. С. 147—148.

³⁵⁸ «Среди своих коллег Фрейденберг была не столько „мэверик“ [неклеяемая], сколько заклеяема как ересиарх, и любое объяснение их [коллег] нежелания признавать ее теории в итоге следует искать в эпистемологии, а не в их подчинении официальной идеологии» (Perlina N. Olga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, IN: Slavica, 2002. P. 266).

³⁵⁹ Материалы О. М. Фрейденберг (Архив семьи Пастернаков. Москва).

направления, Жебелев дал твердую и основательную базу для работы с античным материалом и обеспечил поддержку в начале творческого пути, Марр поддержал ее новаторские идеи, помог с защитой диссертации и с обретением научной среды.

Некоторых учителей она быстро потеряла (Бороздин скончался, Буш уехал в провинцию), в Толстом разочаровалась, Жебелева и Марра переросла и покинула, но ко всем сохранила глубокое уважение и благодарность ученицы, уделив каждому достойное место в своих воспоминаниях.

Сама же, став профессором и заведующей кафедрой всячески помогала своим ученикам, причем не только как научный наставник — отстаивала их права перед начальством и помогала материально. Но в конце 1940-х в них глубоко разочаровалась: она не видела в них себя, своего упорства, самостоятельности, способности к отстаиванию своих научных взглядов, иными словами, не видела в них продолжателей своей научной мысли и школы.

Взаимоотношения с учениками в последние годы работы Фрейденберг в университете и после ее ухода предопределили выбор душеприказчицы, которой Фрейденберг решила доверить свой архив — ею стала дочь гимназической учительницы, Р. Р. Орбели. Дальнейшая судьба основных ее учениц, Поляковой, Галеркиной, Гутан, показала, что этот выбор оказался верным.

Исследователи творчества Фрейденберг (Мосс, Брагинская) определяют Фрейденберг как человека очень мало зависимого от различных социальных групп или сообществ. Характеризуя ее положение в научной среде Ленинграда 1920—1930-х годов, Мосс называет ее «мэвериком» (слово произошло от фамилии американского бизнесмена и политика, принципиально не клеймившего свой скот), то есть не имевшей определенной принадлежности («клейма») к какой-либо научной школе или направлению. «Мэвериком» Фрейденберг была и в других сферах жизни: семейной, национальной, религиозной.

Она выросла в семье, где отрицалась догма, сословные, национальные и религиозные предрассудки и светские условности, культивировалось уважение к человеческому достоинству, самостоятельность, стремление к знаниям и открытиям, поощрялось иметь и отстаивать собственное мнение. Она добавила к этому острое чувство справедливости и заступничества за слабым и угнетаемым.

Фрейденберг не нуждалась в отождествлении себя с какой-либо социальной группой, что отразилось на многих сферах ее частной и общественной жизни. Основа этих качеств ее характера, проявившихся еще в детстве, была закреплена в юности и осмыслена в год 50-летия, когда она начала писать воспоминания и задумываться о будущем своего творческого наследия.

Эти черты составляли суть Фрейденберг, делали ее неудобной и даже чужой в кастовом академическом сообществе и в конце концов привели к одиночеству, изоляции и забвению. Но именно ее особенный характер позволил забвению преодолеть. Значительная поддержка в этот период исходила от Пастернака, семье и жизненному укладу которого она ранее

противопоставляла себя и свою семью. Однако различия между ними были исключительно внешними, и в последние годы жизни именно Пастернак стал для Фрейденберг, пожалуй, единственным собеседником, равным по масштабу.

ГЛАВА 2. АРХИВ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ

2.1. История формирования архива

Итак, согласно последнему завещанию, все имущество Фрейденберг, включая архив, было передано Р. Р. Орбели ³⁶⁰. Архив помещался в большом железном сундуке и представлял собой материалы по научной деятельности и биографии Фрейденберг и ее семьи, во многом подготовленные ею самой задолго до смерти, а также обширный мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни».

Идея целенаправленного формирования собственного архива возникла у Фрейденберг примерно в 1946—1947 годах ³⁶¹. Пребывая в состоянии тяжелого душевного кризиса и предполагая скорую смерть, она много думала о судьбе своего научного наследия, большинство работ из которого так и не вышло в свет. Она приняла решение завершить все свои дела, дописать начатые работы. Тогда же к ней пришло письмо из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина с предложением передать свой архив в рукописный отдел библиотеки. И хотя от мысли что-либо передать государственному учреждению она довольно быстро отказалась, идея архива очень воодушевила Фрейденберг ³⁶². Она дописывала незавершенные статьи и монографии, редактировала и отдавала на перепечатку машинисткам, письма и документы сортировала и датировала. Последние использовались в Записках, куда они либо переписывались, а затем уничтожались, либо просто вкладывались или вшивались в текст. Не важные, по мнению Фрейденберг, документы с чистыми оборотами использовались повторно из-за постоянного дефицита бумаги ³⁶³. Следы этой работы заметны на сохранившихся документах:

---

³⁶⁰ Подробнее о завещаниях см. выше с. 65—66.

³⁶¹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 287—288, 302—303.

³⁶² Подробнее о состоянии Фрейденберг в эти годы и принятии решения о формировании архива см. п. 3.2.3, об идее архива — п. 4.2 настоящей работы.

³⁶³ Так, 21-я тетрадь Записок (1947) составлена из бланков 15-й государственной типографии, начальником которой после революции был М. Ф. Фрейденберг. В архиве также сохранились записи конца 1940-х, на обороте которых — более ранний текст, в частности на разрезанных листах черновика монографии «Образ и понятие» — записка Б. Л. Пастернаку, а среди карточек указателя к монографии «Композиция „Трудов и дней“ Гесиода» — разрезанное на восемь частей письмо С. В. Поляковой. В архиве не сохранились многие письма, приведенные в Записках, например письма Л. О. Пастернака, солдат в бытность Фрейденберг сестрой милосердия, практически не представлены письма родственников, гимназических подруг, друзей юности и т. п. Но, возможно, часть из них была уничтожена или использована как обороты сразу по прочтении, а не во время подготовки архива. Так, например, сохранилась часть письма Лившиц от 31 декабря 1936 года (подробнее см. ниже с. 112—113, прим. 405).

красным или синим карандашом проставлены даты некоторых недатированных писем и документов, вычеркнуты их части, использованные в Записках. Осенью 1947 года Фрейденберг освободила большой железный сундук и стала складывать в него подготовленные документы ³⁶⁴. В архив она включила также материалы отца, которые успел передать ей перед арестом брат, А. М. Михайлов, письма и несколько научных работ своего друга И. Г. Франк-Каменецкого — талантливых людей, не оцененных при жизни и забытых после смерти.

В 1949 году у Фрейденберг появилась возможность ввести в историю науки имя своего отца — в разгар кампании по борьбе с космополитизмом это получило актуальность как закрепление русского приоритета в открытиях и изобретениях мирового значения. В августе она пишет статью «М. Ф. Фрейденберг (первый изобретатель автоматического телефона)», в ноябре делает опись его архива для Комиссии по истории техники АН СССР. Материалы о жизни и деятельности отца готовит для передачи в Центральный музей связи им. А. С. Попова ³⁶⁵. Уже после ее смерти, в 1956—1958 годах, часть документов передала в Государственный политехнический музей Орбели. Это были материалы, связанные с изобретенной Фрейденбергом буквоотливной машины и его портрет кисти Л. О. Пастернака. Таким образом, в архиве Фрейденберг сохранилась лишь небольшая часть архива отца, которая включает в себя воспоминания (возможно, вторые экземпляры), незначительную по объему переписку и материалы о нем (письма Н. М. Раскина [1957], В. Н. Рогинского (1950, 1957), описи архива и акты передачи документов).

В архиве также хранились четыре работы Франк-Каменецкого. По-видимому, в августе 1955 года Орбели передала их его родственникам по просьбе египтолога И. Г. Лившица ³⁶⁶.

---

³⁶⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 22. Эта часть тетради, «Послесловие», датирована 20 сентября 1947 года, подробнее см. п. 3.2.4 настоящей работы.

³⁶⁵ Статья Фрейденберг об отце не была опубликована. В архиве сохранились две машинописных копии статей — краткая (3 л.) и расширенная (24 л.).

³⁶⁶ Сохранилось письмо И. Г. Лившица от 8 августа 1955 года, в котором он высказывает предположение, что Орбели обнаружила все работы Франк-Каменецкого, а также написанный рукой Орбели список из четырех работ Франк-Каменецкого, заканчивающийся фразой «всего десять» (возможно, это число работ ученого вместе с опубликованными // Архив О. М. Фрейденберг). В списке перечислены следующие работы: «Язык и религия» (работа была получена Фрейденберг после войны от З. Г. Франк-Каменецкого после смерти жены И. Г. Франк-Каменецкого Доры Михайловны), «О развитии сложноподчиненного предложения в древне-еврейском языке», «Семь лекций по истории религии» и «К генезису легенды о Ромео и Юлии». Последняя находилась в архиве племянника Франк-Каменецкого, В. А. Франк-Каменецкого (1915—1994), ученого в области кристаллографии и минералогии, профессора Ленинградского государственного университета, и была опубликована: Франк-Каменецкий И. Г. К генезису легенды о Ромео и Юлии // Русский текст: российско-американский журнал по русской филологии. 1994. № 2. С. 158—177; 1995. № 3. С. 167—205; 1996. № 4. С. 178—201. Работа «Язык и религия», которую Фрейденберг разыскивала после смерти Франк-Каменецкого, была найдена его братом, Захарием Григорьевичем, и прислана Фрейденберг. В

В середине 1960-х архивом Фрейденберг интересовались родственники Пастернаков, искавшие документы Бориса Леонидовича и картины Леонида Осиповича ³⁶⁷.

Е. Б. Пастернак знал о существовании писем отца, Фрейденберг показывала ему пачку этих писем, когда он был у нее проездом в 1950 году ³⁶⁸. После смерти Б. Л. Пастернака письма Фрейденберг были обнаружены в его бумагах, более ранние — нашлись у его брата, А. Л. Пастернака (1893—1982) ³⁶⁹. Письма же Пастернака много раз безуспешно пытались найти в сундуке, но удалось это лишь Н. В. Брагинской: перевязанная золотой нитью пачка обнаружилась на самом его дне ³⁷⁰.

В научный оборот неопубликованные работы из архива Фрейденберг начали вводиться с 1970-х годов. Связано это с именем выдающегося литературоведа и историка русской литературы Ю. М. Лотмана. В истории советской филологической науки не было объективно оценено наследие многих ученых, группировавшихся в 1920—1930-х годах вокруг академика Н. Я. Марра, хотя, по мнению Лотмана, исторические корни структурно-семиотического метода лежат в основе «тех направлений советского литературоведения, которые стремились к изучению исторической семантики и, в известной мере, отражали наиболее плодотворные стороны языкового учения Марра (см. «Поэтику сюжета и жанра» Фрейденберг, статьи Франк-Каменецкого, И. М. Тронского и др.)» ³⁷¹.

Связь работ Фрейденберг и других ученых довоенного периода с современными исследованиями в отечественной филологии и литературоведении, в том числе на уровне терминологии, отмечала и Брагинская в послесловии к книге Фрейденберг «Миф и литература древности»: «...выражения вроде „картина мира“, „амбивалентное понятие“, термин „мифологема“ и др.,

---

настоящее время ее копия, полученная от родственников Франк-Каменецкого в 1990-х годах, находится в архиве Фрейденберг.

³⁶⁷ Сохранились письма Л. Л. Пастернак-Слейтер от 19 октября 1964 года и Е. В. Пастернак от 28 января 1965 года к Р. Р. Орбели (Архив О. М. Фрейденберг). Также имеется переписка Орбели от 20 февраля — 11 марта 1959 года с Одесской государственной картинной галереей о передаче картин Л. О. Пастернака, но неизвестно, было ли хоть что-нибудь передано в галерею (Там же).

³⁶⁸ Пастернак Е. Б. [Предисловие. I] // Дружба народов. 1988. № 7. С. 202.

³⁶⁹ Там же. С. 206.

³⁷⁰ Там же. С. 202; Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 13. Судя по письму Е. Б. Пастернака к Орбели от 2 декабря 1973 года, к этому времени письма еще не были обнаружены (Архив О. М. Фрейденберг).

³⁷¹ Лотман Ю. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Труды по знаковым системам. [Вып.] 6. Тарту, 1973. С. 326.

которым, на первый взгляд, не более двух десятилетий использовались О. М. Фрейденберг и учеными „семантического направления“ уже в 20-е годы»³⁷².

Ю. М. Лотман и С. С. Аверинцев в начале 1970-х встречались с Р. Р. Орбели и интересовались работами Фрейденберг. Из списка статей, который дала им Орбели, они выбрали заинтересовавшие их для первых публикаций, которые появились в 1973 году³⁷³.

А в 1972 году Е. М. Мелетинский и Н. Ю. Неклюдов предложили Брагинской как филологу-классику поехать в Ленинград и по возможности отобрать монографии Фрейденберг для публикации в серии «Исследования по фольклору и мифологии народов Востока»³⁷⁴.

Во второй свой приезд в конце 1973 года Брагинская уже разбирала железный сундук с архивом Фрейденберг, хранившийся под роялем в гостиной Орбели, потому что та заболела и не могла приносить папки с работами Фрейденберг в Институт востоковедения, где работала³⁷⁵.

В архиве также находились 34 тетрадей мемуарно-дневникового комплекса, которые Орбели хранила отдельно от научных работ и никому не показывала. Вместе с письмами она привезла их в Москву и просила Е. Б. Пастернака позаботиться об их судьбе, так как справедливо считала их содержание антисоветским³⁷⁶. Евгений Борисович и его жена Елена Владимировна

---

³⁷² Брагинская Н. В. От составителя // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. М.: Наука, 1978. С. 568.

³⁷³ См. Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 13—14. Первые статьи о Фрейденберг и публикации из ее архива: Лотман Ю. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Труды по знаковым системам. [Вып.] 6. Тарту, 1973. С. 482—486; Список печатных и печатно засвидетельствованных работ О. М. Фрейденберг; Неопубликованные статьи; Неопубликованные монографии // Там же. С. 486—489; Фрейденберг О. М. Происхождение пародии // Там же. С. 490—497; Ее же. Происхождение литературной интриги // Там же. С. 497—512; Ее же. Что такое эсхатология? // Там же. С. 512—514; Мелетинский Е. М., Брагинская Н. В. От мифа к лирике // Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 101—103; Фрейденберг О. М. Происхождение греческой лирики // Там же. С. 103—123. Дальнейшие публикации см.: Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг / сост. Н. Ю. Костенко // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 709—718, а также постоянно обновляемый библиографический раздел на сайте, посвященном наследию Фрейденберг: <http://freidenberg.ru/Personalija/Posmertnyepublikacii> (дата обращения: 18.09.2025). В архиве Фрейденберг сохранились два письма Ю. М. Лотмана к Орбели по поводу публикаций в Тарту (16 января 1972 — 9 октября 1973 года).

³⁷⁴ Подробнее см.: Брагинская Н. В. «И я там был...» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2018. Т. 1, № 1—2. С. 28; Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография». С. 14. В архиве также хранится заявка на включение в редакционно-издательский план серии «Исследования по фольклору и мифологии народов Востока» книги Фрейденберг «Проблемы теории мифа», которая была издана позже под названием «Миф и литература древности» (М., 1978), и письма С. Ю. Неклюдова к Орбели о подготовке этого издания (Архив О. М. Фрейденберг).

³⁷⁵ Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография». С. 13.

³⁷⁶ Устное сообщение Н. В. Брагинской.

начали подготовку издания переписки О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернака и включили в него обширные фрагменты из Записок³⁷⁷. Тогда же письма и Записки в полном объеме были перепечатаны на машинке в четырех экземплярах у надежных машинисток³⁷⁸. Оригиналы же в целях их сохранности были переправлены в Оксфорд, где долгое время хранились в семейном архиве Пастернаков (The Pasternak Trust: a Family Collection)³⁷⁹. В настоящее время они переданы в Гуверовский институт в Стэнфорде³⁸⁰.

В конце 1985 года после смерти Орбели по желанию ее дочери, О. А. Мандрыки, архив Фрейденберг был передан Брагинской для подготовки научного описания его материалов (с последующей передачей на государственное хранение) и дальнейшего издания трудов Фрейденберг. С тех пор архив находится в Москве. Из начатых тогда же переговоров с архивами, в частности с Центральным государственным архивом литературы и искусства (ЦГАЛИ), стало понятно, что после передачи материалов на государственное хранение в течение неопределенного, возможно, длительного, времени они окажутся недоступными, а значит, и публикации из архива придется остановить. На передачу архива по частям тогдашнее руководство ЦГАЛИ не согласилось. В настоящее время позиция архива изменилась, и часть документов, в которую входят опубликованные и отсканированные статьи подготовлена для передачи.

Значительная часть документов, имеющих отношение к семье Пастернаков, из архива Фрейденберг была передана наследникам Б. Л. Пастернака еще в 1980-х. Письма и фотографии Бориса Леонидовича, а также письма его отца Фрейденбергам хранятся в семейном архиве Пастернаков в Москве. Возможно, некоторые документы, к Пастернакам не относящиеся, остались в их архиве еще со времени работы над первым изданием переписки, например фрагменты записных книжек Фрейденберг, письмо гимназической подруги Татьяны Компанец от 9 октября 1941 года, а также подготовительные материалы к Запискам, в том числе очень краткая «конспективная запись» мемуаров за 1951—1955 годы³⁸¹. Часть документов — письма Пастернаков и ответные Фрейденбергов (1891—1937) — в виде ксерокопий вернулась в архив Фрейденберг

---

³⁷⁷ Пастернак Б. Л. Переписка с Ольгой Фрейденберг / под ред. и с коммент. Э. Моссмана. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. VII, 377 с.: илл.

³⁷⁸ В письме к Р. Р. Орбели от 26 февраля 1975 года Е. Б. Пастернак сообщает, что заканчивает перепечатку «тетрадок» Фрейденберг, кроме одной, оставшейся у Орбели (Архив О. М. Фрейденберг. Орбели Р. Р. Д. 12. Л. 3.).

³⁷⁹ <https://pasternak-trust.org/> (дата обращения: 18.09.2025).

³⁸⁰ Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155—157. Записки хранятся там с 2015 года и доступны для исследователей (Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день»: послевоенные записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория» // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 14).

³⁸¹ См. ниже Рисунок 14, с. 183.

в 1990—2000-е ³⁸². Осенью 2004 года также вернулись Записки в виде электронных фотографий, сделанные П. Е. Пастернаком. Кроме того, имеются электронные копии фотографий из архива Пастернака в Москве, но определить, какие из этих фотографий были переданы из архива Фрейденберг, сегодня не всегда возможно.

В 1990—2000 годах архив дополнили копии документов Фрейденберг, хранящиеся в других архивах, например ксерокопии писем О. М. Фрейденберг и ее матери семье Л. О. Пастернака в Берлин, оригиналы которых хранятся сейчас в семейном архиве Пастернаков в Стэнфорде и были недавно опубликованы ³⁸³, копии материалов Фрейденберг из архива О. А. Гутан (поступили в 1993 году) и т. п. В 2013 году И. М. Лившиц, дочь М. С. Лившица, передала в архив письма Фрейденберг к своему отцу. Таким образом, архив продолжает пополняться.

Систематизация и описание архива были начаты в начале 1990-х стараниями М. Ю. Сорокиной, архивиста и историка отечественной науки, ныне ведущего научного сотрудника Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Это описание частично опубликовано в приложении ко второму изданию «Мифа и литературы древности» ³⁸⁴. В настоящее время существует черновая опись основных материалов архива, за исключением недавно поступивших документов и небольшого количества черновиков, карточных указателей к монографиям и частично фотографий ³⁸⁵.

С начала 1990-х годов началась цифровизация материалов архива. Машинописные документы сканировались, затем распознавались и вычитывались, а рукописные — набирались. На сегодняшний день практически все научные труды, мемуарно-дневниковый комплекс, переписка и некоторые другие документы оцифрованы.

---

³⁸² В 2019 году Е. В. Пастернак любезно предоставила для сканирования всю папку с материалами Фрейденбергов, хранившуюся в семейном архиве Пастернаков в Москве.

³⁸³ Фрейденберг О. М. Фрейденберг А. О. Из семейной переписки Пастернаков // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 21—155. Некоторые письма О. М. и А. О. Фрейденберг в семейном архиве Пастернаков отсутствуют, поэтому имеющиеся копии представляют особую ценность.

³⁸⁴ Краткое описание материалов личного архива О.М. Фрейденберг / [подгот. М. Ю. Сорокиной] // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 1998. С. 776—784.

³⁸⁵ Черновая опись была составлена Сорокиной при незначительном участии автора настоящей работы. Сорокина работала с архивом до начала 2000 года. С момента ее ухода при пополнении архива, использовании документов для публикации или загрузке их на сайт архивная опись дополняется и корректируется уже только мною. Количество единиц хранения и листов документов, указанные в настоящей работе, а также даты, носят приблизительный характер и могут быть впоследствии уточнены.

В 2008—2009 годах был создан сайт «Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг (1890—1955)» (www.freidenberg.ru)³⁸⁶, где постепенно размещаются документы архива, есть система поиска, перекрестных ссылок и указателей, а также ведется библиографический раздел опубликованных работ Фрейденберг и о ней. На сайт выложены большинство статей и четыре монографии Фрейденберг, мемуарно-дневниковый комплекс, отдельные биографические документы и фотографии³⁸⁷.

2.2. Состав и содержание документов

Архив Фрейденберг на сегодня включает более трехсот единиц хранения. Крайние даты документов: 31 июля 1881 года — 26 декабря 1976 года. Опись построена в соответствии со схемой систематизации документов личного происхождения, разработанной Архивом Российской академии наук, и имеет следующие разделы:

1. Научные труды и другие творческие материалы.
2. Биографические документы.
3. Документы по деятельности.
4. Переписка.
5. Документы семьи.
6. Документы других лиц.
7. Изобразительные материалы (фотографии).

2.2.1. Научные труды и другие творческие материалы

В этот раздел включены творческие материалы Фрейденберг самого разнообразного характера — от научных монографий до поэтических опытов.

Подраздел «*Научные труды*» представлен оригиналами монографий, статей и докладов по истории античной культуры, созданных Фрейденберг в 1918—1954 годах. Всего в архиве

---

³⁸⁶ Примером во многом послужил сайт архива академика Андрея Петровича Ершова, основоположника теоретического и системного программирования в СССР. Его ученики, родственники и коллеги в Новосибирске с 2000 года создали сайт «Электронный архив академика А. П. Ершова» (<https://ershov.iis.nsk.su/> (дата обращения: 20.10.2025)), где размещены документы из его личного архива. Н. В. Брагинская связалась с Институтом системных исследований СО РАН, но оказалось, что технически база данных слишком тяжеловесна, и ее разработчики прилагают невероятные усилия, чтобы поддерживать ее в рабочем состоянии. Они предложили нам другой проект с другими исполнителями, который был поддержан грантом РГНФ (08–03–12125 в ИСИ СО РАН РГНФ, 2008—2009), но эта система также не подошла. Однако нам удалось с помощью А. С. Малковой, тогда сотрудницы ИВГИ РГГУ и участницы проекта, создать сайт, посвященный наследию Фрейденберг.

³⁸⁷ Опубликованные работы, биографические документы и фотографии общедоступны, неопубликованные — закрыты для широкой публики до публикации.

имеются 12 неопубликованных при жизни монографий и «Хрестоматия по антирелигиозной художественной литературе» (1931) с обширным предисловием Фрейденберг. Сохранены в двух значительно отличающихся вариантах монография о греческом романе («Происхождение греческого романа», 1924, и «Проблема греческого романа как жанра страстей и деяний», 1929) и работа о Гесиоде («Композиция „Трудов и дней“ Гесиода», 1933—1938 и 1941). Вторые редакции предназначались для публикации и учитывали требования, которые к ним предъявляли издатели. Однако они так и не были опубликованы, и, вероятно, по этой причине Фрейденберг сохраняла разные редакции монографий. В 1936 году в свет вышла монография «Поэтика сюжета и жанра» — существенно переработанный вариант «Семантики сюжета и жанра» (другое название «Прокрида», 1927—1928), которая как раз и была сохранена в архиве ³⁸⁸. После неудачи с изданием книги о Гесиоде перед войной Фрейденберг стала писать работы, более не рассчитывая на возможность их прижизненной публикации. Тем не менее большинство монографий переведены в машинопись, то есть специально подготовлены для архива и последующего издания. В рукописи остались только три работы: «Этюды к Деяниям Павла и Феклы» (в той части, которая относится к студенческому времени, 1919—1921), «Происхождение литературного описания» (незаконченная работа, 1939—1941) ³⁸⁹, а также первая редакция «Композиции „Трудов и дней“ Гесиода».

Последняя работа по ряду причин тоже так и не приобрела законченного вида. Одна из них — трагическая гибель Франк-Каменецкого в 1937 году. Фрейденберг считала, что в этой работе она идейно многим ему обязана. В письме С. В. Поляковой Фрейденберг прямо сообщает о своем решении: «Она не увидит света при моей жизни. Она не выйдет до „Потопа“ ³⁹⁰. Я напишу к ней предисловие и разделю авторство с Изр[аилем] Гр[игорьевичем] [Франк-Каменецким]. Вы

---

³⁸⁸ На чистых оборотах переработанной «Семантики» с правкой для «Поэтики» в архиве сохранилась первая рукописная редакция монографии о Гесиоде.

³⁸⁹ Эта работа положила начала двум циклам работ: об эпосе (Фрейденберг О. М. «Гомеровские сравнения», 1941, экстракт монографии: Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады) // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 101—113) и о лирике (Ее же. Происхождение греческой лирики: (тезисы) // Научная сессия 1946 г.: тезисы докладов по секции филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. С. 21—23; полностью статья опубликована после смерти Фрейденберг (Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 103—123); «Сафо» — незаконченная монография, ее экстракт стал последней прижизненной публикацией Фрейденберг: Сафо // Доклады и сообщения Филологического института. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1949. Вып. 1. С. 190—198). Подробнее см.: Брагинская Н. В. Показ, каталог, сравнение, экфразис: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: IKRiBL im. F. Karpińskiego, 2018. С. 14—16.

³⁹⁰ Условное название известной Фрейденберг в замысле работы Франк-Каменецкого о мифологическом мотиве, которая так и не была написана.

будете молчать»³⁹¹. «Молчать» предлагалось потому, что «Гесиод» был написан целиком Фрейденберг. Однако позже, в 1940—1941 годах, она все-таки пыталась опубликовать монографию и значительно переработала ее — так появилась ее вторая редакция. До самой смерти Фрейденберг работала над этой монографией. При этом предисловие, посвященное Франк-Каменецкому, так и осталось не завершенным. На одном из клочков бумаги, сохранившемся в архиве, приведен список дел, явно относящихся к формированию архива и сделанный, возможно, незадолго до смерти (Рисунок 1). Под пунктом пять здесь значится Гесиод. И действительно, первые три части этой монографии были принесены от машинистки уже после смерти Фрейденберг³⁹².

Общий объем монографий в архиве, не считая черновиков, — более 4700 л.

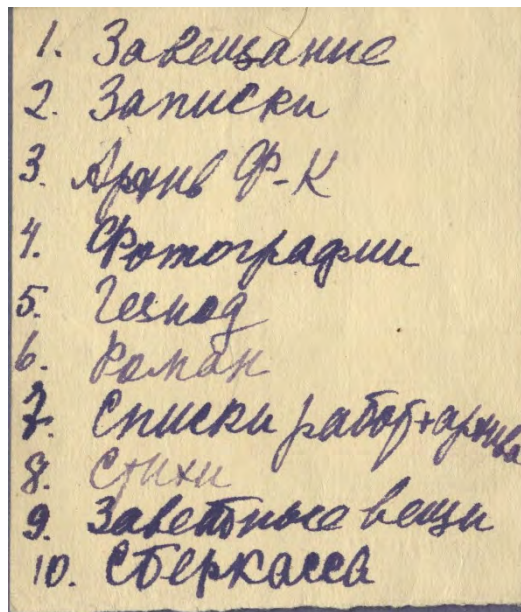

Рисунок 1. Список последних дел.

Примерно такое же соотношение рукописных и машинописных материалов наблюдается и среди статей Фрейденберг. В архиве имеются чуть более сорока неопубликованных статей Фрейденберг. В рукописном виде — только два студенческих доклада («Женитьба Добрыни Никитича», 1918; «Электра у трех трагиков», [1920]) и пять статей («Этюд к греческому роману», 1922; текст выступления «Нужна ли яфетидология литературоведению?», 1931; «Лаборатория Времени (предисловие к сборнику о культурной работе женщин во время осады Ленинграда)», 1943; «Без заглавия», 21 февраля 1946; «Научный самоотчет за 15 лет»). Последние пять работ входят в список «Неоконченные статьи», датированный 1947 годом. На всех работах, кроме доклада, имеется помета «не закончено» или «оборвано»³⁹³. В рукописи сохранилась также запись

³⁹¹ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 325.

³⁹² Устное сообщение Брагинской.

³⁹³ Архив О. М. Фрейденберг.

лекции «Греческий литературный процесс» (второй семестр 1947/1948), сделанная рукой Поляковой. Единственная машинописная статья, имеющая в архиве рукописный вариант, — «Система литературного сюжета» (1925). Рукопись сохранилась лишь по той причине, что обороты ее листов были использованы для черновика списка трудов Фрейденберг ³⁹⁴. Общий объем неопубликованных статей, тезисов и докладов составляет 617 л.

Опубликованные работы в архиве представлены только в виде оттисков, часто в нескольких экземплярах, и отдельных изданий. Исключение представляет статья «Проблема фольклорного языка» (1936), верстка которой с авторской правкой и пометой «первый вариант статьи, не пропущенный цензурой» имеется в архиве ³⁹⁵. Всего в архиве хранятся около 30 опубликованных статей (ок. 240 л.).

Также имеются несколько авторских программ курсов по античности кафедры классической филологии ЛГУ за 1932—1940 и 1948 — начало 1950 года и конспект курса «Введение в изучение античности» [1937]. За исключением незаконченной программы спецкурса «Греческая лирика», все материалы представлены в виде машинописи (всего 33 л.).

Помимо законченных работ, есть некоторое количество черновиков и набросков исследований, библиографические списки, указатели к монографиям, а также подготовительные материалы по различным темам. Эта часть архива почти не разобрана и не описана ³⁹⁶.

Другой подраздел — «Литературные произведения». Как указывалось выше, до середины 1970-х в архиве хранился и мемуарно-дневниковый комплекс под общим названием «Пробег жизни», который создавался Фрейденберг с 1939 по 1950 год и должен был охватывать всю ее жизнь. Это 34 тетради разного формата и толщины, от дореволюционных block notes до советских ученических тетрадей и самодельных тетрадей, сшитых из тетрадных обложек и чистых бланков документов. Комплекс полностью рукописный, за исключением вшитых в него газетных вырезок и некоторых официальных документов, и составляет более 2000 листов. После передачи его в семейное собрание Пастернаков в Оксфорде в архиве Фрейденберг остались два экземпляра его машинописной копии, а также подготовительные материалы к запискам 1940—1950-х годов. Последние являют собой отдельные, иногда очень маленькие клочки бумаги, на которых кратко

---

³⁹⁴ Список был составлен в 1950 г, но дополнялся позднее, так как в него включена монография «Образ и понятие», законченная в 1954 г., он также имеется в машинописном варианте (Там же).

³⁹⁵ Статья была опубликована только в 1941 г. в «Ученых записках ЛГУ» (№ 63).

³⁹⁶ Возможно, когда массив материалов будет разобран, найдутся черновики и наброски ко всем работам, но это все же не полноценные рукописные варианты. Кроме того, некоторые черновики сохранились, чтобы чистые обороты могли быть затем использованы для других работ или набросков воспоминаний (см., например, с. 99, прим. 363, с. 106, прим. 388, с. 107, с. 112, прим. 405, с. 157, прим. 538, с. 185, прим. 664 и др.); наиболее полно сохранились черновики к последней монографии «Образ и понятие», законченной в 1954 году.

и конспективно записаны мысли, события или цитаты из прочитанных произведений, а также газетные вырезки. Эти клочки находились в трех обложках от общих тетрадей с надписями «Война, 1941—1944», «После войны, 1945—1950», «После изгнания, 1951—1955», в отдельных коробках и папках, но порядок их раскладки, возможно, был случаен или изменялся при описании архива. Всего сохранилось более 1000 таких клочков и газетных вырезок, датированных преимущественно второй половиной 1940-х — началом 1950-х годов ³⁹⁷. Еще свыше 30 листов подобных документов находятся в семейном архиве Пастернаков в Москве (см. выше, с. 103).

В подраздел также входят несколько рукописных тетрадей собственных стихов, которые Фрейденберг писала с 1902 по 1929 год, переводы (например, «Плач Тассо» Байрона), пародийные прозаические рассказы и стихи ³⁹⁸. Целостность тетрадей со стихами нарушена: разрозненные, как правило, тетрадные листы вложены в обложки. Листы со стихами, возможно, из разных тетрадей объединены в четыре блока, в двух из которых помещены только стихи, отмеченные красным карандашом. В значительной части стихи были переписаны в мемуары, но рукописные варианты некоторых из них сохранены. Стихи представляли для Фрейденберг большую ценность, но не литературную, а скорее документальную, для нее это был своего рода лирический дневник: «Я рано начала писать стихи, но никогда не ошибалась в их оценке. Никому я их не читала и за поэзию не принимала. Это была доступная мне форма какого-то бледного самовыражения, не больше, — что-то среднее между дневником и „человеческим документом“. <...> Так вот стихи, <...> образовали несколько тетрадей: шутки, пародии, экспромты — и стихи, выражавшие душевное состояние; они полны грусти, надрыва, невыплаканной тоски; это «вещественное доказательство», подобное гробовой доске, лежащее поверх моей жизни и напоминающее о тяжелых путях, прожитых сердцем» ³⁹⁹. Вероятно, Фрейденберг занималась отбором стихов для сохранения незадолго до смерти, поскольку они включены в приведенный выше список дел, но работа не была завершена. В этом подразделе более 250 л.

---

³⁹⁷ Среди этих документов всего несколько клочков, которые можно отнести к военному периоду.

³⁹⁸ Один из таких текстов опубликован: Фрейденберг О. М. Лившиц-царь: утопия самого мрачного свойства, и даже с иллюстрациями / публ. подгот. М. Сорокиной; посл. Н. В. Брагинской // Новое литературное обозрение. 1993—1994. № 6. С. 100—105.

³⁹⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 71. Похожее значение для Фрейденберг имели и стихотворные переводы: «За неимением подлинных, близких мне по духу, друзей, но также и за неимением форм самовыражения, я переводила Петрарку, Шелли, Байрона, Бодлера и Верлена: это была властная потребность возраста, моего биографического возраста, и я переводила, билась, иногда кое-чего достигала, но редко» (Там же. Л. 71 об.). Возможно, Фрейденберг все-таки пробовала публиковать свои поэтические опыты: в Архиве семьи Пастернаков в Москве сохранилась вырезка или корректура значительно отредактированного стихотворения «Толкователь снов» (1904), подписанного «О. Ф.». Подробнее о стихах Фрейденберг, вошедших в Записки см. п. 3.5.2, с. 204—205.

2.2.2. Биографические документы

Биографические материалы данного раздела включают:

а) личные документы: свидетельства о рождении и смерти, завещания; документы о получении образования, ученых званий и степеней (диплом об окончании Петроградского университета, квалификационное свидетельство, выданное после защиты диссертации и окончания университета, выписка из протоколов ВАК об утверждении врио профессора по кафедре классических языков ЛИФЛИ и об утверждении в звании профессора (1935—1949), диплом доктора филологических наук и аттестат профессора по кафедре классической филологии); справки о трудовой деятельности (удостоверения, свидетельства о работе сестрой милосердия в лазаретах, билет биржи труда, расчетные книжки ИЛАЗВа, трудовая книжка и др.); удостоверения и справки, выданные в связи с эвакуацией из Ленинграда (1942), о награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946) и др. — этот «необходимый минимум» вместе с нотариально заверенными и незаверенными копиями занимает 211 л.;

б) автобиографические документы: несколько официальных автобиографий, написанных в период с 1932 по 1949 год, несколько записных и адресных книжек. Вообще записные книжки Фрейденберг имеют полифункциональный характер и вполне могут быть отнесены к подготовительным материалам к Запискам. Они включали в себя списки прочитанных книг и просмотренных спектаклей, перечни расходов, а также цитаты из прочитанных книг, записи стихов, выписки из писем и т. п. Записные книжки были начаты еще в гимназические времена, но записи на свободные места вносились и позже, вплоть до 1950-х. Эти записи использовались в мемуарах и, как и стихи, представляют собой «лирический дневник», составляя в мемуарах целые разделы ⁴⁰⁰. Поскольку работа над мемуарами осталась не завершенной, не все записи из записных книжек были использованы, что, вероятно, и способствовало их сохранению. Листов записных и адресных книжек, заполненных хотя бы частично, примерно 200, остальные автобиографические документы занимают около 20 л.;

в) документы, связанные с учебой: гимназические тетради за разные классы по рисованию, черчению и истории, а также несколько тетрадей университетского времени с записями лекций по философии, биологии и др.; «Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Петроградского университета...» (1918/19 уч. г.) с отмеченными Фрейденберг интересовавшими ее курсами и список семинаров и курсов, которые она посещала в университете в 1919—1923 гг. Всего в этом подразделе более 250 л.;

---

⁴⁰⁰ Подробнее о записных книжках шла речь в моем докладе «Круг чтения Ольги Фрейденберг» на XXV Лотмановских чтениях 21 декабря 2017 года (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wc0gW6jKpGo> (дата обращения: 18.09.2025)). См. также п. 3.5.2, с. 200—203.

г) документы имущественно-хозяйственного и бытового характера: о состоянии здоровья Фрейденберг (курортная книжка 1911 года — год, когда она заболела туберкулезом и уезжала лечиться за границу, рецепты (1910—1955), температурные листы [1955], возможно, к последней болезни); блокноты и разрозненные листы с записями бытового характера (перечни спектаклей и кинофильмов, списки вещей для дачи); ордер на квартиру, карточки на дополнительную площадь (1941—1952), документы об обмене квартиры с перечнем ее обстановки (1952—1953) и т. п. — всего около 170 л.

2.2.3. Документы по деятельности

В разделе представлены материалы, связанные с работой Фрейденберг в Государственном институте речевой культуры (ГИРК) и ЛГУ: социалистические обязательства на 1931/32 уч. г. в ГИРКе и 1949/50 уч. г. в ЛГУ, отчеты об их выполнении; учебные планы и программы курсов по западноевропейской и античной литературе в ГИРК, ЛИЛИ, ЛИФЛИ, ЛГУ (1932—1949); характеристики и отзывы о научно-организационной и общественной деятельности, данные в ГИРК и ЛГУ (1932—1951); списки сотрудников кафедры классической филологии ЛГУ (1937—1948); планы подготовки аспирантов, экзаменационные билеты и т. п.; резолюция заседания кафедры классической филологии по итогам обсуждения деятельности кафедры (июнь 1948 года); приказ министра высшего образования СССР «О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского университета» (машинописная копия, 26 мая 1949 года с пометами красным карандашом).

Кроме того, сохранились документы редакционно-издательской деятельности: переписка в связи с попытками публикации работ «Происхождение греческого романа» и «Композиции „Трудов и дней“ Гесиода» с издательством «Безбожник», Соцэкгизом, ГИХЛ; переписка с издательством ЛГУ, журналом «Литературный критик»; справки о редактировании «Ученых записок ЛГУ». Всего в этом разделе сохранилось немногим более 200 л. рукописных и машинописных материалов.

2.2.4. Переписка

В данном разделе собрана переписка. Письма самой Фрейденберг друзьям коллегам, ученикам и родственникам, а также в государственные учреждения сохранилось в архиве в относительно большом объеме, но здесь важно иметь в виду историю архива. Все большие корпуса писем, написанных самой Фрейденберг, поступили в архив уже после ее смерти. А свои письма, которые она сохранила при жизни, — в основном неотправленные открытки или черновики, иногда даже фрагменты, извлеченные при описании ее архива из подготовительных материалов и указателей к научным работам, а также открытки матери, отцу и брату из-за границы, —

таковых на сегодняшний день в архиве 42 (всего ок. 70 л.), из которых 25 — письма и открытки матери, отцу и брату из заграницы.

После смерти Фрейденберг в архив поступили письма, написанные ею к Е. С. и М. С. Лившицам, а также к О. В. и Р. А. Орбели. Сохранилось более 70 писем, открыток и записок к Е. С. Лившиц (1905—1954, 342 л.), которые передала в архив ее сестра, Роза Семеновна Лившиц (1897—1993). Среди них были несколько открыток, адресованных самой Розе, Марку и семье в целом ⁴⁰¹.

Письма Фрейденберг, адресованные Марку, как говорилось выше, в 2013 г. поступили в архив от его дочери, Ирины Марковны Лившиц, — около 80 писем и открыток (1910—1922, 305 л.). 18 писем Фрейденберг к О. В. и одно письмо к Р. А. Орбели (1908—1953, 82 л.), вероятно, вложены их дочерью и хранительницей архива Р. Р. Орбели.

Выписки из писем Фрейденберг к О. А. Гутан с комментариями А. С. Гутана (14 л., маш.) и фотокопии двух писем содержатся в небольшой подборке документов из архива О. А. Гутан, переданной ее сыном ⁴⁰².

Таким образом, совокупно в архив поступили более 180 писем общим объемом ок. 740 л.

Писем к Фрейденберг сохранилось мало. Переписка с коллегами и учениками, подругами, родственниками, не считая самых близких, в архиве представлена выборочно или случайно. Целенаправленно для архива сохранены только письма Б. Л. Пастернака и И. Г. Франк-Каменецкого. Скорее всего, Фрейденберг не хранила писем большинства своих многочисленных корреспондентов ни до, ни после того, как приняла решение готовить свой архив, считая их малозначительными. Письма могли сохраниться, если бумагу, на которых они были написаны, Фрейденберг использовала для других целей. Так, разрезанное на восемь частей письмо с курорта Поляковой пошло на карточки указателя к монографии «Композиция „Трудов и дней“ Гесиода». В архиве сохранилось только одно письмо Поляковой из санатория (от 27 марта 1940 года), где она лечилась от туберкулеза, которое было впоследствии вложено в мемуары, а также две записки, в мемуары переписанные ⁴⁰³. При этом в фонде Поляковой в РГАЛИ имеются 66 писем и телеграмм от Фрейденберг ⁴⁰⁴). Из всех, скорее всего, многочисленных, писем от Е. С. Лившиц в

---

⁴⁰¹ На открытках сохранились штемпели, значит, они были отправлены. Фрейденберг активно переписывалась с семейством Лившицев, включая самого младшего брата Эммануила, умершего в 1919 году, но можно только предполагать, что количество писем к другим членам семейства, кроме Марка и Елены, было много больше, чем сохранилось.

⁴⁰² Кроме того, в подборку включены отзыв Фрейденберг на диссертацию О. А. Гутан и копия фотографии Фрейденберг 1930-х.

⁴⁰³ Одна из этих записок все же сохранилась в архиве.

⁴⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76, 85 л.; Д. 77, 59 л.

архиве сохранилось только два: одно переписано в блокадные записки, на обороте другого Фрейденберг записала стихотворение Пастернака ⁴⁰⁵. Есть в архиве отдельные письма от родителей, Л. О. Пастернака и его семьи, от двух офицеров И. И. Дмитриева и Е. К. Береснева, с которыми Фрейденберг познакомилась в лазаретах будучи сестрой милосердия ⁴⁰⁶, по несколько писем от университетских учителей — Толстого и Жебелева.

Иногда в сохраненной корреспонденции можно увидеть определенный «сюжет», проясняющий, почему именно эти письма Фрейденберг сохраняла. Так, все четыре письма Жебелева, который был ее научным руководителем во время работы и над дипломом, и над диссертацией, как и письма Фрейденберг, сохранившиеся в архиве Жебелева ⁴⁰⁷, посвящены одной чрезвычайно важной для обоих теме — «Деяниям Павла и Феклы», первой работе Фрейденберг, давшей начало ее научной биографии и очень высоко оцененной Жебелевым ⁴⁰⁸.

Из всей возможной переписки с Марром сохранены лишь записка, переданная на защите диссертации, и открытка из Бретани. По тому, что конверт, в который они вложены, подписан «Мои реликвии», можно судить о вечной благодарности молодого исследователя к влиятельному в свое время ученому за поддержку в начале пути.

Всего в этом подразделе сохранились более 50 писем и их фрагментов общим объемом около 200 л. Конечно, письма могли не сохраниться и по объективным причинам. Так, из архива

---

⁴⁰⁵ Письмо датировано 31 декабря 1936 г. и содержит поздравление с новым годом. Разгромная речь В. П. Ставского на общем собрании членов Союза советских писателей СССР, в которой он клеймил Пастернака в том числе и за стихотворение «Счастлив, кто целиком...», прозвучала 16 декабря и была опубликована в «Литературной газете» 20 декабря 1936 г. Фрейденберг, вероятнее всего, записала это стихотворение по горячим следам, т. е. вскоре после получения письма от Лившиц, которое она сохранять не предполагала.

Несколько открыток от Е. С. Лившиц, так же как и открытки от других корреспондентов, сохранились в альбоме для открыток, то есть скорее ради картинок.

Письмо Лившиц, написанное в первую блокадную зиму, было переписано в мемуары по вполне понятным мотивам: «Не можешь ты погибнуть. Ты человечеству нужна. Твои научные работы, твои открытия. Если есть правда, если есть добро, ты не можешь не жить» (Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 11—11об.).

⁴⁰⁶ Многочисленные письма солдат, выдержки из которых Фрейденберг приводит в мемуарах, в архиве не сохранились, кроме нескольких писем указанных корреспондентов, с которыми ее связывали дружески-романтические отношения, подробнее см.: Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 22, 30, прим. 6; Костенко Н. Ю. Записки Ольги Фрейденберг и «Охранная грамота» Бориса Пастернака: диалог автобиографий // «Премудрость построила себе дом...». М.: МЦНМО, 2025. С. 208—214.

⁴⁰⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 133. Л. 1—3 об.

⁴⁰⁸ См. подробнее: Фрейденберг О. М., Жебелев С. А. Письма 1926—1940 годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 216—225; Костенко Н. Ю. «Греческий роман» в переписке О. М. Фрейденберг и С. А. Жебелева // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 203—215.

были изъяты письма Б. Л. и Л. О. Пастернаков — 130 и 17 писем соответственно, 30 писем Франк-Каменецкого вложены в мемуары. Однако приведенные примеры показывают, что входящая корреспонденция могла быть несоизмеримо больше, судя по количеству и объему писем, сохранившихся у различных ее адресатов. Формируя свой архив в 1947 году, она сознательно отбирала, что оставить в архиве, что может пригодиться для мемуаров, а что следует утилизировать или использовать для новых записей. Это показывает сохранившийся среди клочков фрагмент первоначального плана архива (Рисунок 2), где в пункте «Переписка» выделены только письма Бориса Пастернака и Франк-Каменецкого ⁴⁰⁹.

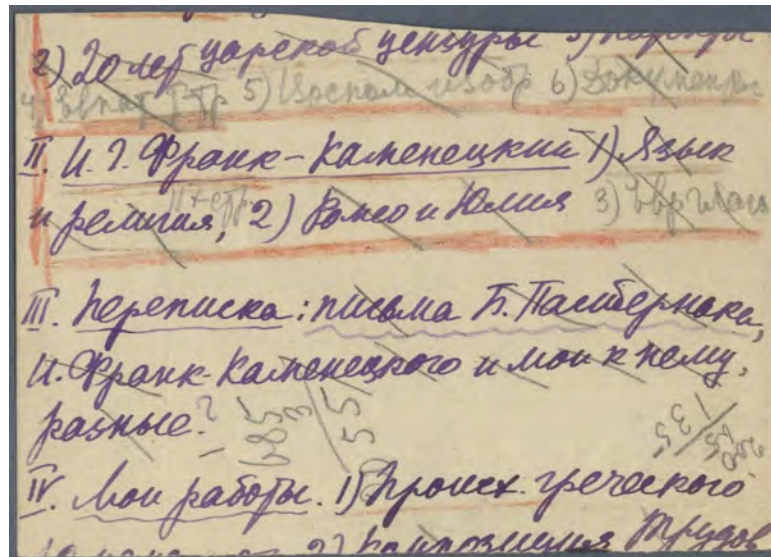

Рисунок 2. Фрагмент первоначального плана архива (1947).

2.2.5. Документы семьи

В разделе представлены материалы семьи Фрейденбергов:

а) материалы отца, М. Ф. Фрейденберга, вероятно, то, что осталось после передачи ряда его документов в музей по истории техники. Возможно, это вторые экземпляры его документов: описание буквоотливной машины; копии и аннотации некоторых статей; мемуары «Двадцать пять лет цензорской опеки», «Первый драматический театр в Евпатории», а также разрозненная переписка, в основном с членами семьи; материалы к биографии и истории его архива: статьи о нем Н. М. Раскина и В. Н. Рогинского, а также описи архива, составленные О. М. Фрейденберг, — всего более 270 л.;

б) Материалы матери, А. О. Фрейденберг, и братьев, А. М. Михайлова и Е. М. Фрейденберга, очень немногочисленны, в основном это небольшая по объему семейная переписка — 7 л.

⁴⁰⁹ Ср., например архив, хорошо знакомого Фрейденберг М. К. Азадовского, который сохранил до 3500 писем от более чем 500 корреспондентов (Азадовский К. М. Архив Марка // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 19).

2.2.6. Документы других лиц

В разделе содержатся научные статьи, рефераты, тезисы учениц Фрейденберг С. В. Поляковой, О. А. Гутан, коллег по ЛГУ Н. Н. Залесского, И. М. Тронского, В. Я. Проппа.

Отдельную большую группу составляют материалы Р. Р. Орбели, отражающие историю архива Фрейденберг и его использование. Сохранилась переписка с Политехническим музеем по поводу передачи туда документов отца Фрейденберг, с Одесской картинной галереей, с родственниками Б. Л. Пастернака, а также переписка с Ю. М. Лотманом и С. Ю. Неклюдовым по вопросам издания работ Фрейденберг. Всего более 160 л.

2.2.7. Изобразительные материалы (фотографии)

В заключительный раздел включены многочисленные фотографии Фрейденберг и членов ее семьи. Описание раздела не завершено, но можно сказать, что большинство фотографий относятся к дореволюционному времени, фотографии Фрейденберг 1920—1940-х годов сохранились в основном на документах. Имеются также присланные из Берлина, Мюнхена и Оксфорда фотографии Л. О. и Р. И. Пастернаков, их дочерей Лидии и Жозефины и внуков, а также небольшое число фотографий учителей Фрейденберг (А. К. Бороздин, С. А. Жебелев, Г. Ф. Церетели, И. И. Толстой) и коллег (В. В. Струве, И. И. Мещанинов, И. Г. Франк-Каменецкий и др.). Всего около 350 листов.

Подробное описание документов показывает, что основная часть архива — материалы творческого характера, включающие ее научные работы, мемуары и литературные произведения — более 9000 л., служебно-биографические документы вместе с сохранившейся деловой перепиской — более 1350 л., иные документы — материалы других лиц и фотографии — около 780 л. Соотношение документов, когда творческие материалы составляют более 80%, а служебно-биографические и иные не превышают 20% существенно отличает архив Фрейденберг от типичного архива деятеля литературы и искусства, в котором доля служебно-биографических материалов в архиве составляет примерно 47%, иных документов — 18% и только 35% — материалы творческого характера ⁴¹⁰. Даже если прибавить к служебно-биографическим документам переданные в архив семьи Пастернаков в Москве письма Б. Л. и Л. О. Пастернаков, хотя причисление писем поэта к служебно-биографическим документом представляется не совсем правильным, все равно творческих документов будет принципиально больше, чем биографических. Но это не значит, что таких документов не было или они все были уничтожены. В процессе работы

---

⁴¹⁰ См.: Бурова Е. М. Личные архивы в контексте репрезентативности архивного фонда Российской Федерации // Документ. Архив. Информационное общество. М.: Термика.ру, 2018. С. 413.

над послевоенными тетрадями мемуаров, которая велась параллельно с формированием архива, Фрейденберг использовала сохранившиеся документы своего архива не только как содержательный материал, но и физически. Документы, письма, газетные вырезки, стихи, выписки из записных книжек с цитатами из прочитанных произведений или афоризмами либо переписывались в текст мемуаров, либо вшивались или просто вкладывались в тетради с воспоминаниями. Как правило, полностью переписанные документы за небольшим исключением уничтожались. Особенно большое количество документов содержит часть мемуаров, описывающая время от поступления в университет и до войны. Десять толстых тетрадей этой части были написаны очень быстро, за зиму 1948—1949 года. В некоторых тетрадях такие документальные вставки, занимают от 30 до 50% текста ⁴¹¹.

Итак, архив задумывался Фрейденберг не как собрание всех сохранившихся документов, отражающее ее биографию и творчество. Процессы, происходившие в стране и университете, нарастающая кампания по борьбе с космополитизмом и развал на кафедре не оставляли ей надежд ни на публикации и признание ее научных заслуг, ни даже на спокойное преподавание. Не полагаясь на учеников и историков науки, она сама тщательно отбирала материалы для своего архива. Полнота, документальное подтверждение каждого мгновения жизни или лаборатория ученого Фрейденберг не интересуют, в отличие от, например, А. А. Зимина, который, заботясь именно о будущих исследователях, сожалел об уничтоженных черновиках своих опубликованных работ, из-за чего «творческую историю и лабораторию исследователя проследить невозможно будет» ⁴¹².

Фрейденберг не успела придать архиву законченную форму, составить его опись. Остались ненаписанными воспоминания о годах после увольнения из университета. Возможно, в архив должны были войти собственные стихи, письма Пастернака и учителей, фотографии и, возможно, еще какие-то дорогие ей вещи. Кроме того, доподлинно неизвестно, что в предназначенный для архива железный сундук положила сама Фрейденберг, а что добавила Орбели уже после ее смерти.

---

⁴¹¹ Глазырина Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых на примере архива О. М. Фрейденберг: дипломная работа. М., 1994. Приложение № 4. Количество документов в Записках по тетрадям. С. 103—120 (Архив Н. Ю. Костенко).

⁴¹² Зимин А. А. Храм науки: (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 365; Ср. также архив М. И. Цветаевой, которая бережно хранила не только беловые рукописи, но и свои черновые и рабочие тетради, составляющие уникальный комплекс, «по которому возможно восстановить до строчки, до буквы судьбу произведения и его автора» (см.: Марина Цветаева: [сайт, посвященный творческому наследию М. И. Цветаевой] / ред. Любовь Валерьевна Хачатурян: <http://tsvetaeva.literature-archive.ru/ru> (дата обращения: 18.09.2025)).

2.3. Выводы

Фрейденберг приняла решение о создании архива в 1947 году и до самой смерти работала над его формированием. Ее первоначальный замысел предполагал сохранение не всех, а только важнейших документов, наиболее полно характеризующих ее личность и научные идеи, — воспоминаний и научных работ, писем Б. Л. Пастернака, учителей, а также архива отца, М. Ф. Фрейденберга, писем и работ И. Г. Франк-Каменецкого, таких же, как и она сама, талантливых ученых не признанных при жизни и забытых после смерти.

Современный состав документов архива отличается от замысла, и меняться он стал еще при жизни Фрейденберг. В 1949 году она начала передавать архив отца в Музей связи им. А. С. Попова, передачу продолжила ее наследница, Р. Р. Орбели. Работы Франк-Каменецкого были возвращены его родственникам уже после смерти Фрейденберг. Часть документов архива, относящихся к Б. Л. Пастернаку, была изъята во время подготовки к изданию их переписки. Оригиналы Записок Фрейденберг были переданы в семейный архив Пастернаков в Оксфорде (The Pasternak Trust: a Family Collection), а затем в Гуверовский институт в Стэнфорде. Письма Бориса и Леонида Пастернаков, семейные фотографии и отдельные документы архива Фрейденберг остались в архиве семьи Пастернаков в Москве.

Анализ состава и содержания документов показывает, что архив задумывался Фрейденберг не как собрание всех сохранившихся документов о ее жизни и творчестве. Не полагаясь на учеников и историков науки, она сама тщательно отбирала материалы для своего архива, который должен был включать подготовленные для публикации законченные научные работы, многие изданные работы, избранную переписку и мемуарно-дневниковый комплекс, совокупно представлявшие ее научную и человеческую биографию, далеко не полную, но содержащую именно те сведения, которые посчитала нужными включить в нее она сама.

ГЛАВА 3. МЕМУАРНО-ДНЕВНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС

О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ «ПРОБЕГ ЖИЗНИ» (ЗАПИСКИ)

Записки представляют собой сложный мемуарно-дневниковый комплекс, который создавался в течение десяти лет и первоначально не имел единого замысла и последовательного исполнения. По содержанию комплекс охватывает практически всю жизнь Фрейденберг — с раннего детства до 10 декабря 1950 года (дата в конце последней тетради), подготовительные материалы — вплоть до зимы 1955-го.

Написанные частью в мемуарной, частью в дневниковой, частью в форме, близкой к дневниковой, Записки и материалы к ним занимают вторую по объему часть архива Фрейденберг после ее работ и до сих пор полностью не опубликованы. Во фрагментарных тематических публикациях Записок не проводилось детального исследования текста, а немногочисленные исследователи, имевшие доступ к полному тексту машинописи или рукописи, рассматривали его, не учитывая других материалов архива, и не ставили перед собой задачу рассматривать Записки в этом контексте. Кроме того, маргинальный статус в классической филологии и причисление к марристам создало Фрейденберг дурную репутацию, что обрекло любые ее тексты, а особенно Записки, на заведомо предвзятое отношение со стороны определенного круга гуманитарных ученых. Но именно изучение истории складывания комплекса в целом, этапов его оформления, состава и структуры текста, его явных и скрытых источников и даже смысла названий его частей помогает понять, зачем и с какой целью Фрейденберг писала Записки, как менялся ее замысел в процессе работы и какую роль играет мемуарно-дневниковый комплекс в концепции ее архива.

3.1. Публикации и изучение

мемуарно-дневникового комплекса «Пробег жизни»

3.1.1. Первые публикации фрагментов Записок

Впервые фрагменты Записок были опубликованы за границей, в издании переписки Бориса Пастернака и Фрейденберг, подготовленном под именем Эллиота Моссмана ⁴¹³. Отрывки из Записок, помещенные между письмами и обильно использованные в комментариях, главным образом создавали исторический фон и заполняли лакуны в письмах ⁴¹⁴. Тем не менее это первая и до сих пор единственная публикация фрагментов из всего текста Записок.

⁴¹³ Пастернак Б. Л. Переписка с Ольгой Фрейденберг. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. VII, 377 с.

⁴¹⁴ Моссман Э. [Предисловие] // Переписка с Ольгой Фрейденберг / Борис Пастернак. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. С. VII.

Своим появлением издание обязано прежде всего интересу к личности Пастернака, Фрейденберг не была известна на Западе. Для издателя она корреспондент и двоюродная сестра большого поэта, с которой на протяжении 44 лет он переписывался «исключительная по соизмеримости духовной высоты обоих корреспондентов»⁴¹⁵, но все же стоящая в ряду других адресатов Пастернака. Составителями издания были сын поэта, Евгений Борисович, и его супруга, Елена Владимировна⁴¹⁶, чем также объясняется его «пастернакоцентризм»: книга так и называлась «Борис Пастернак. Переписка с О. М. Фрейденберг». При выборе фрагментов Записок составители руководствовались в основном сведениями, дополняющими биографию поэта: относящийся к Пастернаку текст передавался в пределах отрывков без купюр, тогда как из фрагментов, связанных только с Фрейденберг, в основном вычленялась событийная часть и вносились необходимые для сохранения связности текста изменения. Отрывки из Записок при необходимости вольно перемещались и в пределах фрагмента, и за его пределами, что никак не оговаривалось публикаторами. Иногда Записки использовались в комментариях, где просто пересказывались без указания на цитирование. Исторические лица, особенно советские деятели, практически не комментировались или комментировались текстом самих Записок⁴¹⁷.

Издание переписки в английском переводе Моссмана в 1982 году⁴¹⁸ на несколько недель вошло в число бестселлеров, получило большую прессу, было переведено на многие европейские

---

⁴¹⁵ Брагинская Н. В., Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. [Предисловие] // Дружба народов. 1988. № 7. С. 201.

⁴¹⁶ Поскольку книга была издана за рубежом, Е. Б. и Е. В. Пастернаки, советские граждане, среди участников издания не упоминаются.

⁴¹⁷ Ср. например, оригинальный текст Записок: «То было печальное время военных поражений и угасаний царства. Между людьми протягивались какие-то внутренние нити понимания и соучастия в одном большом и горестном крахе. В Петербурге это чувствовалось особенно сильно, где все мужчины были военными, все женщины сестрами. Знакомые или незнакомые, мы составляли единое братство горя. Становилось все печальнее и печальнее. Россия падала. Несчетные жертвы валялись по госпиталям» (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 129 об., опубл.: Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 21) и текст комментария в издании переписки: «То было печальное время военных поражений. Между людьми протягивались какие-то внутренние нити понимания и сопереживания. В Петербурге, где все мужчины были военными, а все женщины сестрами, это чувствовалось очень сильно. Россия терпела поражение. По госпиталям валялись несчетные жертвы» (Пастернак Б. Л. Переписка с Ольгой Фрейденберг. С. 354). Подробнее анализ публикаций Записок см.: Глазырина Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых на примере архива О. М. Фрейденберг. Гл. 3.2. С. 51—67. То же. Костенко (Глазырина) Н. Ю. 2009. URL: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom/Glava3/2>.

⁴¹⁸ The Correspondence of Boris Pasternak and Olga Freidenberg, 1910—1954 / comp., ed., intro. by E. Mossman; transl. by E. Mossman and M. Wettlin. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. XXIV, 365 p. То же. London: Secker and Warburg, 1982. XXIV, 365 p.

языки, что сделало Фрейденберг известной за рубежом и вызвало интерес к ее личности на родине ⁴¹⁹.

Начиная с 1988 года переписка несколько раз переиздавалась в России, и научно-справочный аппарат с каждым последующим изданием совершенствовался. Последнее и самое полное издание — 2000 года — содержит обширный биографический очерк, посвященный обоим корреспондентам почти в равной степени, с известной долей противопоставления их характеров, семей, образа жизни и, в конечном счете, судьбы. Есть здесь и справка о Записках, дающая необходимые, но краткие сведения: время написания, общая характеристика и место хранения ⁴²⁰.

Не связанные с именем Пастернака две публикации отрывков из Записок были подготовлены по оставшимся в России их машинописным копиям литературоведом и переводчиком Ю. М. Каган (1924—2000) и опубликованы в парижских эмигрантских диссидентских изданиях — журнале «Синтаксис» ⁴²¹ («Будет ли московский Нюрнберг?») и альманахе «Минувшее» ⁴²² («Осада человека»; под псевдонимом К. Невельский). Здесь публиковались материалы, которые невозможно было издать в СССР. И Записки (особенно в их военной и послевоенной частях) стали для них находкой. Они писались «в стол», без оглядки на цензуру, и для читателя середины 1980-х годов представлялись как редкий для сталинского периода сознательный протест против тоталитарного режима, исполненный нравственным долгом зафиксировать «быт сталинской эпохи». Выбор для публикации именно мемуаров Фрейденберг обосновывался еще и тем, что они иллюстрируют неразличимость лагеря и воли в СССР. В предисловии к «Осаде человека» прямо сказано: «По „Одному дню Ивана Денисовича“, по „Архипелагу ГУЛАГ“, по многим публикациям воспо-

---

⁴¹⁹ См. издание переводов и рецензии в: Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг; *Personalia* и некоторые упоминания // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 716; 735—736. В 1983 году американский ученый Кевин Мосс защитил диссертацию о Фрейденберг в Корнельском университете (Moss K. M. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. [Ithaca]: Cornell University, 1984. 303 p.), а затем перевел на английский итоговую монографию Фрейденберг «Образ и понятие» (Freidenberg O. M. Image and Concept. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997. 492 p.). Русское издание переписки в нескольких экземплярах проникло в Советский Союз, один из них был даже передан находящемуся в ссылке академику А. Д. Сахарову (Сахаров А. Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Права человека, 1996. Т. 1. С. 808—809; Боннэр Е. Г. Постскриптум: книга о горьковской ссылке. М.: Интербрук, 1990. С. 100, прим. 1. Подробнее о публикациях переписки и ее значении см.: Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 23—25.

⁴²⁰ Пастернак Е. Б. Вступление // Пожизненная привязанность / Борис Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 4—5.

⁴²¹ Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг?: (из Записок 1946—1948 годов) // Синтаксис. Париж, 1986. № 16. С. 149—163. Переизд.: М.; СПб.: Прогресс — Феникс, 1991.

⁴²² Фрейденберг О. М. Осада человека // Минувшее: исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 9—44.

минаний мучеников того времени, люди, живущие сейчас, могли познакомиться с жизнью в советских тюрьмах, лагерях и ссылках. Гораздо менее распространена неофициальная литература о нелагерной, нетюремной действительности»⁴²³. Публикация в «Синтаксисе», где нет предисловия, отражает это красноречивым названием — «Будет ли московский Нюрнберг?». Именно образом московского Нюрнберга Фрейденберг завершает 34-ю тетрадь в декабре 1950 года, прямо обвиняя сталинский режим, превративший страну в концлагерь, в преступлениях против человечности. Блокадная и послевоенная действительность, по Фрейденберг, сравнима с лагерной действительностью по Солженицыну.

Проблема данных публикаций — в том, что они фрагментарны, то есть включают лишь отрывки из Записок, которые прямо иллюстрируют концепцию обеих публикаций: показать жизнь блокадного Ленинграда как преступление против города, обреченного на смерть, или продемонстрировать сталинский послевоенный быт, сопоставимый со сталинскими же лагерями. Это особенно ярко видно по публикации в «Минувшем». Здесь опущено все, что касается лично Фрейденберг, — подробности быта, попытки получения продуктовых карточек и пайков, отношения с близкими, оценки, особенно отрицательные, коллег и знакомых⁴²⁴. Но особенность блокадных и некоторых послевоенных дневниковых записей (которые иногда синхронны событиям, иногда сделаны вскоре после них) в том, что их нельзя членить без ущерба для понимания состояния автора и причины, по которой они были сделаны, поскольку они являются эмоциональной реакцией по какому-то вполне определенному поводу и изложение разворачивается от частного к общему.

Любые фрагменты, противоречащие идейной задаче публикации, тоже исключаются, что приводит к нарушению связности повествования. Так, перед наступающим 1942 годом Фрейденберг посылает друзьям и родственникам поздравления, в том числе телеграмму в Оксфорд: «Это было большое, большое событие. Я их извещала, что мама здорова, что мы верим в свиданье». Следующая после купюры фраза в публикации кажется несколько противоречащей предыдущему изложению: «Бодро, с огромными радостными ожиданиями, мы вступили в январь»⁴²⁵. А на самом деле ей предшествовало описание празднования Нового года: «...чистая, белая скатерть, шпроты, конфеты, печенье, миндаль. Я берегла это всю осень, пронесла через весь голод и его искушенья... Мы пили мамину старую смородиновку, ели, лакомились; радио сообщало чудные вести. Новогодний итог был в нашу пользу. Гитлеру «прыжок» не удался, он втянут

---

⁴²³ Невельский К. [Каган Ю. М.]. [Предисловие...]. // Минувшее. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 8.

⁴²⁴ Так, воспоминания, посвященные отношениям с матерью, ее болезни и смерти, ставшей для Фрейденберг тяжелейшим потрясением и во многом определившей ее последующую жизнь, не включены в публикацию, в результате читатель не узнает, что одной из причин продолжения Записок послужила личная драма, которую пережила их автор.

⁴²⁵ Фрейденберг О. М. Осада человека // Минувшее. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 18.

в зимнюю кампанию, его громят, инициатива в наших руках... Торжественно нас поздравили по радио в 12 часов. Новогодняя речь по радио была умна и хороша. Мы обновили в душе надежды, ожили»⁴²⁶.

В другом случае, однако, из большого размышления о судьбе семьи Фрейденберг, публикатором берется опять же обобщающее окончание, что делает это размышление безличным: «Наша драма [мамы, Бори, Сашки. — *Н. К.*] была в том, что нас заперли, забили в общий склеп <...> Совместное, в кучу проживание, было изобретено цивилизацией, как форма государственной кары за преступление. Только в тюрьме люди скучены»⁴²⁷. Таким образом, усиливается и обличительный пафос, и пристрастность, которая вообще была свойственна Фрейденберг, о чем публикатор предупреждает во введении⁴²⁸. В «Синтаксисе» размер публикации гораздо меньше, и структура текста публикуемой части Записок («Воспоминания о самой себе») позволяет выбрать законченные отрывки, работающие на концепцию публикатора. Записи о советском строе и быте часто имеют характер обобщенных отступлений, а не вписаны в развитие повествования от частного к общему, как в «Осаде человека». Поэтому сокращения здесь не так сильно противоречат смысловой конструкции воспоминаний и не нарушают ее, но тем не менее текст приобретает остро публицистический, не мемуарный характер.

3.1.2. Научные публикации мемуарного наследия О. М. Фрейденберг

Мемуарное творчество Фрейденберг представлено не только 34-ю тетрадями Записок. Несколькими годами ранее начала работы над воспоминаниями, в 1936 году, она написала две статьи в жанре воспоминаний-некрологов, посвященные Н. Я. Марру («Воспоминания о Марре») и В. В. Бушу («Настоящий учитель (памяти В. В. Буша)»)⁴²⁹. Последние, по крайней мере с содержательной стороны, затем были использованы в Записках, на первые Фрейденберг — только ссылается. «Воспоминания о Марре» были зачитаны на заседании кафедры классической филологии 23 декабря 1937 г., опубликованы же они были в 1988 году с предисловием И. М. Дьяконова и комментариями Брагинской и впервые вводили воспоминания Фрейденберг в научный оборот как важное мемуарное свидетельство по истории и организации советской гуманитарной

⁴²⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 12а. Л. 70 об. Новогодняя речь по радио 31 декабря была произнесена М. И. Калининым.

⁴²⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 16. Л. 5.

⁴²⁸ «Некоторые страницы могут показаться слишком пристрастными. Но в них, как и во всех „Записках“, отразилась эпоха, в которую привелось жить О. М. Фрейденберг и которая влияла на характер этой удивительной женщины. Здесь уместно вспомнить И. А. Бунина, писавшего когда-то: „Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень дорога для будущего историка“» (Невельский К. [Каган Ю. М.]. [Предисловие...] // Минувшее. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 9).

⁴²⁹ Архив О. М. Фрейденберг. Москва (не публиковалось).

науки в 1920—1930-е годы и роли в этом Марра ⁴³⁰. В комментариях приведены отрывки из написанных через более чем десять лет, в 1948—1949 годах, соответствующих частей Записок. Они показывают, что Фрейденберг, которую до сих пор называют «ученицей и восторженной почитательницей» Марра ⁴³¹, была далека от однозначной оценки как его личности, так и теории и способов ее внедрения. Дьяконов считал воспоминания очень важными для истории отечественной гуманитарной науки: «Без ее горячих, полных любви к учителю слов нынешние молодые ученые, работающие шестьдесят лет спустя, и их позднейшие приемники не смогут понять, что такое был Н. Я. Марр, и потому не смогут понять и пути нашей гуманитарной науки 20—40-х годов» ⁴³². Эта публикация — пример редкого совпадения целей автора воспоминаний с целями их публикатора. Фрейденберг именно собиралась внести свой вклад в историю науки, но уже тогда в форме протеста против «тиражирования» Марра: «Меня толкнули на это слащавые, фальшивые воспоминанья, напечатанные в тот год. Эту статью я писала, как пишет писатель: в глубоком волнении сердца и воображенья. <...> Воспоминанья так и не удалось напечатать: их не пропускала цензура. <...> Мне было сказано, что тон статьи не соответствует политическому значенью Марра, что воспоминанья об академиках имеют свой стиль, которому я обязана следовать, и что подобного стиля статья никогда и никуда принята не будет» ⁴³³.

Следующая публикация мемуарного наследия Фрейденберг не связана ни с известными людьми, ни с масштабными историческими событиями. Это публикация фрагментов Записок о начале учебы в Петроградском университете, скромно названной «Университетские годы», которой предпослано обширное введение Брагинской ⁴³⁴. Автор, используя материалы архива Фрейденберг, ее письма, а также обильно цитируя Записки, с успехом решает трудную задачу — дать читателю, не знакомому ни с работами Фрейденберг, ни с основными вехами ее биографии, «почувствовать дыхание личности, масштаб, в котором заказана карта ее судьбы», комментируя

---

⁴³⁰ Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 181—204.

⁴³¹ Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15. № 2. С. 399.

⁴³² Дьяконов И. М. По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 179. Ср.: «Ученые потомки, которые будут интересоваться Марром, и будущие создатели исторического романа, желающие вывести крупного ученого одним из действующих лиц современной нам эпохи, обратятся ко всем нашим воспоминаниям и по ним станут восстанавливать Марра-человека» (Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре. С. 190).

⁴³³ Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 51—52. На машинописной версии «Воспоминаний о Н. Я. Марре», сохранившейся в архиве Фрейденберг, написано красными чернилами: «Возвратить для редактирования».

⁴³⁴ Фрейденберг О. М. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 145—156; Брагинская Н. В. Филологический роман // Там же. С. 134—144.

лишь два обстоятельства ее биографии: поздний старт (Фрейденберг поступила в университет уже сложившимся человеком, обладавшим знанием языков, литератур, искусства и философии) и роль учителя в выборе направления образования, а значит, и ее дальнейшего научного пути.

Однако название предисловия Брагинской — «Филологический роман», — предполагавшее взаимопроникновение увлечения филологией с романтическим увлечением преподавателем, вдохновившее ее на изучение греческого — языка раннехристианского апокрифа о святой Фекле, жанр которого она определила как греческий роман ⁴³⁵, было затем повторено в эссе В. И. Новикова как особый, «промежуточный», жанр романа, где фабула переплетена с филологической рефлексией: «Филологическим по преимуществу, наверное, можно считать такой роман, где филолог становится героем, а его профессия — основой сюжета» ⁴³⁶. Новиков не ссылается на публикацию Брагинской, не упоминает Фрейденберг, не рассматривает в этом контексте дневники и воспоминания филологов, тем не менее общее название и широкая трактовка определения позволило А. О. Разумовой включить в свою работу о жанре филологического романа ⁴³⁷ и «Записки» Л. Я. Гинзбург, и Записки Фрейденберг, и «Миф моей жизни» Я. Э. Голосовкера, определив последние два текста как «разновидность „фрагментарного“ филологического романа», которые отличает логика мифа, в то время как «Записки» Гинзбург следуют логике филологического анализа. При этом исследовательница пользовалась для изучения жанра Записок Фрейденберг только опубликованными на тот момент фрагментами.

В то время как в первых публикациях о Записках давались очень краткие сведения, Брагинская и в комментариях к воспоминаниям о Марре, и во введении к «Университетским годам» обильно их цитирует, что, безусловно, расширяет представление о мемуарном творчестве Фрейденберг.

Последующие публикации представляют собой переиздания фрагментов и их переводы ⁴³⁸.

Небольшой фрагмент об А. Н. Генко, фрагменты блокадных записок о весне 1943 года и о работе Фрейденберг в архиве летом — осенью того же года, переведенные на английский

---

⁴³⁵ Подробнее см. выше п. 1.2.1, с. 37—43.

⁴³⁶ Новиков В. И. Филологический роман: старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. С. 196.

⁴³⁷ Разумова А. О. «Филологический роман» в русской литературе XX века: генезис, поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 2005. 182 с.

⁴³⁸ Фрейденберг О. М. Человеческая природа отменялась (1942) // Час пик. 1991. 11 февраля (№ 6 (51)). С. 15; Recollections of N. Ja. Marr // Soviet Studies in Literature: a Journal of Translations. 1991. Vol. 27, № 3 (Pt. 2). P. 61—83; Ее же. Воспоминания о Н. Я. Марре // Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания: антология. М.: Academia, 2001. С. 325—339 (переизданы без комментариев Брагинской); Eadem. V tom je můj patos / Olga Frejdenbergová; přeložil Ladislav Zdražil // A 2: kulturní týdeník. 2006. № 32. S. 16—17.

язык, фрагменты о Февральской и Октябрьской революциях 1917 года можно отнести к стандартным тематическим публикациям ⁴³⁹.

Стоит отметить, что ни один из публикаторов не ставил перед собой задачи всестороннего изучения Записок как единого мемуарно-дневникового комплекса.

3.1.3. Исследования Записок и проблема их достоверности

Осенью 1992 года в РГГУ под руководством Брагинской и М. Ю. Сорокиной начал работу семинар по изучению Записок Фрейденберг. Среди его участников были в основном студенты факультета архивного дела и отделения музееведения Историко-архивного института: Борис Долгин, ныне специалист по научной и экспертной коммуникации, научный редактор, Михаил Шапошников, ныне заведующий отделом литературы Серебряного века Государственного литературного музея, Александр Потемкин, ныне преподаватель ИВКА РГГУ и ИКВИА НИУ ВШЭ, автор настоящей работы и др. Им предлагалось читать мемуары Фрейденберг и составлять комментарии к ним для будущей публикации, используя хранившиеся в РГГУ материалы архива Фрейденберг, которые находились в стадии описания ⁴⁴⁰.

Результатом работы в семинаре стала моя дипломная работа, подготовленная под руководством профессора кафедры археографии А. Д. Степанского «Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: по материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг», защищенная в июне 1994 года ⁴⁴¹. В ней впервые была приведена история, состав и содержание архива, а также дан подробный текстологический анализ мемуарно-дневникового комплекса с установлением источников текста, композиции и техники создания разных его частей, а также времени, условий, состава каждой его тетради. Поскольку целью работы было решение проблем публикации Записок Фрейденберг, все источниковедческие аспекты Записок рассматривались для задач публикации. То есть вопросы, связанные с определением целей и задач мемуарно-дневникового комплекса, а также мотивов его создания и места, которое он занимает в биографии Фрейденберг, только были обозначены как предмет для будущих исследований.

---

⁴³⁹ Фрейденберг О. М. Воспоминания О. М. Фрейденберг [об А. Н. Генко] // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2004. № 4. С. 137—138; Freidenberg O. M. The Race of life / transl. by A. Forman // Writing the Siege of Leningrad: Women's Diaries, Memoirs, and Documentary Prose. Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2002. P. 64—76; Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 21—37.

⁴⁴⁰ Подробнее см. п. 2.1, с. 104.

⁴⁴¹ Оригинал дипломной работы, до середины 2000-х годов хранившийся в библиотеке РГГУ, был в связи с переполненностью фондов вместе с другими дипломами списан и уничтожен, его копия хранится в архиве автора, его электронный вариант, немного отредактированный, но неполный и без приложений размещен на сайте «Электронный архив О. М. Фрейденберг»: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya> (дата обращения: 18.09.2025).

Кроме того, работа была выполнена на основе лишь машинописной копии мемуаров ⁴⁴² и содержала тезисы, которые после детального изучения оригиналов, а также других архивных материалов оказались либо ошибочными, либо неполными и поверхностными и потому подлежат пересмотру. Однако само исследование остается во многом актуальным и некоторые его выводы могут быть использованы в настоящей работе.

Пока в конце 1980-х речь шла о свидетельствах Фрейденберг о блокаде и советской послевоенной действительности или о взаимоотношениях с Пастернаком, вопрос о достоверности Записок не поднимался ни их публикаторами, ни читателями. Каган в предисловии к «Осаде человека» писала: «Достоверность излагаемых фактов несомненна, как и искренность автора» ⁴⁴³. Кроме того, отрывки из Записок, относящиеся к блокаде и послевоенному времени, были опубликованы в 1986—1987 гг., когда в СССР шла перестройка, а запрещенная ранее информация благодаря политике гласности стала проникать во все сферы жизни советского общества. Читатель второй половины 1980-х, зачастую даже не осознававший ранее, в каком информационном вакууме он жил, конечно же, захлеб зачитывался статьями о разоблачениях сталинских репрессий, об экономической и социально-политической истории страны, дневниками и мемуарами свидетелей того времени. И текст Фрейденберг, превращенный волей публикатора в политический памфлет, стал органичной частью информационного потока, захлестнувшего периодическую печать и книжный рынок, но, как и многие публикации того времени, довольно быстро в этом потоке растворился и был забыт. И сегодня большинство читателей и исследователей не имеют общего представления о публикациях фрагментов Записок и считают их малоизученными ⁴⁴⁴. В моей дипломной работе, ориентированной на проблемы публикации, вопрос

---

⁴⁴² Записки тогда находились в семейном архиве Пастернаков в Оксфорде. Некоторые вопросы, связанные с рукописью, были решены работавшей с ней Брагинской. Но так как вопросы в основном касались внешнего вида источника и отдельных отрывков машинописи, где возникали текстологические трудности, они не могли заменить необходимого исследования рукописи.

⁴⁴³ Невельский К. [Каган Ю. М.]. [Предисловие...] // Минувшее. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 9.

⁴⁴⁴ См. дискуссию после моего доклада на научном семинаре в ИВГИ 13 мая 2020 г. «„Осада человека“ — блокадные записки О. М. Фрейденберг» ([http://ivgi.org/Sotrudniki/KostenkoNJU?\(ampersand\)tab=video](http://ivgi.org/Sotrudniki/KostenkoNJU?(ampersand)tab=video), с 36 минуты), лекцию Б. П. Маслова «Теория мифа О. М. Фрейденберг и XX век» 4 марта 2021 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=wPD08kfrc60> (дата обращения: 18.09.2025), с 3-й минуты), а также ст.: Микурова П. Л. Тема блокадного Ленинграда в письмах О. М. Фрейденберг Б. Л. Пастернаку первой половины 1940-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 144—148. Последняя исследовательница, анализируя переписку Фрейденберг и Пастернака военного времени, вообще игнорирует Записки и данные о них и об архиве, хотя моя статья об архиве Фрейденберг упоминается в ее более ранней работе: «Значительная часть ее научных гипотез, исторических оценок, литературных изысканий с тех пор фиксировалась в эпистолярной, а главным корреспондентом оставался Б. Пастернак. Судьба архива ученого, куда, кроме эпистолярной, входили

о достоверности Записок как исторического источника в целом не ставился, но в качестве иллюстрации одной из проблем, связанных с их публикацией, я приводила пример, как Фрейденберг будто бы очевидно ошибается с датировкой события, но если вникнуть в авторский посыл, ее датировка становится понятной ⁴⁴⁵.

Другой аспект проблемы достоверности Записок, с которым сталкиваются их публикаторы, связан с этическими соображениями. Дело в том, что в блокадной и послевоенной частях Записок в изобилии встречаются резко отрицательные оценки и характеристики коллег Фрейденберг. В дипломной работе я проанализировала подобного рода оценки и сделала вывод, что при публикации полного текста Записок купюры все же не потребуются, поскольку одни и те же персоны на протяжении всего текста оцениваются Фрейденберг по-разному, и суждения ее зависят главным образом от их конкретных поступков (так, например, Тронский несколько раз проходит путь от «джентльмена» и «крупного ученого» до «низкой личности» и «бездарности» и в обратном направлении⁴⁴⁶), и при ответственном комментировании читателю будет понятно, где важное историческое свидетельство, а где бурная реакция на некрасивый поступок.

Вопрос о достоверности Записок в связи с «несправедливыми» оценками коллег и известных ученых, а также их значения как источника по истории советской гуманитарной науки

автобиографические наброски, дневники и материалы об изобретательской деятельности ее отца, долгое время была неизвестна» (Там же. С. 145, см. также ст.: Микурова П. Л. Особенности рецепции эпистолярного наследия Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. научн. конф. XV Виноградовские чтения: в 3-х т. / отв. ред. И.Н. Райкова. М.: Книгодел, 2019. Т. 2. С. 206—214).

⁴⁴⁵ Речь шла о высказывании Фрейденберг: «1919 год был для меня очень важным. Самым важным. В этом году я начала заниматься у Жебелева» (Тетр. 3. Л. 30). В действительности это произошло еще в 1918 году. Исследование «Деяний Павла и Феклы», высоко оцененное Жебелевым и положившее начало ее научной работе, представила ему весной 1920-го, но за точку отсчета она берет не реальные даты, а «дату сердца» — знакомство с апокрифом на семинаре Жебелева осенью 1919 года. Подробнее см.: Костенко Н. Ю. «Греческий роман» в переписке О. М. Фрейденберг и С. А. Жебелева // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 203—215.

⁴⁴⁶ Для Фрейденберг вообще характерно сохранять все оценки и впечатления, не выбирая лучшие или окончательные, в любых записях, будь то дневники, «ретроспективные» дневники, мемуары и даже письма. Это хорошо заметно по примеру не только с Тронским, но с отношением к матери — одной из центральных тем блокадных записей (подробнее см. ниже п. 3.2.2, с. 170—171). Даже в одном и том же письме к Е. С. Лившиц от 3 сентября 1928 года, написанного, правда, в течение нескольких дней, она сохраняет противоположные впечатления от обеих встреч с Е. В. Лурье, первой женой Бориса Пастернака: сначала Лурье кажется ей «будничной», «лишенной блеска» и «мало подходящей» брату, а после второй встречи, напротив, называет ее «незаурядным, сильным и глубоким человеком» со сложной и драматичной судьбой (Архив О. М. Фрейденберг).

впервые был поставлен в работах В. М. Алпатова ⁴⁴⁷. Автор неверно истолковывает задачу публикатора и автора вступительной статьи «Воспоминаний о Н. Я. Марре», которая, по его мнению, заключалась в реабилитации Марра и марризма ⁴⁴⁸, и ошибочно характеризует Записки как «написанные в первой половине 50-х гг., когда Фрейденберг была отставлена от работы», называя их «крайне субъективными», «переполненными крайне резкими характеристиками многих знакомых ей ученых», с «завышенной оценкой Марра» ⁴⁴⁹. Речь идет о том месте в Записках, где Фрейденберг сообщает, что В. Н. Волошинов предлагал ей за продвижение по службе работать за него (писать научные работы) и считался автором книги, написанной ему М. М. Бахтиным ⁴⁵⁰. Сами Записки Алпатов не видел, цитировал по Перлиной ⁴⁵¹ и про обстоятельства и время их написания не знал и даже не пытался узнать.

Брагинская в статье «Между свидетелями и судьями» ⁴⁵², опираясь на данные моей дипломной работы ⁴⁵³, показывает, когда и при каких обстоятельствах Записки писались, что Фрейденберг при этом пользовалась документами, а также приводит полностью соответствующий отрывок и дает исчерпывающий биографический комментарий ко всем упомянутым лицам, делая вывод, что Фрейденберг не только верно передает фактическую сторону событий, но и невероятно точна в таких человеческих характеристиках, которые трудно проверить и прокомментировать. Такова, например, одна из характеристик В. А. Десницкого, данная Фрейденберг, которая вполне подтверждается развернутым описанием характера этого человека в мемуарах Дьяконова:

---

⁴⁴⁷ Алпатов В. М. Родной, свой, чужой: новое мышление о языке // Человек. 1994. № 1. С. 180—183; Его же. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2004. С. 29, 33, 55, 57, 216; Его же. Послесловие к воспоминаниям О. М. Фрейденберг: [Анатолий Нестерович Генко (1896—1941). Памяти ученого-востоковеда] // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2004. № 4. С. 138; Его же. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 69, 95, 103, 203.

⁴⁴⁸ Алпатов В. М. История одного мифа. С. 216.

⁴⁴⁹ Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 95.

⁴⁵⁰ В тексте Записок он назван Блохиным, и неточность передачи фамилии подчеркивает знакомство Фрейденберг лишь со слухами. Подробнее об этом эпизоде см. ст. ниже: Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями // М. М. Бахтин в Саранске. Саранск: [б. и.], 2006. Вып. 2—3. С. 39—60; Пешков И. В. Бахтинский вопрос. Статья третья: Валентин Николаевич Волошинов // Литературоведческий журнал. 2022. № 3(57). С. 86—109.

⁴⁵¹ Перлина Н. М. Забавные вещи случаются на пути к бахтинскому форуму // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 1. С. 31—32.

⁴⁵² Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями. С. 39—60.

⁴⁵³ Там же. С. 41.

«„Шельма и тонкая штучка“ — непроверяемая субъективная характеристика — на перекрестном допросе документов и свидетелей обретает некий вес...»⁴⁵⁴.

3.1.4. «Идеология и филология» П. А. Дружинина и новый этап диффамации Записок

Следующий всплеск интереса к Запискам был вызван изданием в 2012 году двухтомного исследования П. А. Дружинина «Идеология и филология», в котором автор на огромном материале как опубликованном, так и архивном рассказывает трагическую историю окончательного подчинения отечественной гуманитарной науки диктату тоталитарного режима, получившему после войны второе дыхание. Жертвой этого процесса стало, в частности литературоведческое направление Ленинградского университета. Одним из наиболее значительных неопубликованных источников по истории Ленинградского университета стали для Дружинина Записки Фрейденберг, с машинописной копией которых он ознакомился, работая над исследованием: «Дух этих записок во многом определил тональность настоящей работы»⁴⁵⁵. Надо оговориться, что положение именно классической филологии в Ленинградском университете не занимает в монографии центрального места, как, впрочем, и Записки повествуют не только о трагической истории именно этой отрасли науки, но отражают общую ситуацию в университете и в стране в целом.

Вслед за выходом книги в журнале «Звезда» появился резко отрицательный отклик И. А. Левинской «О филологии без идеологии»⁴⁵⁶, в котором не столько критикуется исследование Дружинина, сколько подвергается диффамации Фрейденберг как ученый и мемуарист. Автор выдвигает две основные претензии к Дружинину, хотя, по сути, претензия одна: использование Записок Фрейденберг как недостоверного источника по истории науки и включение в моно-

---

⁴⁵⁴ Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями // М. М. Бахтин в Саранске. Саранск: [б. и.], 2006. Вып. 2—3. С. 49. Помимо ошибок памяти, исключение составляют, пожалуй, только сведения, касающиеся семьи, особенно семьи Пастернаков, которые Фрейденберг часто передает неверно или гиперболически. В искаженном сиюминутной субъективностью свете порой предстают и люди, причастные к конкретным событиям, связанным с семьей и родственниками. Примером может служить характеристика, данная А. А. Смирнову в письме к Пастернаку (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 297), которую Б. С. Каганович назвал «ворохом злостных сплетен и клеветы», «ядовитой карикатурой» и «злостными инсинуациями» (Каганович Б. С. Александр Александрович Смирнов, 1883—1962. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 223). Однако, защищая Смирнова от «беспочвенных» обвинений, автор не учел контекста ситуации: речь идет о том, как Смирнов препятствовал изданию переводов Пастернака (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 295, 306), и столь злая характеристика Фрейденберг, безусловно, Смирнова не любившей, объясняется прежде всего желанием поддержать брата, см. аналогичную ситуацию, связанную с отношением к И. Д. Высоцкой и ее изображением в Записках (Костенко Н. Ю. Записки Ольги Фрейденберг и «Охранная грамота» Бориса Пастернака: диалог автобиографий // «Премудрость построила себе дом...». М.: МЦНМО, 2025. С. 200—204).

⁴⁵⁵ Дружинин П. А. Идеология и филология. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 14.

⁴⁵⁶ Левинская И. А. О филологии без идеологии // Звезда. 2013. № 8. С. 173—183.

графию отрицательных характеристик, данных Фрейденберг коллегам. Я не стану здесь останавливаться на опровержении Левинской, сообщу лишь, что Записок, она, как и Алпатов, не читала. Кроме того, в самом журнале помещен ответ редакции, в котором отмечено, помимо в целом «высокомерно-назидательного тона» обширной реплики, и то, что ее негодование вызвало широкое использование Дружининым Записок Фрейденберг, к которой Левинская, похоже, испытывает глубокую личную неприязнь ⁴⁵⁷. Некоторые коллеги Левинской, петербургские филологи-классики, в целом соглашаясь с ее оценкой Фрейденберг, высказались лишь о «стилистических» разногласиях, пусть даже и серьезных. ⁴⁵⁸.

Сильное раздражение, которое Фрейденберг вызывала у Левинской, претензии к достоверности и объективности мемуаров (хотя мемуары заведомо не научное исследование и не претендуют на этот статус), презрительное отношение к ее научному наследию вкупе с обвинениями в приверженности марризму ⁴⁵⁹ и чуть ли не в гонениях ленинградских ученых, возможно, имеют причину, лежащую вне собственно научной сферы, но затрагивающую такую чувствительную вещь, как репутация многими почитаемого профессора А. И. Зайцева, научного руководителя Левинской.

Речь идет об инциденте, который описала Галеркина ⁴⁶⁰.

В 1954 году на премьерном спектакле «Гамлет, принц Датский» в Александринском театре Фрейденберг случайно встретила недавно освобожденного из тюремно-психиатрической

---

⁴⁵⁷ От редакции // Звезда. 2013. № 8. С. 184—186.

⁴⁵⁸ Зельченко В. В. Дружинин и Левинская // Живой Журнал (ЖЖ) = LiveJournal. 2013. 15 августа. URL: <https://zelchenko.livejournal.com/58055.html> (дата обращения: 07.02.2024); Всеволод Зельченко. Пост от 15.08.2013 и комментарии // Facebook **. URL: <https://www.facebook.com/vzelchenko/posts/223222284500062> (дата обращения: 07.02.2024, в настоящее время пост не доступен).

** Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ. Здесь и далее помечен **.

⁴⁵⁹ Любопытно, что многие из близких к Марру ученых, в том числе те, кто никогда от него не отрекался, как, например, В. И. Абаев, кто был с ним в тесных рабочих или дружеских отношениях, как, например, С. А. Жебелев и И. А. Орбели, кто писал о нем восторженные статьи, как, например, Генко, не стигматизированы клеймом «марриста» в отличие от Фрейденберг, которая отошла от Марра и перестала печататься в изданиях его Института после 1932 года. В книге «Тристан и Изольда», посвященной Марру и самой «марристской» работе Фрейденберг, участвовали: А. А. Смирнов, В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, Б. В. Казанский, М. Г. Тихая-Церетели, Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, К. Д. Дондуа и др. (см.: Тристан и Изольда: от героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреварии: коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора. Л.: АН СССР, 1932. 286, [2] с.). Ни один из них не назван учеником Марра (кроме кавказоведа Дондуа и востоковеда Струве), и у большинства в энциклопедических биографиях Марр вообще не упоминается (см. Википедия, Биографика СПбГУ и др.).

⁴⁶⁰ Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 396.

больницы ⁴⁶¹ Зайцева и спросила, помнит ли он ее. Отрицательный ответ глубоко поразил и расстроил Ольгу Михайловну.

Состояние Фрейденберг можно было понять. Она познакомилась с Зайцевым после войны и принимала большее участие в его судьбе. В Записках она дала студенту Зайцеву объемную и глубокую характеристику, в которой отмечала, что его научная мысль была ей чужда, но его знания и моральный облик восхищал: «Глубоко, по-настоящему образованный, он знал всю научную литературу на всех языках в области античности, Древнего Востока, всей основной культуры. Но его душой было философия, которую он возвел в примат своей жизни, — Платон был его идеалом. Выдержать теоретического спора с ним не мог ни один профессор. <...> Черты его характера поражали: он был «несгибаем», абсолютно упорен в поисках своего идеала, честен и прям до суровости, высок помыслами, необыкновенно чист» ⁴⁶².

Зайцев, бесконечно преданный науке и учености сознательный консерватор и традиционалист, не понимал и не принимал ничего в работах Фрейденберг, лежавших далеко за пределами его интересов и представлений о научном творчестве. Наука понималась им как кумулятивное накопление знаний, что только и позволяет понимать предмет исследования больше и глубже ⁴⁶³.

Левинская была уверена, что Зайцев не мог совершить неблагоприятный или даже сомнительный поступок, поэтому ее особенно задела переданные Галеркиной слова Фрейденберг, свидетельствующие, что «моральный облик ее героя изменился» ⁴⁶⁴. Левинская попыталась еще раз в публичном пространстве дискредитировать Фрейденберг и как человека, и как ученого. Защищая «кристально порядочный» облик своего учителя ⁴⁶⁵, она не могла оставить редакционный

---

⁴⁶¹ Зайцев был арестован в 1947 г. по обвинению в антисоветской агитации и находился на принудительном лечении в тюремной психиатрической больнице до 1954 г. (Браткин Д. А. Зайцев Александр Иосифович // Изучение религии в России в XVIII — первой половине XX в. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2023. URL: <https://relstudies.spbu.ru/articles/zajcev-aleksandr-iosifovic> (дата обращения: 18.09.2025); Зайцева О. И., Гаврилов А. К. Хронологическая канва жизни и творчества А. И. Зайцева // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 2003. Вып. 3. С. 196).

⁴⁶² Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг? // Синтаксис. 1986. № 16. С. 156.

⁴⁶³ Зайцев А. И. Выступление на обсуждении творчества О. М. Фрейденберг, Ленинградский университет, 19 ноября 1979 г. // Метродор: вестник общества аматоров изящной словесности. 1980. № 8. С. 138. Цит. по: Зельченко В. В. Продолжение следует // Живой Журнал (ЖЖ) = LiveJournal. 2013. 17 авг. URL: <https://zelchenko.livejournal.com/58316.html> (дата обращения: 18.09.2025).

⁴⁶⁴ Левинская И. А. О филологии без идеологии // Звезда. 2013. № 8. С. 178.

⁴⁶⁵ Есть как минимум еще один пример, подвергающий сомнению его безупречную порядочность. Брагинская приводит публичное высказывание Зайцева о перенесшей блокаду Фрейденберг на заседании на кафедре классической филологии ЛГУ 15 мая 1974 года (см. п. 1.2.2, с. 67, прим. 233): «Она была лысая» (Брагинская Н. В. Дух записок: реплика Н. В. Брагинской по поводу интеллектуального наследия О. М. Фрейденберг и книги П. А. Дружинина «Идеология и филология» // Гефтер. 2013. 16 авг. URL: <http://gefeter.ru/archive/9736> (дата обращения:

ответ без внимания и отправила еще одно письмо в журнал, где вообще подвергает сомнению достоверность эпизода, называя его плодом воображения Галеркиной. Однако редакция публиковать его отказалась ⁴⁶⁶. Дружинин в докладе на XXIII Лотмановских чтениях, посвященных Фрейденберг, анализируя различные исторические источники, убедительно доказывает и правдивость свидетельства Галеркиной ⁴⁶⁷. На этом, наверное, можно поставить точку в вопросе

18.09.2025)). В комментарии к посту А. В. Маркова от 15 августа 2013 года это высказывание привела А. И. Шмаина-Великанова как пример того, что безгрешных людей не бывает и даже «нравственно безупречные» люди могут совершать плохие поступки. Л. Я. Жмудь со свойственной ему «прямотой» усомнился в достоверности этого эпизода, назвав его «бредом». Однако в дискуссию вступила Т. Н. Толстая, сообщив, что о «хулиганском» высказывании Зайцева она слышала, насколько помнит, от А. И. Доватура: «По рассказу, Зайцев, ОМФ [Ольгу Михайловну Фрейденберг. — *Н. К.*] не любивший, терпеливо сидел, выслушивая чью-то хвалебную речь (вот уж не знаю, чью, кого-то из поклонниц, как помнится), а потом задвигался, зашевелился и сказал: „Позвольте... Позвольте... Но ведь она была совершенно лысая!“ Это я запомнила дословно, и помню, что рассказ был весьма артистично представлен. <...> К чему я рассказываю: много было розыгрышей, злых шуток и неполиткорректных замечаний, не надо представлять никого святым и белоснежным, все живые люди» (см. комментарии к: Александр Марков. Пост от 15 августа 2013 г. [О реплике И. А. Левинской...]) // Facebook **. URL: <https://www.facebook.com/markovius/posts/10200093225768430> (дата обращения: 17.10.2021).

⁴⁶⁶ Дурново С. Неопубликованное письмо И. А. Левинской в журнал «Звезда» // Живой Журнал (ЖЖ) = LiveJournal. 2013. 26 окт. URL: <https://durnowo.livejournal.com/413974.html> (дата обращения: 18.09.2025).

⁴⁶⁷ Мемуарист, разумеется, может ошибаться, быть неточным, даже неправдивым. И для подтверждения, уточнения или опровержения приводимых им фактов всегда необходимо привлекать иные источники и документы. Объявлять же мемуары недостоверными и отрицать упомянутые в них события только на том основании, что некто (в данном случае Зайцев) был для говорящего или пишущего образцом нравственности и поэтому так поступить не мог, по меньшей мере ненаучно. Уже после публикации доклада Дружинина (Дружинин П. А. Ольга Фрейденберг как мемуарист: наблюдения историка // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 128—140) Левинская написала развернутый ответ на просьбу журнала «Новое литературное обозрение» прокомментировать ответ Дружинина (близкий по тексту к его вышеупомянутому докладу) на все ее критические замечания. Однако и «Новое литературное обозрение», и «Звезда» опубликовать его отказались, и Левинская разместила его на сайте Academia.edu (https://www.academia.edu/29835679/Левинская_Дружинин_pdf (дата обращения: 18.09.2025)). Здесь высказано сомнение в достоверности приведенной у Галеркиной даты злополучного спектакля (она относит этот эпизод к осени) на основании письма Фрейденберг к Пастернаку от 11 апреля 1954 года, в котором она сообщает, что ушла со спектакля, не досмотрев его до конца (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 359). Дружинин же исходит из того, что встреча не могла произойти в апреле, так как Зайцев вышел на свободу в июне (в краткой «Автобиографии» Зайцева, написанной в середине 1980-х, указан только год освобождения — 1954, а в «Хронологической канве жизни и творчества А. И. Зайцева» указан июнь, но документальный источник этой даты не приводится, хотя ни Левинская, ни Дружинин с ней не спорят. См.: Зайцев А. И. [Автобиография] // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 2003. Вып. 3. С. 192; Зайцева О. И., Гаврилов А. К. Хронологическая канва жизни и творчества А. И. Зайцева // Там же. С. 196. При этом в хронологии жизни Зайцева факт его встречи в театре с Фрейденберг приводится без уточнения месяца, упоминается даже о последую-

о достоверности Записок и закончить словами Брагинской из ее выступления на презентации книги Дружинина в январе 2013 года: «Записки — сложное, многослойное, многосоставное произведение, которое отличает — и это будет второй их чертой — чрезвычайная правдивость. Не правота, но правдивость. А это значит — отсутствие ретроспективного пересмотра прошлого и своих действий в соответствии с тем или иным моментом, нежелание переписывать свое прошлое и устранять из него неудачные или порочащие мемуариста моменты, оправдывать себя, выставлять в лучшем свете, просто умолчать о чем-то ранящем, или стыдном, или болезненном. Ничего этого Фрейденберг не делает, она видна в мемуарах вместе со своими слабостями, пристрастиями, пленом времени. Она не ставит себе целью исповедаться, как Руссо, — она просто не лжет и не приукрашивает. И скажу теперь, проживши свою жизнь, многих людей, и многие судьбы, и многие исповеди узнав и обдумав: это один из самых чистых людей, каких я знала, и нет никого, кто мог бы по праву бросить в нее камень»⁴⁶⁸. И в последнее время стали появляться исследования по истории Ленинградского университета, в которых Фрейденберг и ее Записки занимают достойное место⁴⁶⁹.

щем визите Зайцева к Фрейденберг и «споры о филологии» (Там же)). Левинская справедливо указывает, что вряд ли Фрейденберг, выяснив в апреле, чем заканчивается спектакль, интересовалась этим еще и осенью (Левинская И. А. [Несколько соображений по поводу ответа П. А. Дружинина... С. 7; Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня // *Russian Studies*. 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 398). Таким образом, речь может идти только о премьерном спектакле 11 апреля. Но в описании этого эпизода у Галеркиной важна эмоция, а не спектакль и его дата. К 1954 г. Фрейденберг потеряла почти всех своих учеников. Та же Галеркина недавно защитила вторую диссертацию под руководством Тронского (см. п. 1.2.2, с. 55). И в эту копилку разочарований добавился еще один эпизод. Случай с Зайцевым ее настолько потряс, что она не смогла более оставаться в театре. Именно это состояние растерянности Фрейденберг вполне правдоподобно и описывает Галеркина: студент, которым она восхищалась и для которого много сделала, не узнал ее. В подготовительных материалах к Запискам о 1951—1955 гг. (Архив семьи Пастернаков. Москва, см. Рисунок 14, с. 183), в записях 1954 года после апреля можно прочесть: «Театр, встреча с А.» (в Записках Фрейденберг называет А. И. Зайцева — Алик), а затем после некоторых других событий: «Возвращаются. „Ленинградское дело“» (пересмотр дела и реабилитация его фигурантов состоялись 3 мая 1954 года (Постановление Президиума ЦК КПСС о «Ленинградском деле» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 108. Л. 113; Д. 81. Л. 31—32. Цит. по: Архив А. Н. Яковлева. URL: <https://media.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55699> (дата обращения: 18.09.2025)). Ни Левинская, ни Дружинин с этой записью не были знакомы.

⁴⁶⁸ Брагинская не была на презентации книги и прислала текст выступления, не зная содержания реплики Левинской. Выступление Брагинской было опубликовано уже после выхода журнала со статьей Левинской как ответ на нее, см.: Дух записок // *Гефтер*. 2013. 16 авг. URL: <http://gefter.ru/archive/9736> (дата обращения: 18.09.2025). Так оно и было воспринято как полемика с Левинской. По-видимому, Брагинская предвидела реакцию на книгу Дружинина.

⁴⁶⁹ Сковорцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15. № 2. С. 394—410; Сковорцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // *Philologia Classica*. 2022. Т. 17, № 1. С. 159—172; Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелев в системе советской науки. Ч. I.

3.1.5. Зарубежные исследования Записок: И. А. Паперно и Н. М. Перлина

3.1.5.1. Исследования отдельных частей Записок

Особо следует отметить исследования мемуаров Фрейденберг, предпринятые зарубежными специалистами, которые имели больше возможностей не только прочесть текст Записок целиком, но работать с их рукописями, хранящимися в зарубежных архивах.

К таковым относится статья И. А. Паперно о блокадной части Записок, основой для которой послужил доклад на конференции *Narrating the Siege: the Blockade of Leningrad and its Trans-medial Narratives*, прошедшей в мюнхенском Университете Людвига-Максимилиана летом 2015 года.

Доклады на конференции были посвящены специфическим особенностям повествований о блокаде: как авторам удается облечь в нарративную форму то, о чем рассказать, по их словам, невозможно? Для исследования был выбран максимально широкий спектр текстов — от художественных произведений, дневников и мемуаров до кино и даже блокадных слухов. Организаторы конференции рассматривают нарратив как феномен, свойственный не только литературным текстам и предполагающий изложение хаотичных фактов и событий в выбранной рассказчиком причинно-следственной последовательности и фиксации этого способа изложения. В этой связи важны не столько темы, мотивы, идеология и т. д., сколько форма и функция повествования.

С этих позиций и стоит подходить к статье Паперно, смысл которой кажется не совсем понятным при первой публикации статьи в 2016 году ⁴⁷⁰. Блокадные Записки, по мнению Паперно, «отличаются острой политической ориентацией и отчетливой антропологической перспективой, которая проявляется и в авторской позиции — в роли участника-наблюдателя, и в методе — в этнографическом описании повседневности и анализе культурных механизмов, а именно связей между биологическими процессам, социальными институтами и способами мышления и чувствования» ⁴⁷¹.

Паперно отмечает, что Фрейденберг была крупным ученым с широким кругозором, ее обобщения выдержаны в категориях философской антропологии или политической философии,

---

С. 497—512; Их же. Ч. II. С. 753—774; Их же. «Давайте отложим. Ошибиться всегда успеем»: докторская одиссея Иеремии Иоффе (1935—1943) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2022. Vol. 15. P. 102—136; Их же. Докторская диссертация И. И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГА РФ) // *Исторические записки*. 2023. № 22 (140). С. 315—364.

⁴⁷⁰ Впервые опубликована: Паперно И. А. «Осада человека»: блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 3 (139). С. 184—204.

⁴⁷¹ Паперно И. А. «Осада человека»: блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе // *Блокадные нарративы: сборник статей*. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 128.

и она оказалась близка в своем анализе блокадной реальности к концепции В. Бенямина и Х. Арендт. В то же время исследователь подчеркивает, что Фрейденберг настолько беспощадна к себе и окружающим, что переступает общепринятые правила приличия и благопристойности, в частности описывая отвратительное (экскременты и акты дефекации), а также «амбивалентные чувства по отношению к ближнему», и сравнивает Записки с дневником Бронислава Малиновского, после публикации шокировавшим научную общественность неприемлемыми высказываниями по отношению к изучаемым им туземцам. Паперно даже цитирует антрополога Клиффорда Гирца: «Он хотел сказать гадости по поводу туземцев, среди которых жил, и нашел гадкие слова, чтобы все это выразить»⁴⁷², что выглядит как попытка защитить Фрейденберг от будущих читателей и исследователей, которые могут перенести впечатление отвратительного с явления на описавшего его автора.

Произведенный Паперно анализ способов описания действительности в блокадных тетрадях выглядит гораздо более интересным и убедительным, чем попытка ограничить видение их автора «этнографическим методом» или вписать мироощущение Фрейденберг в европейский антропологический и философский контекст, от которого та была изолирована блокадой и в целом советской действительностью⁴⁷³. Паперно рассматривает блокадные тетради изолированно

---

⁴⁷² Паперно И. А. «Осада человека»: блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе // Блокадные нарративы: сборник статей. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 137.

⁴⁷³ Определение «ученый-этнограф» или «этнографическое описание» для Фрейденберг и ее «Осады человека», которое предлагает Паперно, не кажется мне ни удачным, ни верным. Автор считает, что Записки написаны с позиции антрополога в поле и что профессиональная перспектива позиции автоэтнографии (autoethnography, native anthropology), направления, появившегося много позже, в 1980-е годы, «позволяет ей описывать не только страшное, но и отвратительное» (Там же. 131—132, прим. 7). Фрейденберг этнографом не была и профессиональных знаний о работе в поле не имела, тем более не могла работать с позиции научного направления, появившегося через 40 лет. Аргументы в пользу того, что позиция этнографа появилась именно в блокадных Записках, невяжны и поверхностны. Чем описание своего тела и «действия желудка» в блокаду отличаются от детских воспоминаний об использовании клизмы перед походом с отцом в оперу? (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 6—6 об.) Вообще тема физиологических отправлений для Фрейденберг не была табуированной, и она касалась ее не раз и в воспоминаниях, и в письмах. Отличаются не описания, а «объект наблюдения», и он не может не быть «отвратительным» в изматывающих организм условиях блокады. И разве нельзя назвать «позицией этнографа» наблюдение за солдатами в Первую мировую войну, которых Фрейденберг, будучи сестрой милосердия, водила в театры, а потом описывала их впечатления и суждения в письмах Марку Лившицу (Архив О. М. Фрейденберг), записывала тексты солдатских песен (Записная книжка № 2 // Там же)? А если говорить об автоэтнографии, то приемы, близкие этому научному направлению (Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 1. С. 224—273; Его же. Автоэтнография // Постнаука. 2016. 18 мая. URL: <https://postnauka.ru/video/64437> (дата обращения: 18.09.2025)), Фрейденберг использовала в докладе «О неподвижные сюжеты и бродячих теоретиках» (Фрейденберг О. М. О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках: (из служебного дневника) // Одиссей: человек

и от других частей Записок, и от иных текстов, что делает ее выводы об особенностях блокадного нарратива Фрейденберг недостаточно обоснованными.

Автор Записок еще с юности не считала себя обязанной следовать «общественным условиям», которые противоречили ее непосредственному восприятию жизни. Она читала Уайльда и восхищалась «Портретом Дориана Грея», когда ее семья и друзья считали его «скомпрометированным», не стеснялась шутить над темой «действия желудка», страстно обличала местечковое еврейские нравы в письме к дяде ⁴⁷⁴, изучала первобытные культы и греческий эротический роман, а прямо в блокаду записывала «Лекции по введению в теорию античного фольклора», куда вносила в том числе элементы своего блокадного опыта ⁴⁷⁵. Иными словами, вопросы благопристойности в блокадных записках волновали ее меньше всего. Записки, по мнению Брагинской, как уже цитировалось выше, чрезвычайно правдивы, а отвратительное Фрейденберг описывает не потому, что склонна видеть только это или его подчеркивать, а потому, что именно так

в истории. М.: Наука, 1995. С. 272—297), правда, для нее это был скорее литературный прием, чем научный метод. Определение Паперно способа описания блокады в Записках как этнографического воспринято и другими исследователями как единственная их черта, особенно при сравнении с «Записками блокадного человека» Л. Я. Гинзбург. См., например: «Фрейденберг пытается читать, осваивать блокаду как этнограф, а Гинзбург как психолог» (Барскова П. Ю. *, Николози Р. Разговор о том, как и зачем изучать блокадные нарративы (вместо предисловия) // Блокадные нарративы: сборник статей. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 13); «Методы» Гинзбург и Фрейденберг — автоэтнография, этнография как включенное наблюдение, анализ единичных случаев, проецируемых на советские реалии» (Хорошилов Д. А. Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг в поисках новой концепции личности // Ананьевские чтения — 2019. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 353); «Гинзбург берется изучать блокаду в большей степени как психолог, а Фрейденберг — как этнограф» (Хорошилов Д. А. Блокада человека: поиск психологической концепции личности в Записках Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 156).

⁴⁷⁴ См. п. 1.3.2 настоящей работы, с. 85.

⁴⁷⁵ Так, например, в качестве примера «рациональной традиции» приводит зависимость величины кабинета и размера письменного стола от должности: «Мы считаем, что должностное лицо, чем оно выше, тем обширней у него должен быть кабинет и тем больший письменный стол. Нельзя представить маленького канцеляриста за огромным и громоздким столом. Вот так получили свою традиционную значимость и головные уборы, и обувь, и место за столом, и все решительно, сколько их ни было со времен тотемизма, вещи в быту, как параллельно и в культе» (Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 1998. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 178). Ср. описание в Записках условий работы архивных начальниц в блокадном Ленинграде в 1943 г.: «Свой престиж они поддерживали не культурностью или талантами, а величиной письменных столов, за которыми сидели с утра до позднего вечера. <...> Моя Цивлина [заведующая Центральным государственным историческим архивом Ленинграда. — Н. К.] перебралась во второй этаж, чтоб только отделиться от своих сотрудников в первом. Там среди полной пустоты, она воздвигла себе кабинет с огромным письменным столом, и перед кабинетом приемную для отсутствовавших посетителей, и в приемной поместила секретаря» (Тетр. 18. Л. 15 об.—16).

выглядит блокада, и тема неработающей канализации, наряду с отсутствием воды, еды и тепла, бомбежек, налетов, обстрелов и пожаров, определяет ее жизнь и жизнь блокадного города.

Вышедшая в самом конце 2022 года новая статья Паперно о Записках ⁴⁷⁶ посвящена послевоенным воспоминаниям Фрейденберг, в которых, как считает автор, она «разрабатывает» политическую теорию советского государства, сходную с политическими теориями Арендт и Л. Я. Гинзбург, при этом совершенно самостоятельную. Послевоенные Записки она считает дневником, в жанре которого Фрейденберг формулирует принципы работы общества, описывая свой ежедневный послевоенный «мучительный» быт, что, по ее мысли, было продуманной формой терроризирования населения: «До сих пор был известен политический и религиозный террор. Сталин ввел и террор бытовой» ⁴⁷⁷. В этот не известный, по мнению Паперно, Арендт тип террора входит организация и устройство дома, причем подчеркивается «принудительная совместность» проживания — один из главных принципов системы. Как считает Паперно, при создании политической теории объектом исследования для Фрейденберг служил блокадный Ленинград. Экстремальность условий в городе была аналогична концлагерю, на материале которого работала Арендт, поэтому автор статьи отводит именно блокадным тетрадям центральное место всего комплекса Записок, а Записки в целом — это дневник-теория, «то есть теория, пережитая как опыт и отрефлексированная как концепция» ⁴⁷⁸. Однако из статьи остается не совсем понятно, каким образом в определение Записок как дневника-теории вписываются их почти равные по объему (более 1000 листов рукописи) мемуарные части, которые были написаны в послевоенные годы, но не посвящены складыванию тоталитарного режима, хотя многочисленные ремарки и отступления, характеризующие этапы этого процесса, в тексте Записок присутствуют и Паперно используются ⁴⁷⁹. Не ставятся также вопросы о причинах и мотивах создания всего мемуарно-дневникового комплекса. С другой стороны, автор впервые выявляет и исследует в Записках именно политическую философию. Кроме того, статья представляет собой лишь конспект

---

⁴⁷⁶ Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обиденный советский день» // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 7—28.

⁴⁷⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 28. Л. 46 об.

⁴⁷⁸ Паперно И. А. Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада...». С. 25.

⁴⁷⁹ Ср., например, осмысление Фрейденберг революций 1917 года, описанных в разное время: Февральская — до войны (1940), Октябрьская — зимой 1948—1949 гг. (Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 21—26 и 27—29; Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Там же. С. 9—20).

будущей книги, «задуманной как опыт чтения Записок Ольги Фрейденберг и путеводителя по этой гигантской хронике»⁴⁸⁰.

3.1.5.2. Исследования Записок в целом

Американский профессор-славист, специалист по творчеству Достоевского Н. М. Перлина посвятила Фрейденберг несколько статей и монографию.

В статье «Избирательное сродство»⁴⁸¹ она впервые рассматривает мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни» как целое. Перлина считала, что он был написан в течение десяти лет и является законченным произведением, призванным послужить «свидетельским показанием на суде истории, на московском Нюрнбергском процессе, где будет вынесен приговор над всей эпохой тоталитаризма (большевизма и сталинизма)»⁴⁸². Общий жанр Записок она определяла как «архив», сопоставляя его с «Былым и думами» Герцена, по мнению Перлиной, — единственным известным образцом этого жанра в русской мемуаристике. Этот жанр отличало включение в мемуары разнообразных документов, что создавало «причудливую амальгаму из автобиографических записок, фрагментов интимной и деловой переписки, исповедальных, мемуарных, исторических, дневниковых материалов»⁴⁸³. Кроме того, Перлина находит в Записках культурно-историческую параллель к поэтической биографии Б. Л. Пастернака и его ранней прозе, отмечая, что общность тем, восприятий и суждений Записок и ранней прозы Пастернака невозможно свести к прототипам или влиянию, а позволяет говорить об «избирательном сродстве» на общем культурно-историческом фоне.

В опубликованной через шесть лет монографии *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*⁴⁸⁴ Перлина также уделяет несколько страниц Запискам, развивая мысли о явных и неявных параллелях с «Былым и думами» Герцена, утверждая в том числе, что Фрейденберг, как и Герцен, работала над мемуарами несколько лет с существенными перерывами, следовала композиции мемуаров Герцена — ее воспоминания состоят из нескольких переплетающихся тем, самые яркие из которых снабжены подзаголовками, к ним также прилагаются вводные отрывки, которые служат

---

⁴⁸⁰ Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день» // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 15.

⁴⁸¹ Перлина Н. М. Избирательное сродство // *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8. С. 71—98.

⁴⁸² Там же. С. 73.

⁴⁸³ Там же. С. 74. См. также п. 3.5 настоящей главы.

⁴⁸⁴ Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, IN: Slavica, 2002. VII, 288 p.

эпиграфами⁴⁸⁵. Близкими исследовательница видит и взгляды обоих мемуаристов на историю, в которой они признавали проявление «объективного надчеловеческого процесса» и выражение их материалистических воззрений⁴⁸⁶. Типологическое сходство мемуаристов Перлина видит в двух пересекающихся планах: чувстве ужасающего разложения человека, происходившего в их времена, и присущем им обоим убеждению во вневременной обоснованности собственного существования⁴⁸⁷.

Перлина также объясняет кажущееся противоречие двух эпиграфов к Запискам: истории ослика из романа Г. Мопассана «Монт-Ориоль», символизирующем смерть как избавление от бремени жизни, это вступление датировано 6 августа 1947 года и расположено на обороте титульного листа, и строку из «Немейских од» Пиндара: «Я знаю: ползущее время свершит предначертанное», расположенную на титульном листе Записок, под их названием. Перлина считает,

---

⁴⁸⁵ Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, IN: Slavica, 2002. P. 6, note 9. На мой взгляд, это утверждение произвольное. Запискам предшествуют два эпиграфа (или эпиграф и краткое введение, см. о них ниже, п. 3.4.2, с. 195, п. 4.2, с. 229—230), сделанные, возможно, в разное время. В ссылке Перлина приводит объяснение заглавия одной из частей «Венок из укропа», впервые встречающееся в блокадной части Записок, но это заглавие используется только в одной (не первой) блокадной тетради, объяснение его дается в середине текста, в дальнейшем предполагается как заглавие для другой части, но так и не используется (см. ниже п. 3.4.1). Ранее Перлина как факт приводила издание сочинений Герцена, которое Фрейденберг, по ее мнению, читала, где издатель располагал произведения Герцена в хронологической последовательности, тем самым создавая впечатление архива, власти времени, формирующего и меняющего человека (Перлина Н. М. Избирательное сродство // *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8. С. 74, прим. 3). Фрейденберг вряд ли не читала «Было и думы», но нет никаких оснований утверждать, что это сочинение и сам писатель произвели на нее впечатление или как-то повлияли на состав и содержание ее Записок. В записной книжке № 4 только однажды встречаются выписки из писем Герцена и переписки с Захарьиной, из них в Записки переписаны только два, не связанных ни с архивом или воспоминаниями, афоризма, иллюстрирующих круг ее чтения в 1919 г., которые Фрейденберг ошибочно отнесла к переписке с женой. Вряд ли это может говорить о серьезном влиянии писателя на ее мировоззрение и тем более будущие мемуары. Фрейденберг знала и любила русскую литературу, следила за литературным процессом и будучи гимназисткой, и после окончания гимназии (см. Пастернак Е. Б. Вступление // *Пожизненная привязанность* / Борис Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 13, см. также письма к Марку Лившицу // *Архив О. М. Фрейденберг*), работала в периодических изданиях своего отца, а поступив в университет, посещала лекции и семинарии известных русистов (С. А. Венгерова, В. В. Сиповского и др., см.: Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. № 3 (36). С. 141—144, 150—151). Но вскоре ее интересы сместились в сторону древнерусской словесности и античности, и полного курса отечественной литературы в университете она не прошла (ср., например, как Ю. Н. Тынянов, ученик Венгерова, передавал ответ учителя на свой вопрос об одной работе Герцена: «Как, я вас при университете оставляю, а вы еще весь „Колокол“ не читали!» (Гинзбург Л. Я. *Записные книжки: Воспоминания; Эссе*. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 12)).

⁴⁸⁶ Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, IN: Slavica, 2002. P. 7.

⁴⁸⁷ Idem. P. 8.

что второй эпиграф был добавлен после окончания всей рукописи и завершения Записок, и эпиграфы не представляют собой единое целое, а как бы обрамляют Записки и означают обязанность исполнить свою судьбу, несмотря на невыразимые страдания ⁴⁸⁸.

В книге, как ранее в статье, Перлина рассматривает Записки как законченное произведение, завершённое в декабре 1950 года ⁴⁸⁹, и видит основное их значение быть свидетельским показанием на суде истории, потому что именно тем и заканчиваются Записки, причем суд истории понимается в основном как суд над советским политическим режимом ⁴⁹⁰.

Как отмечалось выше, почти половину объема Записок составляют части о детстве и юности и от поступления в университет и до войны, где присутствуют отсылки к современности и суждения, сформированные блокадой и послевоенными событиями, и «московский Нюрнберг» Фрейденберг рассматривала именно как судебный процесс аналогичный суду над нацистскими преступниками, а совсем не как суд истории ⁴⁹¹.

Кроме того, из материалов архива следует, что Фрейденберг готовилась к продолжению Записок — сохранилась конспективная запись событий после декабря 1950 года, а также многочисленные заметки и газетные вырезки, датированные последним пятилетием ее жизни ⁴⁹².

3.1.5.3. *Монография о блокадных и послевоенных Записках*

Летом 2023 года вышла, наконец, заявленная Паперно книга ⁴⁹³. Большая ее часть (примерно три четверти) представляет собой скорее конспект самих Записок, распределенный по темам и хронологии написания частей и почти в точности им следующий. Обильное цитирование снабжено авторскими ремарками, при этом Паперно иногда воспринимает цитируемый текст буквально и не замечает, что в собственных ремарках не только следует ходу мыслей Фрейденберг, но и почти дословно повторяет ее слова и выражения. Так, например, она приводит критику Фрейденберг своих Записок: «Фрейденберг сочла необходимым упомянуть (в скобках) и о недостатках записок, которые были ей дороже жизни: «Да, я еще забыла рассказать об одной вещи

---

⁴⁸⁸ Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, IN: Slavica, 2002. P. 10.

⁴⁸⁹ Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, IN: Slavica, 2002. P. 9; вслед за ней это утверждает и Паперно, хотя и ссылается на мои работы о Записках и архиве Фрейденберг, где указано, что в архиве сохранились материалы, свидетельствующие о желании продолжить Записки (Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день» // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 9, прим. 5; 25—26).

⁴⁹⁰ Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days. P. 23.

⁴⁹¹ Подробнее см. п. 4.2, с. 218—221, 234—235.

⁴⁹² Об этом см. ниже, п. 3.2.6.

⁴⁹³ Паперно И. А. «Осада человека»: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 218 с.

(мои записки свободны от принуждения, сбивчивы, непоследовательны и написаны бедным языком, отражая утомленный и обедненный мозг)». А в следующем абзаце соглашается с нею: «Владея даром наблюдения, описания и формулирования, Фрейденберг действительно отнюдь не всегда пишет хорошо. В записках то и дело встречаются повторения (порой навязчивые), многословие, длинноты, сбивчивость, поспешный и бедный язык. Она часто писала быстро и всегда без черновика». Примеров, где бы подтверждались ее (или Фрейденберг?) характеристика Записок, Паперно не приводит, но при этом сообщает, что использовала в своей книге только «примеры мастерского письма, замечательных описаний, блестящих формулировок, которые не вполне адекватно представляют весь текст записок длиной более чем в две тысячи машинописных страниц». Буквально в следующем абзаце Паперно связывает «тайность» записок с «отсутствием принуждения», что позволяет автору дневников пренебрегать правилами приличия: «Написанные тайно (и в этом смысле свободные от принуждения), записки Фрейденберг свободны и от соблюдения некоторых конвенций хорошего тона».

Подобное цитирование Записок вкупе с авторскими замечаниями создают неверное представление и о Фрейденберг, и о тексте Записок. Читатель может сделать вывод, что если бы Фрейденберг писала открыто, то была бы принуждена выражаться пристойнее — вежливее по отношению к коллегам и без затрагивания темы экскрементов. Но тайность Записок обусловлена во все не желанием скрыть пренебрежение «хорошим тоном» или неумение хорошо писать, а тем, что, в общем-то, и стало предметом изучения Паперно и подтверждение чему она приводит чуть выше, — правдивым описанием сталинского быта, что могло стоить автору свободы и даже жизни. И Фрейденберг действительно отличалась именно отрицанием тех общественных условностей, в которых она ощущала фальшь, но делала это вполне открыто и не нуждалась в «отсутствии принуждения»⁴⁹⁴. Под «принуждением» Фрейденберг, скорее всего, имела в виду соблюдения идеологических или академических правил, с которым она сталкивалась при издании научных работ: насильственное вписывания цитат из классиков марксизма и Марра, сокращение или отказ в публикации за неакадемический стиль воспоминаний о Марре или за тематику работ.

В другом случае Паперно, проводя тезис, что Фрейденберг, не обладая талантом писателя, стала филологом, прямо искажает смысл ее высказывания: «Она пояснила, что при других обстоятельствах могла бы стать религиозной, но, родившись в секулярной еврейской семье, выбрала другой путь — литературу». На самом деле Фрейденберг имела в виду совсем иное: «В другой семье я могла

---

⁴⁹⁴ Подробнее см. выше п. 1.2 и 1.3. Например, описывая историю с доносом на нее студентов — «детей рабочих» (с. 47 настоящей работы), что вызвало долгие разбирательства с участием представителей партии, Фрейденберг сообщает о своей долгой беседе с партийным чиновником в Смольном: «Я ругалась прямо в лицо, и фюрер мне сказал, что стиль моих выступлений, по грубости, заставляет не верить, что я профессор...» (Фрейденберг О. М. Тетр. 9. Л. 48.).

бы стать религиозной, но в нашей, лишенной какой-то необходимой дозы предрассудков, — культовых, национальных, кастовых, — мне пришлось сделаться созерцательной»⁴⁹⁵. «Секулярная еврейская семья» совсем не то же самое, что семья, «лишенная необходимой дозы предрассудков», причем не только культовых. Как и литература отнюдь не синоним созерцательности.

Такой способ интерпретации чужого текста распространяется не только на Фрейденберг.

Паперно дает краткую историю написания Записок и составления архива. История текста с датировкой отдельных его частей впервые предложена в моей дипломной работе, затем кратко повторена в более поздней статье⁴⁹⁶. Паперно ссылается на обе мои работы с расплывчатой формулировкой «Подробное описание текста записок см.:»⁴⁹⁷, не уточняя, что входит в понятие «описание».

В дипломной работе приведена история текста Записок, обоснованная датировка каждой из 34-х тетрадей и отдельных их частей, описание структуры, условий, в которых создавались отдельные части, выявлены источники текста и т. п. Датировочные признаки разбросаны по тексту разных частей, нумерация тетрадей менялась и содержит ошибки, названия также менялись и т. д. — все это требовало кропотливой работы с текстом, проверки и уточнения по документам архива Фрейденберг, привлечения иных свидетельств.

Паперно, безусловно, использует данные дипломной работы, но конкретно ссылается только там, где она не согласна с одной из моих датировок первой тетради⁴⁹⁸.

В работе, написанной в 1994 году без знакомства с рукописью, предположения о структуре и датировке первой тетради Записок оказались ошибочными, но я тогда отметила, что не видела рукописи, так что мои выводы нельзя считать окончательными, и после работы с рукописью они могут измениться. В действительности структура первой тетради наиболее сложна и в большей степени подверглась правке и дополнениям, чем все другие части (подробнее см. ниже п. 3.2.1).

Паперно пишет, что первая тетрадь была написана для «тогдашнего возлюбленного Б. (женатого коллеги)» и сшита из двух, поэтому и пронумерована цифрами I и II, и в том числе сообщает, что вычеркнутое название в начале «неразборчиво <...>, возможно „Юбилей на бумаге“; в машинописи — без названия)». Далее она приводит мою датировку из дипломной работы, где я предполагаю, что работа над текстом этой тетради шла поэтапно и, возможно, была закончена в 1949 году, и мою датировку из работы 2017 года: «В более поздней работе о записках

⁴⁹⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 2.

⁴⁹⁶ Костенко Н. Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 117—127.

⁴⁹⁷ Паперно И. А. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 9, прим. 3.

⁴⁹⁸ Там же. С. 22, прим. 1.

Костенко не ставит под сомнение датировку первых двух тетрадей <...>. Я не вижу твердых оснований усомниться в датировке и следую за версией самой Фрейденберг: основной текст написан с ноября 1939 года (один из фрагментов первой тетради датирован 11 ноября) по 11 февраля 1940 года (дата на последней странице)». На основании этого примечания складывается впечатление, что Паперно не отличает нумерацию рукописных тетрадей, сделанных самой Фрейденберг⁴⁹⁹, от нумерации машинописи, сделанной почти через два десятка лет после смерти автора, не может правильно прочесть вычеркнутое название, хотя у Фрейденберг вполне понятный почерк, и следует за «версией» (так!) датировки Фрейденберг, не объясняя, что такое основной текст, какая датировка у неосновного и почему за начало основного текста тетради принята дата «одного из фрагментов»⁵⁰⁰. Ср. текст моей статьи: «Основной текст ее [тетради] был написан с 11 ноября 1939 г. по 11 февраля 1940 г. и предназначался для любимого человека»⁵⁰¹.

Так же невянятно передана история архива: «По одной версии, первым, кто открыл этот сундук, был Ю. М. Лотман». Далее речь идет о публикации первых трех статей Фрейденберг из архива с предисловием Лотмана в «Трудах по знаковым системам» с соответствующей библиографической ссылкой. Следом — об интересе семьи Пастернаков к архиву и нахождении Брагинской писем Бориса Пастернака в сундуке, с указанием в примечании, в какой работе Брагинская об этом рассказывает⁵⁰². При этом так и остается загадкой, какие еще есть версии открытия сундука. Между тем в статье Брагинской, на которую ссылается Паперно, содержится единственная на сегодняшний день известная в литературе о Записках версия, кто из исследователей и при каких обстоятельствах открыл этот сундук. Возможно, Паперно имела в виду переносный смысл открытия сундука — начало публикаций из архива, но из ее текста это не следует.

---

⁴⁹⁹ На обложке самой первой рукописной тетради указан номер, проставленный Фрейденберг синим карандашом, — «I». Примечательно, что Паперно выражает благодарность Анне Пастернак-Слейтер и Е. В. Пастернак, за возможность работать с рукописями и фотокопиями (Паперно И. А. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 7, прим. 1), сделанными П. Е. Пастернаком, но именно обложка с номером первой тетради отсутствует в этих фотокопиях. Вычеркнутое название — «Юбилей из бумаги», но это название не фигурировало в моих работах.

⁵⁰⁰ В моем дипломе приведены все эти основания, а также обосновано отождествление тетради с автобиографией, упоминаемой в записях Фрейденберг и переданной С. Г. Бархударову в феврале 1940 года, с первой тетрадью Записок. Именно эта тетрадь подразумевается под основным текстом первой тетради Записок, датированным Фрейденберг. В 1947 году она была дополнена главами о раннем детстве, титульным листом, кратким введением, начало тетради 1939—1940 годов (основного текста) было сильно отредактировано. Подробнее см. ниже п. 3.2.1.

⁵⁰¹ Костенко Н. Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25) С. 118. В данном случае речь, конечно, не идет о «некорректном заимствовании», а только об искажении или не понимании смысла приводимых данных.

⁵⁰² Паперно И. «Осада человека. С. 18—19; 19, прим. 1.

Возможно, это лишь досадные мелочи, и я, хорошо зная и свободно ориентируясь в истории архива и создании Записок, напрасно придираюсь? Но, с одной стороны, от автора монографии, претендующей на роль «путеводителя» по Запискам, ожидаешь все-таки достаточного изучения и понимания материала, чтобы не дезориентировать читателя и не сообщать ложной информации, тем более что работы по этой теме имеются и автором приводятся. А с другой стороны, те же претензии можно предъявить автору и в отношении разработки «мифополитической теории» Фрейденберг, эксплицировать которую было второй и, в общем, основной научной задачей работы.

Рассмотрим это на образе Левиафана, одного из центральных для той «мифополитической теории», которую Паперно выделяет в Записках. Этот образ встречается в книге несколько раз. Впервые — в блокадных тетрадях, откуда Паперно приводит очень яркое описание выпиравшей из ванны канализационной грязи, остановившейся на микроскопическом расстоянии от краев и ужасавшее своей неисчерпаемостью: «Она бесконечна и необузданна, эта снизу прущая пучина стихия напора и жидкости, эта советская Тиамат, первозданный хаос и грязь»⁵⁰³. Паперно поясняет, что Тиамат — это мифологический образ из вавилонского эпоса Энума Элиш, «воплощающий пучину мирового хаоса», и сообщает, что в Записках — это не только метафора беды, но и новый политический миф: советская Тиамат. Далее со ссылкой на работу Карла Шмитта о государстве-Левиафане Томаса Гоббса она приводит мнение, что Тиамат связана с Левиафаном⁵⁰⁴. В следующий раз упоминает о Тиамат уже во второй части книги, но здесь переполненная ванна с грязью, образ необузданной водной стихии, уже превращается в «гигантского спрута-государство (Тиамат-Левиафана), проникающего в дом из-под пола через трубы канализации в виде потока экскрементов»⁵⁰⁵. В третий раз Паперно приводит этот образ в главе о Левиафане, где рассматривает возвращение к образу Гоббса в немецкой политической философии 1930—1940-х, и снова повторяет ту же ссылку на Шмитта и связь Тиамат с Левиафаном. Однако эта стройная картина, увы, рассыпается при чтении Записок. Фрейденберг упоминает Тиамат только однажды, дальше, в том числе в блокадных записях, из ванны и уборной «выпирает» уже не первобытный хаос, а конкретная Люся Крутикова, жительница верхней квартиры, кандидат биологических наук и хозяйка «экскрементальной лаборатории» — уборной этажом выше⁵⁰⁶. Хотя Фрейденберг и была травмирована неисправностями фановой трубы, блокадный и послевоенный

⁵⁰³ Фрейденберг О. М. Осада человека // Минувшее. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 36—37.

⁵⁰⁴ Паперно И. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 48—52.

⁵⁰⁵ Там же. С. 183.

⁵⁰⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 17. Л. 10 об; Тетр. 18. Л. 7 об. Крутикова Людмила Павловна (1903—19??) работала во Всесоюзном НИИ сельскохозяйственной микробиологии, во время блокады исполняла обязанности директора.

«канализационный» террор, включенный в прочие бытовые мучения — отсутствие света, дров, продуктов в магазинах, средств для травли крыс и блох, неисправные плиты и уборные — больше не вызывал у нее образ Тиамат. Спрут у Фрейденберг всегда связан только со Сталиным или с тиранами вообще ⁵⁰⁷, а к государству (государственной машине, режиму) она этот эпитет не применяет.

Шмитт, на которого ссылается Паперно и у которого находит подтверждение связи Тиамат и Левиафана и на этом основании их отождествляет, в первой главе своей работы кратко рассматривает историю ветхозаветного образа «за много сотен лет обросшего мифологическими, теологическими и каббалистическими толкованиями» и действительно сообщает, что библейских чудовищ, морского Левиафана и сухопутного Бегемота «связывали со многими сказаниями, в частности, в Левиафане пытались распознать Тиамат, божество из вавилонской легенды о древнем потопе», но для того «политического мифа, на который опирается Гоббс, они не имеют непосредственного значения». Гоббс, по мнению Шмитта, в том числе приводит в образе Левиафана существо, обладающее наивысшей земной властью и этот образ упорядоченного государства был противопоставлен хаосу революции ⁵⁰⁸. И хотя мифологически Левиафан мог быть связан с Тиамат водным происхождением, но в том качестве символа государства, т. е. порядка у Гоббса, он ей противоположен, как порядок противоположен хаосу. Поэтому Фрейденберг не использует образ Тиамат, когда говорит о режиме.

Упрощенно Паперно подходит и к толкованию концепции архива и «истории» у Фрейденберг, вписывая ее в герценовскую традицию мемуарного «историзма», когда воспоминания рассматривались их авторам как свидетельства на будущем суде истории ⁵⁰⁹, а также к сравнению ее концепции с другими политико-философскими концепциями ⁵¹⁰. Между тем любые тексты

---

⁵⁰⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 11. Л. 45, Тетр. 19. Л. 8 (об.); Тетр. 22. Л. 39; Тетр. 28. Л. 11; Тетр. 30. Л. 20 (об.). И дважды спруты упомянуты в значении тиранов вообще: Тетр. 13. Л. 59 (об.), 74 (об.).

⁵⁰⁸ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса: смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006 С. 107—108, 130—131.

⁵⁰⁹ Паперно И. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 93—96, 208—211. См. подробный анализ концепции истории и архива у Фрейденберг в сравнении с ее толкованием у Паперно ниже п. 4.2.

⁵¹⁰ Так, например, Паперно сопоставляет ощущение «пустого времени» после смерти матери Фрейденберг с концепцией времени у Вальтера Беньямина («гомогенное и пустое время»), не учитывая разного контекста обоих высказываний (Паперно И. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 70—71). Указывая на близость некоторых формулировок к идеям Вильгельма Дильтея, Паперно высказывается очень обобщенно, не конкретизируя, что для Фрейденберг — исследователя мифологического мышления — означало «Жизнь» (Там же. С. 25—26). Говоря о «бытовом терроре» у Фрейденберг, сообщает, что Арендт не знала этого террора. И действительно, Арендт недооценивала значение бюрократии в складывании и функционировании тоталитарного государства (см.

Фрейденберг, будь то Записки, письма или научные работы, написаны сложным образным языком и перенасыщены смыслами. Они требуют от исследователя намного большей вовлеченности в ее биографию, тематику научных работ, стиль письма и ее собственную терминологию, не всегда однозначную ⁵¹¹.

Таким образом, многообещающая идея Паперно выделить политическую философию Фрейденберг, проходящую почти через все ее Записки, и определить ее место в политической философии XX века, к сожалению, не получила серьезно проработанного и внятного воплощения, в том числе по той причине, что для работы над монографией Паперно опиралась исключительно на текст Записок, к тому же узко или буквально понимаемых, в то время как для вычленения из наследия Фрейденберг «мифополитической теории», ее понимания и внятного изложения необходимо привлечение других материалов архива — научных работ, переписки и, что особенно важно, подготовительных материалов к Запискам, среди которых большое количество вырезок из газет 1950-х годов и выписок цитат из книг, читанных Фрейденберг в последние годы

Давыдов Ю. Н. Послесловие к русскому изданию: Ханна Арендт и проблема тоталитаризма // Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт. М.: ЦентрКом, 1996. С. 633 и далее). Но и у Фрейденберг этот террор касается всех сфер жизни человека — и спальни, и кухни, и водопровода, доступа к продуктам, лекарствам, услугам, приема на работу и условий труда, преподавательской работы и получения академических званий. Все это создает впечатление, что Паперно не только поверхностно понимает текст Фрейденберг, но и воззрения упоминаемых ею философов. На вчитывание иного смысла, замену анализа пересказом, диспропорцию отдельных глав указывает в своей рецензии К. А. Митрошенков («Оставалось в живых одно туловище»: о книге Ирины Паперно «Осада человека: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма» // Горький. 2023. 12 июля. URL: <https://gorky.media/reviews/ostavilos-v-zhivyyh-odno-tulovishhe> (дата обращения: 18.09.2025)).

⁵¹¹ Так, публикуя главу о басне из монографии Фрейденберг «Композиция „Трудов и дней“ Гесиода» Брагинская в предисловии объясняет читателю не только отличие терминологии Фрейденберг от ее привычного современного употребления (например, «эсхатология» и «космогония»), но и особенности метода анализа исследуемого материала, а также отмечает скорость и широту мысли Фрейденберг, которые с трудом воспринимают читатели, привыкшие к постепенному упорядоченному рассуждению: «Но Фрейденберг читает не произведение, а его жанр, причем не в наличной исторической форме, а в его генезисе. Все аналогии хромают, но все-таки: так читают метр как таковой или музыкальный лад. <...> Фрейденберг стремительно пролетает сквозь все исторические слои к глубоководным мифическим. От этой скорости кружится голова, и кажется, что вместить сценарий эпоса и трагедии в скромный маленький жанр басни невозможно. <...> она видит весь путь разом и не может растолковать гордому брюшку филистерской учености, зачем она говорит о зверях у пророка Даниила как об эсхатологическом фольклоре. <...> Надо поменять обыденное видение на рентгеновские лучи, видеть разом и так и этак» (Брагинская Н. В. Торжество Кривды, или Эсхатологический зверь в басенной шкуре // Синий диван. 2007. № 10—11. С. 122, 124). В другом случае при публикации одного из писем Фрейденберг к С. В. Поляковой (от 23 апреля 1940 года) потребовалось предварить его отдельным предисловием, сопоставимым по объему с самим письмом, настолько его текст был «густым» и переполненным неясными читателю отсылками, что обычным комментарием к непонятным местам было не обойтись: Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 327—333.

жизни ⁵¹², которые могли бы значительно прояснить теоретические взгляды Фрейденберг на сталинский режим. Тем не менее в отсутствие научной публикации Записок книга Паперно — единственное опубликованное исследование, посвященное Запискам, со всеми своими достоинствами и недостатками. А большое количество откликов на ее работу и даже использование теоретических разработок Фрейденберг, пусть и в изложении автора, показывает острую актуальность поднятой темы ⁵¹³.

3.1.6. Разное

С культурологических и философских позиций Записки рассмотрены в книге историка философии и культуролога Н. Я. Григорьевой ⁵¹⁴, которая анализирует феномен радикализации антропологических идей в континентальной Европе в период господства тоталитаризма. Среди авторов текстов, выбранных для исследования, — Михаил Бахтин, Андрей Платонов, Даниил Хармс, Ольга Фрейденберг, Мартин Хайдеггер, Эдит Штайн, Жорж Батай, Симона Вейль, Роже Кайуа и многие другие. Исследовательница, анализируя научные работы Фрейденберг, приходит к выводу, что ей, как и другим женщинам-философам, присущи «потребности в прошлом», реализовавшемся в ее научных работах в виде «негативного историзма»: Фрейденберг «прослеживает ход истории вспять в состоянии неразличения» и «растворение человеческого существа в до-истории» ⁵¹⁵. Более того, анализируя статью Фрейденберг «Терсит» ⁵¹⁶, Григорьева принимает отношение к войне героев «Илиады», приведенные в статье, за ее собственные — якобы сама Фрейденберг видит в войне праздник и регенерацию, а когда сама попала в ситуацию настоящей войны и блокады, то «перестала видеть в боевых действиях регенерацию и начала обличать

---

⁵¹² Подробнее см.: Костенко Н. Ю. «Круг чтения Ольги Фрейденберг»: доклад на XXV Лотмановских чтениях «Писатель как читатель». 2017. 21 дек. 41 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wc0gW6jKpGo> (дата обращения: 18.09.2025).

⁵¹³ См., например: Марков А. В. Записки Ольги Фрейденберг: внутри страшного романа с эпилогом: сюжет, жанр, микробы, сталь // Троицкий вариант. Наука. 2023. 27 июня. С. 10. То же: URL: <https://www.trv-science.ru/2023/06/zapiski-olgi-freidenberg-vnutri-strashnogo-romana-s-epilogom> (дата обращения: 18.09.2025); Митрошенков К. А. «Оставалось в живых одно туловище». М. Н. Липовецкий использует описанную Паперно систему бытового террора и одного из его проявлений — склоку — для анализа коммунального быта в рассказе М. М. Зощенко «Нервные люди» (1924). Склока определяется здесь как эрзац политического действия. Помимо прочего, вызывает недоумение, что автор рассуждает о сталинском государстве в применении к 1924 году, когда в условиях НЭПа политическая реальность была совершенно иной (Липовецкий М. Н. Две заметки о (не)насилии // Новое литературное обозрение. 2023. № 6. С. 372).

⁵¹⁴ Григорьева Н. Я. Человечное, бесчеловечное: радикальная антропология в философии, литературе и кино конца 1920-х — 1950-х гг. СПб.: Петрополис, 2012. 624 с.

⁵¹⁵ Григорьева Н. Я. Человечное, бесчеловечное. СПб.: Петрополис, 2012. С. 426—428.

⁵¹⁶ Фрейденберг О. М. Терсит // Яфетический сборник. 1930. Т. 6. С. 231—253.

милитаризм»⁵¹⁷. Таким образом, Григорьева просто не делает различия между научными исследованиями в области литературоведения, классической филологии, первобытного мышления и т. п. и собственным мировоззрением исследователя⁵¹⁸. К сожалению, эта работа ничего не добавляет к пониманию Записок, кроме недоумения, и здесь приведена скорее в качестве курьеза.

Таким образом, исследователи Записок касались в основном их общей характеристики и отдельных особенностей, вопросов достоверности как исторического источника, но не проводили подробного анализа рукописи и обоснованно не отвечали на вопрос о составе и структуре этого произведения. Более того, ни один из исследователей, рассматривая весь комплекс, выделяя отдельные темы и направления, даже не задавались вопросом о том, какую цель ставила перед собой Фрейденберг, объединив в единое целое столь непохожие отдельные его части. А ведь от ответа на этот вопрос зависит понимание роли Записок в творческом наследии Фрейденберг, места, которое они занимают в ее архиве, а также того, какую культурную миссию выполняют они и архив в целом в выбранном Фрейденберг способе передачи культурной традиции в условиях почти тотальной изоляции.

В создании этого сложного и многослойного мемуарно-дневникового комплекса Фрейденберг было несколько этапов. Его замысел не возник весь внезапно, он складывался под влиянием различных обстоятельств, и импульсами служили разные вещи. Однако результат был одновременно уникальным и чрезвычайно показательным: такой способ описания своей жизни, позволял Фрейденберг стать не жертвой исторических событий или пассивным исполнителем, но их творцом, проложить своему опыту, научному и человеческому, мост в будущее.

---

⁵¹⁷ Григорьева Н. Я. Человечное, бесчеловечное. СПб.: Петрополис, 2012. С. 463.

⁵¹⁸ К сожалению, Григорьева здесь не одинока: после разгромной рецензии на «Поэтику сюжета и жанра» (Лейтейзен Ц. Г. Вредная галиматья // Известия. 1936. 21 сент.) Фрейденберг была вынуждена написать докладную записку директору ЛИФЛИ с ответом на «замечания рецензента»: «Рецензент умышленно приписывает мне то, что составляет мнения греков и римлян. Отношение их к реализму и к религии он относит к моим взглядам. Это первый известный мне случай, когда артиста бранят за роль, которую он играет, ученого — за взгляды, содержащиеся в критикуемых им первоисточниках» (Тетр. 10. Л. 27 об.). Точно так же С. А. Тахтаджян и И. А. Левинская приписывают Фрейденберг уверенность в правдивости сообщений, будто евреи поклонялись ослиной голове, и одновременно ставят под сомнение ее умение работать с древними источниками (Тахтаджян С. А. [О статье О. М. Фрейденберг «Въезд в Иерусалим на осле»] // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 115—119; Левинская И. А. О филологии без идеологии // Звезда. 2013. № 8. С. 180. Критику позиции Тахтаджяна см.: Брагинская Н. В. После словие ко второму изданию // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 1998. С. 745—746, примеч. 7.

3.2. «Пробег жизни» — история создания мемуарно-дневникового комплекса

Весь мемуарно-дневниковый комплекс создавался более десяти лет, но не последовательно, и поначалу единого замысла не имел. Точнее Фрейденберг не ставила перед собой цели описать всю свою жизнь, когда начала работу над Записками. Потребность рассказать о своем детстве и юности появилась у нее в связи с очень конкретным событием и имела столь же конкретную причину.

В 1932 году вышел альбом-монография об ее дяде, художнике Л. О. Пастернаке. Издание в значительной степени повторяло вышедшее на иврите в 1924 года у того же издателя и в той же типографии с теми же репродукциями, но не известное ни широкой публике, ни родственникам в Советском Союзе⁵¹⁹. Лишь вместо устаревшей статьи Х. Н. Бялика в монографии были помещены четыре автобиографических очерка самого Л. О. Пастернака⁵²⁰. Получив экземпляр книги, Фрейденберг написала дяде 2 августа: «...автобиография — эта утоленная страсть сказать художнику о себе еще и в обыденном слове; эта репродукция детства, кино воспоминаний, добровольно развернутых в новое бытие, выведенных из ночной бессонницы, где они прячутся в подполье и давят тоской, в широкую публику выведенных вдруг на свет — и, оказывается, они не грустны, а радостны и светлы до неузнаваемости! Эта реабилитация ночи, личного *plus-quantum-perfectum*'а, оживание дней и мертвецов... Это переключение небытия в бытие, эта дозволенность сокровенного! И тут же главные создания [картины Пастернака. — *Н. К.*], уже в иной форме, овеществляющие то, что рассказано в словах!»⁵²¹

---

⁵¹⁹ Bialik Ch., Osborn M. Leonid Pasternak. His Life and Work. Berlin: Stybel-Verlag, 1924. [8], 98, [7] p., LXXIII pls.

⁵²⁰ Osborn M. Leonid Pasternak: mit 77 Textabbildungen und 67 Tafeln in Autotypie-, Offset- und Farbendruck, mit 4 Fragmenten aus der Selbstbiographie des Künstlers. Warschau: Stybel-Verlag, 1932. 4, 111, [67, 3] S. Подробнее об издании книги и ее судьбе см.: Флейшман Л. С. Из семейной переписки Пастернаков: [предисловие к публикации] // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 17—18. Автор предисловия считает, что первые страницы Записок Фрейденберг писала под впечатлением разговоров с матерью после чтения монографии и приводит в качестве примера эпизод о происхождении семьи Пастернаков от средневекового сефардского рода Абрабанелей, ранее включенного в автобиографические очерки Пастернака. Соглашаясь с тем, что автобиографические опыты дяди оказали на Фрейденберг огромное влияние и пробудили семейные воспоминания Фрейденбергов, не думаю, что легенда о происхождении рода стала известна Фрейденберг после чтения дядиных мемуаров. С одной стороны, не исключено ее давнее устное бытование в обеих семьях, а с другой — в архиве Фрейденберг сохранилась «Записка о роде Абрабанелей», написанная, вероятно, Карлом Евгеньевичем Пастернаком (см. выше с. 75, прим. 275).

⁵²¹ Фрейденберг О. М., Фрейденберг А. О. Из семейной переписки Пастернаков // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 56—57.

Через пять лет, 6 февраля 1937 года, она снова пишет Леониду Осиповичу: «Автобиографию „в художественной форме“, — Вы правы, дорогой дядя, — я мечтаю-таки написать; тяга у меня есть, но выйдет ли что, не знаю. Еще недавно я перечитывала Вашу, в монографии. Тонко Вы ее делаете, „с настроением“, и с большим художественным вкусом, где много и красивого, и остроумного, с улыбкой и грустью. Да, тянет и меня; хочется разделаться со многим»⁵²². Иных упоминаний темы автобиографии в переписке и документах этого времени нет, как нет и следов начала работы над каким-либо подобным текстом. Но у Фрейденберг было много других дел: в 1932 году — организация кафедры классической филологии, затем подготовка и защита докторской диссертации в 1935-м, публикация монографии «Поэтика сюжета и жанра», последовавшие ее арест и конфискация, давление и проработки в институте. Кроме того, с 1933 года Фрейденберг работала над новой монографией «Композиция „Трудов и дней“ Гесиода». Называя позднее в своих воспоминаниях политические репрессии 1937—1938 годов временем «политической чумы, моровой язвы, стихии страшной, непреодолимой и бессмысленной»⁵²³ и понимая, что может быть арестована в любую минуту, она торопилась закончить монографию о Гесиоде: «Видя, как складываются дела, а именно — эфемерность своего существования, которое могло каждую ночь прерваться, — я засела за Гесиода, и писала его изо всех сил, пока могла и успевала писать. Я писала днями и вечерами, торопясь, отбегая к нему во все урывки и часы отдыха, отказываясь от жизни, от матери, от досуга, от друзей»⁵²⁴.

Тем не менее с января 1937 года она начинает вести «краткую конспективную запись»⁵²⁵, некоторый аналог дневника, но скорее по месяцам, где тезисно для памяти фиксирует недавние события и свои впечатления о них: «Начиная с января, я вела краткую конспективную запись. Сейчас нашла ее и увидела, что пишу непоследовательно. Вот что у меня записано беглым карандашом: „1937, январь. Хона [И. Г. Франк-Каменецкий. — *Н. К.*] приехал 1-го, сразу зашел. Успокоенье. Потом лечение. Лермонтов. Начал лекции читать сразу. Апокрифы. Тяготился

---

⁵²² Фрейденберг О. М., Фрейденберг А. О. Из семейной переписки Пастернаков // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 151. Письма Л. О. Пастернака с обсуждением автобиографии, на которое отвечает Фрейденберг, в ее архиве не сохранилось.

⁵²³ Фрейденберг О. М. Тетр. 11. Л. 1.

⁵²⁴ Там же. Л. 9. См. также письмо С. В. Поляковой от 27 июля 1936 г. (Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 320). Фрейденберг планировала закончить монографию о Гесиоде осенью 1937 года и передать на хранение Поляковой и давала ей распоряжения относительно работы на «всякий» случай. (Там же. С. 325).

⁵²⁵ Эта краткая конспективная запись не сохранилась в архиве, поэтому можно судить о ней только по использованию в соответствующих частях мемуаров. Последнее цитирование этой записи относится к осени 1940 года (Тетр. 12.1. Л. 17 об.—18). Предположительный аналог подобных записей сохранился в Архиве семьи Пастернаков в Москве (см. ниже Рисунок 14, с. 183).

работой в местком (и я). Его «почести», увеличенное жалованье, член-корреспондент. Февраль-март: Внеурочный звонок Хоны и приход. О будущей научной работе. Подъем. <...> Март: Тоска Сашки. Чтоб не звонить ему. Мои догадки. Ссора с Соней. Теофраста печатать не хотят. «Кому нужны ваши статьи?»⁵²⁶.

В этой конспективной записи, вероятно, относящейся к осени — зиме 1939 года, процитированной в воспоминаниях много позже, Фрейденберг пишет: «Я не могу сдержать своих мысленных рассказов к Б. [Степан Григорьевич Бархударов. — *Н. К.*] — о детстве, своей юности. Начала писать автобиографию, чтобы дать потом ему прочесть»⁵²⁷. Далее сообщает: «Я жила только тем, что писала для него свою автобиографию (начало, до университета). Отослала тетрадь 17 февраля, как-то успокоилась. <...> Позвонил [Б. — *Н. К.*] на следующий день [запись относится к середине марта. — *Н. К.*], чтоб завтра занести тетрадь (неприменно хотел лично). Сказал, что прочел сразу, читал всю ночь до утра, вышел на лекцию без подготовки. Я показывала ему фамильные фотографии, но он держался холодно. Поблагодарил за тетрадь: „У вас много ума, вам трудно должно быть жить было, — умному тяжело жить. Но я очень ценю в человеке ум...“ и т. д.»⁵²⁸

Скорее всего, речь идет о той самой тетради, которая открывает воспоминания. Они охватывают период детства и юности до поступления в университет в 1917 году. Фрейденберг рассказывает здесь о впечатлениях самого раннего детства в Одессе, о своей семье, учебе в гимназии, друзьях и подругах, путешествиях и увлечениях, начале Первой мировой войны и работе сестрой милосердия, о Февральской революции — о той себе, которую в ученой среде никто не знал. Адресовалась эта тетрадь человеку, в которого она тогда была влюблена.

3.2.1. «Самое главное» — первая часть мемуаров

Эта часть Записок представляет собой вложенные в клеенчатую обложку стандартной тетради с прилипшей к ней газетой конца февраля 1940 года⁵²⁹ отдельные листы, прошитые и пробитые дыроколом, возможно, собранные из нескольких тетрадей, так как общее число листов — 144 — велико для одной. На обложке синим карандашом проставлен римский номер I, большая часть листов (до 111) пронумерована карандашом рукой Фрейденберг. Текст написан лиловыми чернилами с карандашной правкой, с очевидными перестановками и дополнениями на отдельных листах, но только в самом начале рукописи.

⁵²⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 10. Л. 102—102 об.

⁵²⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 11. Л. 44—44 об.

⁵²⁸ Там же. Л. 49—50.

⁵²⁹ Датируется по сохранившейся на газете надписи «XVII годовщина Рабоче-Крестьянской Красной армии и Военно-Морского флота».

Основной текст этой части, видимо, был написан в период с 11 ноября 1939 по 11 февраля 1940 года, о чем свидетельствуют даты, проставленные рукой Фрейденберг на пятом листе рукописи и обороте последнего (Рисунки 3, 4).

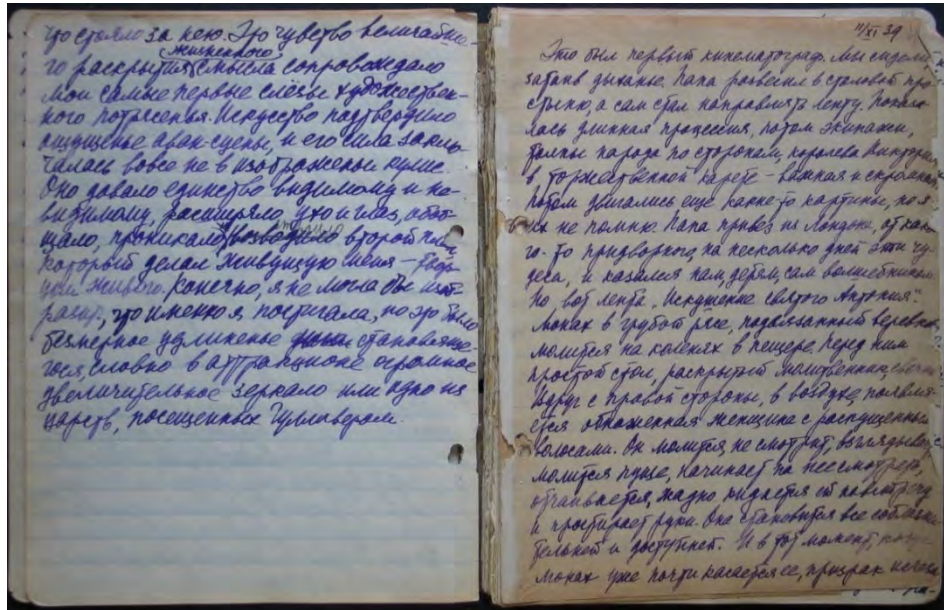

Рисунок 3. Тетрадь 1—2. Листы 4 об., 5.

Дата «11/XI 39», возможно, первоначально находилась на первой странице той тетради, которая была передана С. Г. Бархударову 17 февраля 1940 года. Как называлось то сочинение и имело ли оно вообще название, неизвестно. На обороте титула под кратким предварением указана дата «6 авг. 47» (Рисунок 5).

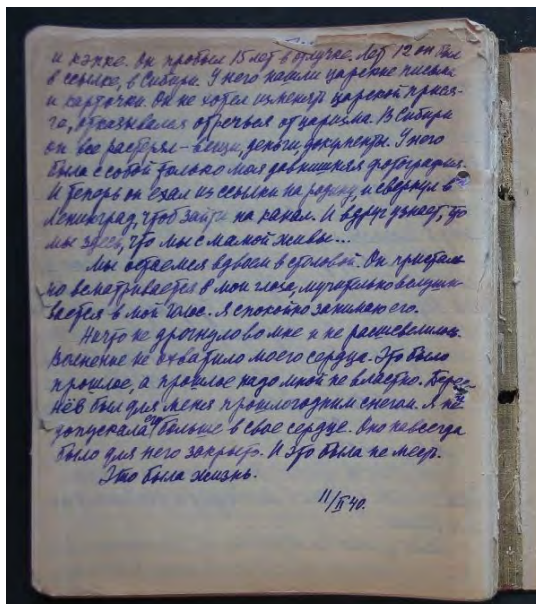

Рисунок 4. Тетрадь 1—2. Лист 144 об.

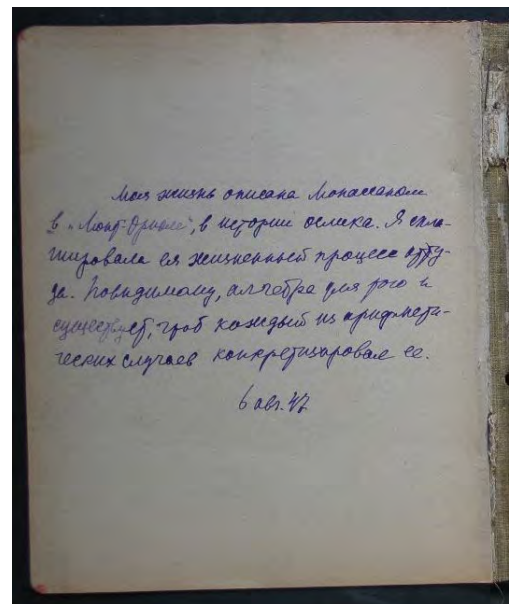

Рисунок 5. Тетрадь 1—2. Лист 1 об.

По всей видимости, тогда же, в 1947 году, начало тетради было дополнено двойным тетрадным листом с текстом о раннем детстве — другая бумага, чернила и почерк, более похожий на почерк титульного листа, оборот последнего листа не дописан, то есть это однозначно более поздняя вставка (Рисунок 3). Она имеет заголовок «Юбилей из бумаги», зачеркнутый

карандашом. Карандашом проставлены цифры 10 и 14 (номера глав?), причем 14 зачеркнуто (Рисунок 6), хотя последовательная нумерация основного текста этой тетради начинается со второй главы (Рисунок 7).

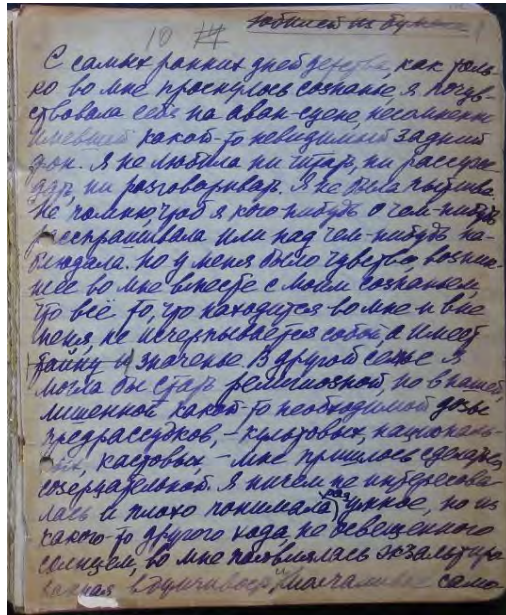

Рисунок 6. Тетрадь 1—2. Лист 2.

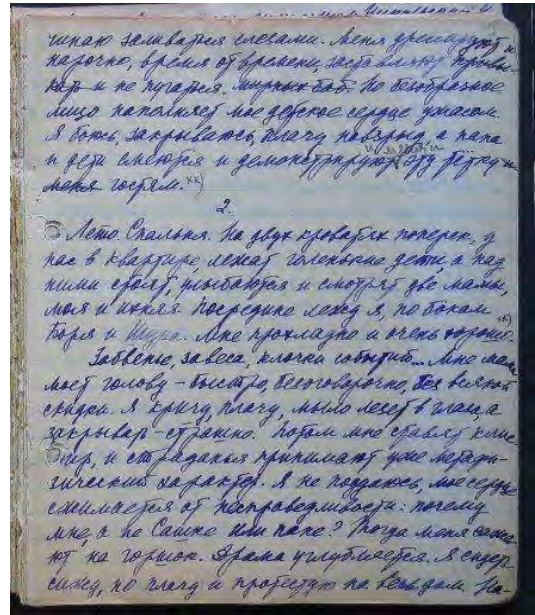

Рисунок 7. Тетрадь 1—2. Лист 6.

По содержанию вставленное начало пересекается с главой 11 и концом главы 13 этой части. Двойной лист, содержащий главы 10 (без начала) и 11 (без окончания), был, вероятно, вынут из тетради и хранился отдельно — чернила выцвели, бумага пожелтела и выглядит практически так же, как первый датированный лист (Рисунок 3), при этом прошит, но не пробит дыроколом. Текст на нем полностью перечеркнут, а на предыдущем листе (13 об.) — карандашная правка, зачеркнуты последние две строки и номер главы 10 (Рисунок 8).

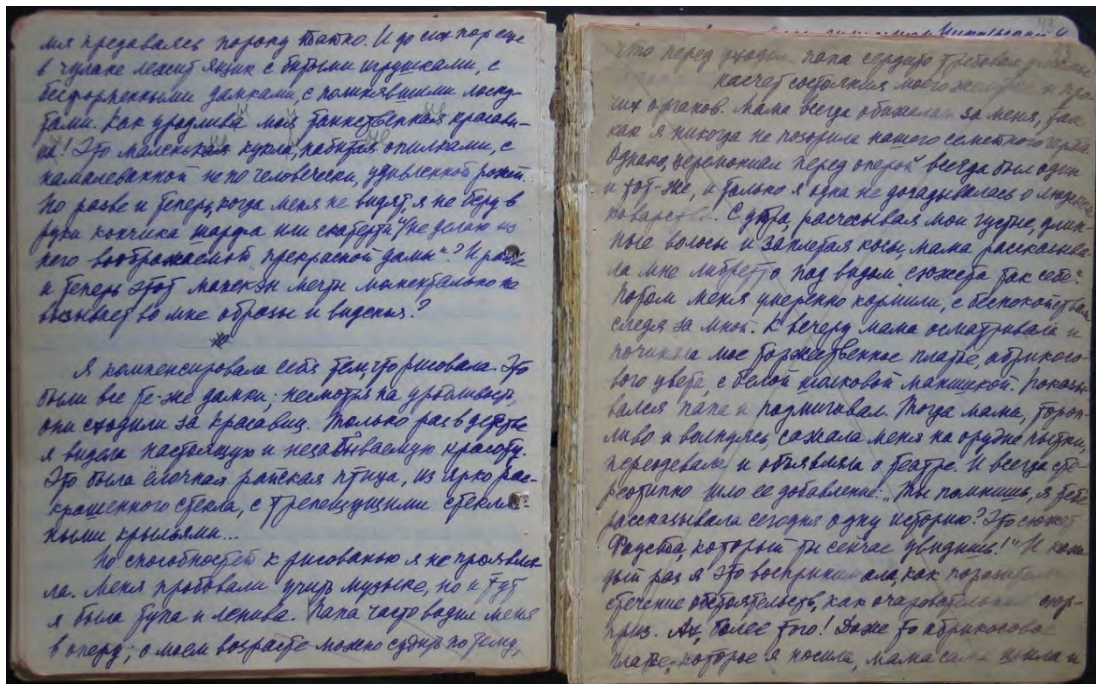

Рисунок 8. Тетрадь 1—2. Листы 13 об., 14.

Кроме того, в начале тетради имеется несколько вложенных листов с дополнениями. Места вставок обозначены карандашными крестами, но не всегда им есть соответствие на вложенных листах (Рисунок 9).

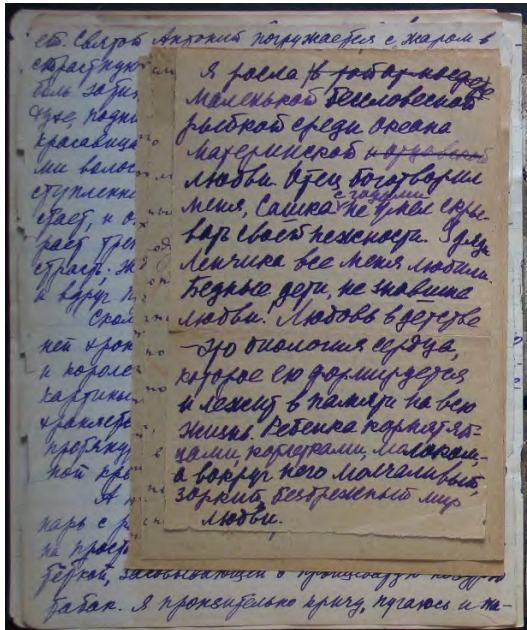

Рисунок 9. Тетрадь 1—2. Лист 6.

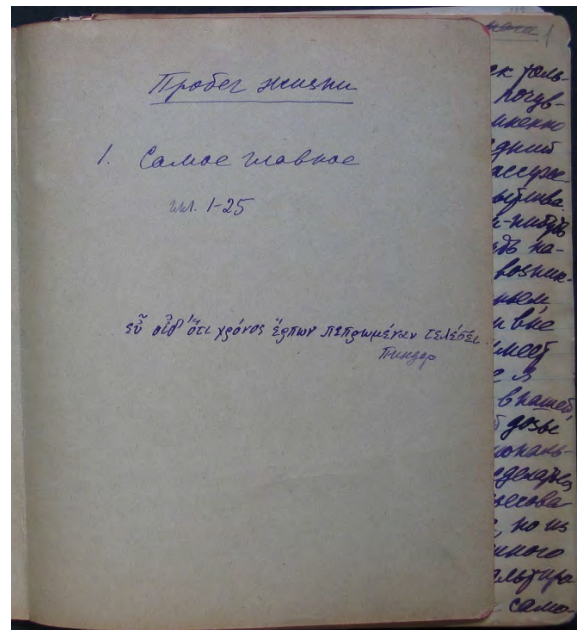

Рисунок 10. Тетрадь 1—2. Лист 1.

На титульном листе тетради указано название: «Самое главное, гл. 1—25» (Рисунок 10). В действительности структура первой части Записок более сложна: сначала идет условно 24 главы текста с вычеркнутым названием «Юбилей из бумаги» — о детстве Фрейденберг до переезда семьи в Петербург, затем начинается часть «Новая глава» с новой нумерацией (главы 1—16), посвященная периоду обучения в гимназии, затем «Третья глава» — время после окончания гимназии и до Первой мировой войны (главы 1—38), заканчивается тетрадь частью «Война», в которой 25 глав. Таким образом, если считать «Самое главное» заглавием текста от начала до 24 главы, то мы не имеем общего заголовка для четырех вышеперечисленных частей первой тетради. А число глав первой части указано ошибочно — 25 вместо 24. Но поскольку конец этой тетради заканчивается 25 главкой главы «Война», возможно, что в августе 1947 года Фрейденберг дала заглавие всей этой части, и, заглянув в конец тетради и увидев там 25 главку последней главы, она вынесла «Самое главное, гл. 1—25» на титульный лист. Заголовки глав первой тетради не приведены в систему: «Новая», «Третья», «Война». Заглавие «Юбилей из бумаги» могло быть общим для всей тетради, которую Фрейденберг как раз закончила в феврале 1940 года, за месяц до своего 50-летия. Или могло быть связано с модой на юбилеи организаций и ученых, возникшей в ленинградской послевоенной академической среде: в 1944 году пышно отмечался 220-летний юбилей университета, 1946 год — юбилей М. П. Алексеева, декана филологического факультета, и, наконец, в 1947 году — 15-летие кафедры классической филологии, которой руководила Фрейденберг. Тем не менее Фрейденберг отказалась от этого названия.

Таким образом, «Самое главное» — название, которое можно отнести ко всей этой части. Составляя оглавление и редактируя начало Записок, Фрейденберг, вероятнее всего, не перечитывала этой тетради целиком (обильное внесение исправлений прекращается после 13 главки), не унифицировала названия глав и ошибочно взяла нумерацию главок из последней главы. При этом название этой части в общем массиве мемуарного повествования, доведенного к тому времени до 1947 года, гораздо более соответствует части воспоминаний о детстве и юности, когда формируется мировоззрение и закладываются основные жизненные принципы, основные темы последующей жизни — все «самое главное». В конце этой тетради, заканчивающейся поступлением в университет, что Фрейденберг рассматривала как уход от жизни «в монастырь, на консервацию», она пишет: «Я не забыла, что это есть начало моей жизни на ее главном переломе. Что все пережитое было только вступлением и увертюрой. Что теперь только меня ждут на всех перекрестках жизненные силы, которые обретут меня, а я — их. И что только теперь начнутся мои увлечения, и страсть, и настоящая любовь»⁵³⁰.

Итак, Фрейденберг впервые высказалась об автобиографии в 1932 году. Она настолько живо откликнулась на автобиографические очерки Л. О. Пастернака, приложенные к монографии о нем, что легко предположить: она сама задумывалась о работе над автобиографией. Но о замысле своих воспоминаний Фрейденберг сообщает в письме дяде только в феврале 1937 г., сами же Записки она начала еще спустя два с половиной года — в ноябре 1939-го. Они предназначались для любимого человека и рассказывали о детстве и юности до поступления в университет, то есть о себе и о тех событиях своей жизни, которые были совсем не знакомы ее нынешней, академической, среде.

Основной текст был написан за три месяца, завершён 11 февраля 1940 г. и передан адресату. О продолжении воспоминаний после первого опыта и до начала следующей, «блокадной», части ничего неизвестно, хотя с января 1937 г. Фрейденберг вела краткую запись событий, происходивших в ее жизни, — аналог дневника, возможно, предполагая использовать ее в будущем.

После принятия решения о формировании собственного архива в 1947 г. и написании полной автобиографии Фрейденберг включила эту тетрадь как первую часть в свой мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни». Об этом свидетельствует оформление титульного листа для всего комплекса и этой тетради, написание краткого введения и глав о раннем детстве и внесение правки в самое начало тетради. При этом большая часть тетради ни правки, ни пересмотру не подвергалась и возможно даже не была полностью перечитана.

---

⁵³⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 144.

3.2.2. «Осада человека» — блокадные записи

Следующая часть Записок написана в блокадном Ленинграде. Она содержит девять тетрадей разного размера и внешнего вида (дореволюционных и советских блокнотов, толстых и тонких советских тетрадей). Текст записан чернилами с последующей незначительной карандашной и чернильной правкой, носящей в основном уточняющий и разъясняющий характер⁵³¹. Кроме того, есть множественные вырезывания частей текста, касающихся сведений о жившем по соседству семействе Спиридоновых и упоминания их фамилий. Софья Александровна, жена Василия Спиридоновича Спиридонова (1878—1952), историка литературы и библиографа, страдала болезненной подозрительностью и, узнав, что Фрейденберг делает записи, видимо, попросила убрать ее фамилию из дневников.

Эта часть была начата 3 мая 1942 года — дата в начале первой блокадной тетради — и завершена 1 мая 1944 года — дата в конце последней тетради. В тексте много датирующих признаков, часто указаны даты начала и окончания тетрадей, кроме того, такие внешние обстоятельства, как невозможность писать в зимние месяцы, когда в квартире отрицательная температура, — все это позволяет довольно точно датировать каждую тетрадь, а иногда и отдельные ее фрагменты⁵³².

Как в целом во время войны, так и в блокадном Ленинграде многие люди, которые ни до, ни после военного и блокадного времени не делали записей, начали вести дневник, с одной стороны, осознавая важность событий, свидетелями которых они являются, с другой стороны, используя дневник как способ психического самосохранения. Попытки отдельных руководителей ленинградских райкомов внедрить среди сотрудников практику ведения дневников, хотя и не имели успеха и саботировались, свидетельствуют, что партийное руководство осознавало важность личного дневника как важного исторического источника, фиксирующего не только факты из жизни обороняющегося города, но и отражающего настроения жителей⁵³³. Анализ

---

⁵³¹ Например: «Казалось бы, когда увидели, что рвы не задерживают наступления [немецких] танков, а способствуют ~~н~~ [врагу в его] закреплению[и] при обороне, — должны были изменить тактику, или хотя бы задуматься над нею» (Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 21 об.).

⁵³² Например, Тетр. 12: 3 мая — сер. мая 1942; тетр. 13: 20 мая — сер. июн., середина сент. 1942; тетр. 14: сент. — дек. 1942, апр. 1943; тетр. 15: пер. пол. апр. 1943; тетр. 16: сер. апр. 1943; тетр. 17: сер. апр. — сер. июня 1943; тетр. 18: июля — осень 1943; тетр. 19: примерно втор. пол. апр. 1944; тетр. 20: втор. пол. апр. — 1 мая 1944.

⁵³³ Гусев В. С., Кутузов В. А., Старков Б. А., Ломагин Н. А. Предисловие // Блокадные дневники и документы. СПб.: Европ. дом, 2004. С. 7—9; Ломагин Н. А., Мельниченко М. А. Библиотека «Прожито». Блокада // Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника. СПб.: Изд.-во ЕУСПб, 2022. С. 9—10. В дальнейшем партийная инициатива по ведению дневников переросла в сбор блокадных воспоминаний и дневников, организованный Ленинградским институтом истории партии в 1942—1944 годах. Подробнее см.: Павловская А. Н. Блокадный архив Ленинградского отделения Института истории ВКП(б): сбор воспоминаний горожан в 1942—1944 годах

большого корпуса блокадных дневников, проделанный участниками проекта «Прожито» показывает, во-первых, что среди более чем пятисот военных дневников на блокадные приходится более половины (270) — это самая высокая плотность дневников за всю историю жанра в России, во-вторых, те, у кого ранее не было дневника, как правило, начинают его вести осенью или зимой 1941 года, причем в большинстве случаев с ретроспективного описания событий начиная с 22 июня ⁵³⁴. А. Пери также отмечает: «Большинство авторов начали вести дневники до блокады, в день начала войны или в ее первые месяцы — тогда, когда происходила реструктуризация повседневной жизни, ее порядка и норм. Дневники помогали их авторам справиться с изменениями, преодолеть хаос и неизвестность военной повседневности с ее мобилизациями, эвакуацией и бомбардировками» ⁵³⁵. Но Фрейденберг приступила к письму только в мае 1942-го. При этом, если обратиться к хронологии, первая блокадная тетрадь (Тетр. 12, 82 л.) и две трети второй (Тетр. 13, 73 л.) были написаны меньше чем за месяц — с 3 по 27 мая. Это нельзя объяснить только улучшением бытовых условий, когда писать стало возможно. Все лето и осень 1941 года Фрейденберг не переставала заниматься наукой, несмотря на воздушные налеты, обстрелы, суету и бытовые хлопоты в прифронтовом городе. Сначала это были «Гомеровские сравнения» ⁵³⁶, затем, ближе к зиме, она стала записывать свой курс лекций об античном фольклоре, который читала студентам до войны. Запись лекций не требовала ни книг, ни литературы, но вскоре настали холода и работать стало почти невозможно: «Потом настал холод, коченели руки. Мой стол переехал к маме. Здесь он стоял спиной к свету, а электричества уже не было. Я кое-как дописала еще одну лекцию, и на этом кончила, не успев дойти и до половины» ⁵³⁷.

Среди подготовительных материалов к запискам сохранились несколько клочков бумаги с хроникой первых военных месяцев (Рисунок 11, 12 ⁵³⁸) до декабря включительно, записанные

и влияние исторического авангардизма // Неприкосновенный запас. 2019. № 6. С. 111; Павловский А. Ф., Павловская А. Н. Блокадный дневник в культурной памяти // Я знаю, что так писать нельзя... СПб.: Изд.-во ЕУСПб, 2022. С. 421—456.

⁵³⁴ Ломагин Н. А., Мельниченко М. А. Библиотека «Прожито». Блокада // Там же. С. 10—11.

⁵³⁵ Peri A. The war within. Diaries from the Siege of Leningrad. Cambridge: Harvard University Press, 2017. P. 21, 36. Цит. по: Павловский А., Павловская А. Блокадный дневник в культурной памяти. С. 441.

⁵³⁶ Первая часть монографии «Гомеровские этюды» (1941—1949), была закончена 31 октября 1941 года.

⁵³⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 44.

⁵³⁸ На обороте второго клочка — черновик официального письма Фрейденберг, датированного 15 июня 1943 года, что может свидетельствовать о более поздней записи этой хронологии (черновик письма обрезан), а также в ней отсутствуют характерные для Фрейденберг вычеркивания текста, который был перенесен в Записки, или обычная правка и исправления. Возможно, вторая запись, была сделана после 15 июня 1943 года с более ранних черновых записей, такая практика уже встречалась среди бумаг Фрейденберг (в ее архиве сохранились, например, списки просмотренных спектаклей за 1907—1908 годы в черновой редакции и переписанные набело).

в стиле еще более кратком и черновом, чем ее краткая конспективная запись. Но в Записках блокадного времени нет уже упоминаний и цитирования подобных записей.

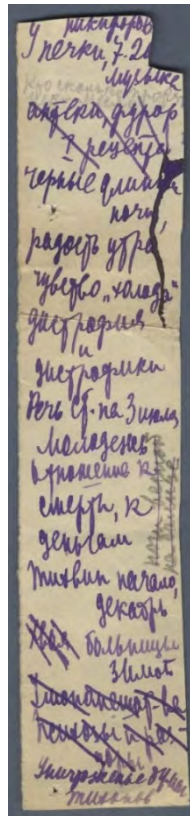

Рисунок 11. Блокадные записи.

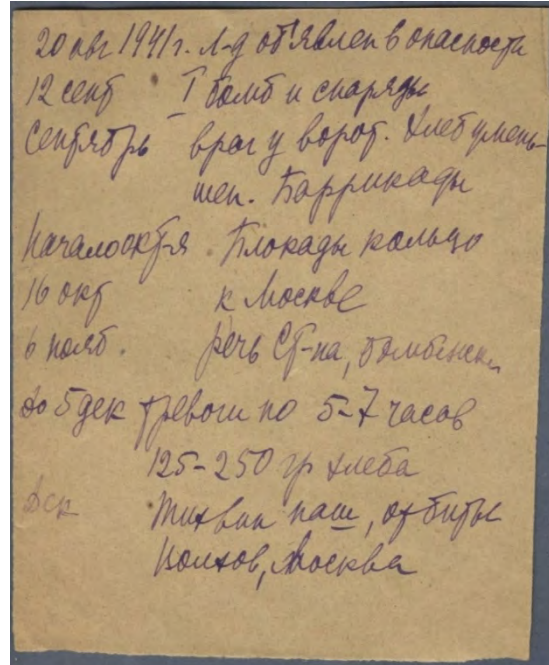

Рисунок 12. Блокадная хроника.

В самый страшный период первой блокадной зимы Фрейденберг с матерью от голодной смерти спасли консервы, которые собирались еще перед войной для отправки репрессированному брату ⁵³⁹. Самым тяжелым месяцем был январь, когда почти не было выдачи продуктов, консервы стали подходить к концу, холод и недоедание изнуряли ⁵⁴⁰. В феврале Фрейденберг заболела цингой и слегла ⁵⁴¹. При этом она продолжала, сколько и как могла, размышлять и записывать свои мысли: «В постели я много думала о давно вынашиваемой работе по проблемам античного реализма. „Гомеровские сравнения“ должны были быть здесь первой главой, а последней — „происхождение литературной интриги“. Я, лежа, записывала на блокноте основные свои мысли о греческом реализме, о сущности интриги, как реалистическом миропонимании,

⁵³⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 69—69 об; Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 258.

⁵⁴⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 72, 79.

⁵⁴¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 4 об.

как о перенесении центра тяжести с религии и богов на человека. Как мне хотелось поговорить на эти темы, высказать свои мысли и сомнения!»⁵⁴²

Здесь видится тот же сценарий замысла, что и в предыдущей части: получив пример дяди, обдумывала, готовилась, делала записи, но импульс дал любимый человек. В блокадные месяцы Фрейденберг делает краткие записи о жизни в Ленинграде, но записывает и обдумывает научные работы. Что же послужило поводом, импульсом, мотивом для начала блокадных записок?

Для сравнения: примером для блокадной прозы Л. Я. Гинзбург могла послужить работа над сборником «День осажденного города», который предполагал объединить репортажи ленинградских писателей об одном дне в разных районах, учреждениях и службах города. Пост ПВО, пожарная часть, больница, музей, различные предприятия, прифронтовые части и т. д. были закреплены за каким-либо писателем, чтобы можно было составить представление обо всем многообразии жизни блокадного города. Гинзбург должна была описать один день из жизни дома № 18 на Моховой улице⁵⁴³. Но она приступила к блокадной прозе только во второй половине 1942 года, когда бытовые условия стали несколько легче, однако работа и необходимость заботиться о матери не позволяли Гинзбург уделять достаточно времени собственному литературному труду. Только после смерти матери в конце 1942-го и перехода во внештатные редакторы Радиокomiteта в мае 1943-го она получила возможность работать над блокадной прозой систематически⁵⁴⁴.

Обязательная эвакуация университета в феврале 1942 года поставила перед Фрейденберг сложный, почти экзистенциальный вопрос, связанный с покиданием дома и города.

С одной стороны, были конкретные бытовые проблемы: ее 82-летняя мать, несколько лет до войны не выходившая из дома, вряд ли смогла бы перенести тяготы дороги и ничем не обеспеченной жизни в неизвестной провинции, переполненной беженцами: «Ясно: едва мама хлебнет морозного воздуха, она погибнет. Она не выносила путешествия в комфортабельных автомоби-

---

⁵⁴² Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 44. Статья «Происхождение литературной интриги» будет написана в 1945-м., а опубликована уже после смерти Фрейденберг (Труды по знаковым системам. [Вып.] 6. Тарту, 1973. С. 497—512).

⁵⁴³ См. Кетлинская В. [Воспоминания] // Мы знали Евгения Шварца. М.; Л.: Искусство, 1966. С. 98; Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944). СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996. С. 150; Ван Баскирк Э., Зорин А. Л. «Записки блокадного человека»: история текста // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека / Лидия Гинзбург. М.: Новое изд-во, 2011. С. 546. Проект так и не был осуществлен, но его идея как способ воплощения блокадного опыта в литературе была воспринята ленинградскими писателями Л. Я. Гинзбург и Е. Л. Шварцем (Барскова П. Ю. * Что осветило зарево пожара: механизмы и цели блокадного дневникового письма // Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. С. 20—21.

⁵⁴⁴ Ван Баскирк Э., Зорин А. Л. «Записки блокадного человека»: история текста. С. 546—547.

лях и экспрессах. Как она поедет на грузовике по Ладожскому озеру и в теплушке по серии пересадок, неделями, в мороз? А клизмы, а стул ее, слабость, нервы, уже раз перенесенное воспаление легких, а ее 82 года? Нет, о поездке нечего было и думать. <...> Советская провинция, по которой гуляет 75 миллионов беженцев, меня пугала. Приходили известия о провинциальных нормах хлеба (400 гр.), о закрытии коммерческих магазинов, о хлебных очередях с ночи, о нехватках и лишениях, о безумной дороговизне»⁵⁴⁵. Остаться — означало повторение тягот и лишений предыдущей зимы — бомбежки, обстрелы, голод и холод. Отказавшись от обязательной эвакуации, Фрейденберг рисковала потерять работу, а вместе с ней заработок и продовольственное обеспечение. Она приводит в Записках собственное изречение, часто повторяемое М. Л. Тронской, женой И. М. Тронского, также имевшей пожилую мать, которую невозможно было перевозить: «Если мы уедем, я убью маму; если мы останемся, мама убьет меня»⁵⁴⁶. Такая моральная дилемма стояла перед многими ленинградцами, коллегами и друзьями Фрейденберг. Тронские смогли эвакуироваться, когда мать Марии Лазаревны умерла. Гимназическая подруга Фрейденберг Мария Малоземова уехала с сыном после смерти мужа. Другие, эвакуируясь, вынуждены были оставлять своих пожилых родителей или немощных родственников⁵⁴⁷.

С другой стороны, отъезду препятствовала нерасторжимая связь Фрейденберг с домом и городом, неразрывное единство с которым своей сестры отмечал еще Пастернак⁵⁴⁸. В предисловии к публикации мемуаров Фрейденберг о революциях 1917 года Брагинская называет ее «человеком Февраля и Петербурга», и с последним она была связана теснейшими «узами верности и преданности»⁵⁴⁹. Город имел для нее огромное значение. Это видно по письмам к Марку Лившицу: в 1911 году она интересуется его мнением об обеих столицах как коренного петербуржца, переехавшего в Москву, сообщает о Берлине и немецком курорте, но с тоской по

---

⁵⁴⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 9 об.—10.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 9 об.

⁵⁴⁷ Фрейденберг писала, что своих матерей в Ленинграде оставили С. Г. Бархударов и В. М. Жирмунский (Тетр. 13. Л. 8 об., 91). Тронские также тяжело переживали отъезд: «Марья Лазаревна кипела, но не могла переливаться через край, т. к. ее мать лежала на смертном одре. Была видна борьба в Тронских, борьба душевных и моральных сил: они жаждали отъезда, — следовательно, эпилога матери, — и не смели, не могли додумывать этой страшной мысли» (Там же. Л. 8). См. также: Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде 1941—1942 гг. Изд. 4-е. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 300—306.

⁵⁴⁸ В письмах 1910-е годов Фрейденберг и ее отец олицетворяют для поэта Петербург: «И вот, я решил перевоспитать свое сознание <...> — для того, чтобы быть ближе к «Петербургу», «после Петербурга... с проектом коренного «самоперевоспитания» для сближения с классическим миром Оли и ее отца etc.» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 70—71).

⁵⁴⁹ Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 12, 16.

Петербургу, грязному и душному, но близкому и родному: «Я знаю, что любить природу — это очень красиво, и все порядочные люди ее любят. Я же проклинаю ее с утра до вечера. На кой черт мне природа? Что может быть у меня с ней общего, у меня, исчадия города, выросшей в городе, воспринявшей его?»⁵⁵⁰ Она описывает ему Петербург в разные время дня и года: раннее утро, предсумеречный час, зима, весна, Пасха, холодное лето, осень, дождливый день: «Как я рада, что снова в Питере! С какой радостью я въехала! Стоял густой туман, шел дождь, было серо и сыро. Но так хорошо! Насколько скверно это в Москве, настолько все это идет Петербургу. И потом: 8 1/2 ч. утра, а Невский полон людьми, трамваи тоже, и всюду движение, движение!»⁵⁵¹ Вернувшись домой из Швеции в начале Первой мировой войны, Фрейденберг не изменила городу, когда он был переименован в Петроград, она продолжала называть его Петербургом и больше надолго не покидала. Он останется для нее Петербургом и после революции, даже осенью 1948 года, когда она приступила к воспоминаниям о времени учебы и научной молодости, называет свою *alma mater* «Петербургский Университет»⁵⁵², где оба слова — с прописной буквы, противопоставляя нынешнему, совсем другому, университету. А Ленинградом Фрейденберг стала называть город только в блокаду⁵⁵³, отчасти повинаясь языку военных сводок. В письме к И. И. Иоффе от 18 июня 1942 года она, как и в письмах Марку Лившицу, описывает погоду и свои впечатления от города, объединяясь с выжившими горожанами, — «мы, ленинградцы»: «Уже в апреле город был совершенно очищен и блистал красотой. <...> Стояла сияющая блистательная весна. Город начали восстанавливать очень энергично и любовно; через месяц он полностью возродился. Волненьем сердца и ума откликались мы, ленинградцы, на первый трамвай, первые потоки водопровода. У нас было сердцебиение, когда лед раковины обратился в воду и провалился вниз. И эта пустая раковина была пережита в космическом плане, как торжество жизни и человека... Все учреждения опять стали правильно функционировать, улицы наполнились людьми, лица посвежели. Опухших больше нет. Весь город был взят в столовые на усиленное питание. Город чист, опрятен, сияет красотой. Никогда он не был так прекрасен! Воздух, с отъездом учреждений типа нашего, очистился химически и морально; листва яркая; солнце перемежается с летними свежими дождями; тепло, прекрасно, мило. Все пророчества об эпидемиях оказались вздором. Город здоров и красив. Чего же Вам еще?»⁵⁵⁴

---

⁵⁵⁰ Письмо к М. С. Лившицу, [май 1911], Баденвейлер (Архив О. М. Фрейденберг).

⁵⁵¹ Письмо М. С. Лившицу от 22 марта 1914 г. (Там же).

⁵⁵² Воспоминания этой части начинаются со слов: «Я поступила в Петербургский Университет» (Тетр. 3. Л. 1).

⁵⁵³ Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 16.

⁵⁵⁴ Архив О. М. Фрейденберг.

Угроза городу и его жителям со стороны немцев была не первой в жизни Фрейденберг. 21 августа (3 сентября) 1917 года оставленная русскими войсками Рига открывала путь немецкой армии на Петроград, что вызвало подготовку к эвакуации правительственных учреждений и массовое бегство населения. Она снова описывает осенний город в письме Марку Лившицу, но теперь уже он в ожидании немецкого наступления: «А Петербург царственен, как всегда. С него уже почти содрали порфиру и, пожалуй, никогда не оденут ею обратно, — но не в людских силах Гинденбурга⁵⁵⁵ или Чхеидзе⁵⁵⁶ изменить его величественную осеннюю омраченность. Дни холодные, тяжелые и серые, небо сплошное — темное, сады холодные, спокойные и зеленые последними густыми красками. Скоро поднимется ветер, листья высохнут и пожелтеют, начнет волноваться Нева»⁵⁵⁷. А гимназической подруге Татьяне Компанец буквально через несколько дней, 3 сентября, пишет, как выглядит бегство из Петербурга: «Ужасное, ни с чем не сравнимое чувство: все уезжают, все медленно скатывается и уплывает... Столица, мозг государства, центр России, — и все скатывается, оголяется, пустеет... Как Мертвый Брюгге⁵⁵⁸, как легендарная страна мертвых вод, Петербург замирает и уходит в неведомое. До ужаса жутко, когда все вокруг уезжают, знакомые, чужие; ведомства, организации... Звонок по телефону. И эти уезжают. Сундуки: уезжают. Соседи, прохожие: уезжают. И жутко ждешь дня, когда эта лавина соскользнет окончательно, и у окна придется смотреть в пустую улицу и черные зияющие окна соседних домов. И будет сознание неотвратимой гибели и смертельного одиночества. Страшные дни!»⁵⁵⁹

Тогда, после революций и при угрозе наступления то германской армии в 1917-м, то Н. Н. Юденича в 1919-м среди голода, разрухи и обысков Фрейденберг не желала отъезда⁵⁶⁰,

---

⁵⁵⁵ Гинденбург Пауль фон (1847–1934) — прусский генерал-фельдмаршал, во время Первой мировой войны главнокомандующий на Восточном фронте, с 1916 г. — начальник Генерального штаба, впоследствии ставший рейхспрезидентом Германии.

⁵⁵⁶ Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926), российско-грузинский государственный и политический деятель, глава фракции меньшевиков 4-й Государственной думы, председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (27 фев. (12 марта) — 6 (19) сент. 1917).

⁵⁵⁷ Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 148.

⁵⁵⁸ «Мертвый Брюгге» — повесть бельгийского писателя Жоржа Роденбаха (1855—1898). Опубликовано в 1892 году, переведена на русский в 1910-м. Город Брюгге, где разворачивается сюжет повести, в былые времена именовался «Северной Венецией», а ныне служит иллюстрацией декаданса.

⁵⁵⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 43.

⁵⁶⁰ «...но я предпочла бы для своих родителей гибель на родном пепелище, чем старость на задворках России, бездомную и холодную старость. В конце концов, чаша жизни если еще и не испита мною, то только потому, что она ничем меня не прельщает; и я открыто смотрю в глаза пожарам, разбою, голоду и снарядам, готовая спокойно встретить любой эпилог полупрочитанной повести». (Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 148).

хотя отец настаивал ⁵⁶¹. Она писала, что он потерял состояние, вернее, ту материальную стабильность и устроенность, которую нажил с превеликим трудом и теперь все это было разрушено ⁵⁶². Фрейденберг не жалела вещей тогда, ведь не она их наживала, и уезжать, когда она уже училась в университете и ее жизнь только-только начала обретать смысл, не хотела. В послевоенных Записках, комментируя попытки отца спасти имущество, она рассказывала, как в ожидании прихода немцев или Юденича ее отец в панике отправил к родственникам в Ригу все столовое серебро, и оно, разумеется, по дороге пропало. Но те безделушки, что сама Фрейденберг привозила и дарила матери из зарубежных поездок, то есть не столько «имущество», сколько памятные вещи, она отправить не дала, отец спрятал его под рамой ванны, и оно было много позже случайно найдено матерью — «уцелело и в революции, и в войне, и в осаде» ⁵⁶³. Отец, потерявший все, «убитый гибелью России, опустившийся и жаждавший уничтоженья» ⁵⁶⁴, умер в августе 1920 году от рака пищевода, сопровождавшегося пищевым и душевным расстройством в голодном и холодном Петрограде. Тогда, впрочем, семье много помогал старший брат Фрейденберг, имевший доступ к снабжению ⁵⁶⁵.

В ситуации блокады история повторялась. Вопрос эвакуации впервые встал перед Фрейденбергом еще в начале июля 1941-го, и ответ ее был однозначно отрицателен, как и в 1917—1919 годах. Переезд в незнакомое место 82-летней матери, слом бытовых условий, которые окружали ее столько лет, неизвестность на новом месте, тяжесть пути и т. п. — все это казалось невыносимым ⁵⁶⁶. Кроме того, уже имелся негативный пример: с конца июня шла эвакуация детей без родителей, начавшаяся без должной подготовки, сопровождавшаяся неразберихой, неорганизованностью и неподготовленностью (эвакуировали в том числе в места, впоследствии

---

⁵⁶¹ Видимо, отъезд обсуждался неоднократно, потому что в письме от 3 сентября 1917 года Пастернакам М. Ф. Фрейденберг пишет, что на семейном совете было решено пока не уезжать, так как есть запасы продовольствия и дров, а эвакуация и бегство сулят только неустроенность и неизвестность: «И как бросить родное пепелище, весь этот домашний скarb, накопленный десятилетиями? И на какие такие средства жить в каком-нибудь эдаком Харькове, Твери, Полтаве, Томске или где угодно?»

⁵⁶² См. также письмо М. Ф. Фрейденберга Л. О. Пастернаку от 1 января 1920 г. (Архив О. М. Фрейденберг).

⁵⁶³ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 43—43 об.

⁵⁶⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 16.

⁵⁶⁵ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 195.

⁵⁶⁶ Фрейденберг писала об этом своем решении в письме к Пастернаку от 12 июля (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 240) и в Записках, описывая визит И. М. Тронского и его разговор об эвакуации университета (Тетр. 12. Л. 10—10 об.).

занятые немцами)⁵⁶⁷, которая стала для населения «пугалом» и, увидев ее результаты, «весь город трепетно хотел оставаться»⁵⁶⁸.

Но после тягот первой блокадной зимы и болезни Фрейденберг отъезд для нее уже не казался невероятным. Начался мучительный процесс выбора — уехать или остаться. «Стоял вопрос об отъезде. Это было начало мучительной загадки, которую я, как и многие другие, разгадывала потом в течение всей осады, но так еще не разгадала и сегодня, 5-го мая, в обществе одного уложенного чемодана»⁵⁶⁹. Далее по месяцам Фрейденберг описывает подготовку города к штурму («ждали немца к вечеру, к утру, к полудню»⁵⁷⁰), противовоздушную оборону, дежурства на чердаках, казарменное положение для работников различных предприятий, в том числе университета, рытье окопов, зашивание окон деревом от бомб и осколков («Хмурый, молчаливый был город; слышно было гулкое приколачиванье досок; Петербург клали в гроб»⁵⁷¹), занятия в университете, похожем то ли на эвакупункт, то ли на бюро по найму, занимавшееся распределением и отправкой на рытье окопов и дежурства⁵⁷², и при этом увеличение числа защит диссертаций для повышения академического статуса, чтобы избежать обязательных работ и для эвакуации, которая сперва рассматривалась как высшее благо⁵⁷³. Постепенно ухудшалось снабжение, случился пожар на Бадаевских складах, закрывались коммерческие лавки, талоны, голод... Фрейденберг фиксирует усиление налетов и обстрелов (в качестве примера тяжелого дня — 14 ноября⁵⁷⁴), сосредоточение окружающих людей на отъезде: «Сколько менялось планов и ситуаций! То ехали, то не ехали. То университет эвакуировался, то нет. Академия сегодня уезжала, завтра оставалась. Все говорили только об этом. Звонили, волновались, ловили слухи, изучали лица начальников, встречались, поддерживали связь целыми группами. Возникали и лопались проекты. Искали пеших путей и шоферов, бегали за разрешением, добывали автомобильные знакомства»⁵⁷⁵. Осенью Фрейденберг не хотела рассматривать отъезд, чтобы не расставаться

---

⁵⁶⁷ См., например: Асташкин Д. Ю. Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / [отв. ред. Ю. З. Кантор]. М.: РОССПЭН, 2019. С. 119—144; Его же. Гибель ленинградских детей при эвакуации из Ленинградской области: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 года // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2019. Вып. 18 (28). С. 275—284.

⁵⁶⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 9 об.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 8 об.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 11 об.

⁵⁷¹ Там же. Л. 22 об.

⁵⁷² Там же. Л. 30 об., 31 об.

⁵⁷³ Там же. Л. 33—34.

⁵⁷⁴ Там же. Л. 56 об.—57.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 29.

с любимым человеком, С. Г. Бархударовым, но уехал и он. Фрейденберг пережила тяжелый кризис, но это не подтолкнуло ее к отъезду: «Что мне остается? Жить! Да, жить: влачить пустые дни, сидеть и покрываться морщинами. Дрожать в пролетах лестниц. Прятаться за капитальными стенами. Ходить в кооператив. Я плакала горячими слезами: зачем мне комната? эти вещи, где он сидел? Мои платья? Мое лицо? Моя жизнь? <...> Кризис прошел. Отныне я вступала в новую фазу жизни, жестоко пустую, с вырванным корнем счастья. Я была опустошена, умерщвлена и спокойна»⁵⁷⁶.

Первый официальный разговор об эвакуации состоялся в конце ноября: ректор предложил группе профессоров, в число которых входила Фрейденберг, улететь в Казань, а оттуда в Елабугу, где был организован филиал университета, но она снова не решилась подвергать мать опасности переезда⁵⁷⁷.

Пережив самые тяжелые месяцы — декабрь и январь, в феврале Фрейденберг вновь столкнулась с необходимостью эвакуации. Университетские эшелоны были назначены на 9, 15, 23 февраля и 10 марта, но 9 и 15 февраля они не ушли. В этом месяце профессорам стали выдавать академический паек как раз, когда консервы, скопленные для брата, стали подходить к концу. В Записках снова и снова повторяется вопрос: «Ехать или не ехать?»⁵⁷⁸

К 23 февраля, узнав, что будет особый профессорский эшелон, Фрейденберг, наконец, решилась, но так и не смогла собраться и осталась в Ленинграде: «Вот уже день кончается, а у меня нет ни энергии, ни сил приступить к перевороту своей жизни. Далеко от меня казалась самая мысль об отъезде. Я не могла ее освоить, подпустить к себе на близкое расстояние. За ней нужно было гнаться, как за лисицей, и насильно тащить ее в свое сознание. С самого начала и до этого часа интуиция говорила мне, что я никуда не уеду, и моя жизнь вступит в новую фазу, не схожую с этой, и что кафедра, университет, академическая служба рухнут, — во всяком случае, нынешние их формы, насквозь прогнившие»⁵⁷⁹.

Администрация университета согласилась оставить Фрейденберг по уважительной причине, но до 1 мая она должна была уехать в Саратов. После отъезда эшелона Фрейденберг слегла с цингой и пролежала весь март, пока с трудом раздобытый друзьями витамин С не вернул ее к жизни. Возобновившиеся с начала апреля налеты снова подняли вопрос об отъезде: «Воздушный налет вызвал в нас горячее и настойчивое стремление к эвакуации. Итак, я на ногах; морозы меньше; уехать, уехать из этого города смерти! Ожить! Почувствовать радость надежд! Иметь

---

⁵⁷⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 50 об.

⁵⁷⁷ «Опять была внутренняя борьба, опять советы с Марьей Лазаревной [Тронской. — Н. К.] (у которой была старая мать), опять волна друзей, будораживших паническими разговорами и настроенными» (Там же. Л. 57 об.).

⁵⁷⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 8 об., л. 15, 15 об.

⁵⁷⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 17 об.—18.

право любить, а не проклинать, солнце и синее небо! — Я вытаскиваю чемоданы»⁵⁸⁰. Но 6 апреля приходит предписание от проректора ЛГУ выехать, т. е. «сломать» жизнь, через два дня — 8 апреля. «Бумажка Моргена [проректор ЛГУ, курирующий остающиеся службы университета и эвакуацию] снова взволновала нас: ехать или не ехать? <...> Без конца мы пересматривали этот вопрос. Здесь — явная гибель. А там? Письма, которые приходили из-за рубежа блокады, говорили о кошмарной дороге („то, что мы пережили в пути, знаем только мы“), о сверхчеловеческой дороговизне, об усиливающемся голоде, о мученьях с жильем, с топливом, с освещением. Провинция была переполнена беженцами, и она страдала ненавистью к ним; местное население видело в беженцах причину нехваток еды и дороговизны. Им грубили, обращались хамски. Крестьяне были завалены вещами; нужно было и здесь обменивать вещи на продукты, но требовались уже драгоценности или то, чего у беженцев не могло быть»⁵⁸¹. Но Фрейденберг ехала бы не в неизвестность, а на готовую работу с жильем, столовой и жалованием.

Столь же мучительно трудный, как и вопрос собственно отъезда, был вопрос: что взять с собой? «Вещами я не дорожила. Давно я хотела продать столовую и лишние шкафы. Но я никак не могла расстаться навсегда с потрепанными книжками, с дешевыми полками и картинами, со всем тем, что составляет часть моего духовного облика. <...>. Что я могла спасти при эвакуации? Не считая бытовых вещей, свои готовые работы. Их было много, чемодан. Но я теряла дух, их создающий, книги, тексты, душу свою, — мою комнату, мое уединение, мой тихий и молчаливый мир, который рос со мной с детства. Это не были настоящие вещи, научные книги, оригиналы картин... <...> Вещь я любила свою, но не чужую; из этого складывался и мой собственный стиль, лишенный претензии стилизации. Дворянская мебель, — красное дерево, желтая карельская береза, — не шла ко мне, и я к ней не шла. Но Пушкин в рваном копеечном издании, Тургенев к «Ниве», мой детский синий Гоголь, спутник моей жизни — Мопассан, мои заграничные кожаные книжки, вазочки мои из Италии, — нет, я не могла изменить им с картошкой и литром

---

⁵⁸⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 51 об.—52.

⁵⁸¹ Там же. Л. 54—54 об. 8 апреля выехать уже никто не смог, так как путь по Ладожскому озеру стал опасен, и эвакуация была временно прекращена. Подробнее об эвакуации, тяготах дороги и условиях жизни эвакуированных см.: Вы, наверное, из Ленинграда?: дневники эвакуированных из блокадного города. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2023. 358, [1] с.: ил.; Фролов М. И. Заболеваемость и смертность эвакуированных по пути от Ленинграда до Костромы // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Гл. 3. С. 81—97; Ломагин Н. А. Трагическое уравнение: к вопросу об эвакуации, снабжении и смертности в Ленинграде 1941—1942 гг. // Вы, наверное, из Ленинграда?. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2023. С. 14—28; Павловский А. Ф. Сценарий выживания в эпоху катастроф: о чем говорят дневники эвакуированных из блокадного Ленинграда (1941—1945) // Там же. С. 29—70.

молока! И я распаковала чемодан»⁵⁸². Она вновь не смогла даже приступить к перевороту и слову жизни и снова отказалась от эвакуации.

С 15 апреля Фрейденберг поправилась настолько, что смогла выходить из дома. Но в мае мать жаловалась, что недоедает, консервов не хочет, и Фрейденберг снова стала задумываться об отъезде, но теперь уже, чтобы спасти и накормить мать: «Чтоб спасти маму, оставалось одно: уехать. Я хотела оставить ее здесь, чтоб не губить дорогой. Но если ее тянуло к отъезду и если здесь она начинала таять, то не нужно ли ее увезти за зону и там начать кормить?»⁵⁸³

В университете она получила продовольственную карточку на июнь, поскольку последний университетский эшелон так и не отправился, и решила готовиться к отъезду: «Я решаюсь ехать. <...> Да, я решаюсь уехать, отвезти заветные вещи в забронированную и обворованную Мотину [Марка Лившица. — *Н. К.*] комнату. Нужно распродаваться. Собираться в дорогу, прощаться... <...> Да, уезжать... Прощаться... С былой своей жизнью — со своей дорогой комнатой, где я любила и плакала — со своей душой в вещах — с этой тетрадью — 27 мая 1942»⁵⁸⁴. По всей видимости, это дата окончания записей, начатых 3 мая. То есть первая блокадная тетрадь и большая часть второй (суммарно более 150 рукописных листов) написаны за очень короткое время — пока созревало и было принято решение покинуть город. Она как бы «прописывает» это решение, письменно обдумывает и приходит к обоснованию его необходимости.

Осенью 1942 года Фрейденберг описывает свою научную работу во время блокады: «Все слабей становилась моя ночная умственная работа. Я не умела работать одной головой и продумывать свои положения. Мне нужно было писать и побольше заглушать дискурсивную мысль, отдаваясь потоку интуиции. Иногда счастливые мысли озаряли меня, но чаще они бились и обнажали падение моих умственных сил. Я работала над мыслью о религии; выносила ведра, боролась с бытом и увлекала душу проблемами драмы, особенно пролога. С приходом настоящей зимы замерзли, однако, и пальцы, и мысли, и ночи, и все мое существование»⁵⁸⁵. Много позже, когда Фрейденберг рассказывала о своих первых научных работах, она писала примерно о том же: «Мой научный стаж родился в тот день, когда я села над разлинованной бумагой, обмакнула в чернила перо и надписала: „Фамирид“»⁵⁸⁶; «Я не умела научно работать. Но то, как я начинала исследование, объективно определило всю мою будущую технику. Я рыла матерьял, не боясь

---

⁵⁸² Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 55—55 об. В этом отрывке, несомненно, написанном единовременно Фрейденберг повторяет, в начале — кратко и в конце — более развернуто, те вещи, с которыми она не может расстаться, повторением закрепляя их важность.

⁵⁸³ Там же. Л. 72.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 72 об.

⁵⁸⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 14. Л. 79 об.

⁵⁸⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 47.

никаких пределов или табу, и шла не от мысли к матерьялу, а от матерьяла к мысли»⁵⁸⁷; «Я села писать. Тут впервые я увидела, что я слепая, но прозреваю в акте писанья. Стояла зима. Помню, в первом трепете писанья я вставала, выходила на мороз, не в состоянии перенести груз великих озарений, ударявших в мою жизнь»⁵⁸⁸.

Таким образом, можно предположить, что блокадные записи были мотивированы проблемой эвакуации из Ленинграда, которая потребовала принципиального решения именно в мае 1942-го. Фрейденберг допустила мысль, что может покинуть Ленинград ради матери летом, когда погода благоприятна, и Анна Осиповна хочет и готова ехать, а вероятность выживания в эвакуации обеих выше, чем жизнь в Ленинграде предстоящей зимой, но теперь вставал другой, не менее важный для нее, вопрос: с чем уехать, что взять с собой? В блокадных тетрадях она проговаривала, прописывала, творила свое решение, колебалась, отменяла и вновь возвращалась к отъезду, отбору вещей и принятию невозможного: «Я хотела сделать отбор книг, но ранила себя. Все они — различные части души, разные эпохи духовной биографии. Невозможно бросить Гамлета, продать „Тристан и Изольду“, подарить Байрона. Вчера знакомый, агитирующий за мой отъезд, мне сказал: „Вы уже никогда не сможете достать книги, протянув руку к вашему столу. Но вы спасете жизнь“. Я думаю, можно сказать и наоборот: „Я не спасу жизни, но, протянув руку, я на своем столе найду мою душу“»⁵⁸⁹.

Фрейденберг снова не уехала с очередным эшелоном 8 июня, потому что не успела собраться и продать ненужные вещи, но возобновила работу над «Лекциями по теории фольклора»⁵⁹⁰: «Я безостановочно работаю над „Лекциями“. В процессе писанья вырисовался, наконец, антиэволюционный принцип, над которым я билась свыше 20 лет, не умея его выразить. <...> Многое надо продумать. — Мысль об отъезде отпала, как чуждое»⁵⁹¹.

Но возникает новое искушение: на 20 июня намечен эшелон Академии наук, и проректор прислал уполномоченного факультета, чтобы убедить Фрейденберг эвакуироваться. Она в очередной раз принимается отбирать вещи, но, прочитав противоречивые письма уехавших⁵⁹²,

---

⁵⁸⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 48.

⁵⁸⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 5. Л. 11 об.

⁵⁸⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 73 об.—74.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 82 об.

⁵⁹¹ Там же. Л. 87.

⁵⁹² Фрейденберг приводит в Записках короткие выдержки из писем своих коллег, устроившихся сносно и уже работающих и ведущих занятия, и письмо своей гимназической подруги Марии Малоземовой: «Никуда не уезжай <...>! Береги свой дом, без дома нет жизни. То есть ни одной минуты не могу представить тебя с матерью, даже одну тебя в условиях этого крестного пути, даже если это будут классные вагоны. Это совершенно невыносимо. И кроме того, мы без дома, как без родины — мы не люди, грош нам цена» (Тетр. 14. Л. 95).

снова решает остаться, сожалея и радуясь одновременно: «С меня сваливался груз. На время я облегченно вздыхала. Отъезд по-прежнему внушал мне ужас. Я не могла представить себе в тех условиях маму. Провести 2—3 недели в дороге с нашими желудками, без клизм, казалось мне просто нереальным. Я не допускала возможности возврата в лоно Рифтиных и Гуковских. Это был давно пережитый тяжелый сон. И я не могла, казалось мне, пережить утраты своего угла, своего мира, своей вещной души» ⁵⁹³.

Тем временем началась массовая эвакуация, включающая стариков, инвалидов, матерей с детьми. Предписание выехать в три дня 3 июля получила и Анна Осиповна ⁵⁹⁴. Оставался еще один эшелон Академии наук, назначенный на 12 июля, и Фрейденберг снова сортирует вещи для отъезда, укладывает, перекладывает, переставляет: «Все вещи, до самой ничтожной и маленькой, проходили через мои руки. Вставало и кланялось детство. Оживал отец, Саша разговаривал со мной. <...> Я из последних сил боролась с океаном хлама и воспоминаний. <...> Было бесконечно жаль по-прежнему своего угла и мира своих живых вещей. Никогда раньше я не ожидала, что так вросла в мир своего душевного уединенья, называемый вещами» ⁵⁹⁵. Поезд, в который Фрейденберг с матерью с трудом погрузились вместе с вещами, надолго остановился еще в пределах города, и она, не выдержав антисанитарных условий на первом же этапе пути, а возможно, повинувшись внутреннему нежеланию уезжать, вернулась домой, получив справку о болезни ⁵⁹⁶.

Последняя попытка уехать была предпринята в августе, когда эвакуация уже стала спадать. Последний эшелон Академии наук отправлялся 20 августа, с ним уезжали трое последних, задержавшихся по разным причинам, университетских профессоров. Фрейденберг записалась, снова отобрала и уложила вещи, чтобы утром дня отъезда принять окончательное решение остаться в городе: «Утром я проснулась прежней, старой собой, человеком громкого императивного инстинкта, во всеоружьи подчинения этому спокойному и смелому призыву. Как плащ, упал с меня гипноз последнего года, и эти колебанья, и маятник решений и перемен путей. Один

---

⁵⁹³ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 101.

⁵⁹⁴ Бумага на имя А. О. Фрейденберг от Комиссии по эвакуации Куйбышевского района с обязательством выехать «вместе со своими детьми» сохранилась в архиве О. М. Фрейденберг.

⁵⁹⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 14. Л. 4.

⁵⁹⁶ «Я с необычайной настойчивостью приняла решение вернуться. Тут было все: сознание варварских условий передвижения, ужас при мысли о мамином желудке (спрыгнуть с подножек или взобраться на руках она не могла бы), желание любой ценой достичь уборной и постели ... Я была больна; но я была и здорова в той мере, чтоб принять решение под предлогом болезни» (Тетр. 14. Л. 16). Поезд, по свидетельству Фрейденберг, простоял в этом месте четверо суток. С этим поездом уезжал также И. И. Толстой с семьей. Из-за антисанитарных условий они в дороге заболели дизентерией, и его жена, С. В. Меликова-Толстая, ранее перенесшая инсульт, скончалась в Казани. См.: Толстая Л. И. Блокада... блокада... — для всех одна — и для каждого её пережившего, своя // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. СПб.: Наука, 2005. С. 306—307.

он был снова, этот путь жизни, — моей жизни; он был один и един. <...> Нет, назад к себе. А там, у себя, все ясно: не изменять желанию остаться; не допускать разгрома и разлуки с внутренним миром в вещах, в оседлости, в уединении, в верности вкусам; там — смелость, надежда, страстная вера в жизнь и в страхование наукой, вера в добро и в светлый душевный угол. В то утро я согласилась взять на себя свою жизнь и отвечать за нее» ⁵⁹⁷.

В промежутках между попытками эвакуации Фрейденберг прервала Записки. Но через три месяца, примерно в середине сентября 1942 года, к ним вернулась: описывает свои колебания, неудачный отъезд в июле и окончательное решение остаться, хотя неопределенность собственного статуса после эвакуации университета, отсутствие продуктов, память о зимних смертях и моральное разложение горожан внушали ей ужас. С этого момента основная тема Записок посвящена обострившимся отношениям с матерью ⁵⁹⁸ — «осаде» внутри семьи, причиной чему, с одной стороны, послужило решение остаться в Ленинграде и получить все последствия жизни в блокадном городе, с другой — переоценкой всей своей жизни и материнского влияния: «Я не прощала ее вмешательства в интимный мир моей любви и моего счастья. Я не прощала ей тирании, с какой она разрушала все здание моей внутренней жизни. Она вторгалась в любовь и воевала с человеком, которого мне послало величайшее в мире милосердие; она не поняла значения для меня этой любви и этой встречи, — она не понимала и не замечала меня самой. Мелкая, холодная, ходячая мораль заслонила ей глаза — мораль сплетни и дворовой бабы. Она вторгалась в мои дружбы и воинственно становилась между мною и моими друзьями. Она подтачивала мою науку, сделав меня прислугой. Свои привычки и быт она освящала высшей святостью, принося им в жертву мое я со всем его былым богатством. Я хотела этого не помнить, и не могла» ⁵⁹⁹. Глубокий анализ негативного влияния матери на жизнь опрокидывался чувствами сострадания к старому и беспомощному, но самому близкому и любимому человеку, тревогой за ее здоровье и осознанием своего, как она считала, преступления перед матерью и ответственности за это ⁶⁰⁰. Постоянно переоценивая мать, себя и их взаимоотношения Фрейденберг

---

⁵⁹⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 14. Л. 34—35.

⁵⁹⁸ «Моя мысль постоянно работала над взаимоотношениями с матерью. Я думала об этом днем и ночью, на улице, в очередях, за всякой работой и роздыхом. Я не могла с этим жить» (Тетр. 15. Л. 30 об.).

⁵⁹⁹ Там же. Л. 30.

⁶⁰⁰ «Анализ, сам по себе точный, отпал. Нет, не точной механикой судится сердце! Есть другие мерила и методы, более верные своей человечностью. Я была больна. Слепа. Какая страшная происходила в моем голодном мозгу работа! <...> Сползла пелена — и мама опять со мной. Вот ее цельный образ, ощущение ее, как ощущаешь холод и жар в теле. <...> Я почувствовала, что без матери для меня нет ни свободы, ни внешнего всего мира, с его землей, небом, с домом и книгами, с наукой и счастьем. В ней, через нее существовала я. Все беды своей собственной натуры, характер Хоны [И. Г. Франк-Камеицкий. — *Н. К.*], всю свою жизненную судьбу я сводила к ней одной,

пришла к выводу, что любая характеристика человека лжива и не может охватить всего многообразия, но самых «близких людей нужно отделять и уединять», а вынужденное совместное проживание усугубляет сосуществование людей, столь различных по характеру. Она внутренне примирилась с матерью: «Величайшая радость, большая, чем примиренье, проникла в мое сердце. Я была счастлива, что не опоздала. Я еще могла поспеть. Да, мне есть за что благодарить жизнь. <...> Она дала мне внутреннюю силу увидеть себя самое, прочесть свое сердце, — а остальное произошло само собой» ⁶⁰¹. Она описывает свой быт, подготовку ко второй блокадной зиме, страдания от недоедания, постоянные ссоры и укоры матери, при всех жизненных неудачах повторяющей: «Ты на это шла!» ⁶⁰² Фрейденберг обивала пороги кабинетов различных чиновников, блокадных «вельмож желудка», добиваясь карточки первой категории ⁶⁰³, а после ее девальвации — литерного пайка, продавала свои вещи в комиссионных магазинах и на рынке, пыталась зарабатывать хлеб (в буквальном смысле) преподаванием, читать лекции в воинских частях, где хорошо кормили, устраивалась на работу в архив ⁶⁰⁴ и позже читала лекции по античной литературе в Педагогическом институте им. Герцена ⁶⁰⁵.

25 ноября 1943 года Анна Осиповна перенесла инсульт и уже не поднялась ⁶⁰⁶. Но характер изменился — ушла ожесточенность и раздражительность: «...она воскресала не той, что была в блокаду, а прежней собой, той нежной, мягкой, бесконечно светлой и дорогой матерью, образ которой я когда-то призывала в борьбе с ожесточенным больным человеком, ее двойником. Что могло вывести нас из этой преисподней, куда загнал человека кровавый спрут? — Только катастрофа. Только полное перерождение. И вот мы его проходили. <...> О, как я была благодарна

как и она все до мелочей — ко мне. Это была страшная, но внезапно открывшая мне свое значение, форма нашей большой любви (Фрейденберг О. М. Тетр. 16. Л. 3).

⁶⁰¹ Там же. Л. 6 об.—7.

⁶⁰² «Решительно во всем конечной причиной всегда была я. Разбивала ли она что-нибудь, теряла ли, дымила ли плита, даже был ли мороз на дворе — в конечном счете все возводилось ко мне. За все дурное, за все ошибки, за мировую и русскую катастрофы была ответственна я. И этот мотив с утра до вечера утомлял, мял мою душу и нервы» (Там же. Л. 48 об.).

⁶⁰³ Право на академический паек, эквивалентный рабочей карточке, по которой полагалась самая большая выдача продуктов, Фрейденберг утратила, так как была уволена из университета как не уехавшая в эвакуацию.

⁶⁰⁴ С июля по ноябрь 1943 года Фрейденберг работала в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) руководителем группы по составлению сборника «Культурная работа ленинградских женщин в условиях блокады». См.: ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 41. Д. 15.

⁶⁰⁵ В архиве Фрейденберг сохранилась справка о работе в Педагогическом университете им. А. Н. Герцена в должности профессора кафедры западной литературы с 15 октября 1943 по 31 июля 1944 года.

⁶⁰⁶ Болезни и смерти матери посвящены 19 и 20 тетради блокадных Записок.

жизни, что не опоздала! Мама была жива и в полном сознании, когда я еще успела стать мысленно перед ней на колени и поцеловать ее бедные ноги»⁶⁰⁷.

В декабре у Анны Осиповны появились боли, от которых она ужасно страдала, потом случился второй инсульт, и, несмотря на лечение и самоотверженный уход дочери⁶⁰⁸, скончалась 9 апреля 1944 года. Блокадные тетради Фрейденберг закончила 1 мая описанием смерти и похорон матери, чьи жизнь, страдания и гибель в блокаду на всю оставшуюся жизнь остались в ее душе незаживающей раной.

Другим важнейшим блокадным опытом стало для Фрейденберг, как это ни странно, чувство освобождения, которое она ощутила с отъездом университета. К началу войны она подошла опустошенной и измученной всей предыдущей жизнью. Не блокада открыла для нее сущность советского режима, она поняла и осознала ее значительно раньше. В 1936 году была конфискована «Поэтика сюжета и жанра», и хотя книгу удалось отстоять, и Фрейденберг не оказалась в тюрьме, ее уже больше не печатали, за исключением крошечных тезисов и статей в университетских бюллетенях⁶⁰⁹. Летом 1937-го была арестована жена брата, затем и сам брат. В конце 1939-го в своей «конспективной записи» Фрейденберг высказывается о власти с ненавистью и отчаянием: «Зима, затемнение. (Меня выбрали в избирательную комиссию, и я наблюдала, как подтасовываются голоса; впрочем, это всем безразлично). Финская война, я всецело на стороне героического народа. Позорно числиться русским. Возвращаются некоторые жертвы Ежова. Мы дружим с немцами. Моральная тошнота. Издохнет ли когда-нибудь этот спрут, залитый кровью и слезами? Ему только 60 лет!»⁶¹⁰

Разочарованием в академическом окружении, в своих научных работах переполнено письмо Фрейденберг, весной 1940 года адресованное Поляковой, лечившейся от туберкулеза в санатории: «Я страшно мучусь, что не на кого оставить маму и поехать покататься на лодке Харона. Рядом с этой актуальной темой меня ничто больше не интересует. Наука моя угасла. Мой единственный пафос — передать Вам свою бор-машинку и щипцы, увидеть Вас на ногах и за работой. Ваша болезнь лишает меня и этого. Я пишу „описание“. Мои последние работы вялы

---

⁶⁰⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 19. Л. 8 об., 9 об.

⁶⁰⁸ Состояние матери и уход за ней Фрейденберг подробно описывает в письмах к С. В. Поляковой (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 77. Л. 27—27 об.) и Пастернаку (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 266—267).

⁶⁰⁹ См. п. 1.1, с. 29, 1.2.1, с. 59.

⁶¹⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 11. Л. 45. Фрейденберг в тетради, написанной в 1949 году, цитирует свои довоенные записи.

и бездарны. Я доказываю вздор, парадоксы, которые никогда ни один наборщик не наберет. <...> Кому это все нужно — не знаю; не мне, во всяком случае. Но черт с ним, со всем!»⁶¹¹

Начало войны Фрейденберг воспринимает не так, как большинство ее друзей и коллег. Она, безусловно, понимает, что война принесет бедствия и разрушения, хотя их масштаб и ужас неведом, но возврата в душную довоенную действительность не желает, полагая, что катастрофа принесет обновление: «Часто приходилось слышать: „Если б проснуться... Если б это оказался тяжелый сон... Если б вернулась прежняя жизнь...“ Как ни было тяжело, я не хотела возврата. О, эти страшные дни жизни-подземелья, духовной руины, гнета, удушенья, властительства Рифтиных и Жирмунских, Мещаниновых и Пиксановых. Нет, катастрофа — так катастрофа! Самая разъяренная гроза легче переживается, чем маленькое предательство. Великие страсти, которые несла война, означали перелом и безвозвратность смердевшей трясины. Шли героические дни, и великая катастрофа ложилась горнилом. Вот почему в такой трудно передаваемой связи суживались муки настоящего с облегчением»⁶¹².

Среди голода, смерти, налетов и обстрелов Фрейденберг возвращается к научной работе. Осенью 1941-го она заканчивает «Гомеровские сравнения», в 1941—1943 годах записывает «Лекции по теории фольклора», в 1942—1944 годах — «Комическое до комедии». В условиях блокады, когда в любой момент можно погибнуть, а публикаций все равно не предвидится, нет смысла следовать идеологическим требованиям, ссылаться на Марра или классиков марксизма: «Свободно и освобожденно я записывала свои нереальные лекции, синтезируя весь свой научный путь, все свои мысли и готовые работы. Я освобождалась от гнета реальных условий, от изнасилованного Маркса и насилия Марром. Пиши, что хочешь! Думай, как думается! И вот опять я погружаюсь в физику и возвращаюсь к философии»⁶¹³.

Ощущение свободы позволяло острее воспринимать действительность войны и блокады и теоретически осмысливать не только истоки советского, но и других тоталитарных режимов: «Греция и Рим, думала я, вся их история полна борьбой за свободу человека. Англия, Франция, Германия! История этих народов есть история освобождения личности. Но Египет и Вавилон, но Иудея, Индия, Россия, азиатские народы и славяне: их история в основном знает национальную борьбу, но не борьбу за освобождение человека. Крепостное право, монгольский плен, самодержавие, тирания. Это не путь для истории личности. Социализм впервые боролся против национализма, за человека. Но крушение неправильной внешней политики, при таком же крахе

---

⁶¹¹ Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 330.

⁶¹² Фрейденберг О. М. Тетр. 12. Л. 17—17 об.

⁶¹³ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 84.

внутренней, снова вернули к лозунгам национальной борьбы. И на этом же регрессивном пути стояла и Германия с ее крайней враждой к человеку»⁶¹⁴.

Блокадный опыт Л. Я. Гинзбург — противоположный. Она была разочарована в европейском индивидуализме, а ее творческие возможности не были востребованы обществом и государством в 1930-е настолько, насколько она в этом нуждалась, и, выживая в блокаду и участвуя в коллективной работе по спасению города вместе с другими горожанами, она получила возможность найти «оправдание той „крайней и грубой форме“, в которой государство предъявило требования своим гражданам поверить в осмысленность истории» и «завоевать социальную применимость»⁶¹⁵.

3.2.3. «Воспоминания о самой себе» — послевоенные записи

В 1944 году из эвакуации вернулся университет, и Фрейденберг была восстановлена в должности заведующей кафедрой. Возвратились и ученицы — Галеркина и Полякова. Чистякова, приехавшая раньше, уже занималась с Фрейденберг на дому. Работу Поляковой и Галеркиной над диссертациями прервала война, и теперь они торопились их закончить и представить на защиту.

Первая послевоенная тетрадь Записок начата 26 июня 1945 года — прошло больше года после смерти матери. Фрейденберг описывает свой изменившийся внешний вид. Она переродилась и внутренне: жизнь пуста и мертва, и единственное, что может ее оживить, — мысль о смерти⁶¹⁶. «Мне было тяжело возвращаться к этим запискам. Они связывались у меня с записью о маме, в блокаду, в преисподней, где бились наши совести против законов физиологии. Но я к ним вернулась, готовая преодолеть самые кровоточащие травмы, чтоб только донести до чернил и бумаги рассказ о сталинских днях. Это — мой посильный протест против удушения человека. И вдруг эти записки принесли мне чарующее наслаждение. Я попала в имагинарный мир, от которого пахло теми днями, ушедшими навсегда, похороненными. <...> И, возобновляя записки, я иллюзорно вижу себя за столом в блокаду, с мамой, живыми. Мне кажется, что это те дни. Что я нашла себя. Что я говорю ей и с нею об этом годе нашей страшной разлуки. Что святое пространство, к которому я обращаюсь, и эта абсолютная форма одиночества — это «мы» опять, чистейшая лирика, метафизическое общение будущего с прошедшим. <...> Я не могу писать писем, и люди меня тяготят. А эти записки я пишу врасос. Это мой трамплин к матери»⁶¹⁷.

---

⁶¹⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 53 об.—54.

⁶¹⁵ Зорин А. Л. «Доделать и обеспечить сохранность» // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека / Лидия Гинзбург. М.: Новое изд-во, 2011. С. 537—538.

⁶¹⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 21. Л. 2.

⁶¹⁷ Там же. Л. 13—13 об., 16 об.

Одинокая жизнь, безрадостный послеблокадный быт, возвращение университета, неуместно пышное празднование его 220-летия, встреча с иностранной делегацией, восстановление в университете и т. д. — вот темы, затронутые в Записках, пока Фрейденберг их не оборвала, исписав двадцать листов самодельной тетради, сшитой из бланков 15-й государственной типографии, в которой в последние годы жизни работал отец. В следующий раз она вернется к Запискам спустя почти полных два года, 19 июня 1947 года.

Все это время она обдумывала, стоит ли жить дальше и как жить. Особое значение приобретает ее переписка с Пастернаком, в которой тема творчества становится приоритетной ⁶¹⁸. Для Пастернака оно осознавалось как спасение от жизненных невзгод, от смерти и забвения ⁶¹⁹. 31 мая 1945 года он потерял горячо любимого отца, который служил для него примером и в творческой, и в повседневной жизни. Зимой Пастернак написал ему письмо, приложенное к изданиям собственных переводов Шекспира, где попытался обобщить значение его жизни и дарования для собственного творческого пути ⁶²⁰. Сестре о смерти Леонида Осиповича он сообщил в письме от 21 июня. Вероятно, эта шокирующая новость, повлияла на ее решение вернуться к Запискам. Писем Фрейденберг за весь этот год не сохранилось, но первая послевоенная тетрадь Записок начата 26 июня. В 1947 году она описала свое состояние после известия о смерти дяди: «Я пережила эту последнюю утрату кратко, но очень тяжело. Теперь от мамы уже ничего не осталось, кроме меня. С проклятьем я думала о стране, в которой сын не имел права переписываться с отцом, отец с детьми. И мы расстались на расстоянии молча» ⁶²¹.

Сходными оказались и жизненные обстоятельства. У Фрейденберг — возвращение университета из эвакуации, восстановление в должности и защиты диссертаций ученицами, сопровождавшиеся сложными и неприятными взаимоотношениями на кафедре, знаменитое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и начало идеологических кампаний. Пастернак же

---

⁶¹⁸ Микурова П. Л., Матвеева И. И. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930—1940-х гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2 (34). С. 50—57.

⁶¹⁹ «А твои слова о бессмертии — в самую точку! Это — тема или главное настроение моей нынешней прозы» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 282). На титульном листе первых глав романа, писавшихся в декабре — январе 1945—1946 гг. рукой Пастернака написано: «Смерти не будет», а ниже приведен эпиграф из «Откровения Иоанна Богослова» (21,4), ставший источником названия (Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 374—375).

⁶²⁰ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 277. Это письмо отцу, как следует из дальнейшего переписки до адресата не дошло.

⁶²¹ Там же. С. 278. Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 1.

подвергся травле за «отрыв от народа» ⁶²². Все это почти одновременно заставило обоих задуматься о том, как им жить в сложившихся условиях.

13 октября 1946 года Пастернак сообщил Фрейденберг о начале работы над романом: «Я уже говорил тебе, что начал писать большой роман в прозе. Собственно, это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного как, в идеале, у Диккенса или Достоевского, — эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. <...> Это все так важно и краска так впопад ложится в задуманные очертания, что я не протяну и года, если в течение его не будет жить и расти это мое перевоплощение, в которое с почти физической определенностью переселились какие-то мои внутренности и частицы нервов» ⁶²³.

Фрейденберг ответила глубоким анализом его предисловия к шекспировским трагедиям ⁶²⁴: «Что-то есть в этом от протокола истории. Твои мысли о Шекспире выглядят, как документ из архива бессмертия, хранящегося, разумеется, в рукописном виде. Теперь уже печатные буквы — нечто проходящее и несовершенное. Стертая машинка куда красноречивей и громче. Она перекричит все радио и литографии», — и словами, в которых угадывается и ее выход из критического состояния: «Не раз я тебе писала, что моя жизнь есть только прохождение через время. Я приспособилась к далекому путешествию, уселась, приобрела навыки опытного истопника, которого уже не пугает количество километров. Что делать! Я осталась жить» ⁶²⁵.

Примерно в это время она получила из Публичной библиотеки письмо с предложением передать свой архив «...рукописи, письма, заметки, материалы к биографии, записки и т. д., а также фотографии. „Любые из этих материалов по Вашему указанию могут быть опечатаны и не будут никому выдаваться до установленного Вами срока“. <...> Отныне я имела цель жизни: жить для смерти! Срочно готовить архив» ⁶²⁶.

При этом Фрейденберг видит архив гораздо шире, чем собрание бумаг, сохранившихся о жизни какого-либо человека: «Можно себе представить, как меня подняло и воодушевило это предложение! Чувство истории, как объективного процесса, всегда говорило во мне с огромной силой. Здесь лежала моя уверенная вера, абсолютное мое преклонение перед объективным надчеловеческим процессом, — мой, если угодно, матерьялизм, для которого единая челове-

---

⁶²² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 408, прим. 16; Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 380.

⁶²³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 286—287.

⁶²⁴ «Замечания к переводам шекспировских трагедий» Бориса Пастернака тогда не были опубликованы.

⁶²⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 289.

⁶²⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 26. Л. 3 об.

ческая жизнь составляла составную часть всего сущего. Я говорю не об историографии, этой жалкой науке, а об истории, как мировом процессе. Здесь ничто не бывает презрено или забыто. Это абсолютная жизнь бытия и небытия, выражающаяся в вечной изменчивости. Рай, который строили народы, бессмертие, „тот свет“ — это все существует, но его зовут не небом, не парадизом, не вальгаллой, а историей. Обмануть ее невозможно, сколько бы ни фальсифицировались документы и ни искажались или утаивались факты; это можно обмануть только историографию. Не раз я слышала от друзей: „Этого никто никогда не узнает! Все источники будут подделаны, все следы преступлений скрыты. Никогда не узнает история нашей жизни!“» ⁶²⁷.

Фрейденберг напомнила Пастернаку о Бетховене, как, оглохнув, он продолжал сочинять музыку, «продолжал осуществлять человеческое значение» ⁶²⁸. Этот образ она использовала случайно, он уже появлялся в Записках 1945 года, где тогдашнее свое состояние человека, утратившего смысл жизни и науки, противопоставляет ему: «Бетховен, оглохнув, продолжал творить звучание звуков. Когда дух жив, даже оглохший может создавать звонкие сочетания. Но разум, глаза, руки бессильны, когда сердце пусто» ⁶²⁹. В следующий раз о Бетховене она услышала по радио в 1947-м накануне своего дня рождения, «как он оглох, но не сдавался»: «Больше я не понимала, почему оглохший гений звучанья должен был не сдаваться, и почему это считалось идеалом. А если б он плюнул в глаза палача — жизни, это котировалось бы обывателями ниже? Вдруг я услышала фразу: „Бетховен, несмотря на свои страдания, осуществлял человеческое значение“. Я остановилась, потрясенная. Да, так говорит в рупор чистое пространство. Это я поняла. Это не добродетель, не сила жизни, а гордость человека. Он идет своим путем. Он остается собой, не глядя ни на что. Я делаю свое дело, так, как понимаю его. Остальное меня не касается. Бей меня в грудь. Я продолжаю быть человеком» ⁶³⁰. Но Фрейденберг чувствовала неспособность творить и «глухоту» внутри себя, и, лишь размышляя о своем будущем архиве, она поняла, что означает для нее образ Бетховена: композитор, сочиняющий музыку, которую не может слышать, подобен ученому, продолжающему заниматься наукой, хотя его наука в этом государстве и обществе не нужна, работы не будут напечатаны или прочитаны и сам он будет предан забвению ⁶³¹: «Я оглядывалась на путь своей семьи. Все, в чем я жила, принадлежало ей. И я думала: вот прошли такие незаурядные, большие люди, как мой отец, мама. Ничего, кроме меня, от них не осталось. Но они создали для меня все, в чем я живу, — чтоб потом в моем лице ликвидировалась их жизнь и отвещественное в материальных предметах все их трудовое достояние.

⁶²⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 26. Л. 4.

⁶²⁸ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 302.

⁶²⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 21. Л. 8 об.

⁶³⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 20.

⁶³¹ Подзаголовок последней монографии, «Образ и понятие», — «Немые лекции».

И я ликвидирую и ликвидируюсь. Это единственный смысл моих нынешних дней. Но в них и огромный пафос. Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах. По-видимому, история в том и заключается, чтоб люди жили и исчезали, подобно Бетховену, „осуществляя человеческое значенье“»⁶³².

Фрейденберг воодушевлена обретенным смыслом жизни, и по окончании безрадостного учебного года собиралась съездить к Пастернаку в Переделкино. Но не поехала⁶³³. 19 июня 1947 года она вернулась к Запискам, к тетради, начатой в 1945-м, и заново описала события после смерти матери, на этот раз доведя повествование до 5 августа 1947 года, не трогая предыдущего текста, но вдохновляясь новым смыслом работы. Записки возобновляются не только как «трамплин к матери», не только как протест «против удушения человека», но и в первую очередь как реализация собственной творческой потенции.

Эта часть Записок, озаглавленная «Воспоминания о самой себе», включает неполных семь тетрадей (более 260 листов рукописи). Фрейденберг решила, что дальнейшую свою жизнь она описывать не будет: «Моя жизнь окончена. На этом я обрываю ее рукопись. Она может длиться недолго или годы, но это не имеет значения. Ее главный тур прошел полным кругооборотом, и теперь он может либо повторяться, либо варьировать в деталях. Ничего нового или живого уже не может быть, — того, от чего душа растет. Зимой я буду желтеть и топить печку, ждать смерти, писать исследования и записки для архива⁶³⁴, отсчитывать время, видеть сны. Летом я буду загорать, молодеть и рваться из оков к счастью. <...> Я напишу о лирике, о комедии, о прозе. Я изобрету еще не один фейерверк, уложу свою печаль и свои надежды не в одну тетрадь. И потом я умру от кровоизлиянья, быть может в долгом параличе. <...> Записки я прекращаю. Сюжеты, формы, истолкования будут неизменно повторяться»⁶³⁵.

К 5 августа 1947 года написаны три большие части Записок: о детстве и юности, блокаде и послевоенном времени. Фрейденберг занималась их оформлением: дала общее заглавие — «Пробег жизни», оформила титульный лист и краткое вступление, дописала главы о раннем детстве и отредактировала первые 13 глав первой части, назвав ее «Самое главное»⁶³⁶, а также составила оглавление, помещенное в конце последней, 27-й, тетради (Рисунок 13), в которое входят как написанные части с пронумерованными римскими цифрами тетрадями, так и к тому времени

⁶³² Фрейденберг О. М. Тетр. 26. Л. 5—5 об.

⁶³³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 303—305.

⁶³⁴ Возможно, речь идет здесь не о продолжении Записок после этого времени, а о написании на тот момент не написанной второй части Записок, описывающей ее жизнь в 1917—1941 гг.

⁶³⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 10 об. — Л. 14.

⁶³⁶ См. выше п. 3.2.1.

ненаписанная вторая часть — от поступления в университет и до войны, которая в оглавлении названа «Венок из укропа».

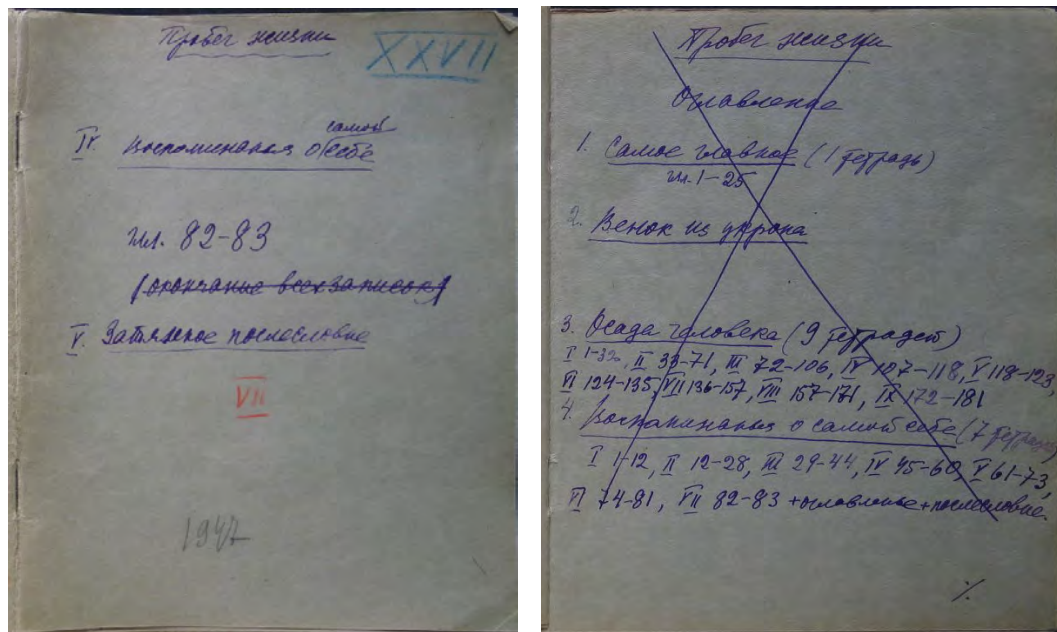

Рисунок 13. Тетрадь 27. Листы 0, 21.

Остаток жизни Фрейденберг решила посвятить дописыванию воспоминаний, завершению научных работ и подготовке архива. На титульном листе тетради 27 после нумерации глав написано: «(окончание всех записок)». Однако впоследствии, когда Записки все-таки были продолжены, эта фраза была вычеркнута, а название новой, пятой, части «Затяжное послесловие» добавлено.

3.2.4. «Послесловие» и «Затяжное послесловие», продолжение Записок

Вопреки собственным утверждениям, спустя полтора месяца, 20 сентября, Фрейденберг вернулась в Запискам, дополнив их «Послесловием» на восьми листах той же, 27-й, тетради, и включила его в оглавление (Рисунок 13, лист 21). Она сообщает, что приготовила место для своего будущего архива, освободив большой сундук: «Все, что называется жизнью, все, для чего человек живет: подъем жизненных сил, надежды, желания, — и это в железном сундуке, с крышкой поверх гроба. Вот она, моя жизнь на полу в коридоре, эти мысли и открытия, мое вдохновение, мой талант! Но и соки во мне, и весь духовный мир с его необозримыми и мощными желаниями также являли меня, как и блеск мыслей»⁶³⁷. И сетует на невыносимую обстановку

⁶³⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 22.

на факультете и невозможность опубликовать даже маленькие тезисы, не держа в голове «политическую полицию»⁶³⁸.

25 октября Фрейденберг возвращается к Запискам и больше не прерывает их до декабря 1950-го⁶³⁹. И хотя этот текст получил название «Затяжное послесловие», он оформлен как новая, пятая, часть Записок: заглавие и номер части были добавлены на титульный лист 27-й тетради и значились на титульном листе 28-й тетради, которая была закончена 14 января 1948 года⁶⁴⁰.

Следующие три тетради, 29—31, названия не имели, на их обложках указан только год (1948), и у них сквозная нумерация глав с 1 по 23⁶⁴¹. Написаны они, по всей видимости, летом 1948-го, в конце 31-й тетради стоит дата: 3 августа 1948 года.

На обложке 32-й тетради значится только дата — «1948», начинается она с октября 1948 года, нумерация глав смешанная⁶⁴². Последняя глава представляет собой дневник по датам⁶⁴³. Тетрадь заканчивается записью от 7 апреля 1949 года.

33-я тетрадь имеет на обложке дату «1949/50» и также представляет собой дневник по месяцам и датам. Согласно авторским указаниям в начале и конце тетради, она охватывает период с конца июля 1949 по май 1950 года, в ней нет деления на главы, фрагменты текста отделяются астериском и прочерком.

На обложке последней, 34-й, тетради написано: «(окончание) 1950»⁶⁴⁴. Здесь также нет глав, фрагменты текста отделяются прочерками, в тексте отсутствуют даты, только в самом

⁶³⁸ «С каким трудом я писала тезисы к сессии! „Бесполоый бог“ — оскорбление нравственности. „Афродита“ — венерический термин. „Аполлоны“ — нельзя множественным числом неуважительно относиться к эллинским богам. „Старый Платон“ — неуважение к Платону» (Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 28).

⁶³⁹ Там же. Л. 29.

⁶⁴⁰ Дата в конце тетради, 14 января 1947 года, проставлена позже и явно ошибочна, поскольку не соответствует описываемым событиям. Также на титульном листе зачеркнут ранее проставленный 1948 год.

⁶⁴¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 29: гл. 1—9, тетр. 30: гл. 9—17, тетр. 31: гл. 17—23.

⁶⁴² Начало не имеет нумерации, вторая и четвертая главы пронумерованы римскими цифрами, третья — арабской.

⁶⁴³ Записи от 19, 22 января, 1, 8 февраля, 1, 5 марта, 3, 6, 7 апреля.

⁶⁴⁴ Паперно считает, что этот «подзаголовок» обозначает окончание всех Записок, но мне представляется, что в данном случае «окончание» со строчной буквы и в скобках при отсутствии заглавия в предыдущих пяти тетрадях не может быть подзаголовком и скорее означает окончание описываемого года или части. Примерно так же была оформлена обложка последней блокадной тетради: «Осада человека. IX (конец). гл. 172—181». С другой стороны, по содержанию это, конечно, итог или эпилог определенного этапа в жизни Фрейденберг, что перекликается с таким же эпилогом в конце «Воспоминаний о самой себе» (Тетр. 27. Л. 10—20): и там и там Фрейденберг говорит о своей смерти, московском Нюрнберге и матери, ср.: «До возмездия я не доживу. Я не увижу московского Нюрнберга, того, о чем так мечтал, во что так верил оскорбленный дух человека и у меня, и у мамы, и у Дювернуа (см. о

конце стоит 10 декабря 1950 года, пять последних листов пусты. Почти все послевоенные тетради — обычные общие советские тетради объемом в 24 или 48 листов ⁶⁴⁵.

Таким образом, после «Затяжного послесловия», пятой части, следуют еще несколько частей, не имеющих названий, определить которые можно, довольно условно, только по оформлению. Шестая часть — с последовательной арабской нумерацией глав: «1948» (тетр. 29—31). Седьмая часть — «1948[1950]», содержащая четыре большие главы со смешанной нумерацией (тетр. 32). Восьмая и последняя часть — две тетради «1949/50» и «(окончание) 1950» ⁶⁴⁶. В этих частях описывается разгром филологического факультета Ленинградского университета и кафедры классической филологии — «филологического застенка» ⁶⁴⁷ — в период идеологических кампаний конца 1940-х и «языковедческой дискуссии» 1950 года: постоянные обследования, проверки, партийные собрания, проработки и травля преподавателей и студентов в «атмосфере клеветы, сплетен, лжи» ⁶⁴⁸. 10 декабря Фрейденберг снова пишет эпилог своей жизни и завершает Записки — зимой 1950 года она тяжело больна, ей предстоит обследование и либо длительное лечение, либо спешное завершение всех своих дел ⁶⁴⁹.

3.2.5. Воспоминания о времени с 1917 по 1941 год: «Венок из укропа»?

За вторую часть Записок, которая в оглавлении 1947 года получила название «Венок из укропа», Фрейденберг долго не могла приняться. Здесь нужно было описать период жизни между поступлением в университет и началом Великой Отечественной войны: получение высшего образования, выбор научного направления, становление как ученого и научная карьера в целом. Причина ясна: тяжело браться за эту тему, когда в настоящем времени разрушаются все достижения. Как раз набирала силу кампания борьбы с космополитизмом, и обстановка на созданной ею кафедре классической филологии, которой исполнилось 15 лет, ухудшалась с каждым днем. И Фрейденберг подво-

---

ней ниже с. 188, прим. 668), и у многих других честных идеалистов, умерших в цепях» (Тетр. 27. Л. 14); «Не знаю, когда и от чего я умру. Но одно знаю, если я буду умирать в сознании, в моих глазах будут стоять два образа — моей матери — и московского Нюрнберга» (Тетр. 34. Л. 19 об.). При этом на титульном листе 27-й тетради под заголовком в скобках прямо написано: «(окончание всех записок)».

⁶⁴⁵ Исключение составляют 27-я тетрадь, сшитая из обложек таких же общих тетрадей, и 34-я — нестандартная тетрадь с яркой оранжевой обложкой.

⁶⁴⁶ Эти части выделены по оформлению не столько титульных листов сколько глав, по содержанию они вполне могут составить одну часть.

⁶⁴⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 32. Л. 2.

⁶⁴⁸ Там же. Л. 3. Подробнее об идеологических кампаниях в Ленинграде см. Дружинин П. А. Идеология и филология. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 2 т.

⁶⁴⁹ См. письмо от 25 декабря 1950 года (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 333—334).

дит неутешительный итог научной карьеры: основные работы не напечатаны, она одинока среди коллег, ученики и студенты разочаровали. Но осенью 1947 года приступает к разбору своего архива и, заканчивая «Затяжное послесловие» в январе 1948-го, сообщает: «Можно эту часть записок закончить. Как в сберегательной кассе, пора «закрыть счет». Эти три года жизни ничего, кроме ликвидаций, мне не дали. Еще ждет меня тяжелая задача, от которой я инстинктивно уклоняюсь. Мне необходимо вызвать из могилы свое прошлое, чтоб заполнить в записках лакуны от поступления в университет до блокады. Мне надлежит воскресить маму, Хону [И. Г. Франк-Каменецкого. — *Н. К.*], страстный путь науки, свои упования! Перевоплотиться в ту, которая любила Б. [С. Г. Бархударова. — *Н. К.*]!»⁶⁵⁰

Следующее упоминание, опять только о замысле, относится к лету 1948-го: «Последняя глава. Даю честное слово тетрадям, что больше этим писательством заниматься не буду. Допишу — и точка. Мне предстоит заполнить лакуну от поступления в Университет и до войны»⁶⁵¹. Но приступает только в октябре: «С каким трудом я села за описание своей научной биографии! Казалось, сил моих — не хватит. Я встала от стола в изнеможении тела и духа. Прошрое мне не дается. Заставить себя войти в него и снова пережить было для меня почти неосуществимо. Впечатлительная, со слишком живым воображеньем, я ходила с переполненным ушедшими образами сердцем, облитая холодным потом, изнуренная противоестественной некромантией»⁶⁵².

Однако, погрузившись в работу, Фрейденберг находит в ней удовлетворение: «...вскоре мир образов осилил меня и искоренил мое в нем присутствие. Мной овладело сладостное ощущение повторной жизни с мамой и с наукой, сновиденье истории. И я нашла в этих записях путь к душевному исцелению. Я приняла решение оставить кафедру и погрузиться в огромную работу по раскопкам прошедшего»⁶⁵³.

В начале 1949 года работа уже закончена: «Прошедший год был для меня почти счастливым, за зиму я написала все свои воспоминанья до последней войны, начав с поступления в университет»⁶⁵⁴. За зиму⁶⁵⁵ Фрейденберг заполнила десять толстых тетрадей текстом объемом почти в 900 рукописных листов и добавила в них многочисленные документы из архива, стихи, переписку, газетные вырезки и т. п., что составляет немногим меньше половины всех Записок!

---

⁶⁵⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 28. Л. 50 об.

⁶⁵¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 31. Л. 20.

⁶⁵² Фрейденберг О. М. Тетр. 32. Л. 2 об.

⁶⁵³ Там же. Л. 2 об.

⁶⁵⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 33. Л. 8—8 об.

⁶⁵⁵ В тексте часто упоминаются даты, например: «...и сейчас, когда я пишу это в 1948 г.», или «Сейчас, когда я пишу о 1925, стоит 1949 год», так что можно примерно датировать каждую тетрадь. Так, тетради 3—5 написаны осенью — зимой 1948 года, тетрадь 6 — в конце 1948 — начале 1949 года, тетради 7—12 — зимой 1949-го.

Этот конспект и подготовительные материалы показывают, что Фрейденберг планировала продолжать Записки, но сделала перерыв. Чем он был вызван? Вероятнее всего, работой над итоговым трудом — монографией «Образ и понятие». «Передо мной грандиозная задача: обобщить весь свой умственный опыт в книгу „Образ и понятие“»⁶⁵⁹, — писала она в тетради 1949—1950 годов и признавалась, что, несмотря на материалы и наработки, пасует перед масштабом задачи, так как душевно утомлена и истощена⁶⁶⁰. После завершения очередной части Записок в декабре 1950-го Фрейденберг намеревалась серьезно заняться здоровьем и приведением в порядок дел. Полностью посвятить себя работе над монографией она смогла уже только после выхода на пенсию⁶⁶¹, получив если не душевный покой, то по меньшей мере свободное время⁶⁶².

3.3. Этапы оформления и структура рукописи мемуарно-дневникового комплекса

Записки, написанные к концу 1950 года, по оформлению можно разделить на восемь частей. При этом общая структура рукописи отражает не только сознательное выделение Фрейденберг определенных периодов в своей жизни, но и время их описания.

Их оформление в единое произведение впервые произошло летом 1947 года, после того как Фрейденберг приняла решение формировать архив и написала послевоенную часть «Воспоминания о самой себе». Был оформлен титульный лист, Записки получили общее название «Пробег жизни», краткое вступление и оглавление, согласно которому они включали три написанные

---

⁶⁵⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 33. Л. 9.

⁶⁶⁰ Среди материалов 1951—1955 гг. сохранилось, возможно, одно из ранних предисловий к «Образу и понятию», датированное 9 мая 1951 г.: «В этой книге я задумала дать итог своих 30-летних наблюдений над античной литературой. Однако, характер этих наблюдений не итоговый, а программный. Они должны были сыграть роль введения к аналитической иллюстрации на конкретных памятниках того, что я здесь обобщаю и намечаю. Такая работа мне уже не под силу. Она требует, как всякая современная научная работа, труда коллектива. Но так как я не имею возможности ни высказать своих мыслей, ни, тем более, руководить коллективом работников, мне остается одно — записать в суммарной форме свои мысли» (Архив О. М. Фрейденберг).

⁶⁶¹ Отдельные главы «Образ и понятия» датированы. Все эти даты в изданиях стоят в конце глав, тогда как в архивной машинописи работы в некоторых главах даты проставлены в начале, что может означать именно начало работы: например, даты «Происхождение наррации» — 2 сентября 1945 года и «Метафора» — 14 января 1951 года находятся в начале глав. Оканчиваются датами главы: «Мим» — 24 мая 1951 года, самой первой, вводной, части «Объяснение к теме» — 19 августа 1954 года, а также последней главы «Трагедия» — 17 мая 1953 года. Такого же типа датировку можно увидеть в монографии о Сафо: в начале работы стоит дата 12 октября 1946 года, а в конце неоконченной монографии — «1946/47» (Архив О. М. Фрейденберг).

⁶⁶² Так же как в 1930-х она предпочла работу над «Поэтикой», «Гесиодом» и организацию кафедры написанию автобиографии, см. выше, с. 150.

к 1947 году части: «I. Самое главное», «III. Осада человека», «IV. Воспоминания о самой себе» и ненаписанную часть «II. Венок из укропа». Внутри каждой части текст был разделен на главы — нумерация арабскими цифрами, новая для каждой части (без названий), — и на тетради — нумерация римскими цифрами ⁶⁶³. Деление на тетради формальное, оно соответствует физическому расположению текста в пределах блокнотов и общих тетрадей, их границы в ряде случаев не совпадают с границами глав.

Тетради «Осады человека» оформлены похожим образом, указаны название части, номера глав конкретной тетради, ее номер римской цифрой в части, обычно проставленный красным карандашом (Рисунок 15а) ⁶⁶⁴. Этот тип оформления был использован и для четвертой части «Воспоминаний о самой себе», но на обложке добавлено общее заглавие Записок — «Пробег жизни», номер части римской цифрой и простым карандашом — описываемый год (Рисунок 15б). Следующая часть — «V. Затяжное послесловие» — уже не содержит общего заглавия всех Записок и, с одной стороны, имеет номер римской цифрой, а с другой — порядковый номер тетради продолжает нумерацию из предыдущей части, то есть не начинается ее заново, как это в предыдущих частях (Рисунок 15в).

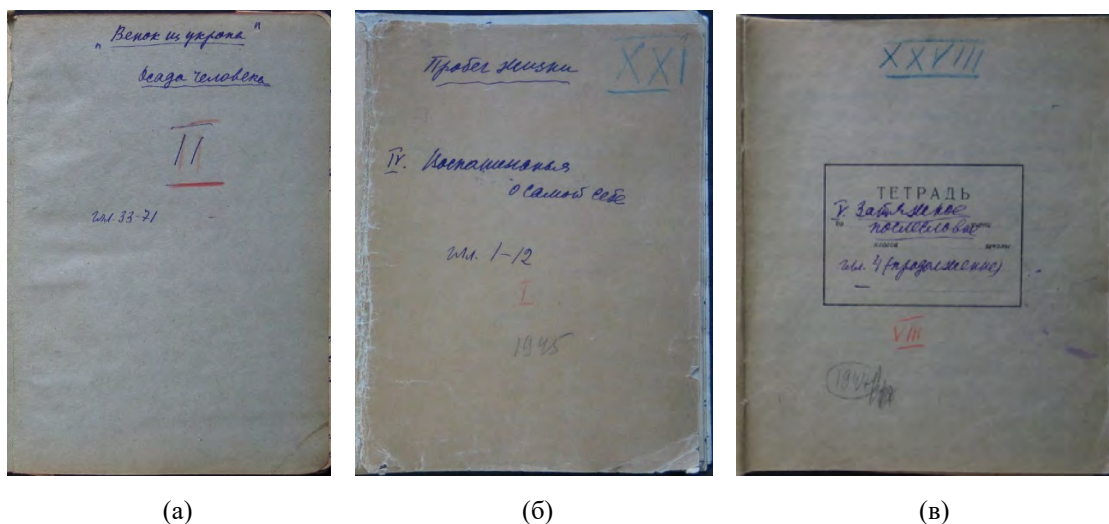

Рисунок 15. Тетради: (а) 13, (б) 21, (в) 28.

В частях, написанных в 1948—1950 годах, оформление упрощается: тетрадь содержит только порядковый номер римской цифрой, проставленный, как правило, синим карандашом на обложках всех тетрадей (видимо, после написания хронологически второй части Записок, то есть не ранее 1949 года), номера глав (отсутствуют в 32—34-й тетрадах) и описываемый год (начинается с пятой тетради). Единственный признак унификации всего мемуарно-дневникового

⁶⁶³ В оглавлении 1947 года части имеют арабскую нумерацию.

⁶⁶⁴ «Венок из укропа» как общее заглавие Записок впервые встречается во второй (13-й) и четвертой (15-й) блокадных тетрадах на обороте их обложек, так как часто это старые блокноты, обложки которых уже ранее были как-то надписаны.

комплекса — порядковые номера тетрадей. Но и в них много исправлений (в 5—10-й тетрадях) и две ошибки: пропущена вторая тетрадь, поэтому для первой тетради при перепечатке на машинке в 1970-х был использован сдвоенный номер «I—II», и есть две тетради с номером «XII» — первая относится к блокадной части (в имеющихся экземплярах машинописи в архиве этот номер указан с вопросительным знаком), вторая — заканчивает вторую часть (в имеющихся экземплярах машинописи она входит в папку с номерами «10—11» или «X, XI, XII», в «Электронном архиве» этой тетради дан номер 12а).

На основе анализа структуры рукописи и оформления тетрадей можно предложить следующую реконструкцию рукописи Записок, включая ненаписанную часть:

Пробег жизни

I. Самое главное. (1 тетрадь).

Тетр. 1[—2].

[Первая глава. Гл. 1—24].

Новая глава. [Гл. 1—16].

Третья глава. [Гл. 1—38].

Война. [Гл. 1—25].

II. [Венок из укропа? (10 тетрадей)].

Тетр. 3. Гл. 1—8.

Тетр. 4. Гл. 8—15.

Тетр. 5. Гл. 16—26.

Тетр. 6. Гл. 26—37.

Тетр. 7. Гл. 38—56. 1926/30⁶⁶⁵.

Тетр. 8. Гл. 56—65. 1932/35.

Тетр. 9. Гл. 65—71. 1934/35.

Тетр. 10. Гл. 71—85. 1935/38.

Тетр. 11. Гл. 86—92. 1937/40.

Тетр. 12а. Гл. 93—95. 1940.

III. Осада человека. (9 тетрадей).

Тетр. 12. I. Гл. 1—32.

Тетр. 13. Венок из укропа. II. Гл. 33—71.

Тетр. 14. III. Гл. 72—106.

Тетр. 15. Венок из укропа. IV. Гл. 107—118.

---

⁶⁶⁵ Даты проставлены Фрейденберг карандашом, вероятно, позже, и не всегда соответствуют датам описываемых событий.

Тетр. 16. V. Гл. 118—123.

Тетр. 17. VI. Гл. 124—135.

Тетр. 18. VII. Гл. 136—157.

Тетр. 19. VIII. Гл. 157—171.

Тетр. 20. IX (конец). Гл. 172—181.

IV. Воспоминания о самой себе. (7 тетрадей).

Тетр. 21. I. Гл. 1—12. 1945.

Тетр. 22. II. Гл. 12—28. 1944.

Тетр. 23. III. Гл. 29—44. 1944.

Тетр. 24. IV. Гл. 45—60. 1946.

Тетр. 25. V. Гл. 61—73. 1946.

Тетр. 26. VI. Гл. 74—81. 1946/47.

Тетр. 27. VII. Гл. 82—83. (~~окончание всех записок~~) 1947. [Послесловие]. V. Затяжное послесловие. [Гл. 1-4]1947.

V. Затяжное послесловие. [(2 тетради)].

Тетр. 28. VIII. Гл. 4 (продолжение)[—21].

[VI.] 1948. [(3 тетради)].

Тетр. 29. Гл. 1—9. 1948.

Тетр. 30. Гл. 9—17. 1948.

Тетр. 31. Гл. 17—23. 1948.

[VII.] 1948. (1 тетрадь)].

Тетр. 32. [октябрь 1948/7 апреля 1950].

[VIII. 1949/50. (2 тетради)].

Тетр. 33. 1949/50.

Тетр. 34. (окончание) 1950.

[IX. После изгнания. 1951—1955, подготовительные материалы].

Таким образом, отсутствие единообразного оформления, общего и частных заглавий в частях, написанных в 1948—1950 годах, и прочее свидетельствует о незавершенности Записок и предполагаемом их продолжении.

3.4. К интерпретации заглавий мемуарно-дневникового комплекса

О наиболее раннем заглавии для Записок — «Юбилей из бумаги», от которого Фрейденберг отказалась на этапе формирования мемуарно-дневникового комплекса в 1947 году, а также

о названии, выбранном для первой части Записок — «Самое главное» — я писала выше ⁶⁶⁶. В перечеркнутом оглавлении 1947 года (Рисунок 13) указаны общее заглавие — «Пробег жизни» — и названия частей: «Венок из укропа», «Осада человека» и «Воспоминания о самой себе». Здесь я рассмотрю историю общих заглавий Записок и предложу их возможную интерпретацию, исходя из смысла и значения всего мемуарно-дневникового комплекса в контексте архива Фрейденберг.

3.4.1. «Венок из укропа»

Название «Венок из укропа» впервые встречается во второй блокадной тетради «Осады человека», 13-й в общей нумерации, где занимает место общего для всех Записок заглавия (Рисунок 15а). Ему дается объяснение в той же тетради, в тексте, написанном, вероятно, 29 мая 1942 года («Сегодня 29 марта» — дата, когда Фрейденберг довела блокадное повествование, начатое 3 мая, до текущих событий и описывала обсуждение отъезда с матерью и очередной с нею ссоры ⁶⁶⁷).

Фрейденберг вспоминает, что недавно к ней приходила Мария Николаевна Дювернуа ⁶⁶⁸, с которой они вместе учились у Жебелева. Мария Николаевна была с ней близка в восприятии мира и биографически. Когда-то еще до войны она потеряла мать, тяжело переживала и начала пить. Фрейденберг помогла ей вернуться к нормальной жизни, дав преподавательскую работу на кафедре. Но теперь Дювернуа выглядела крайне истощенной и вскоре после визита к Фрейденберг умерла. По всей видимости, она приходила прощаться.

Отрывок, объясняющей внезапно появившееся заглавие, довольно обширный, но настолько переполнен смыслами и ассоциациями, рождавшимися непосредственно в процессе письма и отсылающими к различным событиям и периодам в биографии Фрейденберг, что придется его привести целиком, чтобы стала понятна моя интерпретация ⁶⁶⁹:

---

⁶⁶⁶ См. п. 3.2.1, с. 154—155.

⁶⁶⁷ Фрейденберг. Тетр. 13. Л. 76—77.

⁶⁶⁸ Дювернуа М. Н. (1989—1942), дочь Николая Львовича Дювернуа, доктора гражданского права и профессора Петербургского университета, закончила юридический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов (ВЖК) в 1915 году, после чего оставлена на кафедре римского права для «совершенствования в юридических науках». В октябре 1917 года поступила на историко-филологический факультет университета, одновременно работала хранителем Юридического кабинета ВЖК (затем Петроградского-Ленинградского университета) вплоть до 1925 года (ОА СПбГУ. Д. 976), с 1940 года — старший преподаватель на кафедре классических языков и литератур (Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ФФ СПбГУ, 2000. С. 381).

⁶⁶⁹ В публикации блокадных записок в «Минувшем» этот фрагмент выпущен.

«Странное что-то сближало наши биографии в их „канве“. Мы обе родились 15-го марта. Атмосфера детства была одинакова. Куклы и игрушки мы хранили студентками. Ее мать, как мою, звали Анной Осиповной, а в обиходе — Асей. Как она, жила я вдвоем с матерью; как у меня, мать была стороной ее собственной души. Мы одновременно поступили в университет и оказались классиками; обе, серьезные и умные девушки, страстно влюбились в пиясуна Толстого. Жизнь изнутри, духовные пути, внутренняя замкнутость, оценки людей и событий — это все у нас очень походило. Мы доверяли вкусу друг друга. Наконец, наши академические гастроли и ампула официальных лиц были в равной мере временны и незаконны (не „по принадлежности“). — На этой общей канве наши судьбы (у нее и у меня это была одна и та же рука Парки — старой девы, и я верила в фатальность этого тождества даже на ложе любви) вышили различные узоры: Марья Николаевна была на год старше меня, но и в молодости выглядела старой, одевалась и имела все повадки благородной курсистки, жизнь вела в тени, безлюдно, с провинциальными привычками и вкусами; я была на ролях гранд-кокетт, с пышной восточной биографией „умирающих и воскресающих богов“ (как сказала раз Соня [С. В. Полякова. — *Н. К.*]), среди фейерверка провалов и блеска, с экспрессией страстей и творческого зуда.

Она не была увенчана, Марья Николаевна. На моем челе был обогнут венок. Эпоха благосклонной рукой увенчала меня венком из укропа.

И теперь, глядя на М. Н., я думала: „Она вот-вот умрет. Это невероятно! Я не чувствую приближенья смерти, — во мне все еще сильна пена жизни. Но, как в песне о гибели калины и девушки, наши смерти должны произойти одновременно“⁶⁷⁰.

А укроп меняет свою семантику. Его сажали греки на могилах. В советском пантеоне, где лавр венчал главы монографий Жирмунского или Толстого (у него, впрочем, монографий не было, кроме Белого острова), нас с Хоной [И. Г. Франк-Каменецким. — *Н. К.*] жизнь увенчивала только укропом. И в моем заглавии — горечь сарказма.

Сейчас, в голодном Ленинграде, лавровый лист был бы в большой цене, но нет ни соусов, ни хорошего супа. Иное дело — укроп, живой укроп с витамином! Радио с утра ратует о „долге каждого ленинградца иметь свой индивидуальный огород“, „чтоб прокормить себя и свою семью“. За укроп теперь любой ленинградец дает 2000 р., любой ленинградец украдет с огорода и продаст за 20,000 р. свой же или соседа укроп.

Я прохожу мимо скверов и зеленых площадок. Тамара [Т. Н. Петухова. — *Н. К.*] уже срывает здесь крапиву (за нее платят 100 р. и 200 р.), лопух и подорожник, и варит щи и кисели.

---

⁶⁷⁰ Фольклорное отождествление девушки и дерева (калины). См.: «В фольклоре пшеница, жито — это девушка, как и калина; если калина вянет, чернеет — потеря девственности либо смерть» (Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 206).

Я прохожу мимо них. На корточках сидят на земле и роются женщины. Как кошки недавно, в поисках целебных трав. Как куры. Сидят свободные гражданки социалистического общества и роют, ищут, щиплют.

Что дала бы сейчас Тамара, если б вокруг ее головы лег укроп!

Никакой лавр или мирт не звучат сейчас такой благодарностью судьбе, как укроп с собственного пожизненного огорода...»⁶⁷¹

Сначала Фрейденберг, рассуждая о внешней схожести личной и академической своей и Дювернуа судьбы, пишет о последней, что она не была увенчана, а у Фрейденберг был «венок из укропа», которым ее «благодарно» увенчала эпоха. Далее речь идет о могильном значении укропа в древности, о том, что в блокадном городе он стал символом жизни (свежая зелень и витамины), и противопоставление лавру — сушеной специи, которую нельзя вырастить в Ленинграде. Лавр используется для приготовления супов и соусов (изысканной пищи), которая в такое время непопулярна, да и невозможна. Кому нужны в военное время смертей, болезней и разрушений изысканные специи? Нужна простая питательная пища, насыщенная витаминами, например зелень укропа, петрушки, крапива, лопухи и подорожник, которую можно легко вырастить и употребить в пищу. Венок из лавра с общеизвестным значением награды победителю, который в советской реальности был отдан публиковавшим работы коллегам Фрейденберг, противопоставлен венку из укропа — растения, которое мало значило в довоенной действительности, но теперь, в условиях блокады, ценится невероятно высоко. Мысль понятная и довольно подробно объяснена самой Фрейденберг. Однако то, что Фрейденберг находит такое, казалось бы, неожиданное применение укропу и противопоставляет венку из «живого укропа с витаминами» венку из лавра, требует развернутых пояснений. И тогда станут понятны и смысл названия, которое Фрейденберг хотела дать не только блокадным тетрадям, но и предполагаемой мемуарной части Записок, связанной со своей научной биографией (1917—1941), и причины вероятного отказа от него.

Дословно о «венке из укропа» говорится в лирике Сафо:

σὺ δὲ στεφάνοις, ὦ Δίκα, πέρθεσθ' ἐράτοις φόβοισιν

ὄρπακας ἀνήτω συναέρραισ' ἀπάλαισι χέρσιν⁶⁷².

(Венком охвати, Дика моя, волны кудрей прекрасных.

Нарви для венка нежной рукой свежих укропа веток⁶⁷³).

⁶⁷¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 78 об. — 80.

⁶⁷² Poetarum Lesbiorum fragmenta / ed. E. Lobel and D. L. Page, Oxford: Clarendon Press, 1955. P. 57, Fr. 81b. То же. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/anthology/poetry/browse.html?text_id=304 (дата обращения: 15.06.2023). Благодарю Н. В. Брагинскую за указанный фрагмент.

⁶⁷³ Сафо. [Фрагм.] 18 / пер. В. Вересаева // Полное собрание сочинений / В. В. Вересаев. М.: Недра, 1929. Т. 10. С. 171.

Сафо в творчестве Фрейденберг упоминается еще в «Поэтике сюжета жанра»⁶⁷⁴ в главах о семантике акта говорения и о женской лирике в связи с женскими хорами и их предводительницами — поэтессами, обслуживающими женские культы (преимущественно Афродиту). Тема греческой лирики, в том числе Сафо, продолжена в неоконченной монографии «Происхождение литературного описания» (1939—1941)⁶⁷⁵. Фрейденберг критически откликается на статью Толстого о Сафо⁶⁷⁶ в письме к Поляковой в 1940 году⁶⁷⁷ и ей же в 1941-м советует работать над диссертационной темой о Сафо⁶⁷⁸. После войны Фрейденберг вернулась к теме греческой лирики и в 1946—1947 годах работала над монографией о Сафо⁶⁷⁹, где фрагмент 81b с венком из укропа (у нее он указан в другой нумерации — 80) разобран более подробно и дополняет и поясняет образ, в блокадных тетрадах лишь намеченный. Только здесь это переведено не как укроп, а как анис⁶⁸⁰:

«Один образ неотделим от другого. Память, слава, цветы, источник, сладостные песни, хороводы Муз и Харит.

Этот особый мир, где царствует красота, где протекают тихо журчащие источники, куда спускаются богини любви, прелести и пения, мир собирания цветов, плетения красивых венков, благоуханья, умаживаний ароматным мирром, женский мир хороводов и воздушных одежд —

---

⁶⁷⁴ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 120, 255—256.

⁶⁷⁵ Фрейденберг О. М. Происхождение литературного описания; Фрагмент / публ. и примеч. Н. Костенко при участии Н. Брагинской // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: IKRiBL im. F. Karpińskiego. С. 28—84.

⁶⁷⁶ Толстой И. И. Сафо и тематика ее песен // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 46. С. 20—31.

⁶⁷⁷ Фрейденберг О. М. Письма 1911—1940 // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 330—331.

⁶⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 77. Л. 12—13. Утвержденная в аспирантуре тема диссертации Поляковой носила название «К истории греческого эпоса» (ОАСПбГУ. Ф. 562. Св. 56. Д. 1494. Л. 16 об.), в 1945 году она защитила диссертацию «Семантика образности античного исторического эпоса».

⁶⁷⁹ Фрейденберг О. М. Сафо: к происхождению греческой лирики. 238 л. (Архив О. М. Фрейденберг). Монография не была ни закончена, ни опубликована. Из всего исследования о греческой лирике, задуманного еще во время войны, Фрейденберг смогла опубликовать в 1946 г. краткие тезисы доклада «Происхождение греческой лирики» (1946), и в 1949 году статью «Сафо», представлявшую собой резюме монографии (1949), подробнее об этих работах и публикациях см. п. 2.2.1, с. 106, прим. 389. Она также зачитывала главы монографии о Сафо на научных сессиях университета, пытаясь хотя бы таким образом обнародовать результаты исследований, например доклад «98 и 27а фрагменты Сафо», зачитанный 11 ноября 1947 года (см.: Надэль Б. И. Кафедра классической филологии ЛГУ // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 180).

⁶⁸⁰ Этимология греческого слова, встречающегося в разных диалектных формах — ἀνῆθον, ἄνηθον, ἄνητον и др. — неясна, имеются разные версии его негреческого происхождения, и разные словари переводят его либо только укропом (как, например, Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий. М.: ГИС, 1958. Т. 1. С. 147, либо и укропом, и анисом. Подробнее см.: LSJ — Ancient Greek dictionaries. 2013—2022. URL: <https://lsj.gr/wiki/ἀνῆθον> (дата обращения: 18.09.2025).

составляет и тематику Сафо, и ее неизменный сценарий и, так сказать, ту систему, в которой функционируют все ее песенные образы.

Достаточно сказать, что цветы, венки, травы, листва, находятся в пятнадцати фрагментах Сафо, изданных одним Дилем, уже не говоря о папирусных находках (fr. 2, 5, 55 а, 57, 58, 66, 73, 80, 93, 96, 98, 111, 117, 127, 152). В одних песнях девы собирают цветы, в других сплетают из цветов венки, но в третьих сами уподобляются траве (fr. 2), или «золотым цветам» (fr. 152), или плющу (с которым сравнивается жених — fr. 127), а то даже не уподобляются, но носят эпитеты цветов („розоватые“ Хариты, fr. 57); во fr. 58 „цветы“ оказываются поэзией и славой („пиерийские розы“). Это не просто быт. Южная реальная природа могла порождать растительность и цветы, но она давала возможность реалистически воспринимать те образы растительности и цветов, которые играли в мифе роль и персонажа, и атрибута, и метафоры.

Запах „меда“ и анис встречаются у Сафо не единожды. Благоуханья, — ароматы ладана ли, меда, мирра, — носят типично сафический характер. <...>. Но они имеют прямое семантическое отношение к описаниям природы, выросшим из образа гиерос гамоса [священного брака] космических сил. Это показывают и Ивик, и XIV песня Илиады, и fr. 98 Сафо.

В непосредственной смысловой близости к разбираемому папирусному отрывку находится и fr. 80 [81b] <...>: „Ты же, о Дика, обейми венками прелестные волосы, сорвав нежными руками побеги аниса. Ведь блаженные Хариты ... лучше взирают на благоуханное (благоцветущее), а от неувенчанных отворачиваются“. Судя по словам, сопровождающим этот отрывок у Афиней (Сафо „объявляет, что для богов гораздо приятней и благоуханней, чтоб приносящие жертву были увенчаны“, Ath. 674 е), Дика представляется совершающей жертвоприношение, точнее, той, которой предстоит жертвоприношение совершить. Слова Сафо, таким образом, не поэтическое обобщение; они конкретно направлены на один определенный случай. Можно догадаться, какое жертвоприношение и кому совершает Дика. Из только что разобранных папирусных отрывков, рисующих райскую природу, видно, что там царствует Киприда, что на алтарях там совершаются воскурения. Яркие цветы покрывают там луга, или, как сказал бы fr. 98, пашни; среди этих цветов назван один медо-пахнущий анис. Из этого аниса должна нарвать себе цветов Дика. Хариты, которые отворачиваются от не увенчанных во время жертвоприношения, конкретные богини, здесь же присутствующие. Благоухающие алтари связаны с ними, как и с Кипридой. Они водят здесь, в утопическом саду, свои хороводы, поют и пляшут. Вместе с Пейто и Эросом они сопровождают Афродиту. Они подруги Времен Года, Гор, в которых воплощаются эти луга и пашни, цветы, эти анисы и мелилоты, розы и гиацинты. <...>

Пляски и хороводы на лугу, пир богов, благоухающие алтари: это не утопия «вообще», а определенные оргии в честь Афродиты, богини человеческого и растительного плодородия. Спустившись в быт, они стали брачными обрядами»⁶⁸¹.

Таким образом, венок из укропа (аниса), то есть свежей, благоухающей зелени, собранный среди райской природы и венчающий прекрасные волосы спутницы Афродиты, является мифологическим воплощением торжества жизни и производительных сил природы. Но этот образ в заглавии Фрейденберг не «спускается в быт», описывая различные аспекты любовные отношений, как это может показаться на первый взгляд. Речь идет скорее о творчестве и творческой состоятельности. Так, Дювернуа, как тогда и Фрейденберг, была влюблена в университетского преподавателя греческого языка И. И. Толстого, занималась в семинарии Жебелева, а затем преподавала на кафедре классической филологии, но уже «в молодости выглядела старой, жизнь вела в тени, безлюдно», то есть была прекрасно образованным и глубоко порядочным человеком с несчастной судьбой, также она, по мысли Фрейденберг, не состоялась и в научном творчестве, не оставила значимых научных работ — «не была увенчана» талантом и теперь обречена смерти. Фрейденберг же на «ролях гранд-кокетт, с пышной восточной биографией „умирающих и воскресающих богов“ <...>, среди фейерверка провалов и блеска, с экспрессией страстей и творческого зуда»⁶⁸², то есть полная жизненной и творческой энергией, воспряла после неминуемой смерти (войны и блокады) и тяжелой болезни (цинги) и готова жить и творить дальше.

Именно такой смысл — творческой производительности — имеет в виду Фрейденберг, говоря о венке из укропа для себя и своего друга и коллеги И. Г. Франк-Каменецкого, хотя их связывали и любовные отношения. Она противопоставляет свое и Франк-Каменецкого нереализованное научное творчество, живую мысль (свежую зеленую растительность, символизирующую плодородие — венок из укропа) сухим, формальным, пусть и опубликованным, монографиям признанных в советской науке, то есть увенчанных лаврами, коллег.

В Древней Греции победителей состязаний увенчивали не только лавровыми, но и венками из мирта, сельдерея (например, победителей Истмийских (классический период) и Немейских игр) и других растений. Однако в европейской культуре именно лавровый венок остался символом победителей. Мне не удалось обнаружить сведений, что укроп в Древней Греции высаживался на могилах или был символом смерти, но таковым растением точно был сельдерей⁶⁸³.

⁶⁸¹ Фрейденберг О. М. Сафо: к происхождению греческой лирики. Л. 184—188 (Архив О. М. Фрейденберг).

⁶⁸² Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 79.

⁶⁸³ «Воины решили, что это дурной знак: ведь сельдереем мы обыкновенно увенчиваем надгробные памятники. Отсюда и пословица: о тяжело больном говорят, что ему нужен сельдерей» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 308). Благодарю Н. В. Брагинскую за указанную цитату.

Возможно, Фрейденберг укропом называет обобщенно всякую свежую полезную зелень, стоящую баснословных денег в блокадном Ленинграде.

«Венок из укропа» появилось на титульных листах второй и четвертой блокадных тетрадей, вероятно, как предполагаемое общее заглавие для всех Записок (Рисунок 15а), а затем только в оглавлении 1947 года, где закрепляется за второй, на тот момент еще не написанной, частью мемуаров — о времени между поступлением в университет и началом войны. Венок из укропа, по мысли Фрейденберг, альтернативен лавровому: если последний — символ официального признания и вечной жизни в памяти потомков, то первый — смерть и забвение в будущем. Называя таким образом научную автобиографию, она дает ей оценку и подводит итог.

3.4.2. «Пробег жизни»

Название «Пробег жизни» ни в тексте записок, ни в других документах Фрейденберг никак не объясняется и не комментируется. Может быть, потому что смысл лежит на поверхности и в пояснении для филолога-классика не нуждается. Это почти буквальный перевод *curriculum vitae* — ход, бег жизни⁶⁸⁴, в академическом мире означающий краткое описание жизни, образования, мест работы и профессиональных навыков.

Но сам образ — жизнь как бег — появился еще до поступления Фрейденберг в университет, то есть до начала академической карьеры. «Пробег» встречается в письме к Пастернаку от 28 июня 1912 года, где Фрейденберг вспоминает об их встрече во Франкфурте, случившейся несколькими днями раньше: «Ах, это было такое тяжелое, тяжелое время, когда приходилось вырастать в несколько дней, иногда часов, и видеть, как от этого уменьшается то, что казалось большим. Это радость изменчивости, движения вперед и роста всегда сопровождалась горечью большего одиночества. Некоторые люди были для меня станциями; я их видела издали, знала, что они далеко от меня, и не скоро я до них доеду. Я даже не верила в то, чтоб можно было поравняться с ними; и тогда они служили мне, как нечто путеводное, как то, к чему надо идти. Потом — сильное движение вперед, невероятное напряжение этой силы — и оказалось, что станции мною проеханы, и я даже не стояла на них. Тогда мною овладевала непередаваемая тоска; не хватало самодовольства, чтобы опьяняться своим пробегом, и только сознавалось одиночество уже сверх нормы — злое, упорное. <...> Во мне необыкновенный запас самоуверенности и упорства; я всегда могу расчесть все свои пробелы и расстояние до человека, стоящего надо мной, но и сама умею смотреть вниз, не скрывая этого. <...> И мне иногда думалось: как теперь

---

⁶⁸⁴ Curriculum — слово из средневековой латыни, означающее курс обучения, происходит от классического латинского глагола *currere* (бежать), наряду с такими словами как коридор, курьер и т. д. (Merriam-Webster Logo. 2023. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/curriculum%20vitae> (дата обращения: 18.09.2025)). Благодарю Н. В. Брагинскую за указание на перевод.

я тебя встречу? какой пробег предстоит мне теперь? И я создавала мысленно не что очень далекое, чтоб посмотреть на себя в беге и поймать себя на остановке обессиленной. Повторяю, я могла выдержать очень большое напряжение и встретить тебя мелькающим из-за дали. Тогда я погналась бы за тобой — и я в себя верю, ей-Богу! — я дошла бы до тебя»⁶⁸⁵.

Само слово «пробег» довольно редко встречается у Фрейденберг и обозначает путь, расстояние, маршрут⁶⁸⁶, но не в пространственном смысле, а во временном. В письме к Пастернаку от 11 ноября 1946 года, то есть спустя несколько десятилетий, сохраняется этот образ жизни как мчащегося сквозь время поезда: «Моя жизнь есть только прохождение через время»⁶⁸⁷.

Итак, на титульном листе своих воспоминаний Фрейденберг поставила заглавие «Пробег жизни», а на обороте перед датой 6 августа 1947 года написала: «Моя жизнь описана Мопассаном в „Монт-Ориоле“, в истории ослика. Я спланировала ее жизненный процесс отсюда. По-видимому, алгебра для того и существует, чтоб каждый из арифметических случаев конкретизировал ее»⁶⁸⁸.

Здесь имеется в виду эпизод загородной прогулки из романа Мопассана «Монт-Ориоль». Героиня замечает на обочине дороги труп старого замученного работой и побоями осла и воспринимает это как аллегория жизни: «Веселый, большеголовый и глазастый ослик <...> прыгал на воле, бежал около матери, путаясь у нее под ногами; потом — первая упряжка, первая телега, первый подъем в гору <...> И побои!.. побои!.. <...> А потом пришла старость; гибкий прут заменили палкой с острым железным наконечником, началась жестокая пытка изнуренного животного <...> А потом смерть, благодетельная смерть в трех шагах от зеленой, сочной травы <...>. И в первый раз Христиана поняла страдания живых существ, обреченных рабству, поняла, что смерть порой бывает блаженным избавлением». Далее в горячечном бреде Христиана воображает себя этим осликом, тянущим из последних сил в гору телегу жизни⁶⁸⁹.

---

⁶⁸⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 69.

⁶⁸⁶ Слово «пробег», особенно популярное в 1910—1915 годах в связи с развитием автомобильного транспорта, использовалось для обозначения определенного пути, пройденного на каком-либо транспортном средстве, как достижения или испытания, например: «Третий пробег опытного быстроходного поезда между Петербургом и Москвой, совершенный в воскресенье, был так же неудачен, как и второй. [Московские вести // Русские ведомости. 1913. 30 дек.]» (Национальный корпус русского языка. Основной корпус. www.ruscorg.ru (дата обращения 20.09.2020)). Кроме письма к Пастернаку, это слово в том же значении встречается в письме к Франк-Каменецкому от [22 июня] 1928 года, вложенном в Записки: «Я не человек свиданий; меня стесняет обусловленность; я люблю пробег далекого, глубокого покоя, в который можно погружаться до самого дна; а там, как подскажет минута» (Тетр. 7. Л. 102).

⁶⁸⁷ См. выше с. 176.

⁶⁸⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 1 об.

⁶⁸⁹ Мопассан Г. де. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Терра, 1999. Т. 5. 174—175, 218—219.

Казалось бы, все говорит о подготовке к смерти: Фрейденберг, приведя в порядок научные работы и описав свою жизнь, приняла решение ждать, когда за ней как избавление придет смерть и завершит пробег ее жизни. Но никто не знает предначертаний судьбы.

20 сентября 1947 года, приготовив место для архива, она написала послесловие к «Пробегу жизни». Однако 25 октября возобновила воспоминания: «По-видимому, без этих записок я обойтись не могу. Голос жизни, подобно подогреваемому в закрытом сосуде газу, ищет выхода. Он готов взорваться. Он готов довольствоваться щелью или таким незаметным отверстием, как эти записки»⁶⁹⁰.

Последняя тетрадь «Воспоминаний о самой себе» еще имеет на титульном листе общее заглавие «Пробег жизни», а также заглавие пятой части — «Затяжное послесловие», которая была завершена 14 января 1948 года. Затем были написаны еще несколько частей Записок, но на их титульных листах общее или частное название отсутствует. За «огромную работу по раскопкам прошедшего» — вторую часть воспоминаний — Фрейденберг принимается только зимой 1948/1949 года. Но название «Венок из укропа» не сохраняется в оформлении всех десяти тетрадей этой части — в разгар кампании по борьбе с космополитизмом и развала кафедры классической филологии, нет места никаким венкам, кроме терновых, и противопоставление венка из укропа с лавровым попросту теряет смысл.

3.5. Мемуары как архив: роль документов и другие источники текста

3.5.1. Документы в Записках

Н. М. Перлина определяла общий жанр Записок как архив, исходя из того, что в них присутствует большое количество разнообразных документов: фрагменты деловой и частной переписки, дневниковых записей, официальных документов и т. п.⁶⁹¹ С общим определением всего мемуарно-дневникового комплекса как архива я не согласна, но для некоторых его частей это определение оказалось вполне уместным и верным.

Как было показано выше, только две части Записок можно с уверенностью назвать мемуарами: первую — «Самое главное» — и вторую, охватывающую период от поступления в университет и до войны. Ретроспекция «Воспоминаний о самой себе» составляет не более трех лет, а «Осада человека» и тетради после лета 1947-го писались с очень небольшим временным

---

⁶⁹⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л 29.

⁶⁹¹ Перлина Н. М. Избирательное сродство // *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8. С. 73—74. Подробнее см. п. 3.1.5.2, с. 138.

отрывом от текущих событий и местами переходили в настоящий дневник. Перлина назвала такой тип Записок «ретроспективным дневником»⁶⁹².

В моей дипломной работе в качестве приложения описано присутствие в Записках документов, их видов, количества и занимаемого ими текста в пределах каждой тетради и части⁶⁹³. Никакого определенного вывода из этого тогда сделано не было, кроме самого очевидного: документов было невероятно много, что бросалось в глаза всем читателям и было необычно, но не более того. Документы были распределены внутри частей неравномерно, при этом объем занимаемого ими места в отдельных тетрадах доходил до половины. После знакомства с рукописью выяснилось, что имеющиеся в мемуарах документы — официальные документы, стенограммы заседаний, отзывы, деловая переписка, собственные письма и письма друзей и знакомых, газетные вырезки, стихи, выписки из записных книжек и цитаты из прочитанных книг по-разному введены в текст записок — переписаны, вшиты или просто вложены в тетради, причем, переписывая документ в текст Записок, Фрейденберг, как правило, не сохраняла его в архиве. На мой взгляд, различие в способах ввода документов в текст Записок, их количество и разнообразие связаны прежде всего с историей создания Записок и тем, какое значение Фрейденберг придавала им в разное время.

Первая часть — «Самое главное» — включает различные документы, которые могут считаться архивными: стихи, выписки из записных книжек, выдержки из писем, в том числе довольно обширные фрагменты писем Пастернака 1910-х, письма солдат во время работы сестрой милосердия, свои письма подругам и матери. В цитатах или полностью приведены 17 писем, одна газетная вырезка, один документ и несколько выписок из прочитанных книг, вероятно, перенесенных из записных книжек, — все документы переписаны в текст и занимают 18 машинописных листов, что составляет примерно 10% от всего текста части.

В блокадных тетрадах документов мало: повестка об эвакуации, ответное письмо в университет и уведомление из исторического архива, в котором Фрейденберг некоторое время работала для получения продовольственной карточки в 1943 году, а также девять писем, написанных ею самой, коллегами, подругами и Пастернаком, приведены в цитатах или полностью. Все

---

⁶⁹² Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, IN: Slavica, 2002. P. 9.

⁶⁹³ Глазырина Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых на примере архива О. М. Фрейденберг. М., 1994. Приложение № 4. Количество документов в Записках по тетрадам. С. 103—120. Текст документов за отсутствием рукописи определялся по строкам машинописи и считался в машинописных листах по машинописной копии Записок, где некоторые тетради были объединены по две или три, например 3—4, 10—11, 31—34, с учетом их разного объема.

документы в тексте переписаны, даже выдержки из новогодней статьи председателя исполкома Ленинградского горсовета П. С. Попкова ⁶⁹⁴, и только немногие сохранились в архиве ⁶⁹⁵.

В послевоенных частях также используются документы, но их характер меняется. Это в основном газетные вырезки, документы кафедры, распоряжения по университету. Один из первых документов, вложенных, а не переписанных в Записки, — изданный типографским образом приказ ректора ЛГУ: «Я прилагаю его к запискам, как документ, характеризующий мракобесие эпохи, на которую так трагически пала моя жизнь» ⁶⁹⁶. В последних тетрадях — несколько газетных вырезок, вшитых в текст, немногие другие документы в текст переписаны.

Но подготовка архива, как оказалось, потребовала больше времени, чем Фрейденберг предполагала в августе 1947 года. Приступив к заполнению лакуны в Записках только осенью — зимой 1948-го, она принялась за работу по «раскопкам прошедшего», которая включала разбор сохранившихся бумаг и отбор нужных для написания этой части. Сюда входят те же документы, что и в первой части Записок: личные документы (письма, выписки из записных книжек, стихи), добавляются в гораздо большем объеме официальные документы (удостоверения, протоколы, заявления, деловая переписка, например с издательством «Безбожник»). Описывая свою полемику с В. М. Жирмунским по фольклору в 1931-м, Фрейденберг вставляет тезисы его доклада и своего контрдоклада ⁶⁹⁷, а приводя тяжбу с ЖАКТОм по разделу квартиры, включает подборку судебных документов. В первых тетрадях этой части она еще переписывает документы, но когда документов становится слишком много, просто вставляет их, иногда снабжая вводными фразами, которые могут быть написаны прямо на документе или письме, например: «Весь 1929 год, все триста шестьдесят с чем-то его дней, прошел у нас под знаком неслыханного квартирного процесса» ⁶⁹⁸, «Письмо от Тани Компанец, моей приятельницы гимназических лет» ⁶⁹⁹. В тетради этой части включена вся переписка с Франк-Каменецким, хотя первоначально она планировалась для отдельного хранения в архиве.

Первая и вторая, мемуарные, части написаны с разницей в девять лет (1939/1940 и 1948/1949), причем именно вторая часть с полным правом может быть названа «архивом» — она создавалась на основе целенаправленного разбора накопившихся документов, сотни страниц

---

⁶⁹⁴ Попков П. С. Год борьбы // Ленинградская правда. 1943. 1 янв. С. 2.

⁶⁹⁵ Сохранены только необходимые эвакуационные документы и документы о работе во время войны, важные для стажа и пенсии.

⁶⁹⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 28. Л. 29 об.

⁶⁹⁷ Подробнее о полемике с Жирмунским см.: Астахова А. М. Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском Институте речевой культуры (ИРК), 11 июня 1931 г. // Советская этнография. 1931. № 3/4. С. 239—242.

⁶⁹⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 7. Л. 179 об.

⁶⁹⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 8. Л. 66.

из них были включены (переписаны, вшиты, вложены) в Записки. В тетрадях этой части — более 200 документов объемом в примерно 380 машинописных страниц, то есть примерно 35% от всего текста. По объему документов, использованных в Записках и сохранившихся в архиве, можно приблизительно судить о том, какие документы и в каком объеме содержал архив Фрейденберг до написания этой части мемуаров ⁷⁰⁰.

3.5.2. Источники текста Записок

Черновиков мемуарно-дневникового комплекса нет, и по-видимому, не было, точнее нет никаких сохранившихся свидетельств черновых тетрадей Записок. Имеющиеся тетради написаны набело, по ходу письма делались исправления, иногда позже вносились незначительные правки и уточнения. В целом источником, на основании которого писались мемуарные части, служили все сохранившиеся к тому времени у Фрейденберг документы. В то же время документы использовались ею двояко: одна их часть непосредственно вошла в Записки в переписанном или вложенном/вшитом виде, другая — присутствует в тексте неявно, растворенная в ткани авторского повествования. Однако ее можно реконструировать на основании сохранившихся материалов архива.

К первой группе можно отнести следующие документальные материалы:

1. Официальные документы (заявления, отчеты, стенограммы и протоколы заседаний, анкеты, удостоверения, официальная переписка и т. п).
2. Газетные вырезки описываемого времени.
3. Литературные произведения Фрейденберг: стихи, стихи в прозе, шуточные протоколы заседаний и пр.
4. Письма самой Фрейденберг и к ней.
5. «Записи»: цитаты и афоризмы различных авторов, цитаты из собственных отосланных писем, афоризмы собственного сочинения, разного рода размышления и заметки, которые Фрейденберг делала сначала в записных книжках, а позже на бумажных клочках — уже специально для Записок.
6. «Краткая конспективная запись»: Фрейденберг стала записывать известную только по Запискам канву событий с января 1937 года, которая цитируется в Записках примерно до лета 1940-го.

Это те документы, которые выделяет в качестве источников сама Фрейденберг; в тексте они взяты в кавычках и их предваряют вводные предложения. То есть, разбирая свой архив,

---

⁷⁰⁰ Следы этой работы остались, например, на письмах Жебелева, использованных в Записках, но также сохранившихся в архиве: красным карандашом на них крупно проставлен год написания письма: «1926» и «1927». Если документ был переписан в Записки не полностью, что в основном относится к записным книжкам, переписанная часть в нем вычеркивалась.

Фрейденберг перечитывала документы и записывала воспоминания, вызванные этими «осколками прошлого»: «Когда пишешь ретроспективно, поневоле видишь одни крупные линии истории своей жизни. Письма, документы, дневники — это увеличительные стекла, очки для дальнорзоркой истории» ⁷⁰¹.

Фрейденберг не вела дневников в виде регулярной поденной записи, но ей с детства было присуще осознание важности фиксации не только событий внешней, но и внутренней жизни: чтение, посещение театров, переживания и размышления о себе, о других людях, о прочитанных книгах, иногда такие размышления выражались в стихах. Это можно назвать своеобразной «мемуарной готовностью», формировавшейся с детских лет ведением разнообразных записных книжек, которые заменяли ей дневники. В архиве присутствуют лишь незначительные следы таких записей, но их анализ позволяет определить, как такие документы были использованы для написания мемуарных частей Записок. Для обозначения такой формы дневников можно использовать определение «лирический дневник», которым она называла в Записках свои стихи в прозе: «Я иногда писала в этом искусственном жанре [стихи в прозе. — *Н. К.*], заменяющем мне дневник, — так сказать в жанре лирического дневника» ⁷⁰². Наряду с другими документами такие лирические дневники служили источником мемуаров.

В архиве сохранились несколько записных книжек еще гимназических времен. Одна из них — «Календарь-записная книжка „Всегда с мной“ для учащихся в женских учебных заведениях» на 1900—1901 учебный год ⁷⁰³ — представляла собой памятную книжку для учащихся, где по отделам собраны все необходимые справочные сведения, которые должна знать учащаяся девочка: все важные календарные даты и сам календарь с чистыми листами для заметок, учебный раздел, куда должны вписываться имена преподавателей, класс, расписание уроков, разделы: «Что читать детям?», «Где учатся девочки», игры, опыты, фокусы, спорт, «Девочка дома», «Гигиена девочки» и самый последний раздел, названный «Я», куда должны заноситься сведения, относящиеся к владельцу данной книжки, — книги для прочтения, просмотренные спектакли (название спектакля, действующие лица и исполнители), семейная хроника (дни рождения и именины), адресный листок и т. п. В другой такого же типа книжке есть разделы «Список книг, которые следует мне прочесть», «Выписки из читанного» и т. п. ⁷⁰⁴

Именно в такой книжке на «памятном листке на сентябрь» сохранился фрагмент самого раннего воспоминаний Фрейденберг о первом дне в гимназии, судя по почерку сделанный

---

⁷⁰¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 10. Л. 53 об. Здесь речь идет о событиях конца 1936 года, связанных с конфискацией «Поэтики сюжета и жанра».

⁷⁰² Фрейденберг О. М. Тетр. 3. Л. 21 об.

⁷⁰³ Записная книжка № 3 (Архив О. М. Фрейденберг).

⁷⁰⁴ Записная книжка № 1 (Там же).

в 1906—1907 годах: «9-го сентября 1903 года, я первый раз пошла в гимназию (IV кл.). Как шумно, неуютно показалось мне в ней! Если у меня спрашивали: нравится ли мне гимназия, я отвечала: „нет“. — „Почему?“ — „Потому, что нет дисциплины, нет аккуратности; все вы уж очень свободно держитесь и совсем распушены“. Меня долгое время не любили, я не имела подруг. Боже, сколько я вынесла в стенах этой, впоследствии так горячо любимой, гимназии! Сколько раз я, ложась спать, рыдала и молила Господа быть любимой и иметь хороших подруг!.. Как страстно жаждала я поступить в гимназию! Я не помню, что со мной было, когда это жгучее желание исполнилось. Мне ужасно хотелось учиться, я трудилась изо всех сил, ложилась в 3 ч. ночи, иногда еле держалась на ногах от усталости, но едва-едва достигала желаемого. Мне никто из учениц не понравился в первый раз, одна лишь Мими Воеводская и мне очень хотелось дружить с нею. Я сидела несколько дней одна, затем с Волковыской, а потом со Стерлиговой. Не весело мне было...»⁷⁰⁵ Неизвестно, перечитывала ли Фрейденберг этот текст, перед тем как написала в самой первой тетради Записок, или записанные тогда впечатления надолго остались в ее памяти именно в таком виде: «Я страстно хотела поступить в гимназию. <...> Поступила я в IV класс, и меня приняли плохо. <...> Там были в ходу гнусные приемы глумления над новичком и даже избиения. Я была тихая, кроткая, застенчивая девочка, в строгом мамином платье, зализанная. Но я знала массу стихов и целых рассказов наизусть, которые хорошо говорила. Меня мучили и слушали. Все в классе были развитее меня. Многие были уже порочны. Я училась очень старательно, но успевала мало»⁷⁰⁶.

Фрейденберг продолжала делать записи в тех же книжках и после окончания гимназии. В них в алфавитном порядке перечислены собрания сочинений разных авторов, приведен список посещенных с 1907 по 1918 г. спектаклей. Отдельный список составляют спектакли, которые во время войны она, будучи сестрой милосердия, посетила вместе с солдатами. Здесь же записаны стихи разных поэтов, цитаты, собственные размышления и афоризмы. Позже она заводила новые записные книжки, куда уже без всякого разделения вносила выписки из прочитанных книг, своих писем и т. п.⁷⁰⁷ Скорее всего, эти записи вторичны, то есть переписаны сюда из других мест. В качестве примера можно привести одну из записных книжек (Рисунок 16), где по почерку и цвету чернил можно заметить, что текст состоит из одномоментно написанных блоков, большинство из которых в свою очередь включают в себя в том числе разнообразные цитаты, переписанные сюда из несохранившихся черновиков.

⁷⁰⁵ Записная книжка № 3 (Архив О. М. Фрейденберг).

⁷⁰⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 34.

⁷⁰⁷ С 1925 года Фрейденберг стала записывать свои афоризмы в отдельную книжку, привезенную из одной из заграничных поездок. Она не сохранилась в архиве, скорее всего потому, что полностью была внесена в Записки и уничтожена.

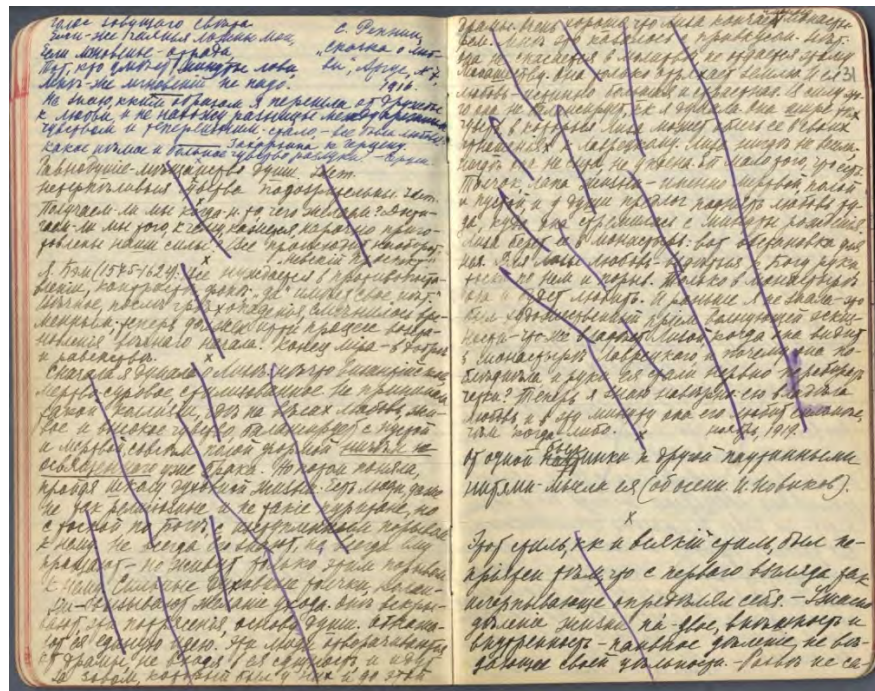

Рисунок 16. Записная книжка № 4.

Наряду с официальными документами и письмами «лирические дневники» служили полнотекстовыми источниками мемуарных частей Записок. Если проследить, как и в каком порядке цитаты использовались в тексте, можно без труда заметить, что они составляют основу фрагментов текста, которые условно можно назвать «кругом чтения», то есть текст из записных книжек использовался как своего рода тезисы, развернутые в Записках в связное повествование. Причем источником для одного такого фрагмента служил отдельный блок записной книжки, хотя внутри него цитаты могли переставляться и сокращаться (Таблица 1).

Таблица 1. Пример использования записной книжки в Записках.

Записные книжки	Записки
Равнодушие — мещанство души. Нетерпеливые чувства подозрительны. Захарьина к Герцену Получаем ли мы когда-нибудь то, что желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходит наоборот. «Невский проспект». Я. Бем (1575—1624) ...Конец мира — в добре и равенстве. Сначала я думала о Лизе: нечто визан- тийское, мертво-суровое <...> ноябрь, 1919 [размышления о героине «Дворян- ского гнезда»]	В том же ноябре 1919 года я увлеклась Бемом («конец мира — в добре и равенстве»), делала выписки из переписки Захарьиной — Герцена («равнодушие — мещанство души», «нетерпеливые чувства подозрительны») и «Невского проспекта»: «Получаем ли мы когда-нибудь то, что желаем? Достигаем ли мы того, к чему, казалось, нарочно приготовлены наши силы? Все происходит наоборот». Я переводила «Жалобу Тассо» Байрона, которую читала и понимала своей костью и кровью. Записала в свою книжку о Лизе: «Сначала я думала о Лизе: нечто византийское, мертво-суровое <...> — Ноябрь 1919». Конечно, эти строки я не просто записала, но послала их Толстому, желая, как обычно, поделиться с ним своими мыслями. Он ответил мне сухо и узко, давая понять, что отмечает мою аллегорию. И снова это было оскорбительно. Но я действовала к этому времени, как и всегда впоследствии, из своеобразной гордости, проявлявшейся

...Мне нравится аристократическая узость науки... Научный метод — это Беато Анжелико, захлебывающееся упоенье, радость и легкость создаваемого, чувство личной нужности. Из письма к Ленчику Январь — февраль 1921 Dien passe, il t'appelle et m'onblie <...> (Tristesse, A. Musset) Музе. <...> В. Брюсов «Спб. прекрасен в заброшенности...» к Боре, 15 мая 21. «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради себя самого, и грехов твоих не помяну». Исая, 43, 25 <...> О науке. Я устала от истолкований, мне хотелось бы воспринимать. <...> Забыть все искушения и потуги, и только видеть, только слышать — вот то, чего я сейчас хочу». Август 1921. Какая трагедия попасть после такой жизни, как моя, с тишиной, культом, уединением, с 4-мя годами лазаретов, я хочу сказать, после долгих лет исканий и духовных выработок — в эту котлетную мастерскую, выпускающую готовых ремесленников идеи, в эту сапожную мастерскую знания, где каждая отрасль бытия есть готовая колодка. к Т. Компанец 30 марта 1923.	в беспредельном прощении. Это чудно сказано у Исая, где гордый бог говорит народу: «Я, я сам изглаживаю преступления твои ради себя самого, и грехов твоих не помяну». <...> Мой внутренний мир перемещался. Я переезжала на новую квартиру. Но самый важный этап совершался во мне с тем глубоким целомудрием слепоты, который оберегает подобно телу матери всякий духовный эмбрион. Я продолжала писать веселые каламбуры Лившицам и перепевать свою умершую любовь. В феврале 1921 г. я писала дяде о науке: «Мне нравится аристократическая узость науки <...> Научный метод — это Беато Анжелико, захлебывающееся упоенье, радость и легкость создаваемого, чувство личной нужности». В то же время я делаю выписки из Tristesse Мюссе, не потому, что разделяю ее содержание, но потому что восхищаюсь замечательной формой поэта, которого до того считала банальным и вялым: Dien passe? il t'apelle et m'onblio <...> ...Теперь в 1921 г. Петербург лежал пустой провинцией. «Петербург прекрасен в своей заброшенности», писала я Боре 15 мая... <...> Я устала от истолкований; мне хотелось воспринимать. <...> Забыть все искушения и потуги, и только видеть, только слышать — вот то, чего я сейчас хочу. Я дождалась. Перечитывая холодного Брюсова, я вдруг увидела стихотворение «Муза», которое поразило меня силой, прекрасной формой, глубочайшей страстью содержания. Оно зазвучало во мне, ответило, осталось со мной. Я поняла его. Это было мое «главное», единственность. я его записала в свою интимную маленькую тетрадку, которая соответствует интимной душе обладателя (Тетр. 5—6. Л. 10—11). <...> У меня сохранилась запись из письма к подруге, датированная концом марта 1923 года. Это была одна фраза: «Какая трагедия попасть после такой жизни, как моя, с ее тишиной, культом, уединением, с четырьмя годами лазаретов, — я хочу сказать, после долгих лет исканий и духовных выработок, — в эту котлетную мастерскую, выпускающих готовых ремесленников идеи, в эту сапожную мастерскую знания, где каждая отрасль бытия есть готовая колодка» (Л. 53—54).

В тетрадях второй части выписки из прочитанного, как правило, помещены после рассказа о происшедших за год событиях. Заканчивается описание года собственными афоризмами.

Отмечу еще один своеобразный вид дневника Фрейденберг, прямо построенный на фиксации ощущения себя в данный конкретный момент времени и изменении этих ощущений. Речь идет о сохраненных в архиве анкетах с одинаковыми вопросами за 1908, 1909, 1914, 1916, 1918, 1919 годов. Здесь у Фрейденберг тоже был пример — газетная заметка «И. С. Тургенев в 1869 году и в 1880 году»⁷⁰⁸ с его ответами на одну и ту же анкету. Именно из нее взяла Фрейденберг большинство вопросов для своей анкеты. В заметке говорилось, что ответы взяты у Тургенева в эпоху расцвета его таланта и 11 лет спустя, когда он подводил итог своей жизни, за три года до кончины. Перед ответами писателя Фрейденберг надписала карандашом: «отвечай не так, а серьезно». Очевидно, что ее увлекла мысль таким же образом сопоставлять собственные ответы.

Например, на вопрос «Ваше любимое состояние духа» она отвечала: «позитивность» (1908); «такое, в котором мои основные черты находят наибольшее выражение» (1914); «когда веришь вымыслу» (1916); «отпадение от жизни: творчество, мечтание, созерцательность, или просто бездумность и духовное молчание» (1918); «чувство слияния с другой человеческой душой» (1919). Вот как это отражено в Записках: (1) «Пожалуй, самая основная черта моей духовной организации заключалась в том, что во мне было (или, верней, било) много больших, светлых, радостных сил, которые покрывали все душевные голоса и подголоски: я могла сказать, как Рудин, что чувствую в себе силы, не всем людям данные. Я пила, глотала жизнь, она громко манифестировала во мне; я любила ее всю, как есть, такой какова она есть, без идеализации ее скверного характера. Это была большая и главная любовь моей души»; (2) «Я была маложизненна и всегда погружена в себя самое, в свою тоску по недоступному и непостижному, в тайный экстаз самопознания, в страстную жажду саморастворения и полной самоотдачи. <...> К этому времени сложились и две основные тенденции моей души: уход в себя, созерцательность — и, напротив, яркая жажда самораскрытия и способность полностью себя покидать, без остатка»; (3) «Мне хотелось союза на всю жизнь, слияния, нерасторжимых великих уз — но не тех, не житейских»⁷⁰⁹.

Своего рода дневником можно считать и стихи Фрейденберг. Они писались с отрочества до 1927 г. В архиве сохранилось четыре тетради с записями стихов: «1904—1906», «1905—1919», «1907—1918», «1914—1927». Вторая из них — черновая, содержит массу рисунков, а в конце сделаны более поздние приписки (1912, 1914, 1919). Две следующие, по всей видимости, сводные — написаны одним почерком, без помарок и оформлены одинаково. В последней стихи подобраны тематически: о любви, о душе, о смысле своего существования — «они полны грусти; надрыва, невыплаканной тоски; это „вещественное доказательство“, подобное гробовой доске,

⁷⁰⁸ Вырезка из газеты с пометами Фрейденберг сохранилась в архиве.

⁷⁰⁹ Фрейденберг О. М. Т. 1—2. Л. 70 об., 93—93 об., 95.

лежащее поверх моей жизни и напоминающее о тяжких путях, прожитых сердцем»⁷¹⁰. В то же время в Записках есть также и стихи, которых нет в этих тетрадах. Более всего стихи используются в тетрадах, в которых описывается период жизни, когда Фрейденберг была увлечена университетским преподавателем И. И. Толстым. Стихи с документальностью дневника передают ее душевные переживания⁷¹¹....

Иногда стихи пересказываются. Так, описывая начало Первой мировой войны, которое застало ее в Швеции, Фрейденберг рассказывает как, прислушавшись к советам друзей, решила выйти замуж за богатого шведа и поехала осматривать его поместья: «Немедленно была заложена легкая, двухместная коляска, и руки в кожаных красных перчатках туго натянули вожжи, и конь полетел... Пахло сосной и травами»⁷¹². А вот как это звучало в стихах, датированных 1 августа 1914 года:

В кожаных красных перчатках
Лениво покоились вожжи.
Пахло сурово сосною,
Рессоры дрожали под нами.
И вдруг мы столкнулись с тобою
И встретились мельком глазами⁷¹³.

Иногда среди сохранившихся записных книжек, среди расходов или в тетрадах стихов встречаются вполне поденные записи, только очень краткие, понять которые непосвященному не всегда легко. Такова, например, датированная запись взаимоотношений с Толстым в 1918—1919 годах (Рисунок 17), или список событий, случившихся в семье Фрейденберг в 1914-м (Рисунок 18), или список мужских имен с датами, в носителей которых Фрейденберг, возможно, была романтически влюблена в юности (Рисунок 19).

---

⁷¹⁰ Фрейденберг О. М. Т. 1—2. Л. 71.

⁷¹¹ Как правило, стихи датированы, и Фрейденберг, рассказывая о своих переживаниях в тот или иной период, легко может датировать его стихотворением: «Удивительно, что уже 25 января я нашла в себе силы оторваться от горестной любви. Помню, какое просветленное чувство владело мной, когда я ощутила, наконец, этот отрыв и освобождение от „конечного“. Я записала: [далее следует стихотворение «Уход свершился», датированное 25 января 1922 г. — *Н. К.*]» (Тетр. 4. Л. 28 об.).

⁷¹² Фрейденберг О. М. Т. 1—2. Л. 112.

⁷¹³ Архив О. М. Фрейденберг.

Св. Мученик
1944.

Для замятки

Браты. Родственники в плечии, спине, лад.
Лично. Родная в спину.
Родная. Мать-мать.
Мать. Братная брат. Перед спинной.
Родная. Тихо. Лад у м. спину.
Брат. Вали.
Лично. Мать в плечии.
Лично. Братная. Братная.
Лично.
Братная. } никого. Тихо.
Братная.
Братная.
Братная. Мать.
Братная. Родная в плечии.
Братная. Родная в плечии.

Не ищи себе для поддержки со стороны. Каждый должен
быть собой, что ибать, лишь себе самому обаять.

[illegible]

Рисунок 19. Тетрадь стихов «1905—1919».

Еще одним источником Записок были «клочки» — клочки бумаги, разрезанные листы ненужных писем и конвертов, черновых вариантов работ, листов отрывного календаря с краткими записями событий и собственными мыслями. Самые ранние клочки относятся к блокадному времени, но, вероятно, для всех Записок военного и послевоенного времени эти клочки служили основным источником.

Такие записи могут представлять связный текст, который Фрейденберг цитирует, например: «Что до коллег, то зимой я записала на клочке бумажки, под каким-то „свежим впечатлением“: „Они руководствуются тщеславием, самолюбием, почестями, деньгами: кто чем. Мы в мире. Я им предоставляю быть директорами, академиками и Юпитерами. Не обижена ими и я. Они и мне предоставляют — заниматься наукой“»⁷¹⁴. Или быть текстом конспективного характера, например: «Величайшее горе это было. Ни об отце, ни о матери так не плакала, как о Сашке», который в Записках разворачивается: «Я много плакала в своей жизни. Я теряла и отца, и возлюбленного, и надежды, и самое себя. Но ни о ком, никогда, ни до этого, ни вплоть до зарывания мамы в могилу, я не плакала такими страшными слезами, как о Сашке»⁷¹⁵.

Кроме того, на клочках также есть выписки цитат из книг, которые отражают жизнь при сталинском режиме, — Фрейденберг в большом количестве находила их в классике. Цитаты из Шекспира («Кориолан», «Ричард III»), Д. В. Григоровича («Антон-горемыка»), Ф. М. Достоевского («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Записки из Мертвого дома»), В. Гюго («Последний день приговоренного к смерти»), Ч. Диккенса «Повесть о двух городах» и т. п. служат подготовительным материалом уже для новой части Записок, которую Фрейденберг не успела написать.

3.6. Выводы

Мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни» долгое время находился в частном хранении, и доступ к нему широкого круга исследователей был затруднен. Тем не менее фрагменты из него публиковались: в издании переписки с Б. Л. Пастернаком заполняли лакуны в переписке; в двух публикациях Ю. М. Каган в эмигрантских изданиях «Синтаксис» и «Минувшее» в конце 1980-х годов отобраны отрывки, посвященные блокаде Ленинграда и послевоенной сталинской реакции. Все три публикации не имели достаточного научно-справочного аппарата, и способ подбора фрагментов для них не позволял составить представление о Записках в целом. Следующие публикации (1991 и 2017) также были тематическими: рассказывали о первых годах

⁷¹⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 17.

⁷¹⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 10. Л. 131.

учебы Фрейденберг в университете и о восприятии революций 1917 года, имели научно-справочный аппарат, но также не рассматривали мемуарно-дневниковый комплекс в целом.

После публикации Н. В. Брагинской «Воспоминаний о Н. Я. Марре» Фрейденберг (1988) мемуарно-дневниковый комплекс стал восприниматься в качестве источника по истории отечественной гуманитарной науки 1920—1930-х годов и марризма. Впервые вопрос о его достоверности был поднят В. М. Алпатовым, который Записки не читал, но заведомо считал их «крайне субъективными», недостоверными и реабилитирующими марризм. Брагинская в ответной статье «Между свидетелями и судьями» (2006) убедительно доказала именно их высокую достоверность.

Следующий этап критики Фрейденберг и Записок начался после публикации исследования П. А. Дружинина «Идеология и филология» (2012) об идеологических кампаниях в Ленинградском университете в конце 1940-х, в котором он широко использовал Записки. На это исследование последовал резкий отклик антиковеда И. А. Левинской «О филологии без идеологии» (2013), в котором Фрейденберг как ученый и мемуарист подверглась диффамации по причине, прямо не связанной ни с филологией, ни с идеологией, но имеющей отношение к репутации научного руководителя Левинской — А. И. Зайцева.

Американские исследовательницы Н. М. Перлина и И. А. Паперно не только имели возможность читать мемуары полностью, но и ознакомиться с рукописями. Однако в их работах не учитываются ни история создания мемуарно-дневникового комплекса, ни особенности рукописи, что, как было показано в данной главе, приводит к ошибкам или неверным выводам. Тем не менее Перлина отмечает большое внутреннее сходство между Записками и ранней прозой Пастернака. В то время как Паперно попыталась реконструировать в военных и послевоенных Записках политическую теорию, сравнимую с теориями Х. Арндт, Л. Я. Гинзбург и других политических философов XX века, но, приводя историю создания текста и датировку его частей по моим работам, допускает фактические неточности и вчитывает в Записки тот смысл, который отвечает ее общей идее (например, образы Тиамат и Левиафана).

Мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни» создавался автором на протяжении десяти лет и поначалу не имел единого плана, который возник в 1947 году вместе с решением Фрейденберг о формировании архива.

Желание написать воспоминания было навеяно впечатлением от очерков о детстве Л. О. Пастернака, опубликованных в монографии о его творчестве в 1932 году, но собственные мемуары Фрейденберг отложила из-за работы над монографией «Композиция „Трудов и дней“ Гесиода» (1933—1938), вместе с тем с января 1937-го она начала вести краткую конспективную запись событий — аналог дневника.

Первая тетрадь Записок, повествующая о юности Фрейденберг до поступления в университет, имела конкретный повод и адресата: рассказать о своей жизни до начала карьеры ученого человеку, в которого она тогда была влюблена. Установлено, что основной текст этой тетради был написан с 11 ноября 1939 по 11 февраля 1940 года, но нет никаких сведений, что Фрейденберг планировала продолжать воспоминания, хотя и не перестала записывать канву текущих событий в виде конспективной записи по крайней мере до лета 1940-го. После решения о формировании архива именно эта тетрадь стала первой частью мемуарно-дневникового комплекса, ее начало подверглось серьезной правке и было дополнено главами о раннем детстве, титульным листом и кратким введением, а первая часть получила название «Самое главное».

Следующая часть, «Осада человека», писалась в блокадном Ленинграде с 3 мая 1942 по 1 мая 1944 года, а поводом для написания послужила проблема эвакуации. Отъезду препятствовала нерасторжимая связь Фрейденберг со своим домом и городом, которые она отказалась покидать еще в первые послереволюционные годы, и бытовые сложности, связанные с перевозкой пожилой матери и жизнью в провинции. Несколько попыток выехать, сопровождавшиеся отбором важных, более важных, наиважнейших в ее жизни вещей, закончились твердым решением остаться и принять ответственность за это решение. Записки были продолжены и посвящены выживанию в блокированном городе и отношениям с матерью — «осаде» внутри семьи, болезни и смерти матери. С одной стороны, парадоксальное чувство освобождения, которое ощутила Фрейденберг, расставшись, как она считала, с университетом, позволившее ей писать Записки и научные труды без самоцензуры, и, с другой стороны, мучительная смерть самого близкого человека — повлияли на мировосприятие Фрейденберг и определили ее дальнейшую жизнь и творчество.

После смерти матери, возвращения университета и возобновления академической жизни в новых идеологических реалиях Фрейденберг оказалась в кризисе. 26 июня 1945 года она попробовала вернуться к Запискам, вероятно, получив известие о смерти Л. О. Пастернака, последнего из старшего поколения семьи, но, исписав 20 страниц, бросила.

В 1946—1947 годах особое значение для нее приобретает переписка с Пастернаком. Жизненные и социальные обстоятельства у обоих были схожи, и это нашло отражение в переписке. Пастернак делился замыслом романа «Доктор Живаго», а Фрейденберг напомнила об оглохшем Бетховене, продолжавшем сочинять музыку, в истории которого она увидела свою ситуацию — драму ученого без печати.

В это же время она получила письмо из Публичной библиотеки с предложением передать свой архив. Идея формирования архива, включающего собственные работы, работы И. Г. Франк-Каменецкого и материалы отца — талантливых людей, не оцененных при жизни, стала выходом

из кризиса и позволила ей «жить для смерти» — дописывать работы, разбирать бумаги и вернуться к Запискам, описав свою жизнь после смерти матери и до текущего момента.

Фрейденберг собрала три готовые части Записок в единое целое и составила оглавление, где намечено описать научную биографию — период от поступления в университет и до войны («Венок из укропа»). Вместе с научными трудами Записки должны представить потомкам «всю систему ее духовного наследства».

Но работа над архивом и Записками потребовало больше времени, чем Фрейденберг рассчитывала, поэтому осенью 1948 года, она снова их возобновляет и не прерывает до декабря 1950-го. Новая часть, получившая название «Затяжное послесловие», включает две тетради. Последующие части уже не имели названий и могут быть определены только по оформлению. В них описаны 1948—1950 годы, местами в виде дневника.

Осенью 1948 года Фрейденберг приступила к описанию своей жизни со времени от поступления в университет и до войны. Эту часть, состоящую из десяти толстых тетрадей (почти 900 рукописных листов), она завершила уже к началу 1949-го. Здесь в большом количестве используются (переписанные, вшитые, вложенные) подлинные документы ее архива. Название «Венок из укропа», заявленное в оглавлении 1947 года, опущено.

В архиве сохранилась тетрадная обложка с подготовительными материалами к Запискам с рабочим названием «После изгнания. 1951—1955». Ряд газетных вырезок и датированных записей, а также краткий конспект событий этих лет (Архив семьи Пастернаков. Москва) свидетельствуют о намерении продолжать Записки, прерванные, по всей видимости, работой над итоговой монографией «Образ и понятие» (1954).

34 тетради Записок, написанные к концу 1950 года, можно разделить на восемь частей. Первое единообразное оформление сделано в 1947-м, когда готовые части были сведены воедино под общим заглавием «Пробег жизни». Римскими цифрами обозначены части, которым даны заглавия, арабскими — главы внутри частей (за исключением первой тетради). В дальнейшем этот принцип оформления не был выдержан: после пятой части, «Затяжного послесловия», оставшиеся три не имеют ни номера, ни названия, а название второй части, «Венок из укропа», не использовалось с начала ее написания. Единственным признаком унификации служат римские номера тетрадей, хотя они содержат две ошибки (пропущен номер 2, зато есть две тетради с номером 12). Отсутствие единообразного оформления также свидетельствует о незавершенности Записок.

Название «Венок из укропа» впервые появляется в блокадных тетрадях (13-й и 15-й), оформленное как общее заглавие Записок. В оглавлении 1947 года оно уже закреплено только за второй частью, описывающей начало, расцвет и закат академической карьеры Фрейденберг.

Анализируя смысл этого заглавия с учетом его объяснения в Записках, можно понять, почему она сначала так назвала эту часть, а потом от этого названия отказалась.

Венок из лавра был символом победителей в олимпийских играх, но венок из свежей ароматной зелени (укроп, анис), венчавший головы прекрасных спутниц Афродиты, был мифологическим воплощением торжества жизни и производительных сил природы, а затем стал символом брачной обрядности. Противопоставляя лавровый венок, венчавший опубликованные монографии коллег, «венку из укропа» собственных, а также Франк-Каменецкого неизданных трудов, она противопоставляла сухое академическое тщеславие своей живой творческой производительности. В условиях блокады ситуация изменилась: лавровый лист, как изысканная специя, стал бесполезен, тогда как свежая зелень оказалась бесценной, потому что поддерживает жизнь (Фрейденберг в блокаду продолжала заниматься наукой, но уже свободно от идеологического давления). В 1948—1949 годах вследствие идеологических кампаний ранее увенчанные лаврами коллеги были низвергнуты с пьедесталов, каялись в своих ошибках, поэтому противопоставление венков утратило смысл.

Название Записок — «Пробег жизни» — буквальный перевод на русский *curriculum vitae* — ход, бег жизни, в академическом мире означающий краткое описание научного пути: образования, мест работы и профессиональных навыков. Но сам образ — пробега жизни как поезда, пролетающего мимо станций, — появился у Фрейденберг еще до начала академической карьеры — в письме к Пастернаку от 28 июня 1912 года. Фрейденберг использует это слово в значении не пространства, но времени, и возвращается к этому образу в письме к Пастернаку от 11 ноября 1946 года. В 1947-м, приняв решение о формировании архива и завершении дел, она готовилась к смерти, что подтверждает и краткое введение в Запискам с историей жизни и смерти ослика из романа Мопассана «Монт-Ориоль».

Перлина определила жанр Записок как архива на основании огромного количества документов, включенных в их текст. Но число документов в разных частях Записок отличается, как отличается и способ их введения в текст. Определению архива наиболее соответствует собственно мемуарные части Записок: первая и особенно вторая, написанная в 1948—1949 годах на основе целенаправленного разбора накопившихся документов, когда их содержание или выдержки сначала переписывались в Записки, но затем из-за спешки уже физически вкладывались или вшивались в тетради.

Однако для ретроспективных частей Записок привлекались не только собственно документы. Фрейденберг с гимназических лет вела записные книжки, куда аккуратно вписывала дни рождения родственников и подруг, списки класса, перечни прочитанных книг и просмотренных спектаклей. После гимназии там стали появляться цитаты из разных авторов и собственных писем, афоризмы, стихи, размышления о прочитанном (часто датированные) — все это можно назвать своеобразными лирическими дневниками, которые составляют основу для отдельных фрагментов мемуарных частей. Во второй, «архивной», части лирические дневники, письма и официальные документы составляют примерно 35% объема всего текста.

ГЛАВА 4. АРХИВ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ КАК ИНТЕНЦИЯ

4.1. Формирование частного архива: мотивы и целеполагание

Формирование собственного архива при жизни — явление само по себе не уникальное. Это может выражаться в простом разделении бумаг (рукописей, писем, документов и др.) на важные, по мнению составителя, и не важные и, соответственно, в хранении первых и уничтожении последних⁷¹⁶. Уже один только отбор может сказать что-то о личности составителя, как о вкусах и интересах владельца говорит личная библиотека или любая другая коллекция. Но рассмотрение замысла и мотивов составителя далеко не всегда является первоочередной задачей исследователя или архивиста. В первую очередь интерес представляют сами документы, особенно если они касаются известных персон или важных исторических событий. Собственно исследованию феномена личных архивов уделяется значительно меньше внимания⁷¹⁷.

К таким работам относится, например, статья А. Ю. Веселовой⁷¹⁸. В ней рассматривается именно феномен формирования частного архива, составитель которого ставил перед собой цель запечатлеть для потомков, как в пределах семьи, так и в более широком смысле, себя и своих близких⁷¹⁹. На примере двух архивов, составленных «обычными людьми», исследовательница выделила присущие подобного рода частным собраниям документов общие типологические черты.

Первый из рассмотренных архивов принадлежал Андрею Тимофеевичу Болотову (1738—1833), агроному и писателю, личности известной отечественным историкам благодаря знаменитым запискам, давшим много сведений о русском дворянском быте того времени. Материалы его архива хорошо знакомы специалистам в самых разных областях знаний, но привлекались они

---

⁷¹⁶ См., например, Егоров Б. Ф. О личном архиве. Что хранить и что уничтожать // Архив ученого-филолога. СПб: Пушкинский Дом, 2018. С. 15—18.

⁷¹⁷ См., например, Сафронова М. Н. Возникновение феномена научного архива в первой половине XIX в.: на примере научной деятельности Александра Ивановича Михайловского-Данилевского: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01. М., 2007. 180 с. Но в данной диссертации исследуется феномен составления научных архивов, то есть коллекций архивных документов, посвященных какой-либо исторической теме, а не личных документов.

⁷¹⁸ Веселова А. Ю. Архив частного человека: проблема типологии // Архив петербургской русистики. [2009]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4> (дата обращения: 18.09.2025).

⁷¹⁹ В данном случае Веселова ссылается на собрание Народного архива в Москве, где в большом количестве хранились примеры таких собраний (Центр документации «Народный архив»: справочник. по фондам / Г. С. Акимова и др. М., 1998. 349 с.). Материалы этого хранилища с 2010 г. находятся на хранении в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и не доступны для исследователей.

«обычно изолированно друг от друга и без учета личности Болотова, накладывавшей отпечаток не только на то, что он делал, но и на все, о чем писал, в том числе на общеизвестные факты» ⁷²⁰.

Второй — Михаилу Андриановичу Червочкину (1914—1994), партийному функционеру из крестьян, также некогда агроному.

Оба персонажа считали себя «частными лицами», «обычными людьми» и были, по выражению Веселовой, «адекватны системе», т. е. лояльны к власти. Оба с юности проявляли стремление к фиксации событий своей жизни: собирали документы, вели дневники, составляли многочисленные перечни (книг, прочитанных и имеющихся, просмотренных кинофильмов, деревьев в саду), а также хранили и систематизировали письма. Постепенно накопленные материалы стали превращаться в архивы, причем оформлялись они по всем правилам, с которыми оба составителя были знакомы по долгу службы. Болотов, служивший несколько лет в русской канцелярии правителя Восточной Пруссии, переписывал поступающие туда документы в толстую тетрадь, таким же образом он затем переписывал свои разрозненные заметки и наблюдения, сгруппированные по хронологическому или тематическому принципу в небольшие томики, озаглавленные, пронумерованные и снабженные перекрестными ссылками. Червочкин, работавший в отделе кадров, раскладывал свои материалы по папкам «Дело № ...», также пронумерованным, снабженным перекрестными ссылками и пометой «хранить постоянно» ⁷²¹.

Веселова рассматривает феномен создания частных архивов в тесной связи с развитием мемуарного жанра, появление которого обусловлено формированием комплекса представлений о ценности частной жизни. В центре архива, логически связывая и поясняя все его документы, в обоих рассмотренных ею случаях находились мемуары. Оба составителя приступили к их написанию, когда у них образовались уже достаточно большие архивы, требовавшие комментариев. Обоих также объединяет ощущение необходимости зафиксировать события своей жизни и окружающей действительности, а также последовательное отстаивание права на собственное жизнеописание и его значимость для общества и потомков. Автор называет их людьми «нового типа», «нарушающими определенную семейную преемственность»; на мой взгляд, даже шире — преемственность среды: Болотов оставил службу и посвятил себя литературе и наукам, а Червочкин, вышедший из крестьян, большую часть жизни прожил в городе, получил образование и занимал руководящие должности.

Веселова делает вывод, что такого рода архивы требуют комплексного изучения, «опирающегося на личность составителя и его мировоззрение, так как оно служит связующим звеном

---

⁷²⁰ Веселова А. Ю. Архив частного человека // Архив петербургской русистики. [2009]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4> (дата обращения: 17.09.2025).

⁷²¹ Там же.

между разными и на первый взгляд не имеющими между собой ничего общего, сферами деятельности „архивиста“, и объясняет их взаимное притяжение» ⁷²², и что при публикации материалов из такого архива и их комментировании нужно пытаться учесть замысел составителя. Не раскрывая, в чем состоял конкретный замысел Болотова и Червочкина, Веселова отмечает его обязательное присутствие в подборе документов и мемуарных свидетельствах.

В статье М. В. Черкасовой ⁷²³ рассматривается, каким образом изменилось представление об архиве «как пассивной информационной системе, отражающей жизнь общества». Автор анализирует размышления специалистов в различных областях знания о проблемах отбора, сохранения и использования архивной информации. Мишель Фуко определял «архив как институт власти и порабощения». Жак Деррида считал, что принцип архива основан на «властной интенции, благодаря которой архив формирует прошлое, определяя его познание в будущем» ⁷²⁴. А поскольку архивы сохраняют не то, что было, и даже не то, что осталось, но лишь то, что считается достойно памяти, а потому и хранения, «архив минуты так же невозможен, как архив дня или года» ⁷²⁵. Отсюда автор делает вывод, что архивы (архивное законодательство, принципы архивирования) «одновременно сохраняют и конфискуют историческую память социума», а также «обладают властью над обществом, формируя его прошлое и тем самым определяя его настоящее и будущее» ⁷²⁶.

Сказанное по большей части относится к государственным архивам, но может быть применено и к частным собраниям: человек, сохраняя или уничтожая свидетельства своей жизни, конструирует свой образ в глазах потомков. Именно с такой точки зрения рассмотрен архив Е. Г. Эткинда, доминирующая черта, которого «настойчивая интенция фондообразователя» ⁷²⁷. Эткинд собирал архив на протяжении всей своей жизни «скрупулезно сохраняя ее материальные следы», включая копии собственных отправленных писем и формируя свой огромный архив именно как единый архивный фонд, предназначенный для сохранения «личного присутствия», необходимого для восприятия всей совокупности его письменных текстов ⁷²⁸. Сам Деррида

---

⁷²² Веселова А. Ю. Архив частного человека // Архив петербургской русистики. [2009]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4> (дата обращения: 17.09.2025).

⁷²³ Черкасова М. В. Власть архивов и власть над архивами: опыт осмысления архива в постмодернистской традиции // Культура и история в компаративном измерении. Самара: Книга, 2012. С. 238—241.

⁷²⁴ Там же. С. 239.

⁷²⁵ Там же. Здесь Черкасова приводит высказывание В. А. Подороги из его статьи «К философии архива» (Индекс. Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 252).

⁷²⁶ Черкасова М. В. Власть архивов и власть над архивами. С. 239.

⁷²⁷ Маликова М. Э. Автор архива: Е. Г. Эткинд // Архив ученого-филолога. СПб.: Пушкинский дом, 2018. С. 47.

⁷²⁸ Там же. С. 48, 54.

задолго до конца жизни собирал письменные свидетельства своей жизни и вел переговоры с французскими и американскими учреждениями, связанными с хранением архивов ⁷²⁹.

Целенаправленное составление людьми личных архивов можно рассматривать как попытку сохранения своей индивидуальности, борьбу со смертью и забвением: вот я, я был такой, затем стал такой, у меня было в жизни это и то, но что будут знать обо мне, когда я умру, каким я буду представлен в глазах потомков? Возможно, за этим вопросом стоит неудовлетворенность от собственной нереализованности или недооцененности, а может, наоборот, человек считает свою жизнь примером для потомков. Составление архива и/или написание мемуаров — средство, с помощью которого человек пытается предстать в глазах потомков именно в том свете, в каком он сам этого хочет. И общество предлагает такому мемуаристу и архивисту самые разнообразные жанры и образцы. Так, Болотов руководствовался галантными и приключенческими романами (его записки озаглавлены «Жизнь и приключения Андрея Болотова»), а Червочкин брал пример с мемуаров революционеров и военных, популярных биографий из серии «Жизнь замечательных людей», а при составлении архивов оба руководствовались навыками, полученными на службе ⁷³⁰. Возможно, именно последняя привила Болотову и Червочкину особое уважение к документу как «верификатору» человеческой жизни. В мемуары оба вставляют документы из архива (письма, дневниковые записи, собственные сочинения, рефераты и т. п.) либо переписывают их со ссылками на место их хранения. Так, Болотов не просто цитировал письма сына, но включал их вместе с ответами, «иногда заменяя ими повествование» ⁷³¹. Широко представлен иллюстративный материал: планы усадьбы, садов, рисунки сельскохозяйственных орудий и т. п. Таким образом, мемуаристы и архивисты пополняют запас знания общества сведениями и документами, которые считает нужным и уместным сохранить в качестве памяти о себе.

Изучая личные архивы в таком контексте, важно попытаться реконструировать мотивы составителя (что не удовлетворяло его при жизни, что он не смог осуществить и какие качества своей личности он не смог реализовать или чем он хотел, но не смог поделиться с потомками) и понять принципы отбора документов для архива, иными словами, то, каким он хотел быть представленным потомкам, о чем или о ком хотел им рассказать или напомнить ⁷³².

---

⁷²⁹ Автономова Н. С. О роли словоформ с элементом «архе» в концептуальной системе Жака Деррида // Вестник культурологии. 2011. № 1. С. 195.

⁷³⁰ Веселова А. Ю. Архив частного человека // Архив петербургской русистики. [2009]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4> (дата обращения: 17.09.2025).

⁷³¹ Там же.

⁷³² Интересным примером мотивации к составлению архива и в особенности мемуаров служат архив и мемуары И. В. Гете «Из моей жизни: поэзия и правда» (Гете И. В. Собрание сочинений: пер. с нем.: в 10 т. Т. 3. /

Архив О. М. Фрейденберг — тщательнейшим образом отобранное собрание документов, во многом отличное от среднестатистических архивных фондов людей ее социального статуса и профессии, — исследован во второй главе настоящей работы. Здесь же попробуем рассмотреть этот архив с точки зрения типологии частных архивов, выявленной Веселовой.

1. Фрейденберг не считала себя обычным человеком и не была «адекватной системе», наоборот, по большей части противопоставляла себя любым системам. Она, как и ее семья, поддерживала Февральскую революцию, но не сочувствовала «октябрьскому перевороту», хотя активно и не противодействовала ему. Однако после окончания университета Фрейденберг оказалась в ситуации, когда ее новаторская работа, далеко выходящая за рамки формального филологического метода, была поддержана Н. Я. Марром и, вопреки мнению старой профессуры, защищена. Хотя в «орбите» Марра она пребывала недолго, репутацию его ученицы заработать успела, что позволило ей в 1930-х годах быть включенной в систему советской науки.

2. Так же, как и герои Веселовой, Фрейденберг нарушила преемственность среды и своей собственной семьи. Будучи женщиной, а в 1917 году уже и в зрелом возрасте, она поступила в университет, причем сделала это наперекор воле отца, посчитавшего, что тем самым она «предала его идеалы и пала до ценза и цехового знания»⁷³³. И на поприще науки добилась больших успехов: высказала множество новых научных концепций, стала одной из первых в СССР женщин, заведующих кафедрой, и первой женщиной — доктором литературоведения.

3. Фрейденберг составляла перечни книг, спектаклей, событий, расходов, учениц и преподавателей гимназии, именин родственников и подруг, мужчин, в которых была влюблена, записывала в блокноты и записные книжки цитаты из прочитанных книг и свои собственные размышления над ними, заполняла анкеты с вопросами о себе за разные годы, делала выписки из отправленных писем. Но в то же время документы она не систематизировала (кроме научных работ), черновиков не оставляла (те, что сохранились в архиве, — случайность или свидетельство

[под общ. ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста; пер. с нем. Н. Ман]. М.: Худож. лит., 1976. 718 с.). Гете удалось полностью воплотить в жизнь свои замыслы. Начальство несколько не стесняло его. Жизнь он прожил долгую, и изначальная попытка расположить в хронологическом порядке свои поэтические произведения вылилась в написание им развернутой автобиографии. Другой, более близкий к Фрейденберг по времени и смыслу пример — автонекролог ее университетского учителя С. А. Жебелева, написанный к своему 65-летию в июне — сентябре 1932 года. Редкий по объективности и честности самоотчет, составленный от третьего лица, адресован будущим историкам науки. Это своеобразная исповедь советского ученого, в конце 1920-х подвергшегося гонениям и травле и вынужденного занять лояльную по отношению к марксизму позицию в своей области исследований (Тункина И. В., Фролов Э. Д. Историографические этюды С. А. Жебелева: (из неизданного научного наследия) // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 172—173; Жебелев С. А. [Предисловие к автонекрологу]; Автонекролог / [публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 173—201).

⁷³³ Фрейденберг О. М. Тетр. 4. Л. 4.

незаконченности работы), также не считала нужным хранить письма друзей, коллег и знакомых. Фрейденберг любила и умела писать, еще в гимназические годы обмениваясь с подругами многостраничными посланиями. Но, ведя столь обширную переписку, скорее всего, время от времени «чистила» входящую корреспонденцию, либо уничтожая, либо используя обороты для новых записей ⁷³⁴. Целенаправленно она сохранила только все письма Б. Л. Пастернака, часть писем Л. О. Пастернака, своих учителей С. А. Жебелева, И. И. Толстого, Марра. Другие сохранившиеся ко времени формирования архива письма главным образом были либо помещены в Записки, либо уничтожены.

4. Фрейденберг, закончив гимназию и не поступив на Высшие женские курсы, пробовала давать уроки, работала фальцовщицей (что дало ей представление о тяжелом женском труде, которого она как обеспеченная барышня не знала), затем секретарем отца — журналиста одной из петербургских газет, где получила богатые впечатления о журналистской среде и известных людях. Она много путешествовала, изучала языки, чтобы читать литературу в оригинале. Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия. А когда после революции университеты стали доступны в том числе и для женщин, поступила в Петроградский университет и стала ученым. Ничто из ее собственной административной практики не дало ей опыта в составлении архива (хотя она некоторое время работала в Центральном государственном историческом архиве, но не в качестве архивиста), да и само слово «архив» появилось в воспоминаниях Фрейденберг только после войны, когда к ней поступило приглашение из Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина передать на хранение свои документы. Однако способность видеть явления шире, чем другие, позволила Фрейденберг отнестись к формированию личного архива с учетом всего своего богатого научно-исследовательского опыта филолога-классика.

5. Центральной частью архива, безусловно, является мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни», но первый мемуарный опыт Фрейденберг приобрела задолго до решения о составлении архива. Тем не менее именно это решение подтолкнуло ее не только собрать законченные мемуарно-дневниковые записи воедино, но и дописать хронологически недостающие части и продолжать Записки уже почти в форме дневника, описав один из самых трагических периодов в истории Ленинградского университета.

Таким образом, архив Фрейденберг при формальном сходстве с рассмотренными в статье Веселовой архивами имел ряд существенных отличий, обусловленных особенностями ее

---

⁷³⁴ В сравнении с архивом Эткинда, которых сохранял копии свой отправленных писем (см. Маликова М. Э. Автор архива: Е. Г. Эткинд // Архив ученого-филолога. СПб.: Пушкинский дом, 2018. С. 54), можно отметить, что в записных книжках Фрейденберг сохранились показавшиеся ей важными выписки из отправленных писем. Но именно копий писем она не хранила.

личности и биографии, рассмотренных в предыдущих главах. В то же время Фрейденберг, как и Болотов с Червочкиным, формировала архив, чтобы определенным образом предстать перед потомками. Веселова не реконструирует мотивацию создателей архивов, но отмечает сходство их мировоззрений и ориентацию на образцы, предлагаемые обществом. В случае с Фрейденберг мне представляется возможным реконструировать именно замысел и показать, какими конкретными примерами она могла руководствоваться при составлении архива.

4.2. Концепция архива и истории у О. М. Фрейденберг

И. А. Паперно в статье, а затем и в книге о послевоенных записках Фрейденберг видит в ее понимании истории гегельянство: «Веру в историю разделяли многие соотечественники Фрейденберг (Гинзбург, хотя и не исповедовала этой веры сама, писала о таком историческом сознании в применении к Герцену и русским гегельянцам). От истоков в европейском и русском гегельянстве посленаполеоновской эпохи до послереволюционных лет эта вера вдохновляла несколько поколений русских интеллигентов, особенно тех, кто жил в годы грозящих гибелью социальных катастроф. История собственной жизни виделась в этом ключе неотъемлемой частью истории как надличностного мирового процесса, то есть жизни абсолютной. Многие дневники и мемуары — частные архивы советской эпохи — вдохновлялись этой верой, а некоторые авторы прямо говорили о своих мемуарах или записках как о будущих показаниях на суде истории»⁷³⁵. Грядущий «московский Нюрнберг» — суд над Сталиным и его приспешниками, по мнению автора, был для «материалистки» Фрейденберг «секулярным вариантом Страшного суда»: «В России такая вера в историю, несущая возмездие (даже если оно предстоит после нашей смерти или вовсе вне времени), была частью интеллигентского сознания»⁷³⁶.

Паперно опирается здесь на свою книгу⁷³⁷, изданную более десяти лет назад на английском языке и недавно переведенную на русский, о мемуарах и дневниках советской эпохи, масштабная публикация которых состоялась в самом ее конце. Мотивацию их авторов Паперно связывает с поздним этапом интеллектуального течения, пришедшего в Россию в посленаполеоновскую эпоху и ориентированного на гегелевское понимание истории, чьим ярким представителем был А. И. Герцен. Паперно прослеживает традицию мемуарного «историзма», идущую от Герцена и сохранившуюся среди интеллигенции как сталинской эпохи, так и позднего советского

---

⁷³⁵ Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день» // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 22; Ее же. «Осада человека»: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма. М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 208—209.

⁷³⁶ Там же. С. 23; Там же. С. 95.

⁷³⁷ Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: опыт чтения. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 317, [2] с.

периода. Мемуары и дневники в этой традиции рассматривались как свидетельства на будущем суде истории (для России конца XX века — секуляризированной версии Страшного суда)⁷³⁸. По мысли Паперно, в таком же ключе рассматривал создание личных архивов основатель и руководитель Народного архива Б. С. Илизаров, обосновывая стремление собирать документы правом любого человека на бессмертие⁷³⁹. Поэтому, прочитав у Фрейденберг про ее представления об архиве и истории, Паперно поместила их в герценовскую традицию историзма, свойственную, по ее мнению, многим поколениям российской интеллигенции. При этом, упоминая культурное посредничество Герцена и тех исследователей его творчества, которые именно в этом ключе рассматривали «Былое и думы»⁷⁴⁰, следование такой традиции в советское время она безосновательно распространяет на всех последующих мемуаристов⁷⁴¹. В более ранней статье⁷⁴² Паперно рассматривает источники исторического самосознания интеллигенции поздней советской эпохи и аргументированно проводит преемственность от Гегеля к Герцену, на образе которого в интерпретации Л. Я. Гинзбург были воспитаны многие советские деятели культуры. Но при этом автор почти не учитывает, что формирование подобного самосознания в широких народных массах с 1920-х поощрялось коммунистической партией, поскольку интерпретировалось с марксистских

---

⁷³⁸ Паперно приводит слова М. О. Чудаковой и определяет в ее словах гегелевское влияние: «„Мы даем показания на суде истории — который отнюдь не отодвинут в отдаленное, непредставимое будущее, а идет ежедневно, не прерываясь“. Эта развернутая метафора восходит к знаменитой гегелевской формуле *Weltgeschichte ist Weltgericht* (мировая история есть всемирный суд), то есть к представлению об историческом процессе как о секуляризованном варианте Страшного суда, которое было частью и русского исторического сознания. Создание человеческих документов видится в этом ключе как эквивалент русского Нюрнберга (если не Страшного суда) и в этом качестве — социальным долгом каждого пережившего советское время» (Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: опыт чтения. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 75).

⁷³⁹ Там же. С. 77—78.

⁷⁴⁰ Там же. С. 23—31.

⁷⁴¹ Паперно связывает «мемуарно-автобиографическое письмо различных жанров» с «историческим сознанием», возникшим на рубеже XVIII—XIX веков в связи с Французской революцией и наполеоновскими войнами, ссылаясь в том числе на работы А. Г. Тартаковского. Но Тартаковский пишет, что историческое сознание присуще людям с древности и «как одна из основ мировидения <...> историческое сознание определяет собой мировоззренческий аспект культуры», т.е. в его работах речь идет не о возникновении исторического сознания, а его обновлении и изменении в указанный период (Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археогр. центр, 1997. С. 14—16). Более того, цитата из статьи Тартаковского («стремление личности запечатлеть опыт своего участия в историческом бытии» (Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. С. 24), которую приводит Паперно в доказательство конкретной традиции историзма, относится к мемуарам в целом, без привязки к конкретной эпохе (Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999 № 1. С. 35).

⁷⁴² Паперно И. А. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (68). С. 102—127.

позиций. С одной стороны, оно, вероятно, восходило и к Гегелю в сильно упрощенном виде исторического материализма, с другой — выражалось в авангардных исторических проектах по собиранию массовых свидетельств по истории революции, гражданской войны, фабрик и заводов, а затем и Великой отечественной войны ⁷⁴³. Такого рода проекты, объединявшие народные массы с историками, писателями и журналистами, которые обрабатывали собранные источники, должны были создавать «новую марксистскую историографию масс, которая взломала бы традиционные иерархии и подключала к большой истории всех ее участников» ⁷⁴⁴. Наряду с марксистки переосмысленным Гегелем и Герценом-революционером, которые были относительно безопасны для советской власти, шел процесс «перековки» в духе коллективизма как «несознательных» рабочих и крестьян, так и интеллигенции. Большинство мемуаристов с «историческим сознанием», упомянутых Паперно, родились или получили образование уже при советской власти, то есть в среде, пропитанной соответствующими нарративами. Так что, возвращаясь к высказанным Илизаровым утопическим представлениям о «прописке в истории» и «воскрешении посредством публикации личных документов», мне представляется, что они скорее иллюстрируют происшедшую к концу 1980-х трансформацию взглядов и представлений, господствовавших в предыдущие десятилетия, что собирать и хранить следует в первую очередь документы о важных для истории событиях и личностях. Эго-документы в советской исторической науке были интересны лишь как свидетельства очевидцев великих событий, внесших свою маленькую, но важную лепту в общее дело. А миссия Народного архива заключалась прежде всего в сборе документов людей об их частной жизни, что принципиально отличалось от советской исторической и архивной традиции ⁷⁴⁵.

---

⁷⁴³ Хелльбек И. Историки авангарда // Сталинградская битва. М.: Германск. ист. ин-т в Москве [и др.], 2015. С. 116—132. К такого рода проектам относится и описанный выше неосуществленный проект ленинградских писателей «Один день», в котором участвовала Л. Я. Гинзбург, что, возможно, отразилось в ее блокадных записках как «типический блокадный день» (см. п. 3.2.2, с. 159, Гинзбург Л. Я. Записные книжки: Воспоминания; Эссе. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 618 и далее.). В аналогичном проекте «Культурная работа ленинградских женщин в условиях блокады» в 1943 г. как руководитель, редактор и автор вступительной статьи принимала участие и сама Фрейденберг, когда работала в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда (ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 41. Д. 15). Но этот проект не был реализован, в том числе потому, что от Фрейденберг требовали включить в сборник только правильных, «проверенных НКВД» героинь: «Я настаивала на «показе героизма масс» и протестовала против католической канонизации. <...> Я стремилась к широте, чтоб показать маленькую труженицу, чтоб вывести ее на авансцену, чтоб дать ей радость и праздник» (Фрейденберг О. М. Тетр. 18. Л. 78—78 об.).

⁷⁴⁴ Хелльбек И. Историки авангарда. С. 119.

⁷⁴⁵ См., например, свидетельство И. Хелльбека о его посещении «Народного архива» в августе 1990 года: «молодые помощники возбужденно рассказали мне о своем увлечении сбором и сохранением свидетельств простых граждан, которые, как они считали, могли поколебать авторитарное советское государство и его господство

Паперно называет «Былое и думы» основополагающим текстом для интеллигенции потому, что «мемуары Герцена закрепили формы повседневной и эмоциональной жизни, сложившиеся в семейных и дружеских кружках поколения, родившегося в наполеоновскую эпоху (и пережившего 1825 и 1848 годы), — сообщества людей, связанных ощущением исторической, социальной, политической и апокалиптической значимости интимной жизни, разделенной с кругом „своих“»⁷⁴⁶. Вот только Фрейденберг не относил себя к какому-либо кругу или традиции, включая русскую или даже русско-еврейскую интеллигенцию⁷⁴⁷, не испытывала на себе влияния Герцена и его автобиографической прозы⁷⁴⁸, даже не была знакома с Гинзбург, хотя они жили по соседству и имели общих знакомых⁷⁴⁹. Мне представляется, что в своей концепции архива и истории она вдохновлялась другими образцами.

В блокаду Фрейденберг как ученый пережила второе рождение, новый этап творчества, разгадала загадку, которую безуспешно пыталась разрешить раньше⁷⁵⁰. Блокада некоторым образом была созвучна началу ее творческого пути, времени работы над греческим романом, работы, где она состоялась как ученый, открывший новые пути в науке. Разруха, запустение, голод и холод, немцы и Юденич, смерть отца и собственная смертельная болезнь, и на этом фоне — новый смысл жизни, научные открытия. В блокаду ситуация отчасти повторилась: снова ожидание немецкого штурма, голод, холод, смерть и разрушение вокруг, нежелание покидать свой дом, надвигающаяся катастрофа. Решив остаться и таким образом оказавшись вне университета и кафедры, Фрейденберг углубилась в научную работу и свободно и неподцензурно, не рассчитывая на печать, стала записывать свои лекции без оглядки на Марра и Маркса. Но потеряла мать, как в годы своей работы над греческим романом — отца. Она не отмечала этого параллелизма, но сходное ощущение, связанное с новым этапом в науке, заметила: «По-иному разъяснялась жизнь и моя научная работа, как одно из ее проявлений. Я переживала духовный, моральный и умственный перелом. Ясный смысл событий открывался мне с легкостью, уже давно мною забытой. Меня охватило волнение. Я стала чувствовать великие связи с жизнью и полную нераз-

---

над личной и коллективной памятью» (Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 12).

⁷⁴⁶ Паперно И. А. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (68). С. 104.

⁷⁴⁷ См. п. 1.3.2.

⁷⁴⁸ См. п. 3.1.5.2, с. 139, прим. 485.

⁷⁴⁹ Паперно И. А. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 16.

⁷⁵⁰ «Я безостановочно работаю над «Лекциями». В процессе писанья вырисовался, наконец, антиэволюционный принцип, над которым я билась свыше 20 лет, не умея его выразить. Теперь знаю: культуры — не продолжение линий, а повторение систем» (Фрейденберг О. М. Тетр. 13. Л. 87).

дельность с ее внутренними силами; мне захотелось работать, вернуться к науке, и тут же строгий голос внутри меня говорил „не торопись, оно придет“. И я ощутила, что мои работы ждут от меня философского обобщения, и что это настанет, и что я еще жива, и стою, как в молодости, перед вторым серьезным, большим этапом своей научной жизни. И слезы полились из глаз: я поняла, что и этот этап, как тот, должен застать меня в полном одиночестве, без друзей, без Сони, без учеников, без обмена мыслями, без книг и прав, — без моего дорогого друга — близнеца, моей второй природы; в одиночестве, в нищете, в ужасных жизненных мученьях. О, этот вечный, этот бродячий сюжет! Почему так стереотипна биография ученого?» ⁷⁵¹

После войны Фрейденберг действительно написала еще монографии «Паллиата» и «Сафо, несколько статей, продолжала работать над «Гомеровскими этюдами», но ничего не смогла опубликовать — в университетских изданиях с трудом появились только краткие резюме, тезисы или аннотации работ и докладов ⁷⁵². И она начинает задумываться о судьбе своих трудов и научного наследия в целом, что, помимо прочего, привело ее к решению формировать личный архив, высказанному в Записках ⁷⁵³.

В июле 1946 года ⁷⁵⁴ Фрейденберг перечитала «Опыт по могильной символике древних» ⁷⁵⁵ швейцарского антиковеда и профессора римского права в Базеле Иоганна Якова Бахофена, известного своей работой «Теория материнского права» ⁷⁵⁶. И написала о нем статью, настолько ее поразила гениальность этого ученого ⁷⁵⁷. В ней перечислены его заслуги перед классической филологией, его открытия и открытия других ученых, которые он предвосхитил, в том числе «работы по семантике воды — огня <...> и многочисленная последующая литература

---

⁷⁵¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 16. Л. 16. Эта тетрадь датируется концом февраля — серединой марта 1943 года. И хотя ее слова выглядят как пророчество собственной послевоенной судьбы, здесь она отмечает лишь свое научное одиночество во время блокады.

⁷⁵² См. о попытках публикации Сафо при жизни выше п. 2.2.1, с. 106, прим. 389, п. 3.4.1, с. 191, прим. 679. Остальные монографии частично опубликованы значительно позже ее смерти: Паллиата: [фрагм. моногр.]; Комическое до комедии: (к проблеме возникновения категории качества): [часть неопубл. монографии «Гомеровские этюды»] // Миф и театр / О. М. Фрейденберг; сост., научно-текст. подг., предисл. и примеч. Н. В. Брагинской. М.: ГИТИС, 1988. С. 36—127; Ее же. Паллиата. Глава 21 // Лотмановский сборник. 1. М.: Иц-Гарант, 1995. С. 714—718.

⁷⁵³ См. выше п. 3.2.3.

⁷⁵⁴ Это событие в Записках Фрейденберг датировано (Тетр. 24. Л. 40 об.).

⁷⁵⁵ Bachofen J. J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel: Bahnmaier's Buchhandlung, 1859. VII, 433 s.

⁷⁵⁶ Bachofen J. J. Das Mutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart: Verlag von Kraiss und Hoffmann, 1861. XXXIX, 435 p.

⁷⁵⁷ Фрейденберг О. М. К изучению источников Энгельса. Баховен / публ., предисл., примеч. Н. В. Брагинской // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Вып. 1. С. 295—301. Статья датирована 1947 годом.

о смерти, как источнике жизни»⁷⁵⁸. Фрейденоберг анализирует исследование могильной и мистериальной символики, где он определял представления древних народов о чувственном и сверхчувственном мирах, материи и духе, которые находятся в вечном соприкосновении, с позиций идеалистической философии. Материя представлена женским началом, «материнским правом»: «В женщине проявляется консервативная, воспринимающая и оберегающая сила. В ней действует «естественное право», право природы, для которого все люди равны и свободны»⁷⁵⁹. Нематериальное, духовное представлено у Бахофена отцовским правом: «В противоположность греческому естественному праву матери, римское отцовское право создаёт политические, социальные идеи семьи, государства, мирового владычества»⁷⁶⁰. Взаимоотношением материального и нематериального миров определяется все человеческое и религиозное развитие, и отражены они именно в могильной символике: «Подкрепленные у него огромным материалом античных мифов, религиозных воззрений, поэтических образов, философских мыслей, могильные изображения раскрывают перед ним картину почитания именно женского начала»⁷⁶¹.

В Записках Фрейденоберг описывала чтение работы Бахофена и размышление над ней, свое желание многое сказать об этом ученом, написать книгу, она даже начала ее, но бросила, так как «спешила продумать свои мысли о лирике»⁷⁶², добавив: «Баховен, которого классики до сих пор не знают, даже эрудиты; замолчанный Баховен; какое это мировое горе! Или величайшее утешенье? Можно замалчивать или не читать столетиями; автор может истлеть, не дождавшись радостей ученого; и все же книга живет вместо него, а у нее терпение вне времени. И настает день. Книгу читают. Она побеждает время и людей. Она потрясает, свежая и молодая. Но если не печатают... С чем умереть?»⁷⁶³

---

⁷⁵⁸ Фрейденоберг О. М. К изучению источников Энгельса. Баховен // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Вып. 1. С. 298.

⁷⁵⁹ Там же. С. 296.

⁷⁶⁰ Там же. С. 297.

⁷⁶¹ Там же. С. 297.

⁷⁶² Фрейденоберг О. М. Тетр. 24. Л. 41 об.

⁷⁶³ Там же. Л. 40 об. Так, при жизни у Фрейденоберг напечатаны только полтора десятка статей, несколько тезисов и одна книга. Но эта единственная книга в библиотеке Саранска внимательно штудировалась М. М. Бахтиным (Осовский О. Е. «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденоберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтинский сборник / под ред. В. Махлина. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2000. Вып. 4. С. 128—134; Его же. Об одном источнике исследования о Рабле: бахтинские пометы на страницах экземпляра книги О. Фрейденоберг «Поэтика сюжета и жанра» // Невельский сборник. СПб., 2001. Вып. 6. С. 44—49; Его же. Бахтин читает Ольгу Фрейденоберг: о характере и смысле бахтинских маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск, 2002. Вып. 1. С. 24—35). Кроме того, книга попала в Польшу, где была переведена и где интерес к трудам Фрейденоберг не прерывался

Книга может ждать своего читателя сколько угодно, пока он не появится, не созреет до понимания прочитанного, но как быть ученому, которого не печатают? Он обречен на безвестность. А если подготовить свои работы как для печати? Чем они будут отличаться от опубликованных? Только доступом к ним читателей. Но Фрейденберг одинока среди коллег, и сейчас все равно никто не хочет их прочесть и понять ее мысли. Законченные и подготовленные к печати работы, так же как и опубликованные, но не понятые современниками книги, могут ждать своего часа столько, сколько потребуется.

Фрейденберг писала о Бахофене так, как могла бы сказать о себе, или как о ней сегодня могут сказать современные исследователи. Классики его замалчивали или не знали, его сложный язык и мистические идеи вызывали отторжение у современников, но его гениальное научное предвидение повлияло и способствовало развитию многих направлений в разных гуманитарных науках. Мистицизм, воспринятый от Ф. Крейцера ⁷⁶⁴, не мешал ему постигать сложные явления и правильно анализировать конкретные факты. «Система идей Баховена ждет своего исследователя. История наук умеет отличать неправильную терминологию от неправильных идей. Баховен очень выиграл бы, если б многие его „страшные“ термины были переведены с языка мистики на язык науки» ⁷⁶⁵. Саму Фрейденберг также упрекали в фантастических концепциях, сложном языке, непоследовательном изложении и неясной терминологии, да и сама она писала о сложности изложения своих прозрений: «Научные работы пишут по-разному. У одних это ряд самостоятельных статей или книг, по различным поводам и вопросам. У других — система, в которой проводится твердая, верная себе мысль. Я же работала слепой, и для меня не было ничего трудней, как рассказать о сделанном. Моя научная судьба сложилась бы для меня гораздо счастливей, и сама я была бы гораздо счастливей, если б я умела переводить язык интуиции на язык логической мысли» ⁷⁶⁶.

(устное сообщение Н. В. Брагинской, см. также: Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 15).

⁷⁶⁴ Крейцер Георг Фридрих (1771—1858) — немецкий филолог-классик и археолог, профессор Марбургского, Лейденского и Гейдельбергского университетов. Его основной труд «Символы и мифы древних народов» (1810—1812) был попыткой переосмыслить древнюю символику и мифологию с точки зрения комплексного подхода разных дисциплин — истории, филологии, философии и теологических идей, но его реализация вызвала многочисленные справедливые возражения современников. Подробнее см. статьи А. В. Шалаевой, в т. ч.: Шалаева А. В. Мифология в романтической науке: символика Фридриха Крейцера // Труды БГТУ. Серия 6: История, Философия. 2014. № 5 (169). С. 87—90.

⁷⁶⁵ Фрейденберг О. М. К изучению источников Энгельса. Баховен // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Вып. 1. С. 298.

⁷⁶⁶ Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 148. В письме Франк-Каменецкому от 20 декабря 1936 года, вложенному

Поразительно созвучно Фрейденберг воспринимал Бахофена В. Беньямин. В начале 1935 года он написал эссе для литературного журнала «Нувель Ревю Франсез» (*La Nouvelle Revue française*)⁷⁶⁷, вероятно, с целью познакомить французского читателя с швейцарским ученым, очищенным от его интерпретаций немецкими философами-мистиками 1920-х, а позднее — нацистами⁷⁶⁸, как в свое время Жорж Батай пытался таким же образом очистить репутацию Ф. Ницше⁷⁶⁹. Эссе Беньямина, однако, не было опубликовано. Лишь в 1952 году оно увидело свет в журнале «Меркюр де Франс» (*Mercure de France*)⁷⁷⁰. То есть Фрейденберг даже не знала о его существовании. Она ссылаясь на работу Бахофена о могильной символике еще в 1933 году в неопубликованной работе «Игра в кости»⁷⁷¹, упомянула его в монографии о Гесиоде (1933—1939), труды ученого обсуждала с Франк-Каменецким⁷⁷². Именно с пометами последнего она

в Записки Фрейденберг передает свой разговор с известным лингвистом Л. В. Щербой (1880—1944) о ее работах: «Вы вот говорите там, что не было причинно-следственного ряда... Это заумь. Может, вы и что-то правильное хотите сказать, но ведь это абсолютно непонятно, как это не было его? Ни один человек, заглядывающий в ваши работы, ничего не может понять» (Тетр. 10. Л. 77 об.). См. также п. 3.1.6, с. 148, прим. 518. О сложности научной терминологии и построений Фрейденберг см.: Брагинская Н. В. О связи основных идей О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 71—97; Орехов Б. В. Что может рассказать теория графов о терминологической системе О. М. Фрейденберг? // Там же. 2017. № 4. С. 89—98 и др.

⁷⁶⁷ Беньямин В. Иоганн Якоб Бахофен / пер. с фр. А. Владимировой // Маски времени: эссе о культуре и литературе. СПб.: Symposium, 2004. С. 467.

⁷⁶⁸ При жизни Бахофен был признан только как специалист по римскому праву, работы же по истории и мифологии критиковались или игнорировались большинством его коллег. В 1920-х его труды заново открывают участники мюнхенского кружка «Космикер» Карл Вольфскель, Альфред Шулер и Людвиг Клагес. После книги последнего (*Vom Kosmogonischen Eros*. München, 1922. XI, 182 S.) начинается публикации трудов Бахофена, в том числе Альфредом Боймлером (1887—1968) (*Bachofen J. J. Der Mythos von Orient und Occident: eine Metaphysik der alten Welt / mit einer Einleitung von Alfred Bäumler; hrsg. von Manfred Schroeter*. München: C. H. Beck, 1926. CCXCIV, 628 p.), который в Третьем рейхе стал одним из философов, поставивших идеи Ницше, Бахофена и др. мыслителей на службу нацистской идеологии (см., например, обсуждение работы Боймлера «Бахофен и Ницше» (*Bachofen und Nietzsche*. Zürich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929) в письме Ф. А. Степуна (Степун Ф. А. Письма. М.: РОССПЭН, 2013. С. 132). Идеи Бахофена используются и книге А. Розенберга «Миф двадцатого века» (1930), считавшейся теоретическим обоснованием идей национал-социализма. Подробнее о Бахофене см.: Ставру А. Иоганн Якоб Бахофен // Религиозная жизнь. 2017. 15 дек. URL: <https://religious-life.ru/2017/12/bachofen/> (дата обращения: 20.09.2025).

⁷⁶⁹ Батай Ж. Ницше и фашисты / пер. с фр. А. Зыгмонт, ред. В. Крачек // Опустошитель. 2017. № 2. С. 112—131. То же. URL: http://www.pustoshit.ru/21/bataille_fashists.html (дата обращения: 19.11.2025).

⁷⁷⁰ Беньямин В. Иоганн Якоб Бахофен // Маски времени. СПб.: Symposium, 2004. С. 467.

⁷⁷¹ Фрейденберг О. М. Игра в кости / подг. текста и прим. Н. В. Брагинской // *Arbor mundi* = Мировое древо. 1996. Вып. 4. С. 163—172.

⁷⁷² «Я вспомнила слова Хоны: «Мы могли не писать своих работ. Все, что может быть и могло быть сказано, все уже есть у Баховена» (Фрейденберг О. М. Тетр. 24. Л. 40 об.).

снова открыла книгу Бахофена в 1946 году, возвращаясь к работе над греческой лирикой. Неизвестно, знала ли Фрейденберг в подробностях, как нацистские идеологи использовали его идеи. В статье 1947 года она упоминает только о большом интересе к Бахофену немецких романтиков и мистиков, ссылаясь на примечания к изданным письмам Бахофена к Л. Г. Моргану ⁷⁷³. Причины, побудившие Бенямина и Фрейденберг написать о Бахофене, скорее всего, совершенно разные, да и Фрейденберг ограничивается только его значением для классической филологии, но понимание феномена Бахофена невероятно близкое: Бенямин называет его работы «научным пророчеством», Фрейденберг пишет, что трудно охватить силу его научного предвиденья, оба отмечают новаторский метод исследований древних памятников, в основе которого лежит глубокое понимание значение символа (образа) и в связи с этим важность изучения погребений как воплощения самых древних символов и т. д.

Записки, продолженные летом 1947 года и вдохновленные идеей формирования архива, называются «Воспоминания о самой себе».

На мой взгляд, это название неслучайно дано этой части. Отношения с коллегами по кафедре, тяжелые еще до войны ⁷⁷⁴, именно в эти годы становятся невыносимыми. В 1946 году после весеннего скандала с защитой Галеркиной ⁷⁷⁵ летом ожидается судилище: «Предстоит проработка, — средневековый ритуал, в котором телесное уничтожение заменялось моральным убийством. Главные его составные части — прения, публичный позор, до пределов доведенное травмирование, служебная и общественная (как результат, или, как принято было формулировать, „оргвыводы“) травля» ⁷⁷⁶. Фрейденберг много строк уделяет и послевоенному студенчеству: пьянство, разврат, грубость и невоспитанность, непосильный труд сверх человеческих возможностей, болезни, самоубийства, участие в тайной слежке и доносах. Большинство студентов предыдущих курсов погибли на войне, умерли от голода или стали инвалидами. Новые студенты, вернее студентки, — вчерашние школьницы, «девочки с косками или покрашенные полукоготки» ⁷⁷⁷. После постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» (от 14 августа

---

⁷⁷³ Винников И. Н. Из архива Льюиса Генри Морган... М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. С. 150.

⁷⁷⁴ «Я жаждала вырваться из оков кафедры, чтоб не читать ей своих работ и не выслушивать ее суждений: между нами, кроме преподавательской работы (где я полностью шла им навстречу), ничего не было общего» (Фрейденберг О. М. Тетр. 11. Л. 47 об.). См. также: Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 4. С. 327—333.

⁷⁷⁵ См. п. 1.2.2, с. 54—55.

⁷⁷⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 24. Л. 9 об. Подробнее см.: Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // *Philologia Classica*. 2022. Т. 17, № 1. С. 159—172.

⁷⁷⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 3. Л. 5.

1946 года), речей Жданова и ректора ЛГУ А. А. Вознесенского ⁷⁷⁸, отрицания мировой науки в форме борьбы «с низкопоклонством перед Западом» обстановка становилась все нестерпимее: «Университет от меня внутренне отпал. Я потеряла последние остатки живых соков в душе. <...> И сама я, глядя на себя со стороны, поражалась этой мертвой давящей убитости, стараясь найти для нее термин. Его не было! Нет, никакая „подавленность“, никакая „депрессия“, даже „убитость“ не передавала этого холодного, каменного состояния, где не порхала больше легкокрылая безгласная радость. Все было кончено. Я жила насильственно, как насильственно умирают» ⁷⁷⁹. В апреле было еще 15-летие кафедры — неутешительный для Фрейденберг итог университетской работы ⁷⁸⁰: основные труды не напечатаны, ученики не оправдали надежд, преподавание бесполезно — лучшим студентам не дают хода или они исчезают, остальным нет дела до науки.

«О самом себе» (Περὶ ἑαυτοῦ) — частый заголовок многих византийских воспоминаний ⁷⁸¹, восходящих, возможно, к Григорию Богослову (325—389), архиепископу Константинопольскому, одному из отцов Церкви, главным источником к жизнеописанию которого послужило его автобиографическое сочинение «О самом себе», включавшее 99 стихотворных произведений, автобиографическими также являются некоторые «Слова», посвященные различным событиям его жизни ⁷⁸². К поэме «О самом себе» примыкает поэма «О себе самом и о епископах», которая до 2003 года на русском языке не публиковалась из-за слишком резкой критики, которой Григорий подверг епископов ⁷⁸³.

Особенно параллелизм с Записками Фрейденберг подчеркивает следующая цитата из предисловия епископа Илариона (Алфеева) к первому переводу этого сочинения святителя: «Свергнутый с константинопольского престола собратьями-епископами, Григорий был на них сильно обижен: в этом, несомненно, одна из причин его обличений в их адрес. Однако неверно было бы

---

⁷⁷⁸ В Записках Фрейденберг приводит высказывание ректора на собрании преподавательского состава ЛГУ в начале 1946/1947 учебного года: «К сожалению, многие из советских людей увидели границу. Это заставило их ослепиться показной культурой. Мы теперь должны разоблачить этих людей и их неправильные взгляды. Нужен величайший отбор людей, тщательная осторожность в отношении всего, что идет в печать» (Тетр. 24. Л. 45).

⁷⁷⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 19 об.—20.

⁷⁸⁰ «В эту зиму [1946/1947] я стала захлебываться и задыхаться от подступившего к горлу итога жизни» (Там же. Л. 39).

⁷⁸¹ Любарский Я. Н. Кафедра в послевоенные годы (Περὶ ἑαυτοῦ) // Cathedra Petropolitana. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 52—57.

⁷⁸² Шевченко Е. В. Григорий Богослов // Православная энциклопедия. Т. 12. С. 668—712. То же. URL: <https://www.pravenc.ru/text/166811.html> (дата обращения: 20.09.2025).

⁷⁸³ Григорий Богослов. О себе самом и о епископах / пер. с древнегр. А. Ястребов; предисл. еп. Илариона (Алфеева) // Церковь и время. 2003. № 1 (22). С. 106—172. То же. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm (дата обращения: 20.09.2025).

сводить весь пафос Григория к личным обидам. В том, что произошло с ним самим, он видел не столько свою личную трагедию, сколько отражение общей кризисной ситуации, складывавшейся в Восточной Церкви конца IV века. На его глазах происходило постепенное порабощение Церкви миром, массовое обмирщение епископата и клира. Образ епископа как пастыря, духовного наставника и старца, обладающего, в силу своих высоких духовных качеств, непрекращаемым авторитетом в глазах паствы, постепенно сменялся образом епископа как государственного сановника, участвующего в светских церемониях, послушно следующего указаниям гражданских властей не только в церковно-административных, но также и в догматических вопросах. Грань между Церковью и миром, между „царством духа“ и „царством кесаря“ постепенно стиралась»⁷⁸⁴.

Патролог и переводчик А. Г. Дунаев во «Введении к интернет-версии» дает сводный образ епископата и нравов византийской иерархии, описанных Григорием Богословом: «Невежественные епископы, вчерашние пахари и матросы, учащие других и одновременно запрещающие заниматься науками другим, гонители классического образования, дабы не обнажилось их собственное невежество, ссылающиеся на необразованность апостолов, но сами не имеющие и тысячной доли духовных дарований; молодые люди, поставленные на кафедру без должного испытания, у которых и бороды еще нет и на уме одни плотские дела; обжоры, львы перед бедными и псы-лизоблюды перед властью имущими; лицемеры, интриганы, карьеристы, занятые только собственной семьей и доходами, превратившие служение Богу в личный бизнес»⁷⁸⁵.

Именно таким духом обличения нравов, установившихся в университете, в советской науке и в стране после войны, проникнуты «Воспоминания о самой себе» и другие части Записок с их действительно очень резкими, беспощадно жесткими картинами университетских и, шире, советских нравов, которые она наблюдала вокруг себя: «Никто не мог думать, что Мещаниновы и легион им подобных, Вознесенские всех рангов и профессий, разделяют несуществующую программу сталинизма. Была важна их «воля к повиновению», изворотливость, амбивалентность моральная, «гибкость», которая позволяла бы через них осуществлять любые действия и мероприятия. А что в душе думали эти тысячи продажных людей, до этого полицейскому режиму не было ни малейшего дела»⁷⁸⁶.

---

⁷⁸⁴ Иларион (Алфеев). [Предисловие к сочинению «О себе самом и о епископах» Григория Богослова] // Церковь и время. 2003. № 1 (22). С. 110. То же. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm (дата обращения: 20.09.2025).

⁷⁸⁵ Дунаев А. Г. Введение к интернет-версии // Научный сайт по патрологии и богословию / Алексей Георгиевич Дунаев. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm. (дата обращения: 20.09.2025)

⁷⁸⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 25. Л. 19. То же. Будет ли московский Нюрнберг? // Синтаксис. 1986. № 16. С. 158.

Фрейденберг не упоминает в Записках Григория Богослова, но, на мой взгляд, ассоциация с его сочинениями очевидна, и она хотя бы по своему образованию не могла не знать произведений этого автора.

Закончив летом 1947 года «Воспоминания о самой себе», Фрейденберг присоединяет к ним уже готовые части о детстве и юности и о блокаде, дает общее заглавие — «Пробег жизни», оформляет оглавление и титульный лист, снабжает повествование эпиграфами. Выше сообщалось ⁷⁸⁷, как осмыслила их Перлина, считая написанными в разное время. Эпиграф из Пиндара, по ее мнению, был поставлен в декабре 1950 года после окончания всех Записок, символизируя необходимость исполнения своей судьбы.

Установить точную дату появления этого эпиграфа, вероятно, невозможно. В пользу утверждения Перлиной говорит лишь тот факт, что он написан по-гречески мелким и убористым почерком, возможно, более толстым пером. Но это лишь может свидетельствовать, что эпиграф на титульный лист был добавлен действительно позже, однако вовсе не обязательно, что после окончания Записок ⁷⁸⁸. С другой стороны, Пиндар упоминается в 28-й тетради, начатой в октябре 1947-го, в части «Затяжное послесловие», причем здесь наука и история не означают возмездия, а скорее противопоставлены «московскому Нюрнбергу», о котором пишет Перлина: «Пусть даже я доживу до московского Нюрнберга. Но Мещанинов, Жирмунский, Алексеев, Толстой познали счастье и длительно наслаждались удовлетвореньем. Если 5—10 лет прихлопнут их, это ничто по сравнению с тридцатилетием. Возмездье все равно опоздало. Только наука, только история восстанавливают, как сказал Пиндар, истину» ⁷⁸⁹.

Одам Пиндара посвящена довоенная статья Фрейденберг «Об основном характере греческой литературы» ⁷⁹⁰. В ней исследуется фольклорность греческой литературы на примере такого аристократического поэта, как Пиндар. Его оды — это торжественные высокопарные хвалы в честь победителя на спортивных соревнованиях, которые в Древней Греции имели огромное значение, и их победитель мог почитаться как божество. Фрейденберг показывает, что Пиндар следует фольклорной обрядности и песенной схеме. Состязания проводились на могиле ⁷⁹¹. Мифологическое сознание считало, что происходит «прение живота со смертью». Победители выступают носителями доблести, правды или праведности, которая, в свою очередь, есть олицетво-

---

⁷⁸⁷ См. п. 3.1.5.2.

⁷⁸⁸ В конце последней, 34-й, тетради цвет чернил немного отличается от титульного листа оттенком, но это могут быть проблемы цветопередачи, так как я использую фотографии оригинала.

⁷⁸⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 28. Л. 16.

⁷⁹⁰ Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1940. Вып. 6 (№ 60).

⁷⁹¹ Истмийские игры в Коринфе справлялись в честь погибшего героя Меликерта, поэтому наградой служил сельдерей, которым украшались могилы.

рение плодородия «праведные, правосудные люди вызывают своей праведностью пышный урожай полей, богатый приплод скота и обильное чадородие» ⁷⁹². Награда праведнику, поборовшему смерть, — цветущий мир и райское блаженство. Пиндар, воздавая хвалу праведнику, ставит его победу в один ряд с подвигами его предков, а в центре оды — восхваление мифического родоначальника победителя. Первоначально воспевалась победа умершего над смертью, и ему присуждается награда в виде жизни, бессмертия, побежденный же отправляется в преисподнюю. В качестве примера Фрейденберг приводит историю Геракла, который своими подвигами заслужил славу и награду в виде Олимпа и супруги Гебы — вечной молодости. Это более древняя версия Страшного суда. Физическая победа в состязании у Пиндара становится победой моральной, и начинавшаяся радостно ода исполняется глубоко мрачными эсхатологическими мотивами: смертный бессилен, его счастье недолговечно и быстро проходит, успех не зависит от человека — его дает божество, судьба предопределена. Вот как сама Фрейденберг перевела строку, предшествующую эпиграфу: «И если добродетель дана владыкой Участью, она непременно проявится (№ IV, 41—43)» ⁷⁹³ (ср. с пер. М. Л. Гаспарова: «Какую бы доблесть ни вложил в меня властительный Случай, — Я знаю: Влекущееся время свершит предопределенное» ⁷⁹⁴). При этом смертный не знает своего предназначения, и ему следует с терпением переживать неудачи, довольствоваться настоящим, а в последний час оставить потомству «могущественную славу»: «В конце концов можно сказать, что в Пиндаровском победителе, структурно, еще звучат древние фольклорные мотивы, до этого созданные архаической образностью, охватывающей представления о временно погибающей и временно возникающей жизни» ⁷⁹⁵.

С 12 октября 1946 года ⁷⁹⁶ Фрейденберг работает над монографией «Сафо: происхождение греческой лирики». Здесь она снова рассматривает тот самый эпиникий — хвалебную оду в честь победителя, который в одном аспекте покойник, победивший смерть, в другом — победные солнечные кони: «Настоящий, до-человечий, персонаж этих песен — страны, города, которые представляют собой не реальные географические местности, а космосы-земли и космосы-светила, умирающие и оживающие, гибнущие под водой и всплывающие в новом сиянии» ⁷⁹⁷. В эпиникии судьба города сливается с судьбой рода, который воплощается в победителе, а собственно

---

⁷⁹² Фрейденберг О. М. Об основном характере греческой литературы // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1940. Вып. 6 (№ 60). С. 33.

⁷⁹³ Там же. С. 41.

⁷⁹⁴ Пиндар, Вакхилид. Оды; Фрагменты / изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. С. 128. Фрейденберг не столько переводит, сколько именно «передает» смысл этих строк, который теряется при точном переводе.

⁷⁹⁵ Фрейденберг О. М. Об основном характере греческой литературы. С. 48.

⁷⁹⁶ Дата в начале монографии.

⁷⁹⁷ Фрейденберг О. М. Сафо: к происхождению греческой лирики. Л. 35 (Архив О. М. Фрейденберг).

основному вопросу жанра основания города, такому как закладка фундамента и постройка стен, внимания уделяется совсем мало. Главное содержание подобных мифов заключалось в «историях» — передаче последовательности рождений героев и героинь, историй эроса между ними и богами, т. е. космогонических мифов, персонажем которых выступают антропоморфные герои.

В этой же работе Фрейденберг анализирует 98-й фрагмент Сафо:

И из Сард к нам сюда она
Часто мыслью несется,
вспоминая,
Как мы жили вдвоем, как богинею
Ты казалась ей славною
И как песни твои ей
были милы.
Ныне блещет она средь лидийских жен.
Так луна розоперстая,
Поднимаясь с заходом
солнца, блеском
Превосходит все звезды. Струит она
Свет на море соленое,
На цветущие нивы
и поляны.
Все рососою прекрасною залито.
Пышно розы красуются,
Нежный кервель и донник
с частым цветом.
И нередко, бродя, свою кроткую
Вспоминаешь Аттиду ты,
И тоска тебе тяжко
сердце давит... ⁷⁹⁸

По мнению Фрейденберг, речь здесь идет не о людях, а о светилах: «В наших отрывках, так часто говорящих об уходах, о разлуке и расставании, об отсутствующих далеких подругах, о вспоминании и воспоминании мифологическая семантика имела в виду жизнь светил, исчезавших, блуждавших, (ср. самый термин „планет“), затмевавшихся, „заходивших“. <...> „Забвенье“ есть мрак, „туча“, застилающая глаза, но не глаза человека, а глаза-солнце; „вспоминанье“ есть свет» ⁷⁹⁹.

---

⁷⁹⁸ Сафо. [Фрагм.] 24 / пер. В. Вересаева // Полное собрание сочинений / В. В. Вересаев. М.: Недра, 1929. Т. 10. С. 172—173.

⁷⁹⁹ Фрейденберг О. М. Сафо: к происхождению греческой лирики. Л. 174 (Архив О. М. Фрейденберг). Ср. комментарий к фрагм. 24 Сафо и реконструкцию Виламовица (Вересаев В. В. Полное собрание сочинений. М.: Недра, 1929. Т. 10. С. 173—174).

Далее Фрейденберг рассматривает на примере других фрагментов, как выражены в лирике Сафо образы памяти и забвения: «В приводимом fr. 96, где Сафо просит свою подругу вспоминать ее, в стт. 10—11 текст сильно попорчен, и восстановить его было трудно комментаторам, потому что они не понимали противопоставления „памяти,, и „забвения“, о которых тут идет речь (а не „клятвы“ и „скрыванья“, житейского „забыванья“). <...> На фоне этих фактов приобретают значение fr. 63 и 99. В первом из них идет речь о Мнасидике, во втором о Мнасис. В обоих случаях олицетворена и феминизирована Память. Невозможно не сопоставить этих имен с Мнемосиной. Но тогда мы попадаем в новый круг образов. Ведь Память — муза (Мнемэ у Паус. 9, 29, 2) и мать муз (Мнемосина). Общеизвестна „мусическая“ природа этого коллективного, безличного, женского божества. Но достаточно взглянуть на языковую основу $\mu\eta\eta$ (у Сафо, возможно, была и героиня Мнаис), общую для значений, связанных с „памятью“, и для значений, связанных с „браком“ (ср., например, такое слово, как $\mu\eta\eta\sigma\tau\iota\varsigma$ память, но $\mu\eta\eta\sigma\tau\acute{\eta}$ $\mu\eta\eta\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ $\mu\eta\eta\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ жена, сосватанный, сватовство), чтоб увидеть семантику не понятия, а образа памяти. Мы считаем, что „гроб“ называется $\mu\eta\eta\mu\alpha$ по аналогии с „памятником“. Но почему могила должна служить вместилищем памяти? Позади смысла, приданного „памятнику“ понятиями, лежит смысл образа, который говорит, что „память“ есть гроб, могила, то есть женское лоно, место нового рождения. Тогда становится понятной связь „памяти“ и „брака“, женский характер олицетворения Памяти (ср. выражение у Пиндара I. 2—5 <...> „вспоминающую приятнейшую жатву Афродиты“, где разбираемое слово очень близко к эросному значению). Я хочу сказать, что „память“ $\mu\eta\eta\mu\eta$ носит в себе смыслы „женского плодородия“, а потому смерти-гроба, бессмертия, женского лона. Отсюда его вторичное значение „поминальной славы“, „славы“, однозначной $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ и $\phi\acute{\eta}\mu\eta$ »⁸⁰⁰. К этому стоит добавить, что имя музы истории — Κλειώ — переводится как «дарующая славу, прославляющая»⁸⁰¹. Этот отрывок из работы о Сафо включен в анализ 98-го фрагмента Сафо. Фрейденберг читала доклад «98 и 27а фрагменты Сафо» в ноябре 1947 года на научной сессии университета⁸⁰².

Образы гроба, могилы, смерти и памяти появляются и в послесловии к Запискам, начатом 20 сентября 1947 года: «Я болею сердцем и не лечусь, чтоб ускорить смерть. Очистила железный сундук, и в этот гроб укладываю свои работы и свой внутренний мир. Это будет мой архив»⁸⁰³.

⁸⁰⁰ Фрейденберг О. М. Сафо. Л. 175—176 (Архив О. М. Фрейденберг).

⁸⁰¹ См., например: «имя Клио происходит от того, что воспевание в поэзии дает восхваляемым великую славу ($\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$)» (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 4—7: Греческая мифология / пер. с древнегр., вступ. ст. и коммент. О. П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2017. С. 96 (IV 7, 4)).

⁸⁰² Надэль Б. И. Кафедра классической филологии ЛГУ // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 181.

⁸⁰³ Фрейденберг О. М. Тетр. 27. Л. 22.

Приведу полный текст отрывка из Записок, касающегося идеи архива и истории, который был написан после получения письма из Публичной библиотеки с предложением передать архив: «Можно себе представить, как меня подняло и воодушевило это предложение! Чувство истории, как объективного процесса, всегда говорило во мне с огромной силой. Здесь лежала моя уверенная вера, абсолютное мое преклонение перед объективным процессом, — мой, если угодно, материализм, для которого единая человеческая жизнь составляла составную часть всего сущего. Я говорю не об историографии, этой жалкой науке, а об истории, как мировом процессе. Здесь ничто не бывает презрено или забыто. Это абсолютная жизнь бытия и небытия, выражающаяся в вечной изменчивости. Рай, который строили народы, бессмертие, „тот свет“ — это все существует, но его зовут не небом, не парадизом, не вальгаллой, а историей. Обмануть ее невозможно, сколько бы ни фальсифицировались документы и ни искажались или утаивались факты; это можно обмануть только историографию. Не раз я слышала от друзей: „Этого никто никогда не узнает! Все источники будут подделаны, все следы преступлений скрыты. Никогда не узнает история нашей жизни!“ Или: „Современникам часто бывает тяжело, как нам. Но история с нами не посчитается. Она будет оценивать эпоху по идеалам, лозунгам, по всему тому теоретически-новому, что дали Советы“. Я страстно возмущалась таким оппортунизмом. Нет, все будет знать история! Неужели и ее обманут наши газеты и радио, историю?»

Идея архива было идеей истории. На меня пахнуло большим временем. Патетика над-личного и над-эпохального была для меня родной стихией. Я получала письмо, из которого я узнавала, что не одна на свете. Архив приобщал меня к братству мирового человека.

Вскоре мне стало ясно, что на удочку советской осведомилки попадаться не следует. Каждый документ жадно читался и „изучался“. Работая в Центральном Архиве, я с удивлением узнавала, что даже документы „обрабатываются“ по известной директиве, с целью скрыть многие наши события. Эти мои записки разве я могла дать им? А меня интересовала идея именно архива, то есть полной системы моего духовного наследства. Для этого и нужна была моя жизнь. <...> Я оглядывалась на путь своей семьи. Все, в чем я жила, принадлежало ей. И я думала: вот прошли такие незаурядные, большие люди, как мой отец, мама. Ничего, кроме меня, от них не осталось. Но они создали для меня все, в чем я живу, — чтоб потом в моем лице ликвидировалась их жизнь и отвещественное в материальных предметах все их трудовое достояние.

И я ликвидирую и ликвидируюсь. Это единственный смысл моих нынешних дней. Но в них и огромный пафос. Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах. По-видимому, история в том и заключается, чтоб люди жили и исчезали, подобно Бетховену, «осуществляя человеческое значенье». Выше этого пока что я ничего не знаю. Так это или не так, единственное это или условное, но лично для меня нет иного пути, как быть тем, что я есть, хотя

бы иногда один день верности себе был бы более героическим подвигом, чем в иную эпоху — рыцарский поступок.

Я не человек чечевичной похлебки. Первородство духа, завещанное мне нашей семьей, моим отцом и мамой, я не продам ни за какую цену личного счастья»⁸⁰⁴.

Фрейденберг не делала принципиального различия между повседневностью и наукой: «Как я не умела отделять себя чувством от одушевленного и неодушевленного, вещного мира, так я никогда не могла ставить перегородок между научной теорией и непосредственным восприятием жизни; одно выражало другое»⁸⁰⁵. Так, блокадный опыт хождения по высоким инстанциям в попытках получить рабочую карточку отразился в монографии «Лекции по теории фольклора», где она в качестве примера «рациональной традиции» приводит зависимость величины кабинета и размера письменного стола от должности⁸⁰⁶. И в этом отрывке про архив и идею истории, в целом понятном, темы и образы ее научных изысканий выразились не так явно, чтобы искать соответствия именно в них, поэтому исследователи мемуаров, не достаточно знакомые с творчеством Фрейденберг или не придающие значения тому, насколько биографично и самостоятельно ее творчество, ищут аналогии и заимствования в общекультурных образцах, обычно ассоциированных с какой-либо социальной группой или периодом времени⁸⁰⁷.

Гегелевская формула истории как возмездия, скорее всего, не могла быть воспринята Фрейденберг из Гегеля хотя бы потому, что именно его работ она не читала («философию я знала и любила, но, по странной случайности, не была знакома лишь с Гегелем»), а познакомилась лишь с его марксистской трактовкой, «диалектическим материализмом», у А. М. Деборина во время подготовки к изданию первой редакции «Поэтики сюжета и жанра» в 1929 году, что,

---

⁸⁰⁴ Фрейденберг О. М. Тетр. 26. Л. 4—5 об.

⁸⁰⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 16. Л. 14 об.

⁸⁰⁶ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 178.

⁸⁰⁷ Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день» // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 23. Можно сравнить, например, с тем, как исследовательница творчества Л. Я. Гинзбург Эмили Ван Баскирк посчитала название большого произведения, которое собиралась написать Гинзбург или в которое планировала свести большинство своих повествований, — «Дом и мир» — прежде всего соотносящимся с названием самого известного произведения русской литературы — романом «Война и мир». Между тем именно так — «Дом и мир» — называется роман Р. Тагора, очень популярный в России, переведенный и изданный в Петрограде еще в 1920-х гг. Фрейденберг, например, взяла из него эпиграф для своих «Лекций по теории фольклора» (Ван Баскирк Э. Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного / Лидия Гинзбург. М.: Новое изд-во, 2011. С. 515, прим. 30).

правда, не мешало ей диалектически рассуждать еще в 1925-м⁸⁰⁸. Но о таких концептах, как «суд истории», «историческое возмездие», Фрейденберг, конечно, понятие имела, хотя относилась к ним скорее с горькой иронией⁸⁰⁹. Тем не менее она ставила перед собой задачу зафиксировать преступления Сталина как «человеческий протест против артиллерии антихриста»⁸¹⁰, и «московский Нюрнберг» был для нее важным и желанным человеческим судом, который бы осудил преступления против человечности.

«Матерьялизм, для которого единая человеческая жизнь составляла составную часть всего сущего» из отрывка про архив скорее созвучен тому понимаю материи, которое Фрейденберг дает в статье о Бахофене (материя как женское начало, могила как памятник и память), и ее отношению к «своим» вещам, представляющим только для нее невероятную ценность, так как в них заключена часть ее неповторимой личности и души⁸¹¹.

Историю в этом отрывке стоит понимать совсем не как будущий суд, а как объективный непрекращающийся процесс смены поколений, которые, подобно светилам в древних космогониях, появляются и исчезают, «осуществляя человеческое значение», то есть оставляя «славу» (память) о себе. Так, «пройдя» и «исчезнув», воплотились в ней ее родители, а она оставляет («ликвидирует») все свое «духовное наследство» в материальных предметах, погружая свои работы и жизнеописание во мрак — железный сундук — могилу, вместилище памяти о ней и ее семье, откуда после физической смерти, может быть, спустя много лет непременно увидит свет, «вспомнится» ее «слава», т. е. возродится, но уже к бессмертной жизни и она, и ее научные достижения, не оцененные современниками. Образ истории как рая, означающего победу над смертью — забвением, почерпнут из архаической трактовки спортивных состязаний как борьбы

---

⁸⁰⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 6. Л. 57 об.; Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 155—159. См. также: Брагинская Н. В. О связи основных идей О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 85.

⁸⁰⁹ О «суде истории» упоминает Франк-Каменецкий в письме к Фрейденберг от 22 декабря 1936 г. по поводу злоключений с «Поэтикой». Он рассказывает анекдот о некоем человеке, который написал Книгу, ее вместе с автором проработали так, что человек исчез. Через год понадобилась книга на эту тему, стали искать автора, нашли на конторской работе и стали убеждать написать еще одну книгу на сходную тему, потому что она дает единственно марксистское освещение темы: «Ну он так и не стал писать новой Книги. Довольно и одной. — Таков „суд истории“» (Тетр. 10. Л. 80). В другом случае Фрейденберг сообщает о своем отношении к историческому возмездию: «Мы с мамой страстно верили в историческое возмездие. Я вела счет его старческому возрасту в ожидании, что, рано или поздно, несмотря на все ухищренья и власть НКВД, ни на что несмотря — день придет, спрут издохнет. Но вот, один за другим, уходили люди, которые жили этой страстной верой. Он дожил до победы. Он справлял парад победителя» (Тетр. 22. Л. 38 об). См. также выше ее отношение к оправданию Бейлиса, с. 84—85.

⁸¹⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 34. Л. 19.

⁸¹¹ См. п. 3.2.2, с. 166—169 о невозможности расстаться с вещами и делать их отбор.

со смертью, где в качестве награды праведнику-победителю даруются райское изобилие и вечная жизнь и молодость ⁸¹².

Таким образом, идея архива складывалась из тем и образов научных работ этих лет, а оба эпиграфа полноправны и выражают разные фазы одного и того же. Фрейденберг прожила полную страданий жизнь, но в ожидании смерти она завершит работы и Записки, тем самым материализует свою личность — опыт, чувства и мысли, поместит в сундук, как в могилу, чтобы возродиться, когда станет востребованной и понятой.

С. В. Полякова как-то сказала, что у Фрейденберг биография умирающих и воскресающих богов ⁸¹³. С этой точки зрения интересна композиция отдельных частей мемуарно-дневникового комплекса.

Первая часть Записок, «Самое главное», охватывает период жизни Фрейденберг с раннего детства и до 1917 года. Но не столько из-за самой революции, которая радикально изменила окружающую действительность, этим годом заканчивается первая часть, сколько потому, что сама Фрейденберг, пережив тяжелый душевный кризис — смерть близкого человека, столь же радикально меняет свою жизнь, поступив в университет, где у женщин появилась возможность учиться.

Следующая по времени написания часть, «Осада человека», посвящена блокаде Ленинграда. Она заканчивается не прорывом блокады или окончанием войны, а смертью матери (апрель 1944 года) — потерей жизненной опоры, чем на протяжении всей жизни она была для Фрейденберг.

---

⁸¹² Речь, разумеется, не о том, что для Фрейденберг такая картина мира служила религиозной или философской доктриной, а о том, что архаические образы, смысл которых давно забыт, сохраняются и воспроизводятся в современности, хотя и не всегда осознаются. И Фрейденберг описывает свое совершенно современное действие — формирование архива, — используя в том числе язык и материал собственных работ об архаических образах, следы которых она определяет в древнегреческой литературе. Так, для современных городских детей и их родителей использование в качестве детской игрушки диких зверей, например медведя, не вызывает вопросов, а между тем плюшевый мишка восходит к архаическим представлениям о тотемном животном (Брагинская Н. В. О связи основных идей О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 90). Современник Фрейденберг немецкий писатель и журналист Фридрих Рек-Малличевен (1884—1945) в антинацистском дневнике (1936—1944) описывал собственное тайное творчество в близких к Фрейденберг образах, хотя вряд ли осознавал или хотя бы подозревал его архаическую природу: «Я <...> собираюсь спокойно работать над этими бумагами, которые однажды внесут свою лепту в историю нацизма. Я прячу каждую ночь в глухом лесу или в поле то, что однажды может расцвести буйным цветом... постоянно проверяя, не наблюдает ли кто за мной, постоянно меняя место» (Рек-Малличевен Ф. Дневник отчаявшегося. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. С. 61). В декабре 1944 года автор был арестован и в феврале 1945-го погиб в Дахау. Дневник был обнаружен закопанным в поле рядом с усадьбой писателя и стал самым знаменитым его произведением и одним из самых страшных документов нацистской эпохи, переведенным на многие европейские языки (Чойка П. Послесловие // Там же. С. 293).

⁸¹³ См. выше, с. 189.

К Запискам она вернулась в 1945 году, но скоро бросила, а после двухгодичного перерыва ее жизнь обрела новый смысл: «Отныне я имела цель жизни: жить для смерти! Срочно готовить архив». Она объединяет все записи мемуарного характера под общим заглавием «Пробег жизни», оставив неопианным довольно значительный этап (1917—1941), когда происходило ее становление и развитие как ученого, создателя и заведующего кафедрой классической филологии ЛГУ. Эту часть Фрейденберг начала писать осенью 1948 и закончила зимой 1949 года. В университете развернулась кампания борьбы с космополитизмом, происходил разгром кафедры и дискредитация Фрейденберг как ученого — а она «воскрешала» свою научную биографию. Записки завершены в декабре 1950 года — Фрейденберг отстранена от заведования кафедрой, а затем отправлена на пенсию. Но научная работа продолжается: лишь в 1954-м она завершит итоговую монографию «Образ и понятие». И вновь собирается вернуться к Запискам, подготавливая для них материалы. Но продолжить их было не суждено — летом 1955 года Фрейденберг умерла.

Каждая часть Записок в той или иной степени отражает переживания Фрейденберг встречи со смертью. И если первая и вторая части — переживание физической смерти конкретных людей, то последующие — разные фазы интеллектуальной и духовной смерти, забвения, протестом против которых в том числе и выступают Записки. В этом смысле символично, что год, в котором Фрейденберг предполагала закончить последнюю часть, оказался годом ее смерти.

4.3. Архив М. Ф. Фрейденберга

Первоначально Фрейденберг планировала включить в архив бумаги отца и И. Г. Франк-Каменецкого⁸¹⁴. Документы М. Ф. Фрейденберга после его смерти хранил у себя А. М. Михайлов. Незадолго до ареста он передал сестре пакет с этими документами⁸¹⁵. Пакет она просто хранила, видимо, не открывала и не знала его содержимого.

Ко времени написания Записок о периоде 1917—1941 годов Фрейденберг завершила разбор большинства документов собственного архива и взялась за материалы отца, с которыми работала, вероятно, весной—летом 1949 года: «С утра вспоминаю свой долг перед отцом. Надо написать о нем, ввести в историю техники. Ведь я — последняя. На мне оборвется род. Но я не имею никаких фактов в руках. Никакой документации. Он был в молодости актером, а я ничего не умею рассказать. Все забылось. Его изобретения не оставили никаких следов. Где-то, помнится, лежал не-

---

⁸¹⁴ См. п. 2.2.4, Рисунок 2, с. 114.

⁸¹⁵ Фрейденберг приводит в Записках слова отца о его документах, которыми он распорядился незадолго до смерти, уезжая в больницу: «Вот здесь, в моем письменном столе, все мои бумаги, все мое самое важное. Пока я жив, ничего не трогайте, ни одной из моих вещей. А если умру, делайте со всем, что захотите» (Тетр. 4. Л. 20 об.).

нужный и тяжелый сверток патентов на его незначимые мелкие изобретения»⁸¹⁶. В пакете обнаружилось много патентов, включая и значимые изобретения, такие как автоматическая телефонная станция и буквоотливная машина, а также различные документы и фотографии, сведения о полетах на воздушном шаре в Одессе в 1881 году, афиши организованного им театра в Евпатории и три текста с воспоминаниями: «Воспоминания изобретателя», «25 лет цензурской опеки» о журналистской работе в Одессе и «Первый драматический театр в Евпатории». О существовании воспоминаний Фрейденберг, видимо, в точности не знала или считала их утраченными⁸¹⁷. Она немедленно стала их читать: «Все, что я хотела знать, все, чего я добивалась, — нет, во стократ больше, — рассказывает о своих изобретениях сам отец. Непередаваемое, потрясающее впечатление произвел на меня этот величественный голос истории. Казалось, заговорило Время. Бедный страдалец, одинокий и ни от кого не ждавший спасенья, сам говорил с будущим. О, все тут было! Горькая повесть удушенного гения. Беспредельная вера в историю. <...> А для меня это было настоящее чудо. Надо же было, чтоб столько лет эта рукопись не рождалась, и чтоб она возникла именно тогда, когда я созрела для ее глубочайшего понимания; когда темная и ненавидящая человека Россия своекорыстно начала интересоваться всем, чем можно торговать, — в том числе и мировыми открытиями, и русскими приоритетами»⁸¹⁸.

Действительно, время, чтобы заявить о русском приоритете в мировой истории техники в период борьбы с низкопоклонством перед Западом, было наиболее подходящим для забытого изобретателя, со смерти которого прошло почти 30 лет. И все это он подготовил сам: собрал патенты и документальные подтверждения изобретений, описал свою жизнь и борьбу за них. Материалы долго хранились, покрывались «десятипудовой» пылью, счастливо избежали конфискации при аресте первого хранителя и были «открыты», когда момент их обнародования оказался особенно благоприятным.

По прочтении воспоминаний отца Фрейденберг выделяет особое значение *написанного*, которое в значении *созданного, сотворенного* она отмечала еще в своей работе «Происхождение литературного описания»: «„Полиистор Александр, как рассказывает <...> Берос в I книге „Вавилонии“, говорит, <...> что Оанн написал о происхождении мира и государства, и это слово передал людям“. Каким бы поздним и легендарным ни был этот миф, но он очень типичен. Описание мира есть его сотворение; Логос, первоначало, основа бытия; написать это значит создать. При этом, конечно, речь не идет о письменности и датировке ее возникновения; книга, письмо

---

⁸¹⁶ Фрейденберг О. М. Тетр. 33. Л. 12—12 об.

⁸¹⁷ «Может быть, эти тетради погибли, как погибли записи моего отца?» (Фрейденберг О. М. Тетр. 24. Л. 25). Возможно, что в данном случае речь идет именно о «Воспоминаниях изобретателя», см. также первоначальный план архива (п. 2.2.4, Рисунок 2, с. 114), где они вписаны карандашом позже.

⁸¹⁸ Фрейденберг. Тетр. 33. Л. 13—13 об.

<...> сперва означает космос, тотем, а потом уже получает то значение, которое мы сейчас вкладываем, и получает его именно потому, что это тотем и космос»⁸¹⁹. Теперь же речь идет о написанных воспоминаниях, которые *создают* жизнь отца, точнее в данном случае *воссоздают, воскрешают*: «Я поняла значение „написанного“. Написать — это самое главное. Написанное создает. Там, где его нет, хаос и обрыв. Кто мог бы сотворить прошлое, если б его не сделал настоящим сам отец? Я взвешивала в обеих руках пустоту и бытие. Отцовские записки казались мне внезапным чудом. И я, единственная из всей семьи, последний ее живой остаток, обязана была найти эти рукописи и взять патент на отцовскую жизнь. Вера в историю пересиливала в отце отчаянье. И я точно так же, подавленная трагизмом отцовской судьбы, восприняла эти записки, как оправданное упование. Великое счастье унесло мою душу в обитель главного, которое я искала всю свою жизнь, и утешило меня из-за отцовской затерянной могилы глубоким утешеньем. <...> Если б я напечатала отца, моя жизнь была бы оправдана»⁸²⁰.

В письме к Борису Пастернаку от 27 ноября 1949 года Фрейденберг среди прочего сообщила, что архив отца пристроен в Музей связи им. А. С. Попова⁸²¹ и она отправила документы в комиссию по истории техники в Москве. А 22 апреля 1950 года другому брату, Александру Пастернаку⁸²², написала, что материал об отце уже изучен и о нем сделаны доклады в Академии наук⁸²³, и приложила документы о полетах и фотографию отца того времени: «Так быт делается историей. Я, как папа, под старость припадаю к истории, наполняясь ее пафосом и великим синтезом всего, что зовется жизнью на земле»⁸²⁴. В одном из последних писем к Борису Пастернаку, от 17 июля 1954 г., Фрейденберг сообщает, что об отце как изобретателе кино в академических изданиях и в энциклопедии вышла уже целая литература⁸²⁵. Таких «предизобретателей» кино было достаточно, но не сохранились модели, как и у самого М. Ф. Фрейденберга, а свидетель-

---

⁸¹⁹ Фрейденберг О. М. Происхождение литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: IKRiBL im. F. Karpińskiego, 2018. С. 50.

⁸²⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 33. Л. 14—14 об.

⁸²¹ Возможно, дело отца пошло так быстро потому, что сотрудником архива Музея связи работала одноклассница Фрейденберг Мария Васильевна Ядовина. Они длительное время не общались, но в архиве сохранилось ее письмо от 25 октября 1949 г., в котором она напоминает Фрейденберг о себе.

⁸²² Пастернак Александр Леонидович (1893—1982) — родной брат Б. Л. Пастернака, инженер и архитектор.

⁸²³ Речь, вероятно, о докладе В. Н. Рогинского «Изобретатель АТС — М. Ф. Фрейденберг», тезисы которого сохранились в Архиве О. М. Фрейденберг, другие его работы о М. Ф. Фрейденберге см. выше с. 12, прим. 26, с. 69, прим. 244.

⁸²⁴ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 331.

⁸²⁵ Вероятно, имеются в виду исследования историка науки и техники И. В. Соколова, в Архиве О. М. Фрейденберг сохранились письмо от него от 29 июня 1954 г., его работы о М. Ф. Фрейденберге см. выше с. 12, прим. 26, с. 69, прим. 244.

ством, послужившим основанием для причисления его к изобретателям кино, стало в том числе описание кинетоскопа в его воспоминаниях ⁸²⁶.

Итак, Фрейденберг на примере архива отца, который она получила по воле случая, долго хранила, но затем разобрала и разумно распорядилась его судьбой, смогла проверить один из вариантов будущего собственного архива.

Вообще при формировании архива Фрейденберг в той или иной степени руководствовалась разными примерами.

В 1932 году ее чрезвычайно вдохновила монография, изданная Л. О. Пастернаком. В ней, помимо прекрасных репродукций его работ, были приведены воспоминания, дополняющие и поясняющие их ⁸²⁷.

С другой стороны, Марр, который всегда рассказывал на лекциях и при любом общении о борьбе за свою теорию, так что даже сама Фрейденберг предлагала ему написать автобиографию ⁸²⁸. В 1936 году она сама написала воспоминания о нем и В. В. Буше, своих умерших учителях, чтобы у потомков было понимание того, какими людьми были крупные ученые ⁸²⁹.

Оставшись в блокадном Ленинграде, в то время как университет эвакуировался, перед лицом смерти Фрейденберг решила, что отныне будет писать научные работы без оглядки на возможность печати. Столь же свободно писались и Записки, хотя их откровенность и правдивость могли стоить ей жизни.

С возвращением университета и началом идеологических кампаний ее положение оказалось много хуже — руководить кафедрой, печататься и просто преподавать стало и невозможно, и практически невыносимо. Такая катастрофа, как война, режим не только не изменила, на что надеялась Фрейденберг, но, напротив, он стал ужаснее. Однако блокадный опыт и обретенная внутренняя свобода изменили ее.

---

⁸²⁶ Фрейденберг М. Ф. Воспоминания изобретателя (1913) // ЦМС ДФ. Ф. 36. Оп. 4. Д. 4.

⁸²⁷ См. п. 3.2, с. 149—150.

⁸²⁸ Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 190. И далее: «В Марре, действительно, автобиографический поток был очень силен. Как крупного человека, его характеризует эта высокая лирика, эта потребность всюду и везде рассказывать о себе, вычерпывать себя, объективировать все личные переживания в научном и просто лирическом рассказе. Он наполняет собой все свои научные труды по лингвистике, все свои академические лекции, все и по всякому поводу выступления. Это не мания, не тщеславие, не себялюбие: это непреодолимый позыв к самораскрытию, совершенно аналогичный тому, который делает из людей поэтов» (Там же).

⁸²⁹ «Ученые потомки, которые будут интересоваться Марром, и будущие создатели исторического романа, желающие вывести крупного ученого одним из действующих лиц современной нам эпохи, обратятся ко всем нашим воспоминаниям и по ним станут восстанавливать Марра-человека» (Там же).

Книга недооцененного при жизни Бахофена, изданная более 80 лет назад, которую Фрейденберг перечитывала в 1946 году, поражаясь его гениальной прозорливости, говорила ей, что по-настоящему важную научную мысль могут понять и оценить потомки. Но для чтобы работу прочитали потомки, она должна быть опубликована. Письмо из Публичной библиотеки подарило идею, каким образом можно распорядиться собственными бумагами. Фрейденберг увлеклась составлением архива, но решила, что не станет передавать его государству. Работая в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, она узнала, что архивисты «обрабатывают» документы, чтобы скрыть информацию ⁸³⁰, — конструируют память о прошлом согласно государственной политике. Научная репутация у нее уже сложилась, и она понимала, что после смерти покинувшие ее ученики не смогут, да и не станут хоть что-то в ней изменять. Но это сможет сделать она сама, пусть и в глазах потомков, составляя посредством архива собственный образ, как не отобразил бы его никто другой. И она возобновляет Записки, призванные отразить ее жизнь с раннего детства и до смерти, тщательно отбирает документы, уничтожая ненужные, а нужные перенося в мемуары. Пытаясь уехать из блокадного Ленинграда, она несколько раз разбирала вещи, отбирая важное, самое важное, важнейшее, поэтому опыт у нее уже есть. Архив должен стать ее документальным образом: Записки, описывающие научную биографию, далеко не полную, но именно такую, какой она хотела бы быть представленной потомкам; научные работы, завершенные и подготовленные к публикации; избранная переписка, включающая письма Пастернака, учителей, причастных к ее рождению как ученого; некоторые памятные вещи. В каком-то смысле все это и есть *curriculum vitae* — краткое жизнеописание и список печатных работ. Она понимала, что никто не станет писать о ней воспоминаний, составлять научную биографию, поэтому в сундук помещены и развернутое жизнеописание, и работы (с приложенным списком). Но положение человека в эти времена весьма шатко — в любой момент могут прийти с обыском и арестовать имущество, могут случиться какие угодно бедствия. Фрейденберг, безусловно, страшится подобного, но надеется, что время рассудит по справедливости: «Если работы мои настоящие, должны выжить, т. е. ордалии» ⁸³¹. Но вот она все соберет и приготовит для истории и науки, а как произойдет открытие? Возможно, так, как это произошло с архивом отца. Но кто будет им заниматься, когда придет время? Нужно выбрать хранителя. Сразу после устройства архива отца Фрейденберг составляет первое завещание, по которому архив должен перейти к любимой ученице, Поляковой. Однако потом его меняет и в конце концов завещает Р. Р. Орбели, дочери своей гимназической учительницы ⁸³².

---

⁸³⁰ См. выше п. 4.2, с. 233.

⁸³¹ Подготовительные материалы к Запискам (Архив О. М. Фрейденберг).

⁸³² См. п. 1.2.2, с. 65.

Как оказалось, хранителя она выбрала верно. И все произошло именно так, как и задумывалось. В черновике предисловия к «Образу и понятию», подготовленном в мае 1951 года, незадолго до увольнения, она писала: «Не имея права ни читать курсов по высказывающимся здесь вопросам, ни печататься, ни выступать с докладами на научных заседаниях, я обращаю молчаливо эти мысли к самой себе и, подобно древним заточникам ⁸³³, опускаю их в запечатанном виде в море будущего» ⁸³⁴.

4.4. Архив О. М. Фрейденберг и роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Архив Фрейденберг в своей совокупности представляет собой, пожалуй, явление уникальное, по крайней мере, мне не удалось найти подобного среди архивов как ученых, так и не только ученых. Но, возможно, близкое для сравнения явление нужно искать у людей, оказавшихся в схожей личной или общественной ситуации, и не обязательно это явление будет архивом.

Например, Е. А. Борисочева в магистерской диссертации рассматривает труды Фрейденберг по греческой лирике ⁸³⁵, привлекая работы западноевропейских ученых С. М. Боуры и Г. Узенера ⁸³⁶, влияние которых на методы Фрейденберг не исследовалось ранее столь подробно. Она также описывает дискуссию XIX века о месте классической филологии в ряду других наук и изменении ее целей и задач (Узенера и У. фон Виламовиц ⁸³⁷), находя близость понимания задач классической филологии и научных методов Фрейденберг именно в позиции Узенера. Он утверждал, что филология — это не отдельная наука, а метод общей науки о культуре, а значит, нельзя ограничиваться только филологическим подходом к исследованию древнего текста, равно как и изучать только одну культуру, например античную, — наука должна быть компа-

---

⁸³³ Видимо, имеется в виду Даниил Заточник, более поздний рассказ о том, что Заточник бросил свое завошенное послание в озеро, там его проглотила рыба, поданная к княжескому столу, и таким образом послание дошло до князя (Лященко А. И. Даниил Заточник // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1893. Т. 10 (19): Давенпорт — Десмин. С. 90—91).

⁸³⁴ Подготовительные материалы к Запискам (Архив О. М. Фрейденберг).

⁸³⁵ Борисочева Е. А. Труды О. М. Фрейденберг о греческой лирике: генезис и эволюция: магистерская диссертация / Европ. ун-т в С.-Петербурге., Междунар. Шк. искусств и культурн. наследия. СПб., 2023. 70 с.

⁸³⁶ Боура Сесил Морис (1898—1971) — английский филолог-классик и литературовед. Узенер Герман (1834—1905) — немецкий филолог, имевший широкий круг интересов, среди которых классическая филология, сравнительное религиоведение, мифология и т. д.

⁸³⁷ Виламовиц-Мёллендорф Ульрих фон (1848—1931) — немецкий филолог-классик и историк античной культуры.

ративной⁸³⁸. Понимание научного метода Фрейденберг именно в этом ключе, а не поверхностное отнесение к марризму, помогает понять, почему ее работы так негативно воспринимались и воспринимаются классическими филологами, главным образом последователями петербургской формально-филологической школы, чья установка на точные, фактологические и текстологические задачи в конце 1940-х годов усугубилась тем, что любое теоретизирование стало опасным, а сравнительный метод в литературоведении и вовсе запрещен.

Противостояние Фрейденберг с коллегами по кафедре и администрацией университета усиливалось, она теряла учеников, своей семьи у нее не было, и после увольнения она общалась в основном с немногими соседями, друзьями и родственниками. Но по большей части это было бытовое общение.

Единственный, с кем она могла общаться духовно и интеллектуально, был Борис Пастернак, но они не виделись с 1936 года, только переписывались. Его письма она тщательно собирала и хранила, как никакие другие.

Их близость, особенно в послевоенные годы, отмечалась рядом исследователей. Преобладание в переписке темы творчества и его философского осмысления отмечает в своих статьях и диссертации П. Л. Микурова⁸³⁹. Е. Б. Пастернак считал Записки и роман «Доктор Живаго» явлениями одного порядка: «подвигом воссоздания в слове пережитого опыта», которому они посвящали все свои силы⁸⁴⁰. Н. В. Брагинская и А. И. Шмаина-Великанова рассматривают присутствие сестры в творческой биографии поэта⁸⁴¹.

---

⁸³⁸ Usener H. *Philologie und Geschichtswissenschaft*. Bonn, 1882. 39 S.; Борисочева Е. А. Труды О. М. Фрейденберг о греческой лирике. СПб., 2023. С. 30—31; В. М. Лурье. Период «химический»: Узенер и кризис болландистской науки // Введение в критическую агиографию / В. М. Лурье. СПб.: Аxioma, 2009. С. 18—20.

⁸³⁹ Микурова П. Л. Особенности рецепции эпистолярного наследия Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. научн. конф. XV Виноградовские чтения: в 3-х т. / отв. ред. И.Н. Райкова. М.: Книгодел, 2019. Т. 2. С. 206—214; Ее же. Переписка Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг в биографическом, культурном, историко-литературном контексте: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 2022. 223 с.: ил.; Ее же. Российская действительность в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1920—1930-х годов // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14, № 2 (38). С. 203—208; Ее же. Тема блокадного Ленинграда в письмах О. М. Фрейденберг Б. Л. Пастернаку первой половины 1940-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 144—148; Микурова П. Л., Матвеева И. И. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930—1940-х гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. №2 (34). С. 50—57.

⁸⁴⁰ Пастернак Е. Б. Вступление // Пожизненная привязанность / Борис Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 4.

⁸⁴¹ Шмаина-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 99—116.

Мне же представляется важным сопоставление творчества обоих в послевоенный период, общем его направлении и результате — победе над профессиональным сообществом, советской властью и в итоге над смертью и забвением. Фрейденберг добилась этого, воплотив в архиве свой образ ученого и человека, Пастернак — созданием романа «Доктор Живаго», который стал памятником эпохе и его современникам. Для детального сравнения этих двух феноменов потребовалось бы отдельная работа, поэтому здесь я ограничусь сопоставлением внешних проявлений этой общности, часто представленной в различиях. Перлина называла это избирательным средством и отмечала близость раннего творчества Пастернака с первой частью (о детстве и юности) Записок⁸⁴².

4.4.1. Записки О. М. Фрейденберг и «Охранная грамота» Б. Л. Пастернака

Рассматривая историю создания мемуарно-дневникового комплекса, я выделяла автобиографические опыты Л. О. Пастернака, изданные в 1932 году, вдохновившие Фрейденберг на написание мемуаров⁸⁴³. Но годом ранее была опубликована автобиографическая повесть Пастернака «Охранная грамота»⁸⁴⁴, где об общем детстве и юности не сказано ни слова, а в двух упоминаниях сестры она даже не названа по имени⁸⁴⁵. Точно неизвестно, когда Фрейденберг прочла «Охранную грамоту». Она упоминает о повести в 1928 году в письме к Е. С. Лившиц, как о еще не вышедшей автобиографии кузена: «Да: скоро появится его автобиография, где фигурирует наша семья и, кажется, я. Нравится тебе такая перспектива? Черт побери, новое горе! Каждый за 10 коп. будет рыться в твоей жизни. Ведь мы еще не умерли! Каково, а? Сиди и жди, что он там написал»⁸⁴⁶. Но к тому времени, когда в первой части Записок, начатых в ноябре 1939 года, Фрейденберг описывала встречу с Пастернаком во Франкфурте летом 1912 года, «Охранная грамота» была уже ею прочитана⁸⁴⁷. Сцена в ресторане с описанием «роскошных» заграничных привычек Фрейденберг, обеспеченных «финансами» отца, предшествующая встрече с кузеном, скорее всего, намеренно до гротеска противопоставлена тексту «Охранной

---

⁸⁴² См. п. 1.3.3, с. 88.

⁸⁴³ См. п. 3.2, с. 149—150.

⁸⁴⁴ Пастернак Б. Л. Охранная грамота: [воспоминания 1900—1930 гг.]. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, [1931]. 128 с. Первая часть, законченная в 1928 г., была опубликована в журнале «Звезда» (1929. № 8. С. 148—166), вторая и третья части в журнале «Красная новь» (1931. № 4. С. 3—23; № 5—6. С. 32—46).

⁸⁴⁵ Шмайна-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 99—116.

⁸⁴⁶ Архив О. М. Фрейденберг. В этом письме Фрейденберг описывает встречи с Е. В. Пастернак (Лурье), первой женой Б. Л. Пастернака, приехавшей навестить родственников в Ленинграде. Возможно, от нее Фрейденберг и узнала о готовящемся выходе первой части повести (подробнее см. выше с. 127, прим. 446).

⁸⁴⁷ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 67.

грамоты»⁸⁴⁸. Однако не только читатели, но и некоторые исследователи восприняли «буржуазность» Фрейденберг буквально⁸⁴⁹.

Пастернак рассказывает о подготовке к поездке в Марбург: «Программа у меня, разумеется, была спартанская. Третий, а за границей, если придется, и четвертый класс, поезда последней скорости, комната в какой-нибудь подгородной деревушке, хлеб с колбасой да чай. Мамино самопожертвование обязывало к удесятеренной жадности⁸⁵⁰. За ее деньги следовало попасть еще и в Италию. Кроме того, я знал, что очень чувствительную долю поглотит вступительный взнос в университет и оплата отдельных семинариев и курсов. Но если б у меня денег было и вдесятеро больше, я по тем временам от этой росписи не отступил бы. Я не знаю, как распорядился бы остатком, но ничто бы на свете меня тогда во второй класс не перевело и никаких следов на ресторанной скатерти оставить не склонило»⁸⁵¹.

А вот как описывает себя Фрейденберг перед встречей с Борисом: «Я сидела в ресторане своего отеля в огромной летней шляпе, усыпанной розами, и пожирала бифштекс с кровью. Напротив меня стоял лакей, с которым я флиртовала. Я уже привыкла к широкой заграничной жизни, к мужской прислуге, к лакеям, стоящим напротив стола и следящим за ртом и вилкой, к исполнению всех прихотей и капризов. Я привыкла нажимать кнопки и заказывать автомобили, билеты в театр, ванны. На этот раз молодой, шикарный официант на стену лез, чтоб угодить мне. Я любила хорошо поесть разные черепаховые супы, тонкие вина, кремы, особенно мясо с кровью; мой молодой приятель уверял меня, что повар готовит мне с особым старанием, по его просьбе»⁸⁵².

Это картина перекликается с отображением в той же части Записок трапезы в Болонье, которую Фрейденберг посетила, путешествуя по Италии после лечения в швейцарском Глионе в 1911 году: «Там, так же случайно, я попадаю в гранд-отель, расположенный в роскошном старом палаццо, и начинаю жить роскошно, как сам отель. Мэтр-д'отель стоит у моего стола и следит, как меня обслуживают и как я ем: это не просто, это целое искусство светскости, есть в гранд-отеле! Мне подают яства и легкие вина, а в заключение сам мэтр-д'отель подносит

---

⁸⁴⁸ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 67.

⁸⁴⁹ Например, Пастернак Е. Б. Вступление // Пожизненная привязанность / Борис Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 10.

⁸⁵⁰ Деньги на поездку дала мать, скопив 200 р. из средств, сэкономленных в хозяйстве и вырученных за фортепианные уроки (Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2004. Т. 3. С. 166.).

⁸⁵¹ Там же.

⁸⁵² Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 89 об.—90.

мне бронзовую чашку для мытья рук: в Италии после еды нужно слегка обмакивать пальцы, весьма следя, чтоб это не было ни мытьем, ни отказом от мытья»⁸⁵³.

Вообще сам маршрут той итальянской поездки кажется намеренно противопоставленным пастернаковскому из «Охранной грамоты»: Борис был в Милане полдня, но из-за недосыпания не запомнил его, кроме собора, «все время менявшегося в лице» и впечатлившего поэта⁸⁵⁴. Фрейденберг «пожила и полазила в Милане», что не оставило никаких впечатлений в Записках⁸⁵⁵. Но из открыток матери в Глион и отцу в Санкт-Петербург известно, что она провела там примерно один день, следующий день — в Болонье, а затем — во Флоренции, где была около недели и вернулась в Глион, опасаясь нехватки денег⁸⁵⁶. Чем был вызван именно такой маршрут, неизвестно⁸⁵⁷, но предвзятое свое очень скромное итальянское путешествие в Записках Фрейденберг сообщает, что ее «не интересовал холодный Рим или расшарманенная Венеция»⁸⁵⁸, которой Пастернак посвятил несколько глав второй части «Охранной грамоты».

Отмечая параллелизм к событиям жизни Пастернака и его семьи, Перлина в то же время указывает, что Фрейденберг меньше всего стремилась представлять Записки как историко-литературный комментарий к творчеству Пастернака и избегала подробностей, известных из его автобиографической прозы⁸⁵⁹.

Но она дополнила автобиографию тем, что отсутствовало у Пастернака, — общим детством, дружбой семей, юношеской сближением в 1910 году, встречей и совместным путешествием в 1912 году, собственным успешным флиртом и обильной перепиской (в Записках приведены семь писем Пастернака)⁸⁶⁰.

⁸⁵³ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 87 об.—88.

⁸⁵⁴ Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2004. Т. 3. С. 197—198.

⁸⁵⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 87 об.

⁸⁵⁶ В архиве Фрейденберг сохранились открытки матери и отцу от 15 августа 1911 г. из Милана, от 16 августа из Болоньи (отцу: «я на день в Болонье — чудесном старом городе. Устроилась отлично. Завтра днем я буду во Флоренции») и от 19 августа из Флоренции (матери: «Утопаю в блаженстве, веселюсь, восторгаюсь. Если смогу, в понедельник-вторник уеду. А то не хватит денег. Ах, я не живу, а витаю»).

⁸⁵⁷ Болонья в этом маршруте возникла случайно, потому что Фрейденберг села в поезд, спасаясь от слишком назойливого миланского попутчика (Т. 1. Л. 87 об.).

⁸⁵⁸ Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 87 об. «Расшарманенная» здесь, вероятно, в значении многократного, нудного повторения (см. «шарманить» в словаре: Епишкин Н. А. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. С. 4876).

⁸⁵⁹ Перлина Н. М. Избирательное родство // Indiana Slavic Studies. 1996. Vol. 8. С. 77—79.

⁸⁶⁰ Ср. упоминание в письме к дяде, Л. О. Пастернаку, в 1932 году, т. е. после выхода «Охранной грамоты», где Фрейденберг среди обоснований работы над собственной автобиографией подчеркивает желание «разделаться

В целом композицию первой части Записок можно назвать аналогичной автобиографической составляющей «Охранной грамоты» — истории о молодом человеке, стоящем перед выбором дела, которому предстоит посвятить жизнь. И у Фрейденберг «Самое главное» — время становления личности, чтобы потом постепенно раскрыть ее свойства в дальнейшей жизни. Однако у Пастернака — небольшая повесть и принятие решения лирическим героем — активное действие, волевой акт, у Фрейденберг же — подробное описание жизни от раннего детства до осени 1917 года, когда она пришла в университет как в «монастырь» под влиянием личной драмы, и выбор ее предстает куда более пассивным⁸⁶¹.

3.4.2. Послевоенная переписка О. М. Фрейденберг и Б. Л. Пастернака

Теоретические работы Фрейденберг о литературе находили восторженный отклик у Пастернака, который сопоставлял их со своими размышлениями: «Как ты великолепно пишешь, — мне бы так! С увлечением, между дел, проглотил одну из твоих работ (Три сюжета) и урывками читаю другую. Страшно близкий мне круг мыслей. <...> О принципиальном символизме всякого искусства думал сам, невежественно и невооруженно, когда писал „Охранную грамоту“ и потому так жадно подчеркиваю твои строчки вроде „Процесса действий нет, а есть их плоскостное и одновременное... присутствие“. „Единство проявляется только в отличиях“. <...> И как удачно ты себя формулируешь, какие находишь слова!»⁸⁶²

Действительно, фраза «единство проявляется только в отличиях», которой Фрейденберг подчеркивает семантическое единство двух формально различных и кажущихся не связанными

со многим» (Фрейденберг О. М., Фрейденберг А. О. Из семейной переписки Пастернаков // Новое о Пастернаках. М.: Азбуковник, 2017. С. 151). В комментарии к моему докладу на XXII Лотмановских чтениях, К. М. Поливанов добавил, что одной из причин отказа от философии и обращение к литературе для Пастернака стало непонимание со стороны близких ему женщин: «Я ставлю крест над философией. Единственная причина, но какая причина! <...> От меня, явно или тайно, отвернулись все любимые мною люди. Этот разрыв мне не поможет. Меня не любят. Меня не ждут. У меня нет будущего. Я могу сказать цельнее и ближе к действительности: весь мир, из которого я вышел, все, что есть женственного, — исключено для меня» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 75). Фрейденберг, напротив, ярко описывает свои многочисленные успехи у противоположного пола в своих заграничных поездках, которые она по возвращении домой развивать не планировала.

⁸⁶¹ Подробнее о параллелях Записок и «Охранной грамоты» см.: Костенко Н. Ю. Записки Ольги Фрейденберг и «Охранная грамота» Бориса Пастернака: диалог автобиографий // «Премудрость построила себе дом...». М.: МЦНМО, 2025. С. 186—217.

⁸⁶² Письмо Пастернака Фрейденберг от 21 октября 1932 г. (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 184—185).

между собой сюжетов ⁸⁶³, наиболее точно описывает жизнь и творчество Пастернака и Фрейденберг и особенно тождество их итогов, несмотря на очевидное различие между формированием архива мало известным за пределами своей специальности ленинградским филологом-классиком и созданием романа известным поэтом, ставшим Нобелевским лауреатом и получившим широкую международную известность. На мой взгляд, эта общность отчетливо прослеживается в их переписке в самом конце и сразу после войны, когда кузены, оказавшись в схожей жизненной и творческой ситуации, искали выход из нее.

В главе 3, посвященной Запискам, я упоминала переписку и ее влияние на решение Фрейденберг формировать архив и продолжать Записки. Здесь я попробую проанализировать послевоенную переписку кузенов с точки зрения «интенционального единства» принятых ими решений, которые определили их дальнейшую жизнь и судьбу их творческого наследия.

Переписка, продолжавшаяся до 1954 года, особенно важна как источник сведений о жизни Фрейденберг после декабря 1950 года, когда была поставлена точка в очередной части Записок. Документов, свидетельствующих о последних годах ее жизни, сохранилось очень немного, в основном это письма ученицам и друзьям, с кем Фрейденберг решение о формировании архива не обсуждала ⁸⁶⁴. И именно переписка отражает то духовное и интеллектуальное напряжение, которое требовалось обоим, чтобы достойно подвести итог собственной творческой жизни в обстановке тотального неприятия государством и обществом. Хотя достигают они этого разными способами и в разных областях, именно обсуждению свободы творчества и собственных достижений на этом пути посвящена послевоенная переписка.

Итак, весной и летом 1944 года Пастернак пишет Фрейденберг, недавно потерявшей мать, ободряющие письма, зовет в Переделкино, планирует приехать в Ленинград, он много трудится, в том числе над переводами Шекспира. 30 июля он пишет о неудовлетворенности результатами и невозможности работать свободно: «Горе мое не во внешних трудностях жизни, горе в том, что я литератор, и мне есть, что сказать, у меня свои мысли, а литературы у нас нет и при данных условиях не будет и быть не может» ⁸⁶⁵. И предполагает, что постановкой переводов сможет добиться некоторой материальной независимости, которая позволит писать то, что считает нужным, «впрок» ⁸⁶⁶. Фрейденберг, как сообщалось выше, приняла такое решение еще во время

---

⁸⁶³ Фрейденберг рассматривает в статье нескольких внешне различных сюжетов, которые приводят ее к определению их семантического тождества. (Фрейденберг О. М. Три сюжета или семантика одного // Язык и литература. 1930. Т. 5. С. 43).

⁸⁶⁴ Пожалуй, за исключением О. В. Орбели, но и в данном случае, она не доверила вопрос об архиве письму (см. п. 1.2.2, с. 65—66 настоящей работы).

⁸⁶⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 282.

⁸⁶⁶ Там же.

блокады, работая над «Лекции по теории фольклора» и другими работами, но вызвано оно было тем, что она уже перед войной почти лишилась возможности публиковаться, а на кафедре среди коллег она слишком отчетливо ощущала свое одиночество ⁸⁶⁷. Позже, уже после войны и начала формирования архива, то же она напишет и о Записках, над которыми работает «свободно и без принуждения», поскольку они не предназначены для современников и тем более для публикации при жизни ⁸⁶⁸.

Летом 1945 года в двух письмах (от 21 июня и 13 июля) Пастернак сообщает о смерти дяди и вновь зовет сестру в Переделкино, предполагая в свою очередь зимой приехать в Ленинград. Письма Фрейденберг этого времени не сохранились, но 26 июня в Записках она пишет о жизненном кризисе, об отношении к брату и о надеждах, связанных с ним: «Я утратила чувства родства и дружбы. Меня друзья тяготят, я не вспоминаю о Боре. Это мираж далекой, перегоревшей и отшумевшей жизни» ⁸⁶⁹. Ольга Михайловна ожидала, что вернется из эвакуации университет, придут ученики, она встретиться с близкими ей людьми, и это даст дополнительный стимул к жизни: «Я ждала приезда Бори и прихода Иоффе. Ко мне никто не зашел из товарищей по факультету, где я работала 10 лет. Боря не приехал и писал изредка, с трудом, без тепла» ⁸⁷⁰.

В октябре Пастернак побывал в Грузии, где отмечалось столетие со дня смерти грузинского лирика Николая Бараташвили. А в ноябре появились первые черновые наброски романа. При этом Фрейденберг он впервые сообщил о замысле романа 23 декабря в письме, приложенном к книжке «Избранных стихов и поэм» (М.: ГИХЛ, 1945): «Теперь, когда это недоразумение насчет меня и скандал так укоренятся, что мне действительно хочется стать человеком! Я глупейшим образом надеюсь исправить и оправдать все эти недомолвки и недоделки. Мне в первый раз в жизни хочется написать что-то взаправду настоящее. Ах, Оля, ты не представляешь себе, в каком непомерном долгу я перед жизнью, как щедра и милостива она ко мне. Но как мало времени, как много надо гнать и наверстать» ⁸⁷¹. Он продолжает звать Фрейденберг к себе, испытывая недостаток в близких по духу людях.

---

⁸⁶⁷ П. 3.2.2, с. 172—173 настоящей работы.

⁸⁶⁸ Записки были рукописными и практически никому не показывались, а вот работы, которые Фрейденберг отдавала машинистке для перепечатывания, носили следы двойной правки: машинистке отдавался нейтральный или идеологически правильный вариант, а затем он исправлялся уже в машинописи (Брагинская Н. В. Послесловие ко второму изданию // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Восточная литература, 1998. С. 762).

⁸⁶⁹ Фрейденберг О. М. Тетр. 21. Л. 2 об.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 18.

⁸⁷¹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 280.

Только 1 февраля 1946 года Пастернак, наконец, сообщил Фрейденберг о начале работы над романом: «Я начал большую прозу, в которую хочу вложить самое главное, из-за чего у меня „сыр-бор“ в жизни загорелся, и тороплюсь, чтобы ее кончить к твоему летнему приезду и тогда прочесть»⁸⁷².

На это письмо Фрейденберг, возможно, откликается своими мыслями о прозе⁸⁷³. Письма не сохранилось, но в Записках она пишет: «Еще второго февраля 1945 года я сделала построение книги об античной прозе⁸⁷⁴. Я считала, что с прозой связаны серьезные вопросы, достойные завершения научной жизни. Прежде, чем умереть, я решила поработать над прозой. <...> Рисуя перед своими ученицами будущее построение, я говорила им, что впервые увидела путь древнего сознания от сложного к простому, но не наоборот. Я не допускала независимых форм в античности, ни рассказа, ни «логоса» — новеллы, вопреки обычным взглядам. Сначала большая и сложная проза с паратактической композицией <...> Большие мысли возникали у меня о прозе. Это остается и сейчас моей заветной задачей: сказать, что такое проза. Мне казалось, как писатель — поэт лишь в зрелости переходит к прозе, так и ученый может себе позволить такую проблему лишь в конце своего умственного пути. Нужно было еще закончить паллиату. А проза упорно натывалась на поэзию. Давно уже я должна была разделаться с лирикой, такой чуждой для меня у греков»⁸⁷⁵. Начатая еще до войны, но так и не законченная монография «Происхождение литературного описания» вызвала много новых мыслей и привела к созданию двух циклов работ: об эпосе («Гомеровские сравнения») и о лирике⁸⁷⁶. К юбилейной научной сессии ЛГУ Фрейденберг готовит статью «Происхождение эпических сравнений (на материале Илиады)», представляющую собой экстракт ее работы об эпосе. А к ежегодной научной сессии университета 1946 года она готовит доклад «Происхождение греческой лирики», в октябре 1946 года она приступает к книге о Сафо и происхождении греческой лирики.

---

⁸⁷² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 281.

⁸⁷³ «Я великолепно представляю себе, какой костяк вопросов поддерживает твой интерес к проблеме прозы, и как это будет глубоко! Это наверное (в сопоставлении с условностью не-прозы) будет параллель двух культур или систем, и душу одной будет составлять преемственность и форма, а другой — новшество и откровение» (Там же. С. 282).

⁸⁷⁴ Вероятнее всего, речь идет о главе «Наррация» в «Образе и понятии» (см. п. 3.2.6, с. 184, прим. 661). Возможно, среди черновики предвоенной монографии «Происхождение литературного описания» сохранился план этой работы (Брагинская Н. В. Показ, каталог, сравнение, экфраза: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: IKRiBL im. F. Karpińskiego, 2018. С. 15).

⁸⁷⁵ Фрейденберг О. М. Тетр. 24. Л. 41 об. — 42 об.

⁸⁷⁶ Подробнее см. п. 2.2.1, с. 106, прим. 389.

В письме от 5 октября 1946 года Пастернак пишет: «А с июля месяца я начал писать роман в прозе „Мальчики и девочки“, который в десяти главах должен охватить сорокалетие 1902—1946 г., и с большим увлечением написал четверть всего задуманного или пятую его часть. Это все очень серьезные работы. Я уже стар, скоро, может быть, умру, и нельзя до бесконечности откладывать свободного выражения настоящих своих мыслей. Занятия этого года — первые шаги на этом пути, — и они необычайны. Нельзя без конца и в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят шесть лет жить тем, чем живет восьмилетний ребенок: пассивными признаками твоих способностей и хорошим отношением окружающих к тебе, — а вся жизнь прошла по этой вынужденно сдержанной программе»⁸⁷⁷.

Борис Леонидович читает первую главу романа 3 августа в присутствии В. Ф. и И. С. Асмусов и К. А. Федина. А 14 августа было опубликовано знаменитое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», и, хотя оно напрямую не касалось поэта, он был выведен из состава правления Союза писателей, а А. А. Фадеев, ставший его первым секретарем, в своем выступлении обвинил поэта в отрыве от жизни народа и непризнании «нашей идеологии»⁸⁷⁸. Сборник шекспировских переводов был отменен. А предисловие к нему, отправленное в «Звезду», не напечатано. Несмотря на сгущавшиеся тучи, Пастернак с головой погрузился в работу над романом: заканчивает вторую главу, берется за третью, и, по свидетельству К. И. Чуковского, не отменяет назначенное чтение второй главы в широком кругу своих соседей по Переделкину в день выхода в «Правде» резолюции Президиума Правления Союза советских писателей СССР от 4 сентября 1946 года, где отмечались его аполитичность, безыдейность и оторванность от народной жизни⁸⁷⁹.

---

⁸⁷⁷ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 285.

⁸⁷⁸ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 380.

⁸⁷⁹ Запись в дневнике датирована 10 сентября (Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. С. 90—91). Резолюция опубликована в «Правде» в воскресенье, 8 сентября. Чуковский высказывает непонимание и неприятие поведения Пастернака и его близких перед такой очевидной опасностью, как критика в главной партийной газете, продолжающей кампанию по борьбе с безыдейностью в советской литературе, начатую Постановлением ЦК ВКП(б) от 14 августа о журналах «Звезда» и «Ленинград», и считает более правильным поступок М. М. Зощенко, который признал ошибки и обещал «в течение ближайших двух лет написать такое произведение, которое загладит его невольную вину» (Там же. С. 91). «Пиром во время чумы» кажется ему ужин, последовавший после чтения романа, где один из его героев «утверждает вечную силу евангельских истин». Далее Чуковский сообщает, что супруга скрыла от поэта резолюцию, и снова недоумевает, почему она не способствовала отмене чтения и ужина. Несвоевременность и опасность слов, высказанных в романе устами Веденяпина, о противопоставлении стадности как прибежища ординарности одиночкам, ищущим истину, которую могли почувствовать слушатели на этом вечере, отмечают и Е. Б. и Е. В. Пастернаки (Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 380—381).

Пастернак до того увлечен, что происходящее почти не омрачает его работы над третьей главой ⁸⁸⁰. После перенесенной ангины, 13 октября, он пишет Фрейденберг уже более подробно, что роман станет выражением его взглядов на искусство, христианство и антихристианство, национализм, на жизнь в истории и многое другое. Роман становится не просто важной работой, дарующей радость, но необходимой частью жизни: «я не протяну и года, если в течение его не будет жить и расти это мое перевоплощение, в которое с почти физической определенностью переселились какие-то мои внутренности и частицы нервов» ⁸⁸¹.

В сентябре Пастернак обратился в редакцию журнала «Новый мир» с предложением заключить договор на роман в 20 авторских листов под названием «Иннокентий Дудоров», предполагая начать его публикацию через год. В итоге договор был заключен в январе 1947 года, объем романа сокращен до десяти авторских листов, на работу отводилось шесть месяцев ⁸⁸².

11 октября Фрейденберг отвечает на письмо Пастернака от 5 октября, с которым он прислал ей свои фотографии. Она скорбит об ушедшей семье, маме, о том, что боится встречи с братом, потому что из родных остался только он один. «Мне страшно обнять тебя пустыми руками. И ты, с Зиной, с Леней, — не видишь, что и за тобой нет фона, как на круче... Страшно быть родными без родных, целовать за могилы» ⁸⁸³. В этом письме впервые появляется слово «архив» рядом с такими словами, как «бессмертие», «история», «вечность» — в том месте, где Фрейденберг пишет о его предисловии к шекспировским трагедиям. Текст полон для нее семейных ассоциаций: «Это дубликат фотографической карточки, на которую смотришь глазами двух семейств. Много родового, кровного, как будто ты обязан говорить за всех нас» ⁸⁸⁴. Она пока только чувствует важность настроений и действий брата: «В популярной и краткой статье ты макрокосмичен. Тут дыхание больших мыслей, напролом в историю. Мы все в Шекспире, и в первую голову наши семьи. Сказать о Шекспире — это отчитаться в прожитой жизни, встрясти молодость, высказать поэтическое и философское credo» ⁸⁸⁵. Но сама она еще не приняла важного решения, только «осталась жить»: «Но я уже утратила высокий пафос истории, бессмертия тоже. Я еще верю в историю науки, но это уже не пламень, а постулат. Ты же — величайший памятник культуры. Ты весь заложен на доверии к величию иллюзии» ⁸⁸⁶. И в следующем письме (от 24 ноября) рядом с благодарностью за суждения об экстрakte Гомеровских сравнений — боль и крик души

---

⁸⁸⁰ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 285.

⁸⁸¹ Там же. С. 286—287.

⁸⁸² Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. С. 387.

⁸⁸³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 287—288.

⁸⁸⁴ Там же. С. 288.

⁸⁸⁵ Там же. С. 289.

⁸⁸⁶ Там же. С. 292.

об отсутствии печати: «Я задыхаюсь от отсутствия печатанья. Редколлегия печатает только себя («Еще раз к вопросу о...»). Не потому, что *меня* не печатают, но никого, кроме самих себя. А я пишу книгу за книгой. Как вечный жид, я вечный фармацевт с экстрактами. О, эта трагедия пересказов и сокращений! Но и это — в лучшем случае»⁸⁸⁷.

В письме от 31 января 1947 года Фрейденберг подчеркивает их обоюдную близость: «Это удивительно. Ты ли меня чувствуешь, я ли тебя, но наши письма (хотя и редкие) всегда скрешиваются»⁸⁸⁸. Она делится своими научными достижениями — отправляет опубликованные тезисы доклада «Происхождение греческой лирики» (1946), в котором использует лирику брата, чтобы показать особенность архаичной греческой метафоры⁸⁸⁹. Делится планами написать книгу о происхождении греческой лирики и статью о теории метафоры. Впоследствии статья станет второй главой итоговой монографии «Образ и понятие»⁸⁹⁰.

Пастернак в ответном письме от 16 февраля восторженно отзываясь о докладе и созвучии своих представлений об этом: «Все это потрясающе верно и необычайно близко мне вообще, и тому, чего ты не можешь знать, и что я теперь пишу в романе (там есть такой, размышляющий, расстрига священник, из литературного круга символистов, и записи его о Евангелии, об образе, о бессмертии). Некоторые выражения прямо оттуда»⁸⁹¹.

Для него настали трудные времена. Сначала в работе над романом возникла пауза в связи с подготовкой сборника стихов в серии, посвященной 30-летию революции. Но 21 марта в «Культуре и жизни» вышла разгромная статья А. А. Суркова «О поэзии Пастернака». Значение ее трудно было недооценивать, и Пастернак всерьез опасался ареста⁸⁹². При этом нужно было зарабатывать на жизнь. Запрет сборника переводов Шекспира и отказ МХАТа от постановки «Гамлета» вынудили его браться за новые переводы, которые практически не оставляли времени для романа⁸⁹³.

---

⁸⁸⁷ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 294.

⁸⁸⁸ Там же. С. 296.

⁸⁸⁹ Фрейденберг О. М. Происхождение греческой лирики // Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 116—117.

⁸⁹⁰ «Мне очень хочется сделать статью «К теории метафоры», т. к. я имею тут ряд новых мыслей, и при том чисто своих, т. е. на основании многих и многолетних работ. Я пишу книгу о происхождении греческой лирики, и сейчас много нового написала о Сафо, досель не замеченного» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 296—297).

⁸⁹¹ Там же. С. 299.

⁸⁹² Там же. С. 301.

⁸⁹³ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 392—395. «Таким образом, оказалось, что за лето я должен перевести Фауста, Короля Лира и одну поэму Петефи «Рыцарь Януш». Но писать-то я буду в двадцать пятые часы суток свой роман» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 305).

И для Фрейденберг весна 1947 года стала пиком душевного кризиса. Давление в университете и на кафедре усиливалось, а среди учеников и коллег она уже не находила наследников и единомышленников. Это настроение усилилось с празднованием 15-летия кафедры — своеобразный неутешительный итог для Фрейденберг. В одном из писем она выразила желание пожить летом в Переделкине, чем очень обрадовала Бориса Леонидовича. В телеграмме от 15 июля он все еще надеялся на ее приезд. Однако в письме от 8 сентября извиняется, что в ответ на ее отказ приехать «буркнул что-то нелюбезное».

Но именно в этот период разрешились основные вопросы, которые волновали Фрейденберг (как жить после блокады, без матери, без родных и при Сталине, при невозможности заниматься научными исследованиями, публиковаться и творить?). Она приняла решение «жить для смерти», готовя архив, и 19 июля возобновила Записки ⁸⁹⁴.

В свою очередь, Пастернак не может оставить работу над романом. В том же письме он излагает свой план: «Это лето (в смысле работы) — это первые шаги на моем новом пути (это очень трудно и это первая вещь, которою бы я стал гордиться в жизни): жить и работать в двух планах: часть года (очень спешно) для обеспечения всего года, а другую часть по-настоящему, для себя».

Над переводами он работает невероятно быстро: «А я, бог знает, что выделявал, нечто варварское, непозволительное. Две с половиной тысячи рифмованных строк лирики Петефи (среди них одна поэма в 1500 строк) в месяц с неделей. Короля Лира в полтора месяца. Но когда-то я переводил очень хорошо и ничего не добился. Единственный способ отомстить, это делать теперь то же самое плохо и до недобросовестности быстро. Роман, или вернее, мир, к которому я повернулся в последнюю зиму, то, что я себе позволяю и (выходит!) могу позволить, это так далеко, так несоизмеримо, что какое мне дело до Лира и до того, плохо или хорошо я переведу его, т.е. *насколько* плохо. Ах, это теперь решительно все равно» ⁸⁹⁵.

---

⁸⁹⁴ Подробнее см. выше п. 3.2.3.

⁸⁹⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 306. Ср., например, воспоминания переводчицы Т. А. Кудрявцевой: «Я сказала ему, что зря он взялся за перевод такого сложного поэта, как Шекспир, что в его переводе много ошибок, и в доказательство сказанного вручила исписанную мною тетрадь. В ответ Борис Леонидович протянул: „Да-а-а? В самом деле?“ Взял тетрадь, свою рукопись и ушел. А мои коллеги набросились на меня: „Таня, ты с ума сошла — править самого Пастернака!“ — „Ну и что? — сказала я, уверенная в своей правоте. — Он же наврал“. <...> Словом, через несколько дней Пастернак снова пришел в редакцию и сказал: „Я просмотрел ваши замечания и кое-какие ваши предложения принял — я пометил их красным карандашом“. Я возмутилась: „То есть как?! Вы не все приняли? А остальное? Там же полно ошибок!“ — „А остальное, милая барышня, пусть будет на моей совести“. Опять же по глупости я не уберегла ту тетрадку и не знаю теперь, какими строками в „Короле Лире“ могу гордиться» (цит. по: Калашникова Е. Коктейль в рюмке и ошибки Пастернака // Независимая газета.

Оба почти одновременно пришли к той жизненной стратегии, которая позволяла в обстановке травли обеспечить существование и, главное, творческую деятельность: Пастернаку — запечатлеть в романе свое восприятие эпохи, а Фрейденберг — составить архив, представляющий ее жизнь и основные достижения в науке.

Работа над четвертой главой романа растянулась почти на полгода. После переводов было трудно возвращаться к собственному тексту, «собраться с мыслями, восстановить настроение»⁸⁹⁶. Но в конце мая 1948 года Пастернак уже читал приехавшей в Москву Ахматовой все четыре главы. Он раздает их широкому кругу друзей и знакомых, отправляет в Англию сестрам, предлагая дать прочесть Боуре, С. Шиманскому и др.⁸⁹⁷.

Переписка прерывается до октября 1948 года. Фрейденберг проболела почти весь весенний семестр, одновременно в университете шла травля ее коллег литературоведов («известные события на литературоведческом фронте»). Дела на кафедре настолько ухудшились, что Фрейденберг снова подала заявление об уходе.

В середине октября Пастернак послал написанную часть романа родственникам в Ленинград, также предлагая дать его читать всем, кому они сочтут нужным⁸⁹⁸. Сначала ее читает семья тетки, Клары Исидоровны Лапшовой, последней — Фрейденберг. В письме от 29 ноября она делится впечатлениями: «Какое мое суждение о нем? Я в затрудненьи: какое мое суждение о жизни? Это жизнь — в самом широком и великом значеньи. Твоя книга выше сужденья. К ней применимо то, что ты говоришь об истории, как о второй вселенной. То, что дышит из нее — огромно. Ее особенность какая-то особая (тавтология нечаянная), и она не в жанре и не в сюжетоведении, тем менее в характерах. Мне не доступно ее определение, и я хотела бы услышать, что скажут о ней люди.

Это особый вариант книги Бытия. Твоя гениальность в ней очень глубока. Меня мороз по коже подирал в ее философских местах, я просто пугалась, что вот-вот откроется конечная тайна, которую носишь внутри себя, всю жизнь хочешь выразить ее, ждешь ее выраженья в искусстве или науке — и боишься этого до смерти, т. к. она должна жить вечной загадкой. <...>

---

17 сен. 2009. URL: https://www.ng.ru/non-fiction/2009-09-17/7_memoirs.html (дата обращения: 20.09.2025). Рец. на: Кудрявцева Т. Превратности одной судьбы: (записки литератора и переводчика). М.: Р. Валент, 2008. 152 с.).

⁸⁹⁶ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 307.

⁸⁹⁷ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 399. С ноября 1946 г. почтовое сообщение с родственниками в Оксфорде прерывается почти на 10 лет. Исключение составляет только телеграмма от 17 января и письмо от 12 декабря 1948 года, где речь идет об отправке экземпляра первой части романа с тем, чтобы, размножив его, дать «прочесть узкому кругу интересующихся, начиная с Боуры, Шиманского и других» (Пастернак Б. Л. Письма к родителям и сестрам. Stanford, 1998. Кн. 2. С. 246).

⁸⁹⁸ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 314.

В романе есть грандиозность иного сорта, почти непереносимая по масштабам, больше, чем идейная. Но, знаешь, последнее впечатление, когда закрываешь книгу, страшное *для меня*. Мне представляется, что ты боишься смерти, и что этим все объясняется — твоя страстная бессмертность, которую ты строишь, как кровное свое дело. Я всецело с тобой в этом; но мне горестно, как человеку одной с тобой семьи — одних уже нет, а те далеке — и тютчевского „на роковой стою очереди“»⁸⁹⁹.

Фрейденберг боится, что Пастернак, поставив точку в романе, подведет итог своей жизни и будет готов оставить этот мир. Но ее страх — это скорее проекция решения, которое она приняла для себя: сформировать архив, завершив таким образом земные дела, и умереть. Мысль Пастернака иная: роман — прежде всего искупление. Вокруг него было много несправедливо ушедших или забытых талантливых людей: талант отца, по его мнению, был недооценен, он пишет о смерти Рильке вскоре после его знакомства с ним, гибели Марины Цветаевой, потери грузинских друзей и многих других, а также духовная потеря Фрейденберг после открытия ее для себя в 1910 году и их бурной переписки. Он воскрешает близких по родству и духу людей, дает им возможность высказаться: «Как поразительно ты мне написала! Твое письмо в тысячу раз лучше и больше моей рукописи. Так это дошло до тебя?! Это не страх смерти, а сознание безрезультатности наилучших намерений и достижений, и наилучших ручательств, и вытекающее из этого стремление избегать наивности и идти по правильной дороге, с тем, чтобы если уже чему-нибудь пропадать, то чтоб погибало безошибочное, чтобы оно гибло не по вине твоей ошибки. <...> Часто жизнь рядом со мной бывала революционирующе, возмущающе — мрачна и несправедлива, это делало меня чем-то вроде мстителя за нее или защитником ее чести, воинствующе усердным и проницательным, и приносило мне имя и делало меня счастливым, хотя в сущности говоря, я только страдал за них, расплачивался за них. <...> И перед всеми я виноват. Но что же мне делать? Так вот, роман — часть этого моего долга, доказательство, что хоть я *старался*»⁹⁰⁰.

В письме от 7 августа 1949 года Пастернак рассказывает о публикации стихов за границей — в Оксфордской антологии и книге Боуры о русской поэзии, где ему отведено большое место, и сравнивает с противоположным итогом на родине⁹⁰¹. Но при этом целью своей жизни, вернее ее необходимость и оправдание он видит в том, чтобы закончить роман, ко второй части

---

⁸⁹⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 314—315.

⁹⁰⁰ Там же. С. 315—316.

⁹⁰¹ «Чего я, в последнем счете, значит, стою, если препятствие крови и происхождения осталось непреодоленным (единственное, что надо было преодолеть) и может что-то значить, хотя бы в оттенке, и какое я, действительно, притязательное ничтожество, если кончаю узкой негласной популярностью среди интеллигентов-евреев, из самых загнанных и несчастных? О, ведь если так, то тогда лучше ничего не надо, и какой я могу быть и какой обо мне может быть разговор, когда с такой легкостью и полнотой от меня отворачивается небо?» (Там же. С. 324).

которого он спешно вернулся, пока было свободное время: «Я хочу его дописать для самого себя, т. е. и в этой части мне на темы жизни и времени хочется высказаться до конца и в ясности, так, как дано мне, и все глупее и противоречивее представляется задача, и все посредственное и бездарнее мои силы, работа, моя позиция и положение. <...> Мне что-то печально. Жизнь уже не принадлежит мне, а какая-то сказавшаяся, уже оформившаяся роль. Ее надо достойно доиграть до конца. Роман, с Божьей помощью, если буду жив, я допишу. Все доработаю. И надо, чтобы хорошо жилось близким»⁹⁰².

27 ноября Фрейденберг посылает отгисек экстракта монографии о Сафо — последней работы опубликованной при жизни. В приложенном письме она описывает основную мысль монографии и называет ее «лебединой песней», собираясь на пенсию в связи с новым законом. Монография закончена не была, но темы, поднятые в ней, получили развитие в ходе работы над «Образом и понятием».

Весной Фрейденберг занималась наследием отца: разобрала архив, готовя к передаче на государственное хранение, связывалась со специалистами по истории техники, писала о нем статьи⁹⁰³. И в том же ноябрьском письме брату она сообщает: «Пристроила его, неудачника трагического (как вся наша семья). Был крупнейший изобретатель. Вспоминаю, как ты один это почувствовал в молодости, в Петербурге — помнишь?»⁹⁰⁴ На основании его записей и документов архива она пытается воссоздать его жизнь: «Пишу биографию отца. Это все трудно, сложно, трагично и величественно. Человек и история! Антиподы! Но есть момент, когда они сливаются. Я уж одурела от мыслей и миганий»⁹⁰⁵.

Здесь же она отвечает на письмо Пастернака, где он сетует, что чувствует себя в этой стране ненужным и проигравшим. Воодушевленная работой над наследием отца, она делится своей верой в историю и предсказывает ему широкую славу и мировое признание: «Я понимаю тебя, но не спрягай ты себя в одном прошедшем, это грамматическая ошибка. Вздор, что заспанные евреи одни остались (твои ценители). Уж кто-кто, а ты-то хорошо знаешь историю, как она есть летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего. Никакие годы не сделают тебя стариком, потому что то, что называется твоим именем, не стареет. Ты будешь прекрасно писать, твое сердце будет живо, и тобой гордятся и будут гордиться не заспанные и не евреи, а великий круг людей в твоей стране. Ты человек не потока, а перебоев. Греки были мудрецы; они учили, что без интервалов не было бы музыки и ритма»⁹⁰⁶.

---

⁹⁰² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 323, 325.

⁹⁰³ Подробнее см. п. 2.1, с. 100 и п. 4.3 настоящей главы.

⁹⁰⁴ Имеется в виду цитированной выше письмо Б. Пастернака 1913 г., см. выше с. 75.

⁹⁰⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 327.

⁹⁰⁶ Там же. С. 327.

Ответ Пастернака от 9 декабря содержит подробности о М. Ф. Фрейденберге и Дж. Томсоне ⁹⁰⁷, в ноябрьском письме Фрейденберг не упоминавшихся. Вероятно, он отвечает сразу на несколько писем сестры, из которых сохранилось только письмо от 27 ноября. Возможно, именно в несохранившемся письме (или нескольких письмах) Фрейденберг сообщает о найденном пакете с отцовскими документами и рассуждает об архиве, истории и способе победы над смертью и забвением, который избрала для себя. Опыт, который она приобрела, работая с архивом отца, утвердил ее в этом выборе. Здесь важно слово «победитель», отсылающее к пиндаровским одам и победе над смертью, которым Пастернак, вероятно, вслед за Фрейденберг называет ее отца ⁹⁰⁸: «Все, что ты пишешь и писала в предыдущем письме о дяде Мише поразительно, поразительно интересно и ошеломляет со стороны твоей роли и твоего мужества: очень высоко, и мне, например, недоступно, что обезнадеживание и изнеможение, исходящее от прошлого, от переворачивания ушедших вдаль памятников жизни, к которой ты причастна, не затмевает ясности твоего взора, что память даже не отца, а просто победителя, не дожившего до раскрытия своей победы, все время перед тобой, и подымает тебя и настраивает героически; что ты ее не упускаешь из виду. Это поразительно!» ⁹⁰⁹

В конце письма Пастернак намекает на арест О. В. Ивинской ⁹¹⁰ и сообщает, что много работает над романом и переводами — глушит себя работой. Деньги за переводы подходили к концу, и нужно было браться за новые, чтобы обеспечить возможность работы над романом, существование собственной семьи и помощь семье Ивинской. По счастью, не был расторгнут договор на перевод второй части «Фауста», несмотря на разгромную рецензию Т. Н. Мотылевой на перевод первой части ⁹¹¹.

На некоторое время переписка прерывается, но сохранились письма Фрейденберг от 22 апреля и 2 мая 1950 года к А. Л. Пастернаку. Она сообщает ему об успешных делах с наследием отца, своем здоровье, не осуществленном плане ухода из ЛГУ, передает привет Борису, которого не желает отрывать его от работы. Майское письмо залежалось по причине болезни Ольги Михайловны и было отправлено 2 июня вместе с материалами о полетах отца, его фотографией, подаренной Леониду Осиповичу и выкраденной матерью, на тот момент только познакомившейся с будущим мужем. В письме она комментирует, что копия фотографии теперь хранится в Музее

---

⁹⁰⁷ Томсон Джозеф Джон (1856—1940) — английский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 1906 года за исследование прохождения электричества через газы.

⁹⁰⁸ См. выше п. 4.2, с. 229—231.

⁹⁰⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 328.

⁹¹⁰ Ивинская Ольга Всеволодовна (1912—1995) — писательница, переводчица, редактор, журналистка, подруга и любимая женщина Пастернака с 1946 года.

⁹¹¹ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 416.

связи им. А. С. Попова вместе с другими документами М. Ф. Фрейденберга: «Так быт делается историей», и добавляет: «Я, как папа, под старость припадаю к истории, наполняясь ее пафосом и великим синтезом всего, что зовется жизнью на земле»⁹¹².

В августе оба брата пишут ей письма в ожидании приезда Фрейденберг в Москву, куда она собиралась по делам, связанным с отцом. За это время она виделась с приезжавшими в Ленинград И. Н. Пастернак, племянниками Федором⁹¹³ и Евгением⁹¹⁴, но в Москву так и не поехала. В ноябре она писала, что с Зинаидой Николаевной (женой Б. Л. Пастернака), приезжавшей вместе с сыном-пианистом, у которого были гастроли в Ленинграде, она не смогла встретиться по причине болезни⁹¹⁵.

Письмо Б. Л. Пастернака от 20 декабря наполнено радостью от общения с сестрой «посредством» наезжавших к ней близких. Он сообщает о возможном приезде жены с младшим сыном Леней в январе и благодарит за снисхождение к его молчанию. В ответном письме от 25 декабря Ольга Михайловна сожалеет, что не сможет принять родственников, поскольку серьезно больна и с января собирается заняться своим здоровьем. Пастернак немедленно откликается с беспокойством и пожеланиями выздоровления⁹¹⁶.

10 декабря Фрейденберг закончила последнюю из написанных тетрадей Записок, а в январе 1951 года начала работу над главой о метафоре в «Образе и понятии»⁹¹⁷, возвращаясь к замыслу работы о древнегреческой метафоре, высказанному еще письме от 31 января 1947 года⁹¹⁸.

Следующее письмо Пастернак написал только 11 октября 1951 года. Перевод второй части «Фауста» был закончен в августе, в сентябре он оставался в Переделкине и занимался физическим трудом в огороде, чтобы привести в норму плечо и спину, болевшие из-за постоянной письменной работы и мучившие его весь год, поэтому писал только по необходимости. В совокупности все это снова сильно задерживало работу над романом, но именно в ней он черпал силы,

---

⁹¹² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 331

⁹¹³ Ирина Николаевна Пастернак (в девичестве Вильям-Вильмонт, 1897—1987), жена А. Л. Пастернака; Федор Александрович Пастернак (1927—2004), советский зоолог и океанолог, их сын.

⁹¹⁴ Е. Б. Пастернак описывал свою встречу с Фрейденберг осенью 1950 года в предисловии к первой отечественной публикации переписки (Дружба народов. 1988. № 7. С. 201—202, то же см.: Его же. Вступление // Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 16—18).

⁹¹⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 332.

⁹¹⁶ Там же. С. 332—334.

⁹¹⁷ См. п. 3.3, с. 184, прим. 661.

⁹¹⁸ См. выше с. 253.

чтобы не замечать тяжелой общественной обстановки. Были дописаны пятая и шестая главы, посвященные революции 1917 года ⁹¹⁹.

Фрейденберг в ответном письме от 17 октября также рассказывает о болезни, отъезде весной на лечение, новой волне проработок на факультете и своей окончательной отставке перед началом учебного года. Она благодарит за письмо, пишет, что так много думала о нем, что он не мог этого не почувствовать, но не сообщала о своих неприятностях, чтобы «не заражать своими огорчениями» ⁹²⁰. Между тем, 17 мая 1951 г. она заканчивает очередную главу «Образ и понятия» — «Мим» ⁹²¹.

Письмо Фрейденберг с впечатлениями об актерской игре Б. И. Ливанова ⁹²², когда она снова, как и в юности, регулярно стала посещать театр, не сохранилось, но из письма Пастернака от 16 июля 1952 года известно, что Ливанов, его многолетний друг, настойчиво звал его в Ленинград, но тот отказался, безвыездно живя и работая в Переделкине. Борис Леонидович поражен рассуждениями Фрейденберг об искусстве, его формах и назначении и близостью взглядов сестры собственным, в том числе и в отношении Ливанова. Седьмая часть ⁹²³, «В дороге», завершающая вторую книгу романа, была закончена весной, и 2 июня рукопись читалась друзьям и знакомым, среди которых была А. А. Ахматова. К середине октября была уже написана и перепечатана восьмая часть романа, «Приезд», открывающая вторую книгу ⁹²⁴.

Следующие письма связаны с инфарктом у Пастернака, случившемся вскоре по переезде из Переделкина в город 20 октября. Фрейденберг узнала об этом поздно и беспокоится вместе со всеми ушедшими членами семьи («и за маму, и за дядю с тетей»), подбадривая брата, что инфаркт не приговор и не конец — люди излечиваются и становятся вполне здоровыми по прошествии времени ⁹²⁵. Примерно так же в декабре 1950 года Борис Леонидович утешал сестру, сообщившую ему о серьезной «семейной» желудочной болезни, ставшей причиной смерти отца ⁹²⁶.

⁹¹⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 337. Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 416—417.

⁹²⁰ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 337.

⁹²¹ См. п. 3.3, с. 184, прим. 661.

⁹²² Ливанов Борис Николаевич (1904—1972) — ведущий актер МХАТа.

⁹²³ Первоначальная структура романа была представлена главами и частями. Первые четыре главы, упоминавшихся выше, составили первую часть романа. Впоследствии структура поменялась, и главы стали называться частями, первые семь частей составили первую книгу.

⁹²⁴ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 417—418, 420.

⁹²⁵ Письмо датировано 3 января 1953 г., Пастернак пробыл в Боткинской больнице до 6 января (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 339—340, 412 (прим. 16)).

⁹²⁶ Там же. С. 334.

В ответном письме от 20 января 1953 года он рассказывает о своем переживании близости смерти и ощущении ее единства с жизнью ⁹²⁷. Это письмо Фрейденберг обнаружила в почтовом ящике, когда, «в миллионный раз» пересматривая свою жизнь, думала о брате. 25 января она пишет брату и сообщает, как победил инфаркт Б. М. Эйхенбаум, что верит в полное выздоровление, приводя в пример мужа Машуры ⁹²⁸, которому диагностировали рак, но вера Фрейденберг «оказалась правильной рентгена», и у него всего лишь язва ⁹²⁹.

В письме от 27 мая к беспокойству о здоровье брата она добавляет отчет о своей работе за это время: заканчивает большую главу о трагедии в «Образе и понятии» (17 мая 1953 года), подчеркивая что проблема хора особенно в ней трудна ⁹³⁰, но едва ли кто-нибудь «у нас знает трагедию и может ее читать лучше» нее. Фрейденберг понимала, что работа над этой темой требует усилий целого коллектива ученых ⁹³¹ и тяжело дается ей одной, и свою работу она считает «оправданием» своего рождения и жизни: «Любопытные вещи получились у меня. Я непререкаемо верю в их правоту. А главное: я могла добраться до них только тем путем, которым шла. Это то и есть „оправданье“» ⁹³².

В ответном письме от 12 июля Пастернак тоже рассказывает о сделанном за это время, но говорит только о той работе, которую считает наиважнейшей: «Надо умереть самим собой, а не напоминанием о себе (об этом и ты пишешь!), надо кончить роман и кое-что другое; то есть, это не то выражение, не надо, а хочется, хочется непобедимо сильно» ⁹³³. И чувствует себя «наисчастливейше» именно потому, что это непереносимое условие успеха его дел, хотя и сам успех возвращает это чувство счастья. Он сообщает о работе над корректурами обеих частей «Фауста» и в контексте того, что Фрейденберг говорит о трагедии и хорах, пишет о тех трудностях, которые ему удалось преодолеть, работая над переводом второй части «Фауста»: «У Гете и у меня лучше всего получилось самое трудное, немислимое и неисполнимое: загробный греческий мир третьего акта и загробный христианский, современный» ⁹³⁴, и извиняется за «бездеятельность» своего письма: «деятельно же я с какой-то отвратительной жадностью весь в одной работе» ⁹³⁵.

---

⁹²⁷ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 341—342.

⁹²⁸ Там же. С. 342—343.

⁹²⁹ В следующем письме Фрейденберг сообщает, что муж Машуры после операции все же умер, но считает, что к смерти привели ошибки или недобросовестность врачей (Там же. С. 345).

⁹³⁰ В главе «Трагедия» в «Образе и понятии» есть четвертый подраздел о женских хорах — самых древних хорах трагедии.

⁹³¹ См. выше цитированное предисловие к «Образу и понятию» (с. 184, прим. 660).

⁹³² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 345.

⁹³³ Там же. С. 346.

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ Там же. С. 347.

В предновогоднем письме от 30 декабря Пастернак сообщает, что «Фауст» вышел. Однако ощущение, будто стоит только открыть книгу и сразу станет ясно, что переводом достигнуто что-то новое, оказалось иллюзией. Об окончании вчерне романа, без эпилога, и новых стихотворениях к нему, пишет лишь вскользь в конце письма. В тот же день он получил открытку от Фрейденберг с просьбой о присылке «Фауста». 31 декабря Пастернак пишет, что, конечно, пошлет «Фауста», хотя и не собирался, чтобы не отвлекать сестру по пустякам, а то, что действительно важно, еще только предстоит: «Я уже и раньше, в самое еще страшное время, утвердил за собою род независимости, за которую в любую минуту мог страшно поплатиться. Теперь я могу ею пользоваться с гораздо меньшим риском. Но не в этом источник моего хорошего самочувствия. Тому много причин, много реальных и много воображаемых. Но внешне ничего не изменилось. Время мое еще не пришло. Писать глупости ради их напечатанья я не буду. А то, что я пишу, все с большим приближением к тому, что думаю и чувствую, пока к печати непригодно»⁹³⁶.

Несмотря на заинтересованность в переводе «Фауста», он считает эту работу не самой важной по сравнению с окончанием романа и в трех письмах пытается объяснить сестре, что полностью его время еще не пришло: «Судьба моя сложилась именно так, как я сам ее сложил. Я многое предвидел, а главное, я многого не в силах был принять, — я многое предвидел, но запаса терпением не на такой долгий срок, как нужно. И, как я писал тебе, время мое еще далеко. Но ведь Фауст — не главное. Рядом есть вещи, перевешивающие значение работы, — роман, подведение его к концу, новые стихотворения к роману, новое состояние души. Это внутренне значит безмерно много, и внешне не значит ровно ничего»⁹³⁷.

Работа над «Фаустом» совпала с тюремным заключением Ивинской, а разочарован поэт в том числе и тем, что помимо перевода хотел бы многое сказать посредством предисловия, но именно этой возможности он лишен⁹³⁸.

Пастернак просит Фрейденберг не откликаться «всей кровью сердца» на «Фауста», но она именно это делает, отмечая его духовный рост и великое счастье «осуществленья»: «Ты и взаправду должен быть счастлив, быть удовлетворен высшим и единственным на земле удовлетвореньем. А сколько раз ты считал себя у конца! Бесплодие творящего — милость Божия. Она наливает силой и дает паузу, без которой не было бы на свете ритма. Когда ты падал — сколько предстояло тебе сделать! Что ждало тебя! Фауст — это монумент твоей славы. Я взяла профессиональными руками книгу, посмотрела в нее — и поняла это. <...> Потрясает картина твоего

---

⁹³⁶ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 349.

⁹³⁷ Там же. С. 350.

⁹³⁸ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 425—427.

в 64 года полноводья. Ты вдруг вышел из заточенья не с бледным лицом, а в горностае, во весь рост творческой гордости, во всем великолепии высочайшей полноты и меры»⁹³⁹.

Фрейденберг иносказательно пишет об удушающей политической обстановке, в которой невозможно открыто высказывать свои мысли даже в письмах. Но перевод «Фауста» в ее глазах это как раз открытое и всеобъемлющее высказывание: «ощупь культуры во всей ее осязательности. Это вклад, который делается на глазах нерукотворным событием, кровью русской культуры, ничем не смываемой. Дверь отворилась, ты вошел и сел. Это — факт. <...> Означаешь ты будущее или прошлое. Сурков ты или Исаковский, Бурлюк или буржуй — или Александр Александрович Смирнов. На Фаусте они зубы себе обломают, потому что это шире — для русской культуры — чем Шекспир или Пастернак. Это первый русский Гете, уже не говоря о Гете ГДР. Это политический факт. Так что и для слепых и для зрячих. <...> Да, ты не можешь не чувствовать себя хорошо. Тебе дано счастье не только быть великим, но и стать великим. Тебе дано осуществлень»⁹⁴⁰.

Письма марта — апреля 1954 года посвящены знаменитой постановке «Гамлета» в Александринском театре. Фрейденберг зовет брата пойти вместе на премьеру, но он отвечает отказом: «Я не поеду. Мне надо и хочется кончить роман, а до его окончания я — человек фантастически, маниакально несвободный»⁹⁴¹. Так, он запрещает себе писать стихи к роману, которые ему даются легко и он может писать их десятками, но проза труднее: «...только проза приближает меня к той идее безусловного, которая поддерживает меня и включает в себя и мою жизнь, и нормы поведения и прочее и прочее, и создает то внутреннее, душевное построение, в одном из ярусов которого может поместиться бессмысленное и постыдное без этого стихописание. Мне не терпится освободиться поскорее от этого прозаического ярма для более мне доступной и полнее меня выражающей области»⁹⁴². Ради романа поэт ограничивает себя во всем: в стремлении писать стихи, пренебрегает редактурой переиздаваемых переводов, соглашается во всем с редакторами и не спорит с их правкой и всякими «глупостями», не может похлопотать о лучших условиях, у него нет времени пообщаться с режиссером и всеми причастными к постановке «Гамлета» и, разумеется, приехать, чтобы посмотреть спектакль и навестить сестру, он слишком второпях и безразлично отвечает многим людям, включая всех участвовавших в постановке спектакля и Фрейденберг: «Милая, дорогая Оля, вот и тебе написал я безобразное по глупости письмо, состоящее из единственного слова „роман“ в двадцати повторениях. А как бы я хотел обнять тебя, повидаться и поговорить с тобой!!»⁹⁴³ Единственное, о чем он просит сестру в двух коротких сообщениях — проследить по возможности

⁹³⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 352.

⁹⁴⁰ Там же. С. 352.

⁹⁴¹ Там же. С. 353.

⁹⁴² Там же. С. 353—354.

⁹⁴³ Там же. С. 354—355.

за исправлением его фамилии на афише, чтобы она склонялась. Фрейденберг выполняет его просьбу и пишет, что на него все обиделись, «до широкой публики включительно»⁹⁴⁴.

Пастернак оправдывается, пишет, что такой спектакль, как «Гамлет» — важное театральное событие, сообщает о своем выступлении на вечере венгерской поэзии, выходе в «Знамени» стихов из романа и обсуждении перевода «Фауста» в Союзе писателей, что кажется ему «незначительным и чуждым»: «Только бы хватило сил для решающих проявлений и не подорваться на этих предварительных пустяках. А столько еще можно сделать и сказать!»⁹⁴⁵

Скорее всего, на премьере «Гамлета» 11 апреля произошел неприятный инцидент с А. И. Зайцевым, о котором сообщалось выше⁹⁴⁶. Тем ярче для Фрейденберг были впечатления от спектакля, в котором Гамлет говорит языком ее брата и ее семьи: «Я шла домой счастливая свежестью вечера. И у меня были свои тени: мама, дядя Ленчик. Гамлет — это не только история театра, но и семья, и юность, и та духовная физиология, которой живешь и держишься, ее не замечая. <...> Тебя знает весь цивилизованный мир. Но когда шумела и жужжала толпа, наполнявшая все ярусы и партер, и усаживалась, задевая чужие ноги, какой явной стала история! Твое величие можно было купить в любой афише и поразиться его осязательности. Вот поднялся занавес — и твой язык раздался со сцены, твой жизненный подвиг сделался сценическим воплощением. Гамлет в переводе Бори! Но чувства гордости у меня не было. История поглощала семью»⁹⁴⁷.

16 апреля Пастернак отзывается благодарностью на письмо сестры и снова сообщает о выходе подборки стихов из романа в «Знамени», но тотчас оговаривается, что это прежде всего первое появление в печати названия романа: «Главное, конечно, не в них, а в прозе, в „системе“, которой они вращаются и к которой тяготеют. И слова „доктор Живаго“ оттиснуты на современной странице, запятнаны им!»⁹⁴⁸

Следующее письмо датировано 12 июля. Пастернак извиняется, что ответил на глубокий разбор отпиской, «но если я расстанусь со своим, вошедшим в привычку, трудолюбием, что тогда от меня останется? <...> Я хочу кончить роман и верю, что кончу его. Ничто не мешает мне

---

⁹⁴⁴ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 355. От 27 марта и 4 апреля. В промежутке между этими датами, 28 марта, был день рождения Фрейденберг, на который поэт никак не откликнулся. Е. Б. Пастернак отмечает, что среди причин неприезда было еще и недовольство самой постановкой Козинцева, в том числе предпочтением режиссера для финала спектакля использовать 74-й сонет Шекспира в переводе Маршака, а не Пастернака, который специально перевел его для спектакля (Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 427—428). На мой взгляд, все же основной причиной отказа послужило стремление не расплыться по «пустякам», не связанным с работой над романом.

⁹⁴⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 356.

⁹⁴⁶ П. 3.1.4, с. 130—133.

⁹⁴⁷ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 359—360.

⁹⁴⁸ Там же. С. 360.

писать его. Я здоров и хорошо себя чувствую»⁹⁴⁹. В то же время он сетует, что не получается окончание романа: «Я работаю, я не умею отдыхать, наслаждаться, но как скучны и бездарны черновые карандашные заготовки, которые я делаю к последней части! Можешь себе представить, какой это ужас и отчаяние, если я позволил себе отложить в сторону свой дневной урок и дал волю постоянному желанию немного побыть с тобой»⁹⁵⁰.

Фрейденберг отвечает, что была больна и не считала возможным писать до прочтения стихов в «Знамении», но журнал она не смогла достать, потому что повредила ногу, так что приходится писать, стихов не прочтя. В этом письме она решается сказать брату «о самом главном» в его значении и для нее, и для семьи, и для всего человечества: «Все, что имеет человек на сердце и хочет высказать, ты как воплощение, как выражение во плоти, очерчиваешь в нем и вокруг него. Извини меня, если я повторяюсь. Но паки и паки мне нужно сказать тебе, что в тебе семья достигла такого выхода в открытое море, что во мне нет ничего, что не было бы доведено тобой до безграничности. Никакая точная механика не может достичь твоей точности, если нужно дать определение тому, что без границ или в границах»⁹⁵¹. Фрейденберг пишет о счастье, которое испытывает, буквально «состоя в родстве с искусством», но что именно родство обязывало ее всю жизнь держаться на расстоянии. Она вспоминает их встречу в Меррикюле и поясняет ту дистанцию, которую всегда сохраняла по отношению к нему, хотя не было человека ближе и «двуединее» ей: «Помимо общезначимого поэзии, твои одни ритмы могли дать полную биографию нашей семьи. Когда мама не была в состоянии дотянуться до тебя логикой мысли, я ей читала твои стихи, и в ритмике того, что составляет твою мысль, ей открывалось столько родного и великого, что слезы текли из ее глаз, и она сидела потрясенная — и гордая. Это-то и было чувство названного «своего»; главного, слитого с простотой биологически доставшейся нам жизни»⁹⁵². В конце письма Фрейденберг рассказывает «пустячок» об отце как изобретателе кино. Таких изобретателей было много, его моделей не сохранилось, но осталось описание кинетоскопа в записках, которые хранились в пыльной семейной кладовой «под броней истории» и избежали войны, ареста, осады, пожара и крыс: «Даже бессильная, незащитная мысль, промелькнувшая без реализации — в зеленой молодости, но мысль творческая, манифестировала себя, вошла в историю техники, показала изобретателя. Разве нет в этом великого утешенья? Разве нет вечности и ее кладовых, где истинное и великое не тлеет и не слепнет?»⁹⁵³ Фрейденберг говорит здесь не только о судьбе отца и его забытых изобретений, но и возможном будущем своего наследия.

---

⁹⁴⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 361.

⁹⁵⁰ Там же. С. 362.

⁹⁵¹ Там же. С. 363.

⁹⁵² Там же. С. 364.

⁹⁵³ Там же. С. 365.

21 июля Пастернак отправляет ей номер журнала со своими стихами и отмечает символичность опубликованного с ними названия романа ⁹⁵⁴.

Ответное письмо от 27 июля не слишком подробное: Фрейденберг уезжает на лечение до осени, но все же пишет несколько слов о том же, о чем писала в предыдущем письме о творчестве брата, «биографически-близком, непередаваемо понятном», но отделенном от «профана»-читателя сакральном значении его искусства, в котором она снова убеждается в новых стихах, а также важности видеть опубликованным хотя бы название своего главного творения: «Удивительно, как это бывает: дверь наглухо закрыта, а все же выдается день, когда появляется щель, и вдруг печатные буквы!» ⁹⁵⁵

Несмотря на проблемы со здоровьем и усталость, Фрейденберг много работает. Она заканчивает «Образ и понятие». Возможно, в это же время заново редактирует первые вводные «Лекции по теории фольклора», работает над окончательной версией «Композиции „Трудов и дней“ Гесиода», то есть продолжает работать над формированием своего архива. Пастернак же весной и летом работал над черновой редакцией последней части и эпилога романа, а в августе начал переписывать набело партизанскую часть ⁹⁵⁶.

Последние, ноябрьские, письма Фрейденберг связаны со слухами о присуждении Пастернаку Нобелевской премии. На вопросы сестры поэт отвечает, что слухи ходят, и это, возможно, было бы прекрасно, потому что означало бы поездку за рубеж — чистый воздух, общение, он был бы горд оказаться среди Бунина, Гамсуна и Хемингуэя, но не сейчас, когда роман не дописан, он не хотел бы рисковать и потому счастлив, что слухи не подтвердились, и гордиться тем, что это «ни на минуту не изменило это течения часов моей простой, безымянной, никому неведомой трудовой жизни» ⁹⁵⁷.

17 ноября Фрейденберг отвечает, что все равно горда за него и не доживших до этой радости его и своих родителей, она предчувствовала и угадала его признание, хотя сам поэт настолько отошел от внешнего мира, что даже зимует в Переделкине: «Что с того, что ты в Переделкине

---

⁹⁵⁴ Помимо названия и принадлежности стихотворений к роману, публикации сопровождалась авторским анонсом, где сообщается о герое романа, умершем в 1929 г., после которого остаются «записки и среди других бумаг написанные в молодые годы отделанные стихи <...> которые во всей совокупности составят последнюю, заключительную главу романа» (Пастернак Б. Л. Стихи из романа в прозе «Доктор Живаго» // Знамя. 1954. № 4. С. 92—95; Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 428; о таком представлении стихов из романа поэт сообщал и ранее в письме к родным в Оксфорд, добавив, что стихи найдет сводный брат Юрия, Евграф (Пастернак Б. Л. Письма к родителям и сестрам. Кн. 2. С. 247).

⁹⁵⁵ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 366.

⁹⁵⁶ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 429.

⁹⁵⁷ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 370. См. также: Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. С. 433.

одиноко свершаешь свой невидимый подвиг, — где-то наборщики в передниках за то получают зарплату и кормят свои семьи, что набирают твое имя на всех языках мира. <...> Не видишь ты, сколько смысла в твоём Переделкине и в прутьях, поверх которых где-то за тридцать земель говорят о твоём чистом «я», никому не видимом. Так ведь и вершатся наши судьбы, а мы их не видим»⁹⁵⁸.

Это письмо стало последним в эпистолярном общении Фрейденберг и Пастернака, которое длилось 44 года. О дальнейших событиях известно из переписки Пастернака с М. А. Марковой.

23 июня 1955 года Маркова пишет о плохом состоянии здоровья Фрейденберг и ее госпитализации. Пастернак отвечает, что ничего не знал, но в последнее время почти ни с кем не поддерживал связи, потому что именно в этом году должен закончить вторую книгу романа, который пишется исключительно для души и в ущерб реальному заработку, и его окончание возможно только в условиях изоляции от окружающего мира⁹⁵⁹.

В следующем письме сестра сообщает ему неутешительные сведения о здоровье Ольги Михайловны и спрашивает, что делать с ее наследием. Пастернак советует не волноваться, ведь Фрейденберг была профессором университета, и ее принадлежность к этой организации ограничивает возможности их действий, кроме того, у нее есть ученики и друзья. Чувствуя, что такая отстраненность может вызвать недоумение, он объясняет, что у него есть внешние обязательства, а кроме того, многократная потеря любимых людей и пережитая недавно близость собственной смерти делает его готовым к самому тяжелому исходу и его неотвратимости: «Единственно, что во всей совокупности по отношению ко всем дорогим случаям и ко всей этой драгоценной обреченной утрате жизни мы можем сделать, это перелить всю нашу любовь в создание и выработку живого, в полезный труд, в творческую работу»⁹⁶⁰.

Творчество и, в частности, создание романа он сравнивает с созданием жизни. Спустя год с лишним, уже закончив роман и отдав его в перепечатку, он еще раз повторит: «Не думай, что я забыл тебя, или отношусь безразлично к папиной или Олиной памяти. Просто на просто я все время чем-нибудь да занят и считаю, что самая лучшая память об умерших — напряженная, близостью с ними связанная и производительно наполненная деятельность остающихся»⁹⁶¹.

Сообщив о смерти Фрейденберг и похоронах, Маркова пишет о своем беспокойстве по поводу завещания. Она не знала, что завещание было переписано, и полагала, что архив достанется Поляковой, то есть попадет не в те руки. Пастернак просит ее не волноваться: «Пусть тебя не ранят

⁹⁵⁸ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 371—372.

⁹⁵⁹ Там же. С. 376—377.

⁹⁶⁰ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 380.

⁹⁶¹ Там же. С. 384; Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 434.

никакие непредвиденности. Оля была хранительницей семейных преданий, вещей, писем»⁹⁶². А вот он, наоборот ни писем, ни архивов не хранит. И его не волнует принадлежность материальных, даже очень важных и дорогих, вещей: «Когда мне что-нибудь дорого, оно дорого мне не обязательно в моих руках, а в любых, да и не в руках, а в живой человеческой памяти или в истории, так дороги мне все воспоминания, прошлое каждого, так дорого мне место, занимаемое в творческой истории века моим отцом, замечательным художником. Ничему этому не надо помогать, ни о чем печься и страдать. Либо оно есть само по себе, либо его не сделаешь никакими заботами»⁹⁶³.

4.4.3. Публикация романа «Доктор Живаго»

Роман был отдан в перепечатку в августе, и к середине декабря 1955 года его текст был окончательно отредактирован⁹⁶⁴. 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев выступил со знаменитым докладом «О культе личности и его последствиях», что вселило в общество надежду на либерализацию режима, и Пастернак передал рукопись в два журнала — «Новый мир» и «Знамя». Узнавшие из новостей о готовящемся к печати романе сотрудники итальянского управления радиовещания Министерства культуры С. Д'Анджело и В. Владимирский (первый был также агентом миланского издателя-коммуниста Дж. Фельтринелли) в мае 1956 года приехали к Пастернаку в Переделкино и получили от него рукопись. В тот краткий период либерализации, продлившийся до конца октября, когда началось восстание в Венгрии, Пастернака в Переделкине посещали разные иностранные делегации, в том числе группа польских писателей, которым он также передал рукопись⁹⁶⁵. Обсуждалась также публикация в Чехословакии. И сам Пастернак, и его близкие и друзья понимали, что передача иностранцу рукописи произведения, еще не опубликованного в СССР, была смертельно опасна⁹⁶⁶. Прощаясь с Д'Анджело, поэт

---

⁹⁶² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 382.

⁹⁶³ Там же.

⁹⁶⁴ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. С. 434.

⁹⁶⁵ В Польше роман стал переводиться на польский язык по договору с государственным издательством, собиравшимся опубликовать его отдельной книгой в СССР, но летом 1957 года небольшой фрагмент романа вышел в польском журнале *Opinii* («Мнения», Варшава. 1957. № 1—2) («А за мною шум погони...»). Борис Пастернак и власть: документы, 1956—1972 / [сост.: Т. В. Домрачева и др.]; под ред. В. Ю. Афиани и Н. Г. Томилиной. М.: РОССПЭН, 2001. С. 81—82).

⁹⁶⁶ Самым громким случаем публикации советского писателя за границей без согласования с властями было издание романа Б. А. Пильняка «Красное дерево» в 1929 году. Сосед Пастернака по Переделкину Пильняк на тот момент был одним из самых успешных советских писателей, главой Всероссийского союза писателей. После этой публикации он был отстранен от руководства Союзом писателей, написал письмо Сталину, был прощен и даже выезжал за границу, но в 1937 году он был арестован и вскоре расстрелян, а его близкие были репрессированы (см., например: Шенталинский В. А. Рабы свободы в литературных архивах КГБ: Бабель, Булгаков, Флоренский,

сказал: «Вы пригласили меня взглянуть в лицо собственной казни»⁹⁶⁷. Но посетившему его тем же летом И. Берлину он передал экземпляр рукописи, назвав роман своим «последним словом», «завещанием и самым настоящим, самое целостным из всех его произведений», которое, как он бы хотел, распространилось по всему миру и стало «глаголом жечь сердца людей»⁹⁶⁸.

В сентябре Пастернак получил письмо, а затем и встретился с Элен Пельтье-Замойской, будущей переводчицей романа на французский, и дал ей экземпляр романа — сначала для чтения, а затем для передачи в Оксфорд.

А в феврале 1957 года французская славистка Жаклин де Пруайяр⁹⁶⁹, приезжавшая в Москву на стажировку, вывезла последний, пятый, экземпляр романа, который предназначался для французского издательства «Галлимар». Кроме того, ей также был поручен контроль за буду-

---

Пильняк, Мандельштам, Клюев, Платонов, Горький. М.: Парус, 1995. 389, [1] с.). Одновременно с делом Пильняка обсуждалось дело Е. И. Замятина, который отправил свой роман-антиутопию «Мы» еще в начале 1920-х годов в берлинское издательство З. Гржебина, которое печатало книги на русском языке по договору с Госиздатом. Издательство передало рукопись в США для перевода и публикации на английском языке. Госиздат запретил Гржебину печатать роман «Мы», но в 1924 году он вышел на английском, затем на чешском (1927) и французском (1929) языках. После скандала Замятин вышел из Союза писателей, а в 1931 году попросил в письме Сталину о выезде за границу, получил разрешение и покинул СССР. Скончался в 1937 году в Париже (Жулькова К. А. Замятин Евгений Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 228). Подробнее о кампании против писателей, ее причинах и последствия для литературы и всех форм литературной жизни в СССР, включая разработку и утверждения модели поведения советского писателя и его взаимоотношений с властью и создание структуры управления литературной жизнью, см.: Галушкин А. Ю. «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: сборник материалов / под ред. Леонида Геллера. М.: МИК, 1998. С. 89—146. По мнению автора статьи, на Пильняке была опробована модель «правильного» поведения советского писателя, признавшего свои ошибки и показательно «прощенного» на время, Замятин же отказался от такого «покаяния» и выбрал эмиграцию (Там же. С. 140—141). Однако Пастернак не последовал ни одному из предложенных вариантов.

⁹⁶⁷ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 441; Д'Анджело С. Дело Пастернака: воспоминания очевидца. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 13: «Теперь вы приглашены на мою казнь».

⁹⁶⁸ Берлин И. Встречи с русскими писателями 1945 и 1956 // Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. / Борис Пастернак. М.: Слово/ Slovo, 2005. Т. 11. С. 503. Мемуарист также сообщает, что по настоянию жены поэта попытался отговорить его от публикации за границей, но услышал гневный ответ, что он вполне осознает последствия и уже обсудил их с сыновьями (Там же. С. 503). Вернувшись в Англию, Берлин передал рукопись сестрам Пастернака, в письме к ним поэт сообщал, что просил Берлина изготовить не менее 12 копий романа, чтобы раздавать их «виднейшим русским», живущим в Англии, и британским специалистам (письмо от 14 августа 1956, см.: Пастернак Б. Л. Письма к родителям и сестрам. Stanford, 1998. Кн. 2. С. 252).

⁹⁶⁹ Она вместе с Э. Пельтье-Замойской и др. вошла в группу переводчиков французского издания романа.

щим русским изданием на Западе и использованием гонораров, которые поэт на родине получать не надеялся ⁹⁷⁰.

Ответа от редакций «Нового мира» и «Знамени» не последовало, тогда как Фельтринелли, получив рукопись и ознакомившись с рецензией слависта и будущего переводчика романа Пьетро Цветеремича ⁹⁷¹, в середине июня 1956 года прислал Пастернаку договор на издание романа в Италии с правом переиздания в Англии и Франции. Пастернак его подписал, предупредив издателя о серьезных рисках для себя, если роман выйдет в Италии раньше, чем в СССР, однако никак не ограничивая: «Мысли рождаются не для того, чтобы их прятали или душили при рождении, но для того, чтобы их передавали другим» ⁹⁷².

24 августа последовала записка первого председателя КГБ СССР И. А. Серова в отдел культуры ЦК КПСС о передаче «антисоветского» романа за границу для публикации. А 31 августа отдел культуры, возглавляемый Д. А. Поликарповым, подготовил справку с подборкой крамольных цитат из романа ⁹⁷³. В сентябре «Новый мир» отказался публиковать роман, о чем известил Пастернака письмом за подписью пяти членов редакции, точно воспроизводившим текст справки ⁹⁷⁴.

Пока власти через итальянскую компартию безуспешно пытались склонить Фельтринелли к отказу от публикации ⁹⁷⁵, Поликарпов воздействовал на Ивинскую, которая занималась изданием сборника стихотворений Пастернака в Гослитиздате и вела его литературные дела, принуждая уговорить Д'Анджело забрать рукопись романа у Фельтринелли ⁹⁷⁶.

Для того чтобы хоть как-то отсрочить выход романа в Италии, Гослитиздат 7 января 1957 года заключил договор с Пастернаком на его публикацию в СССР. После этого Борис Леонидович отправил Фельтринелли письмо с просьбой задержать печать до сентября, когда,

⁹⁷⁰ Переписка Бориса Пастернака с Элен Пельтье-Замойской / пер. писем с фр. Е. Б. Пастернак; предисл. и коммент. Е. В. Пастернак // Знамя. 1997. № 1. С. 112—113; Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 447.

⁹⁷¹ Цветеремич (1922—1992) написал, что роман — «явление той русской литературы, которая живет вне государства, вне организованных сил, вне официальных идей. Голос Пастернака звучит так же, как звучали в свое время голоса Пушкина, Гоголя, Блока. Не опубликовать такую книгу — значит совершить преступление против культуры» («А за мною шум погони...». М.: РОССПЭН, 2001. С. 348).

⁹⁷² Финн П., Куве П. Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу. М.: Центрполиграф, 2015. С. 98.

⁹⁷³ Поликарпов Д., Черноупан И. Справка отдела культуры ЦК КПСС о романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // «А за мною шум погони...». М.: РОССПЭН, 2001. С. 63—70.

⁹⁷⁴ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 442—443.

⁹⁷⁵ «А за мною шум погони...». С. 71.

⁹⁷⁶ Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М.: Либрис, 1992. С. 234—244.

по договору, должно было состояться издание романа на родине ⁹⁷⁷. Ранее через Пельтье он передал ему записку с указанием, что если письмо от него будет не на французском языке, значит, оно написано под давлением и выполнять просьбы, которые в нем могут содержаться, не следует ⁹⁷⁸. Получив от Пастернака письмо по-французски с разъяснениями, Фельтринелли согласился задержать итальянское издание до выхода советского ⁹⁷⁹.

В июне Гослитиздат отказался выпустить готовящийся однотомник Пастернака. После публикации отрывка из романа был закрыт ежеквартальный польский журнал «Мнения» ⁹⁸⁰.

В августе власти попытались еще раз воздействовать на Фельтринелли с целью вернуть рукопись якобы для переработки и внесения изменений, вынудив Пастернака отправить ему соответствующую телеграмму ⁹⁸¹. Перед тем состоялось расширенное заседание секретариата Союза писателей, где Пастернака и роман представляли Ивинская и редакторы Гослитиздата А. И. Пузиков и А. В. Старостин. В письме к Н. А. Табидзе ⁹⁸² Пастернак описывает его, как «заседание характера 37-го года» ⁹⁸³. Теперь стало окончательно ясно, что роман в СССР не будет опубликован. Но остановить его издание за рубежом было уже невозможно. После этого заседания Ивинская договорилась, чтобы Поликарпов принял Пастернака. Перед визитом он попросил Ивинскую передать тому письмо: «Люди нравственно разборчивые никогда не бывают довольны собой, о многом сожалеют, во многом раскаиваются. Единственный повод, по которому мне не в чем раскаиваться в жизни, это роман. Я написал то, что думаю, и по сей день остаюсь при этих мыслях. Уверяю Вас, я бы его

---

⁹⁷⁷ «А за мною шум погони...». М.: РОССПЭН, 2001. С. 75—76.

⁹⁷⁸ Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 101.

⁹⁷⁹ См. Письмо Фельтринелли от 10 июня 1957 г. («А за мною шум погони...»). С. 78—80). Пастернак в ответном письме поблагодарил издателя, но подчеркнул, что считает публикацию романа чрезвычайно важной и еще раз просит не обращать внимания на возможные гонения автора, которые могут последовать. Издание романа в СССР он полагал невозможным (Финн П., Куве П. Дело Живаго. С. 112).

⁹⁸⁰ См. выше с. 268, прим. 965.

⁹⁸¹ «А за мною шум погони...». С. 81. Беспokoясь о Пастернаке и его близких, Д'Анджело убедил его отправить телеграмму тем, что подготовка к изданию практически завершена, у многих издательств есть фотокопии, и они все равно издадут роман, даже если Фельтринелли последует указаниям телеграммы. Но Пастернак все же сообщил издателям о вынужденном характере телеграммы в разговорах с итальянским ученым В. Страдой и оксфордской слависткой М. Берлин, которую попросила выяснить намерения брата Жозефина Пастернак: «Мне все равно, что будет со мной. Моя жизнь кончена. Книга — мое последнее слово цивилизованному миру» (Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 117).

⁹⁸² Табидзе Нина Александровна (1900—1965) — вдова репрессированного грузинского поэта Т. Ю. Табидзе (1895—1937), друга Пастернака.

⁹⁸³ Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: Слово/ Slovo, 2005. Т. 10. С. 250. Подробнее см. также: Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. М.: Либрис, 1992. С. 225—260; Пузиков А. И. Будни и праздники: из записок главного редактора. М.: Художественная литература, 1994. С. 206.

скрыл, если бы он был написан слабее. Но он оказался сильнее моих мечтаний, сила же дается свыше и таким образом, дальнейшая судьба его не в моей воле. Вмешиваться в нее я не буду. Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое»⁹⁸⁴. В набросках к этому письму Поликарпову Пастернак попытался дать понять, что такое ожесточенно противодействие изданию привлечет к роману и его автору гораздо больше внимания и вызовет горячее сочувствие, чем тот незначительный вред, который могли нанести его «идеологические ошибки», будучи опубликованными без подобных скандалов: «1) Внимание к моим работам извне нарастало не только помимо меня, но и помимо моего ведома. Так бывало всегда. Ни один из больших художников прошлого не пропагандировал себя, не делал своей славы своими руками, но наоборот, стыдился и стеснялся ее. 2) Было наивно думать, что двенадцатилетнее (1945—1957) замалчивание меня сотрет след моего существования. Этими мерами достигнуто обратное <...> 5) Как можно думать, что в век Туполевского реактивного самолета, телевизоров, радиолокации и прочего, в мире, связанном современными средствами сообщения, взаимным интересом народов друг к другу, именно духом мира и дружбы, о которых столько говорилось на фестивале, чье бы то ни было горячее и сосредоточенное творчество может быть утаено от мира простою укупоркой при помощи пробки, наподобие бутылки»⁹⁸⁵.

На телеграмму Пастернака Фельтринелли ответил 10 октября. Понимая, что она писалась под давлением, он составил письмо таким образом, чтобы у советского руководства, кому главным образом, и адресовался ответ, не осталось сомнений, что автор никак не может повлиять на публикацию романа в Италии, поскольку издатель никаких недостатков не видит, не считает, что роман нуждается в переработке, а кроме того, он напомнил, что согласился задержать издание только до сентября, и срок этот уже истек, а также советовал не препятствовать изданию во избежание придания этому делу «оттенка политического скандала»⁹⁸⁶.

Тем не менее власти не хотели смириться с неудачей. В октябре приехавший в Италию в составе делегации советских поэтов А. А. Сурков посетил издательство Фельтринелли и три часа безрезультатно скандалил, требуя вернуть рукопись автору. Потом он дал интервью коммунистической газете «Унита», где сообщил, что Пастернак написал роман, в котором клеветнически изображена революция, а итальянский издатель отказывается возвращать ему рукопись для переработки и собирается опубликовать, несмотря на возражения автора. Сурков также напоминал о судьбе Пильняка, поясняя, что это будет второй случай, когда произведение советского писателя, выйдет за рубежом прежде, чем в СССР.

⁹⁸⁴ Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями. М.: Слово, 2004. Т. 10. С. 250.

⁹⁸⁵ Письмо от 30 августа 1957 г. не было отправлено и осталось в бумагах Ивинской (Там же. С. 260.).

⁹⁸⁶ Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 119—120.

23 октября Пастернака вынудили отправить итальянскому издателю еще одну телеграмму, вызывающую к его профессиональной совести, с повторным требованием вернуть текст. Но 2 ноября он смог передать Фельтринелли частное письмо, где объяснял телеграмму «смесью шантажа и насилия», примененного к нему, и благодарил издателя за стойкость и понимание: «Будущее вознаградит нас, вас и меня, за ужасные унижения, которые мы переживаем»⁹⁸⁷.

Итальянский перевод «Доктора Живаго» вышел 15 ноября. Через пять дней последовало второе издание. В продаже роман появился 23 ноября и тут же стал бестселлером⁹⁸⁸.

В следующей году роман вышел в Великобритании, США, Франции, ФРГ, Швеции, Испании, Мексике и других странах Латинской Америки. В дальнейшем неоднократно переиздавался, в том числе пиратским способом⁹⁸⁹.

В том же 1958 году роман нидерландское издательство «Мутон» выпустило роман на языке оригинала. Автор очень хотел, чтобы «Доктор Живаго» был издан на русском, но категорически не желал, чтобы в этом участвовали эмигрантские или американские издательства, справедливо опасаясь реакции советских властей. Академическое издательство «Мутон», специализировавшееся на русской классике, казалось, подходило лучше всего⁹⁹⁰. Часть тиража была отправлена на Всемирную выставку в Брюсселе — первую после Второй мировой войны, где в павильоне Ватикана распространялась среди советских посетителей выставки⁹⁹¹.

---

⁹⁸⁷ Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 121.

⁹⁸⁸ Там же; Pasternak, Boris Leonidovič. Il dottor Živago: romanzo / trad. di Pietro Zveteremich. Milano: Feltrinelli, 1957. 710 p.; 2. ed.

⁹⁸⁹ Французский и английский переводы были указаны в договоре 1956 года Фельтринелли с Пастернаком, а после выхода итальянского перевода издатель активно продавал права на переводы в другие страны. Так, в 1958 году были изданы: Pasternak B. L. Doctor Zhivago / transl. from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. London: Collins and Harvill Press, 1958. 510 p. (Aramont Library; 305); Idem. Doctor Zhivago / [transl. from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York] Pantheon [1958]. 558 p.; Idem. Le docteur Jivago: roman / trad. du russe. Paris: Gallimard, 1958. 652 p. (Du monde entier); Idem. Doktor Schiwago: Roman / übers. aus dem Russischen von Reinhold von Walter. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1958, 639 s.; Idem. Zjivago / Sven Vallmark (övers.), Ralf Parland och Leo Lindberg (övers. dikter). Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1958. 608 s.; Idem. El doctor Jivago: novela; [trad. española de, Fernando Gutiérrez]. Barcelona: Noguer, 1958. 629 p. (Galería literaria). То же. El doctor Zhivago. Montevideo: Editorial Minerva, 1958. 542 p. и др. В 1959 г. вышло несколько русских изданий и польский перевод: Idem. Doktor Živago / przeł. z ros. Paweł Hostowiec; wiersze w przekł. Józefa Łobodowskiego. Paryż: Instytut Literacki, 1959. 507, [4] s. (Biblioteka «Kultury»).

⁹⁹⁰ Подробнее о русском издании, участии ЦРУ, переизданиях «Доктора Живаго» и его распространении среди советских граждан см.: Финн П., Куве П. Дело Живаго. Гл. 8—9. С. 123—156.

⁹⁹¹ Там же. С.150—152. В октябре 1958 года роман начинает публиковать «Новое русское слово» (Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: роман / [крат. примеч. ред. на англ. яз.] // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 12 окт.—

Весной 1958 года Альбер Камю в очередной раз выдвинул Пастернака на Нобелевскую премию. Со стороны Нобелевского комитета с выходом романа на родном языке было устранено формальное препятствие для присуждения премии, и 23 октября Нобелевский комитет присудил премию по литературе Пастернаку с формулировкой «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». Пастернак от Нобелевской премии был принужден отказаться, но это не спасло его от травли на родине. В «Литературной газете» было напечатано внутреннее письмо редакции «Нового мира», в котором обосновывался отказ от публикации романа в СССР. Пастернака исключили из Союза писателей, лишили возможности работать и обеспечивать свое существование. Индивидуальные и коллективные обращения «творческих работников» и «трудящихся» с призывами осудить, лишить гражданства и выслать из страны распространялись во всех видах СМИ. После публикации в британской «Дейли мейл» (Daily mail) стихотворения Пастернака «Нобелевская премия» травля усилилась, что стало одной из причин его тяжелой болезни и преждевременной смерти в Переделкине 30 мая 1960 года ⁹⁹². На родине писателя роман был опубликован только в 1988 году.

4.4.4. Интенциональное единство романа и архива

Сопоставление романа Пастернака и архива Фрейденберг — задача непростая прежде всего потому, что роман — художественное произведение и, естественно, исследователями и читателями всегда рассматривался и воспринимался как единое целое. Тогда как архив ранее как целое не рассматривался, распадался на отдельные компоненты, имеющие самостоятельное значение, такие как Записки, письма, научные работы. Тем не менее если рассматривать и роман, и архив как единое целое, можно заметить их интенциональное единство при многих существенных, но по большей части внешних различиях. Также повторюсь, что детальному сопоставлению этих двух масштабных явлений культуры следовало бы посвятить отдельную работу, здесь ограничусь лишь несколькими соображениями на основе проделанного анализа материалов архива Фрейденберг, ее переписки с братом и исследований о его биографии.

---

31 дек. (№ 16642—16722); 1959. 1—13 янв. (№ 16723—16735)), а в следующем году выходит второе русское издание: Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1959. [4], 567 p. Третье русское издание Фельтринелли издаст в Италии, а четвертое выйдет во Франции: Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. [S. l.]: Société d'Édition et d'Impression Mondiale, 1959. 634 p.

⁹⁹² Подробнее о получении Нобелевской премии и последних годах жизни Пастернака см.: Флейшман Л. Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Азбуковник, 2013. 639 с.; Толстой И. Н. «Доктор Живаго»: новые факты и находки в Нобелевском Архиве. Прага: Human rights publ., 2010. 87, [1] с.; Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 157—275; Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 436—485 и др.

Пастернак задумал «большую прозу» в 1945 году, считая, что может и должен сказать свое настоящее слово в литературе, хотя первые попытки в этом направлении были предприняты еще до войны. Роман был закончен в конце 1955-го. Фрейденберг приняла решение о формировании архива в 1947-м. Полностью воплотить в жизнь свое решение она не успела. Но в 1945 году она также задумала книгу о прозе, считая, что, подобно поэту, который может лишь приступить к прозе лишь в зрелости, ученый может позволить себе решение такой сложной проблемы лишь в конце своего научного пути. Записки были начаты много раньше, в 1939-м, но как описание всей своей жизни осознаны только вместе с решением об архиве.

Пастернак писал свой роман открыто, сообщал о его замысле и процессе воплощения многим корреспондентам, читал главы и рассылал рукописи широкому кругу знакомых. Закончив роман, он отправил рукопись в несколько периодических изданий в СССР и пять экземпляров передал за границу.

Решение готовить архив Фрейденберг держала втайне, почти никто не знал о существовании Записок⁹⁹³, и даже в переписке с Пастернаком это лишь угадывается⁹⁹⁴. Но большинство опубликованных в послевоенные годы ее работ представляют собой эксерпты и экстракты монографий, а, закончив «Образ и понятие», она хотела защищать эту работу как докторскую диссертацию по философии, чтобы гарантировать публикацию тезисов⁹⁹⁵.

Роман был определен партийными чиновниками как антисоветский, но первые итальянские читатели на волне ажиотажного спроса после скандалов с публикацией увидели прежде всего явление большой литературы, а вовсе не «политический трактат»⁹⁹⁶.

Фрейденберг, напротив, много, часто, предельно жестко и политически определенно высказывалась о советской власти и советском обществе⁹⁹⁷, не боясь аналогий и обобщений. Она еще во время блокады решила, что будет писать как свои работы, так и свои записки «свободно и неподцензурно».

⁹⁹³ Первую тетрадь читал ее основной адресат, Б. С. Бархударов (см. с. 151). О блокадных тетрадях знала соседка Фрейденберг С. А. Спиридонова (см. с. 156).

⁹⁹⁴ См. письмо Пастернака Марковой от 31 августа 1955 г.; комментаторы считают, что под словами «Олина книга», которую Р. Р. Орбели хотела положить в «консервацию», подразумевались Записки (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 383, 414).

⁹⁹⁵ Устное сообщение Н. В. Брагинской.

⁹⁹⁶ Одна из первых рецензий на роман была опубликована в газете «Корьере делла Сера» (Corriere della Sera) под заголовком «Ищите политический трактат, а находите произведение искусства» (Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 121—122).

⁹⁹⁷ См., например: Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг? // Синтаксис. 1986. № 16. С. 149—163; Ее же. Осада человека // Минувшее: исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 9—44.

Так же стремился писать роман и Пастернак ⁹⁹⁸, хотя здесь почти нет политических высказываний: «Роман выглядит чужеродным, как ацтекский храм в ряду мрачных многоквартирных домов, в силу своего крайнего равнодушия ко всем официальным запретам и приказам... Он написан так, словно не существовало бы в искусстве никакой линии коммунистической партии. Он написан человеком, который сохранил и углубил свою свободу — свободу от всех внешних ограничений и внутренних комплексов» ⁹⁹⁹.

Пастернак писал роман медленно, отвлекаясь на переводы, собирая отклики и реагируя на них, но не отступая от задуманного. Работа над романом заняла десять лет.

Фрейденберг писала Записки быстро. На самую объемную часть ушло всего нескольких месяцев. Но над итоговой монографией трудилась девять лет, а работа над архивом так и не была завершена.

Роман по-своему автобиографичен, но это не реальная биография поэта, которая всем известна, — судьба вымышленного персонажа как бы противопоставлена жизни Пастернака: герой лишен неудач прообраза — в рождении, профессии, любви — и «писал стихи без расчета на читателя, как свидетель и прямой участник евангельских событий, какие Пастернак не мог позволить себе написать от своего имени, отягченного происхождением и писательской биографией» ¹⁰⁰⁰.

Записки, наоборот, рассказывают именно правду об авторе. Фрейденберг была не настолько публичным человеком, как Пастернак, не попадала в газеты, кроме университетской, ее биография была мало кому известна, кроме служебной, но увольнение из университета стало для нее равносильно вычеркиванию из реальной жизни — ни коллег, ни учеников, ни близких. Рассказать правду о ней некому, поэтому пишет ее о себе она сама — чтобы потомки не получили один только вымысел.

Метод, которым написан роман, Пастернак называл «субъективно-биографическим реализмом»: воображение автора опирается на жизненные впечатления и реальные события, но при этом конструирует собственный мир, соединяя в персонажах черты и элементы биографий нескольких прототипов ¹⁰⁰¹. Различные мотивы биографии автора, его близких и знакомых вплете-

---

⁹⁹⁸ См. выше, например, с. 248, 251.

⁹⁹⁹ Рецензия Виктора Франка в «Дублин ревью» (The Dublin Review; цит. по: Финн П., Куве П. Дело Живаго. М.: Центрполиграф, 2015. С. 161—162).

¹⁰⁰⁰ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 413; Пастернак Е. В. Значение автобиографического момента в романе «Доктор Живаго» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 1. С. 257—268.

¹⁰⁰¹ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. С. 411; о прототипах романа см. также: Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман. М.: Новое лит. обозрение, 2024. Гл. 4. С. 207—262;

ны в ткань романа, в характеры и судьбы персонажей¹⁰⁰². Их множество, но здесь я хотела бы сказать лишь о тех, кто биографически связан с Фрейденберг.

В романе нет персонажа, в котором читатели могут узнать кузину автора, но Лара — сестра милосердия, сестрами милосердия в Первую мировую войну были Фрейденберг и ее гимназические подруги. Главный герой, Юрий Живаго, — врач. Врачом был друг Фрейденберг Марк Лившиц, учившийся с 1911 года в Москве, «чудный человек, врач типа Гааза, скромный и невидный, отдающий жизнь, время, сердце всем, кто в нем нуждается»¹⁰⁰³. Фрейденберг была хорошо знакома и с его однокурсниками¹⁰⁰⁴. В свою очередь знакомый Лившица, писавший стихи, которые в письмах к Марку неоднократно критиковала Фрейденберг, носил фамилию Гордон и, возможно, тоже был врачом¹⁰⁰⁵. Имя Тоня было у одесской подруги детства Фрейденберг, Морозовой,

---

Шмаина-Великанова А. И. Сестра: Цветаева в творчестве Пастернака // Пастернаковский сборник. М.: РГГУ, 2011. 1. С. 353—355.

¹⁰⁰² «Доктор Живаго» в целом полноценный исторический роман и его исторические реалии основаны на документальных свидетельствах, см. подробнее: Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Гл. 2—3. С. 88—206.

¹⁰⁰³ См. Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 141.

¹⁰⁰⁴ Одним из друзей Лившица и Фрейденберг, состоявшим с ней в переписке и часто упоминаемым в ее переписке с Марком, был Григорий Израилевич Зархи (р. 1892, г. Орша), врач-эпидемиолог, которой учился вместе с Лившицем на медицинском факультете Московского университета (ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 325. Д. 569). В 1920-х он работал в Сибири, затем заведовал эпидемиологическим отделением Свердловского санитарно-бактериологического института. Был арестован в 1930 году, а в 1932-м осужден на десять лет лагерей. Дальнейшая судьба Зархи неизвестна (Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область / [редкол.: М. А. Бочкарев и др.]. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2001. Т. 3: Е—И. С. 116).

Соседом Лившица в Москве был Владимир Ильич (Юда Эльевич) Савшинский, также упоминаемый в переписке Фрейденберг и Лившица, врач, вероятнее всего, средний брат известного пианиста и педагога С. И. Савшинского (ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1480). Умер от тифа в Ростове-на-Дону после революции (Воротной М. В. Исполнительские и педагогические принципы С. И. Савшинского: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2007. С. 45, 50).

¹⁰⁰⁵ Гордон, чье имя из материалов архива Фрейденберг неизвестно, и его стихи, которые она обстоятельно разбирает, упоминаются в двух письмах к Лившицу, одно из них написано, вероятно, в годы Первой мировой войны, другое — 22 февраля 1918 г.: «С первого стиха я поняла Вас: он может писать в любом стиле и о чем угодно. Непредложно, что он не поэт, несмотря на хорошую технику, и даже ее преодоление указывает на его безнадежность. Недостатки — вообще, путеводный огонь. Они зовут к совершенствованию. Но начинать хорошо — смерть. Если бы слова Гордона в прозе, он интересовал бы, во всяком случае, привлекал бы. Но поэтически слова его остаются словами, и не убеждает он ни в чем. Форма его тоже не убеждает. Он не колоритен и даже не трогателен, не мягок и не силен, без теплоты, вне которой тело мертво, а поэзия не рождена. И знаете что? Он имеет право на существование хотя бы в своей комнате: потому что то, что он хочет, лежит в сути поэзии. Его содержание при таланте могло бы стать поэзией» (Архив О. М. Фрейденберг).

приезжавшей в 1910-х в Петербург и время от времени жившей в Москве ¹⁰⁰⁶. Доподлинно неизвестно, но, похоже, именно Тоня Морозова вышла замуж за хирурга Георгия Ивановича Педанова (1887—1960), уроженца Полтавы, закончившего медицинский факультет Новороссийского университета в Одессе. Он, как и Лившиц, был на фронте военным врачом, в 1917 году вернулся в Одессу, а в 1920-м был вынужден эмигрировать в Сербию вместе с женой и сыном ¹⁰⁰⁷. Мне не удалось установить, знал ли Пастернак врача Педанова, но и он, и его брат Александр были близко знакомы с Тоней, Лившицем и их общими с Фрейденберг друзьями-медиками ¹⁰⁰⁸, то есть поэт достаточно хорошо представлял эту среду, что, возможно, среди других причин повлияло на выбор профессии главного героя и оставило след в других сюжетных линиях романа ¹⁰⁰⁹.

Записки — это автобиография Фрейденберг, охватывающая почти всю ее жизнь с раннего детства. Но в ней отражены все главные события эпохи: Первая мировая война, революция, блокада Ленинграда, послереволюционный Петроград и университет, советская гуманитарная наука и образование с 1917 до 1950 года. Записки не просто точно описывают детали и служат важнейшим историческим источником этого периода, но их автор делает масштабные и глубокие обобщения, пишет ли об отдельном человеке или о важнейших исторических и политических событиях, судьбах институций или государства. Паперно видит в послевоенных Записках философский трактат, описывающий состояние тоталитарного общества, сравнимый с работами Арендт, Гинзбург

---

¹⁰⁰⁶ Антонина Филипповна Морозова. В письмах к Марку, где указаны разные ее московские адреса встречается и ее фамилия после замужества (Архив О. М. Фрейденберг).

¹⁰⁰⁷ Российские врачи в королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии / отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин; сост.: М. Горинов-мл., Н. Петрович [и др.]. Белград; М.: «Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына», 2012. С. 265—267; Педанов Ю. Ф., Славута А. П. Хирург Георгий Иванович Педанов (1887—1960) // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2012. № 1 (27). С. 143—147.

¹⁰⁰⁸ Тоня упоминается в переписке Пастернака и Фрейденберг (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 40, 49, 51, 55, 58), а еще более в письмах к Марку Лившицу: «Правда, как хорошо вышло, что вы так сошлись — Шура, Вы, Тоня» (Письмо от 22 марта 1914 г. // Архив О. М. Фрейденберг).

¹⁰⁰⁹ Фрейденберг описывает их общую компанию, когда Р. И. Пастернак пригласила сестер Высоцких, чтобы познакомить их с ней, а Фрейденберг это знакомство сорвала: «В это время я уже имела свою свиту. Моим первым адъютантом был Мотя Лившиц, брат гимназической подруги, а свита состояла из его товарищей. Теперь они все учились в Москве, и были студентами-медиками. Я их предупредила о готовящемся вечере. <...> Вдруг — звонок, и вваливаются мои молодцы. Они первыми кидаются к столу и начинают обжираться; тетя с ужасом следит, как опустошаются блюда, заготовленные для гостей <...> мы гогочем, пускаем намеки, острым, потом шумно встаем и все, не прощаясь, уходим черным ходом» (Фрейденберг О. М. Тетр. 1—2. Л. 77 об.—78).

и др.¹⁰¹⁰ Дружинин руководствовался не только фактическим материалом, но именно «духом» Записок, когда писал документальное исследование «Идеология и филология»¹⁰¹¹.

Широко известно стихотворение Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (1956), в котором поэт высказывает, на первый взгляд, пренебрежительное отношение к сохранению рукописей и формированию личных архивов. На самом деле, позиция поэта совсем не так однозначна.

Уже весной 1956 года, вскоре после XX съезда КПСС и доклада Н. С. Хрущева с разоблачением «культа личности», в СССР начали приезжать различные делегации из-за границы. Иностранцы стали наведываться и в Переделкино. С группой молодых французов посетил Пастернака его будущий переводчик и исследователь Мишель Окутюрье. Как раз ему поэт и подарил только что написанное стихотворение «Быть знаменитым некрасиво»¹⁰¹².

К 1956 году Пастернака уже неоднократно выдвигали на Нобелевскую премию. В Англии его стихи были включены в антологию русской поэзии наряду с произведениями Блока, Ахматовой, Мандельштама. Однако сам он считал, что не заслужил такой известности¹⁰¹³. Кроме того, главное его произведение, роман, еще не было опубликовано и известно широкой публике.

Нельзя сказать, что Пастернак бережно хранил рукописи своих произведений, поступавшую корреспонденцию и другие документы¹⁰¹⁴. Не способствовали их сохранности частые переезды, эвакуация и разнообразные драматичные события отечественной истории.

Так, например, во время антинемецкого погрома в Москве в 1915 году в доме Филиппов, где он работал гувернером, погибли его рукописи и книги¹⁰¹⁵.

В письме к родителям от 6 января 1938 года Пастернак описывал, как, подготавливая вещи к переезду летом прошлого года, он «до последней бумажки пересмотрел и ощупал руками разновременные свидетельства почти что шестидесятилетнего существования» своей семьи, и вся ее жизнь прошла перед ним¹⁰¹⁶.

Во время войны, пока Пастернак отсутствовал в Москве, все его имущество, включая семейные документы, серьезно пострадали: квартира была разорен, а в Переделкине вместе с дачей

¹⁰¹⁰ См. Паперно И. А. «Осада человека»: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 218 с.

¹⁰¹¹ Дружинин П. А. Идеология и филология. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 2 т.

¹⁰¹² Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: биография. М.: Цитадель, 1997. С. 677.

¹⁰¹³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 324

¹⁰¹⁴ Е. Б. и Е. В. Пастернаки в книге «Жизнь Бориса Пастернака» (СПб.: Журн. «Звезда», 2004) приводит много свидетельств об утере рукописей поэта, в том числе, отосланных в редакции или подаренных друзьям, см., например: с. 149, 333, 347 и др.

¹⁰¹⁵ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. С. 121—120.

¹⁰¹⁶ Пастернак Б. Л. Письма к родителям и сестрам. Stanford, 1998. Кн. 2. С. 184. Ср. с тем, как Фрейденберг отбирала вещи при подготовке к эвакуации (с. 166—169).

В. И. Иванова сгорели перенесенные туда вещи с дачи Пастернака, включая большой сундук с масляными этюдами отца. Возможно, в связи с потрясением, которое он испытал из-за потери всего, что связано с историей семьи, он перестал интересоваться сохранением собственного имущества ¹⁰¹⁷. Кроме того, в автобиографическом очерке «Люди и положение», написанном в 1956 году для как предисловие к однотомнику стихов, готовившемуся тогда к печати, описывая трагическую пропажу во время войны писем Цветаевой, констатирует утрату доверия к хранению бумаг: «Их погубила излишняя тщательность их хранения» ¹⁰¹⁸. Поэтому в письме к Марковой, рассуждая о бумагах и других вещах Фрейденберг, которые могут попасть не в те руки, он пишет: «У меня и в части, касающейся лично меня нет того, что называется обстановкой, библиотекой, собранием чего бы то ни было, архивом, святыней. Я не храню ни переписки, ни черновики, не даю ничему накапливаться, мою комнату легче убирать, чем номер в гостинице. Я живу, как студент» ¹⁰¹⁹.

На мой взгляд, в стихотворении «Быть знаменитым некрасиво...» отразилось состояние поэта, связанное с созданием романа: отдать всего себя творчеству и обеспечить жизнь творения в мировом пространстве, а рукописи и мирская хвала (или хула) не важны ¹⁰²⁰. Пусть работу оценивают потомки.

В то же время, говоря об бумагах Фрейденберг, он называет сестру «хранительницей семейных преданий, вещей, писем» ¹⁰²¹. В переписке почти не встречается слово «архив», который в стихах противопоставлен живому творчеству, но, когда Фрейденберг рассказывает, что передала документы отца в Музей связи, тем самым давая им новую жизнь в истории науки и спасая от забвения, он радуется вместе с ней.

Как я показывала выше, архив Фрейденберг принципиально отличается от архивов других представителей интеллигенции минимальным количеством рукописей и писем. При этом она

---

¹⁰¹⁷ «Эта главная рана была для меня так болезненна, что я махнул рукой на какие бы то ни было следы собственного пристанища, раз пропало главное, что меня связывало с воспоминаниями» (Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 262).

¹⁰¹⁸ Пастернак Б. Л. Люди и положения // Новый мир. 1967. № 1. С. 233.

¹⁰¹⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 382

¹⁰²⁰ Действительно, не сохранилось эталонного экземпляра рукописи или машинописи романа: первое русское издание делалось по неуправленной машинописи, рукописи разных частей хранились у трех разных людей, существовало множество экземпляров машинописи с разными правками так что, что для издания романа на родине его пришлось собирать по словам из различных источников (Пастернак Е. В. История публикации романа «Доктор Живаго» / записал Ф. Дзякко // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/mag/679-zhivago> (дата обращения: 20.09.2025)).

¹⁰²¹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 382. В этом письме Марковой речь все же в большей степени идет не столько об архиве Фрейденберг, сколько об ее имуществе, в том числе денежных сбережениях.

почти всю жизнь прожила в одной квартире, избежав разграблений, пожаров и разрушений от бомб и снарядов. Но целенаправленно она сохранила только письма Пастернака, переписку с Франк-Каменецким, целиком вошедшую в Записки, как и некоторых другие документы. Сами же Записки остались в рукописном виде, поскольку доверить их перепечатку машинистке было слишком опасно ¹⁰²². Все остальное она либо не хранила, либо уничтожила после того, как перенесла в Записки, оставляя лишь бумаги с чистыми оборотами для возможного использования для черновиков. Лишь несколько автографов она бережно хранила в конверте с надписью «Мои реликвии». Такой конверт был и у Пастернака: «Самое дорогое. Автографы Рильке и Ахматовой» ¹⁰²³. Сундук с архивом Фрейденберг адресовала потомкам, полагая, что, если ее творчество имеет значение для мировой науки, работы непременно будут прочитаны, поняты и востребованы ¹⁰²⁴. И действительно, сегодня ее идеи и открытия применяются в целом ряде дисциплин, не только в антиковедении ¹⁰²⁵.

После смерти главного героя романа, Юрия Живаго, его сводный брат разбирает его бумаги и находит стихи, которые и составляют последнюю главу романа. Фрейденберг умерла на пять лет раньше Пастернака. Неизвестно, как он собирался при жизни участвовать в устройстве дел покойной сестры. Документы и свидетельства показывают, что он этого стремился избежать. Кухине Марковой пишет о неважности для него материального обладания какими-либо бумагами или вещами, надеется на причастность Фрейденберг к научной «организации», которой принадлежит инициатива в этом вопросе, и важности «творческого труда» — окончания романа, который единственный может стать ответом на тяжелую утрату ¹⁰²⁶. Сыну, Евгению, советует не волноваться о судьбе ее архива, пока он жив ¹⁰²⁷. Действительно, это было разумное решение: после передачи рукописи романа, публикации его переводов и оригинала за границей, получения Нобелевской премии и последовавшей за этим травли его содействие или просто участие в судьбе наследия сестры стало бы для последнего опасным. Но после смерти Пастернака его сын нашел письма Фрейденберг, а в 1973 году Н. В. Брагинская обнаружила на дне сундука с архивом

¹⁰²² См., например, двойную правку работ, отдаваемых для перепечатывания (см. выше с. 249, прим. 868).

¹⁰²³ Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака. СПб.: Журн. «Звезда», 2004. С. 391.

¹⁰²⁴ Ср.: «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь. Но поражения от победы ты сам не должен отличать» (Пастернак Б. «Быть знаменитым некрасиво»).

¹⁰²⁵ См.: Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг; *Personalia* и некоторые упоминания; Опубликованные библиографии трудов О. М. Фрейденберг и сведения о материалах ее архива / сост. Н. Ю. Костенко // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 707—740, а также текущую библиографию на сайте «Электронный архив О. М. Фрейденберг»: <http://freidenberg.ru/Personalija/Prizhiznennyepublikacii> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁰²⁶ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 380, 382.

¹⁰²⁷ Пастернак Е. Б. Вступление // Там же. С. 18.

письма поэта. После публикации их переписки посмертная слава опального нобелевского лауреата поспособствовала интересу к научным трудам сестры — и на родине, и за рубежом ¹⁰²⁸.

Пастернак рассматривает создание романа и задачу творчества не только как эстетическую, но и как воссоздание и сохранение образов погибших и погибающих вокруг него людей и целой эпохи ¹⁰²⁹. Это своего рода «эвакуация», «спасение» из убийственной действительности, но продолжение жизни в литературе. Подобной теме посвящен и роман К. К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» ¹⁰³⁰, где главный герой, писатель, описывает разрушающийся и исчезающий «старый» мир, которому нет места в новой советской действительности. Но если у Вагинова писатель, помещая в роман и делая персонажем, изымает человека из его настоящей жизни, «крадет» жизнь, заманивая живого человека в смерть или ад ¹⁰³¹, то Пастернак делает противоположное — воскрешает, спасает от забвения и дарует новую жизнь или второе рождение не только героям романа, но и себе самому ¹⁰³². «Жизнью — в самом широко и великом значении» называла прочитанную часть романа Фрейденберг. Получив известие о тяжелой болезни сестры, от которой она впоследствии и скончалась, он пишет Марковой: «Единственно, что во всей совокупности по отношению ко всем дорогим случаям и ко всей этой драгоценной обреченной утрате жизни мы можем сделать, это перелить всю нашу любовь в создание и выработку живого, в полезный труд, в творческую работу» ¹⁰³³.

И Фрейденберг в научных работах и Записках подчеркивала творящее и созидательное значение написанного: написать — значит создать или воссоздать жизнь. Записки и подготовленные к публикации работы, сохраненные в сундуке, должны быть открыты потомками и, извлеченные

---

¹⁰²⁸ Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 24—25. И если публикации из архива на родине начались раньше, чем переписка была найдена, то изданные в 1981 году в Нью-Йорке письма, почти сразу переведенные на английский, а затем и другие языки, заинтересовали не только читателей Пастернака, но также вызвали интерес к научному наследию Фрейденберг в тех странах, где ее работ раньше не знали (например, диссертация К. Мосса была защищена в 1983 году, статьи о Фрейденберг и ее переводы Перлиной публиковались с 1990-х, а в 1997 году Мосс перевел «Образ и понятие» на английский язык; перевод переписки на итальянский вышел в 1987 году, а в 1989-м была защищена дипломная работа С. Вальдаты, в 1992 году была опубликована ее статья о пародии в свете теории Фрейденберг, см. Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг; *Personalia* / сост. Н. Ю. Костенко // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2021. С. 716; 718, 726—727).

¹⁰²⁹ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 287

¹⁰³⁰ Вагинов К. К. Труды и дни Свистонова. Л.: Изд-во писателей, 1929. 150, [2] с.

¹⁰³¹ См. Сандомирская И. И. Блокада в слове. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 137—141.

¹⁰³² Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. М.: Арт-Флекс, 2000. С. 287. См. также: Шмайна-Великанова А. И. Поэзия как выход из богословского тупика: «Доктор Живаго» и его последствия // Наше положение: образы настоящего / О. Седакова [и др.]. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2000. С. 280—291.

¹⁰³³ Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность. С. 380

на свет, возродят ее жизнь, страдания и труды, как одно лишь описанное изобретение отца позволило ему занять справедливое место в истории создания кино¹⁰³⁴.

Такое же интенциональное единство видится мне и в значении результатов трудов обоих.

В неоднократно здесь упомянутой монографии «Осада человека...» Паперно отмечала отличие Фрейденберг от Арендт в том, что последняя считала основным злом тоталитаризма исключение индивида из сферы политического действия, в то время как Фрейденберг сосредотачивает свое внимание на анализе советского «бытового террора», который Арендт был мало знаком. Для Фрейденберг же «главным злом сталинизма» было именно проникновение государства в повседневный быт, а «сферу политического действия она (как и многие ее современники в Советском Союзе) вовсе не ценила»¹⁰³⁵. Это более чем спорное утверждение, но мне бы хотелось остановиться именно на определении ценности политического действия для Фрейденберг и Пастернака.

Они находились в таких обстоятельствах, при которых не то что политическое действие, даже намек на несогласие с генеральной линией или попытка отстоять собственное достоинство были бы смертельно опасны.

Пастернак в послевоенные годы оказался не востребова́н официальной советской литературой, но работал над романом, рассматривая переводы лишь в качестве материального обеспечения для достижения основной цели. Завершив роман и не веря в возможность опубликовать его на родине, он передал пять экземпляров рукописи за границу, пойдя на смертельный риск для себя и своих близких, осознавая, что последний такой случай закончился расстрелом автора и репрессиями в отношении его семьи. Роман стал не только литературным бестселлером, но важнейшим событием культурной, общественной и политической жизни во всем мире, включив в свою орбиту американскую разведку и противодействующие ей советские партийные, государственные и общественные органы, а его автор фактически стал основателем «тамиздата»¹⁰³⁶.

Фрейденберг не дожидаясь триумфа брата, но предчувствовала и предсказывала его мировую славу и признание еще при жизни — «тебе дано осуществленье». Сама же она за границей известной не была. В середине 1920-х годов, получив положительный отзыв мирового светила христианистики Адольфа фон Гарнака, она попыталась опубликовать автореферат своей диссертации в немецком журнале, но, узнав, что для этого необходима письменная рекомендация

---

¹⁰³⁴ См. выше п. 4.2, с. 235—236 и 4.3.

¹⁰³⁵ Паперно И. А. «Осада человека». М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 184.

¹⁰³⁶ А. Д. Синявский и Ю. М. Даниэль все же не рискнули опубликовать свои произведения под собственными именами.

известного ученого, не нашла в себе моральных сил снова тревожить Гарнака, и работа не была принята журналом ¹⁰³⁷.

Поставив крест на публикациях в иностранных изданиях, она довольствовалась вынужденным (после отзыва Гарнака) признанием у отечественных филологов-классиков и успешной работой в Яфетическом институте. Фрейденберг принадлежала к очень узкому научному направлению, строго соблюдающему границы своей дисциплины. Тем не менее до самого своего увольнения она не боялась высказывать несогласие с действиями начальства и партийного руководства факультета и кафедры и публично отстаивала свое достоинство как ученого ¹⁰³⁸. Помимо прочего, именно эта ее бескомпромиссность вызывала неприятие не только у начальства, но и у ближайших коллег. И после увольнения ее быстро забыли и вычеркнули из истории кафедры ¹⁰³⁹.

Фрейденберг оказалась вытеснена в частную сферу без какой-либо возможности участия в научной, культурной и общественной жизни, не говоря уже о политической. Но она помнила слова завкафедрой иранской филологии, «одного из немногих честных людей, людей нестигаемой честности» А. А. Фреймана: «Не уходите. И передо мной встает этот вопрос. Мы не должны уходить. Это дело нельзя выпускать из своих рук. Если к нам попало оно, мы не можем, как нам ни тяжело, отстраняться и уступать его негодяям. Это наша обязанность» ¹⁰⁴⁰.

К концу 1940-х Фрейденберг вполне трезво осознавала свою беспомощность: «Я знала, что не покончу с собой. Все мои несчастья были здоровой реакцией здорового человека на гнетущую обстановку и оскорбления жизни. Но я не была ни самоубийцей, ни истеричкой, ни неврастеником. Я искала выхода, я хотела перелома в любую сторону» ¹⁰⁴¹. Таким выходом, «протестом против удушения человека», стала подготовка архива и обеспечение его сохранности, что можно рассматривать не только как и интереснейший культурологический феномен, но и как единственно возможное для Фрейденберг политическое действие. Лишенная близких, научной среды, учеников и студентов, она потратила послевоенное десятилетие на то, чтобы закончить и подготовить большинство своих работ так, так как если бы отдавала их в печать, обобщила свой научный опыт в итоговой монографии, снабдила своим *curriculum vitae*, включающим не только научную биографию, но весь жизненный путь, куда вошли и детские годы, и годы блокады, и годы погромных идеологических кампаний, должны были войти и годы изгнания и забвения — последнее

---

¹⁰³⁷ Фрейденберг О. М. Тетр. 7. Л. 8.

¹⁰³⁸ См. п. 1.3, с. 92—95.

¹⁰³⁹ Е. А. Борисочева, закончившая классическое отделение СПбГУ, сообщила Брагинской о висящей на кафедре классической филологии фотографии женщины в дореволюционном сестринском платье, о том, кто это такая сотрудники и учащиеся кафедры не знали. Это была фотография Фрейденберг из ее личного дела студентки.

¹⁰⁴⁰ Фрейденберг О. М. Тетр. 22. Л. 2—2 об.

¹⁰⁴¹ Фрейденберг О. М. Тетр. 29. Л. 4.

пятилетие: «Но я сделаю этот крестный путь. Пафос истории во мне сильнее, чем мои страдания. Я говорю со священным пространством, с миром, который был моей духовной метрополией с первых дней моего сознания. Больше всего на земле я любила „все“, и нет во мне громче импульса, чем этот жизненный самоотчет, чем этот тет-а-тет со вселенной, именуемой тетрадь»¹⁰⁴².

Ей удалось преодолеть ту участь, которое уготовило ей государство и общество, — быть преданной забвению и замалчиванию. Свое наследие она вверила надежной душеприказчице, а через нее — судьбе.

С начала 1970-х годов начали публиковаться отдельные ее работы, затем увидела свет книга «Миф и литература древности» (М., 1978), включающая две обобщающие монографии, позже за границей вышли первые издания переписки — на русском языке и в переводах, а во второй половине 1980-х появились первые отрывки из Записок. Наследие Фрейденберг не пропало и дошло до следующих поколений¹⁰⁴³. И ее послание было созвучно и понятно им, потому что со смертью Сталина и краткой оттепелью идеологический гнет принципиально не изменился и, по словам писателя М. С. Харитонов, остался так же «враждебен культуре, всему высокому и подлинному»¹⁰⁴⁴. Это констатация была записана в 1981 году после прочтения переписки Фрейденберг и Пастернака периода работы над романом, а еще через год Харитонов в дневнике привел разговор с Л. М. Баткиным, тоже страдавшим от отсутствия публикаций и возможности существовать в подходящей научной среде: «...Позвонил Баткину, которому сегодня 50 лет, он долго рассуждал со мной о необходимости для человека печататься, иметь отклик. „Чтобы принять следующую порцию пищи, человеку нужно все-таки опростаться, простите за раблезианское сравнение. Жить в состоянии невесомости противоестественно, это даже не та невесомость, которую испытываешь, плавая в воде: то все-таки среда. А тут какая-то космическая невесомость, в безвоздушном пространстве. Библиер называет это шизофренией <...>“. Вспомнил об О. М. Фрейденберг, после смерти которой остался сундучок работ, все они были пронумерованы, расположены в строгом порядке и совершенно готовы к изданию. „Это подвигло меня предпринять действие, которое может показаться смешным: я принялся за составление плана своего 4-томного собрания сочинений, 4 тома по 20 листов, и вижу в этой работе смысл...“»¹⁰⁴⁵.

---

¹⁰⁴² Фрейденберг О. М. Тетр. 28. Л. 51.

¹⁰⁴³ Ср., например, обзор архивных фондов отечественных историков и судьбы их творческого наследия: Хорошкевич А. Л. Вопросы издания творческого наследия советских историков русского феодализма // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 5—27.

¹⁰⁴⁴ Харитонов М. С. Стенография конца века: [из дневниковых записей]. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 118.

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 133.

4.5. Выводы

Здесь кратко изложены выводы из данной главы, которая является итоговой по отношению к трем предыдущим главам настоящего диссертационного исследования. Более развернуто выводы, связанные с пониманием интенции, целеполагания и значения архива Фрейденберг, сформулированы в Заключение.

Среди разнообразных личных архивов отдельную и малоизученную группу составляют архивы, сформированные целенаправленно. Изучение особенностей личности их составителей помогает получить представление о замысле, мотивах и целях, которыми они руководствовались. При явном типологическом сходстве с другими подобными собраниями архив Фрейденберг совершенно своеобразен. На основе анализа тем и образов послевоенных научных работ и их рефлексии в Записках мною была предпринята реконструкция концепции архива и истории Фрейденберг, ее воплощения, а также определены примеры, которыми она руководствовалась при формировании архива.

Исследование послевоенной переписки Фрейденберг и Пастернака позволило объяснить биографическую и творческую общность кузенов как интенциональное единство формирования Фрейденберг своего архива и работы Пастернака над романом «Доктор Живаго». Эта деятельность велась параллельно и заняла примерно одинаковое время — послевоенное десятилетие, характеризовалась близкими взглядами на значение «написанного», его осуществление, сохранение и роль в культуре, а также уникальной для этого исторического периода свободой идей и действий, позволяющих рассматривать творческий итог каждого из них (архив Фрейденберг и роман Пастернака) как единственно возможное политическое действие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ольга Михайловна Фрейденберг, несомненно, внесла огромный вклад в отечественную и мировую науку и культуру, хотя при жизни ей удалось опубликовать лишь малую часть работ, а после смерти она была забыта коллегами и учениками почти на четверть века. Однако наследие Фрейденберг сохранилось благодаря ее решению составить архив, в который вошли неопубликованные работы и автобиографические Записки. При этом до сих пор ее творчество изучено недостаточно. Это касается и научных трудов, и обширного эпистолярия, и особенно Записок. Их образный, яркий язык, смелые и точные обобщения были отмечены исследователями и читателями, но непонимание роли и значения мемуарно-дневникового комплекса в целом служило препятствием для осмысления Записок и, соответственно, их публикации, комментирования и использования. Выводы данной диссертационной работы о целях и предназначении архива, неотъемлемой частью которого являются Записки, помогают это препятствие устранить.

В настоящей работе выявлены и определены условия, в которых формировались и менялись представления Фрейденберг о сохранении своего творческого наследия в обстоятельствах, когда невозможно открытое выражение гражданских взглядов и научных идей, обусловленные ее биографией, темами и образами ее научных работ и перепиской с Пастернаком, воплотившиеся в формировании личного архива.

Вначале рассмотрены две основные биографические темы, повлиявшие на решение Фрейденберг о формировании архива. Первая из них — тема учителя и ученика, то есть преемственности научных идей и взглядов. С гимназических времен в жизни Фрейденберг учителя играли важнейшую роль, определяя этапы ее жизненного и научного пути. Одних она быстро потеряла, в других разочаровалась, третьих переросла и покинула, но ко всем сохранила глубокое уважение и благодарность ученицы, уделив каждому достойное место в Записках.

Фрейденберг не испытала счастья иметь таких же учеников, какой была сама. На фоне отрицания коллегами ее научных идей и идеологических кампаний конца 1940-х она глубоко разочаровалась в учениках: не видела в них себя, своего упорства, самостоятельности, способности к отстаиванию собственных научных взглядов, иными словами, не видела в них продолжателей своей научной мысли и школы. Это предопределило выбор душеприказчицы, которой Фрейденберг решила доверить архив. Ею стала дочь гимназической учительницы, Р. Р. Орбели. Судьба основных ее учениц подтвердила правильность такого выбора.

Вторая тема связана с особенностями личности, которые можно определить как независимость от общепринятых взглядов и норм. Фрейденберг родилась и выросла в семье, где отрицалась догма, сословные, национальные и религиозные предрассудки и светские условности, культивировалось уважение к человеческому достоинству, самостоятельность, стремление к знаниям

и открытиям, поощрялось иметь и отстаивать собственное мнение. Она добавила к этому острое чувство справедливости и заступничества за слабых и угнетаемых.

К. Мосс, определяя положение Фрейденберг в академической среде 1920—1930-х годов, использовал слово «мэверик», происходящее от фамилии американского бизнесмена и политика, отказавшегося клеймить свой скот. Так называют индивидуалистов, независимых от мнения среды. Так же и Фрейденберг не нуждалась в отождествлении себя с какой-либо социальной группой, что отразилось на ее частной и общественной жизни. Качества ее характера, проявившиеся еще в детстве, были закреплены в юности, осмыслены в год 50-летия, когда она начала писать воспоминания, и переосмыслены в 1947 году, когда она стала задумываться о будущем своего творческого наследия и решила возобновить Записки.

Перечисленные выше черты составляли саму суть Фрейденберг, делали ее неудобной и даже чужой в кастовом академическом сообществе и, в конце концов, привели к одиночеству, изоляции и забвению. Но именно ее особенный характер позволил забвению преодолеть. Первый опыт свободного письма был получен во время войны, когда она под бомбежками и обстрелами записывала лекции по введению в изучение фольклора, а затем отказалась от эвакуации и, как ей казалось, навсегда распрощавшись с университетом и кафедрой, осталась в блокадном городе и писала работы без надежды на публикацию, но и без оглядки на идеологические, академические и цензурные ограничения.

Фрейденберг приняла решение о создании архива в 1947 году и до самой смерти работала над его формированием. Первоначальный замысел предполагал сохранение не всех, а только важнейших документов, наиболее полно характеризующих ее саму и ее значение в науке: основных научных работ, Записок, писем Пастернака, университетских учителей, стоявших у истоков ее научного пути, а также архива отца, писем и работ Франк-Каменецкого, как и она сама, талантливых людей, не признанных при жизни и забытых после смерти.

Однако меняться архив стал еще при жизни Фрейденберг: архив отца с 1949 года начал передаваться в Музей связи им. А. С. Попова. Работы Франк-Каменецкого возвращены его родственникам уже после смерти Фрейденберг. Часть документов, относящихся к Пастернаку, изъята при подготовке к изданию их переписки. Оригиналы Записок переданы в семейный архив Пастернаков в Оксфорде (The Pasternak Trust: a Family Collection), а затем в Гуверовский институт в Стэнфорде. Письма Бориса и Леонида Пастернаков, семейные фотографии и некоторые документы из архива Фрейденберг остались в семейном архиве Пастернаков в Москве. С другой стороны, были и поступления — в основном письма Фрейденберг, адресованные гимназическим подругам и друзьям, а также копии документов, хранящихся в других архивах.

Анализ состава и содержания документов показывает, что архив задумывался не как собрание всех сохранившихся документов о жизни и творчестве: законченные неопубликованные

работы представлены авторизованной машинописью, в рукописи только незаконченные работы или случайно сохранившиеся, черновиков и вариантов практически нет. Об объемах входящей корреспонденции можно судить только по сохранившимся письмам самой Фрейденберг, поступившим в архив позже, и по переписке с Пастернаком. Для сравнения: в архиве ее коллеги, М. К. Азадовского, сохранилось около 3500 входящих писем, доля творческих материалов деятеля литературы и искусства в подобных архивах в среднем составляет 35%, при доле служебно-биографических материалов в 47%, тогда как в архиве Фрейденберг доля творческих материалов — около 80%.

Не полагаясь на учеников и историков науки, она сама тщательно отбирала материалы для архива. Первый опыт определения важных, более важных, наиважнейших свидетельств жизни был получен в блокаду после нескольких неудачных попыток эвакуации. По замыслу Фрейденберг, архив должен был включать законченные неопубликованные научные работы, избранную переписку и Записки, совокупно представлявшие ее научную и человеческую биографию, далеко не полную, но именно такую, которую она посчитала нужным составить сама.

Отдельная глава настоящей работы посвящена Запискам. История их публикации и изучения показала, что ни один из немногих их исследователей не рассматривал Записки в контексте архива, а попытки определять их жанр были либо недостаточно обоснованы (Перлина), либо поверхностны и во многом ошибочны (Паперно), а отдельные серьезные работы касались в основном общей характеристики Записок и вопросов их достоверности.

В настоящей работе на основании анализа рукописи и содержания Записок впервые реконструирована история создания всего мемуарно-дневникового комплекса. Установлено, что он создавался более десяти лет и сначала не имел ни определенного плана, ни общего заглавия, которые появились вместе с решением о формировании архива и определением смысла этого текста.

Желание написать воспоминания было навеяно впечатлением от очерков о детстве Л. О. Пастернака, опубликованных в монографии о его творчестве в 1932 году, а также выхода годом ранее автобиографической повести Б. Л. Пастернака «Охранная грамота», но собственные мемуары Фрейденберг отложила из-за работы над монографией «Композиция „Трудов и дней“ Гесиода» (1933—1938).

Первая часть Записок, повествующая о периоде до поступления в университет, имела конкретный повод и адресата: рассказать о своей жизни до начала карьеры ученого человеку, в которого она тогда была влюблена. Установлено, что основной текст этой тетради был написан с 11 ноября 1939 по 11 февраля 1940 года, но нет никаких сведений, что Фрейденберг планировала продолжить воспоминания, но известно, что она не прерывала конспективной записи хроники событий по крайней мере до лета 1940-го. После решения о формировании архива именно эта

тетрадь стала началом мемуарно-дневникового комплекса, подверглась наиболее серьезной правке, была дополнена главами о раннем детстве, оформлена титульным листом, кратким введением и получила название «Самое главное».

Следующая часть, «Осада человека», писалась в блокадном Ленинграде с 3 мая 1942 по 1 мая 1944 года, а поводом для ее создания послужило разрешение вопроса об эвакуации.

После смерти матери, возвращения университета и возобновления академической жизни в новых идеологических реалиях Фрейденберг оказалась в кризисе. Она попробовала вернуться к Запискам 26 июня 1945 года, но, исписав 20 страниц, бросила. Возобновление Записок летом 1947 года и написание новой части, «Воспоминания о самой себе», о жизни после смерти матери и возвращения университета, обусловлено принятием решения формировать архив и осмыслением роли Записок в нем. С тех пор Фрейденберг не прекращала писать Записки. Зимой 1948—1949 года был заполнен хронологический пропуск — часть о становлении Фрейденберг как ученого — от поступления в университет и до войны. Установлено, что окончание Записок в декабре 1950 года вызвана работой над монографией «Образ и понятие» (1945—1954) — в архиве сохранились подготовительные материалы для их продолжения под рабочим названием «После изгнания».

Изменение смысла Записок после принятия решения о формировании архива отразились в выборе общего заглавия. «Пробег жизни» — буквальный перевод на русский *curriculum vitae* — ход, бег жизни, в академическом мире означающий краткое описание жизни, образования, мест работы и профессиональных навыков. Но сам образ — жизни как поезда, пролетающего мимо станции, — появился у Фрейденберг еще до начала академической карьеры, в письме к Пастернаку от 28 июня 1912 года (слово «пробег» в начале века означало отрезок пути, пройденного транспортным средством). Фрейденберг использует это слово в значении не пространства, но времени, и возвращается к этому образу — жизни как мчащегося сквозь время поезда — в письме к Пастернаку от 11 ноября 1946 года. В 1947-м, приняв решение о завершении дел, она приготовилась к смерти, что подтверждает и краткое введение к Запискам с историей жизни и смерти ослика из романа Мопассана «Монт-Ориоль».

Часть о научном становлении писалась на основании разбираемых документов, которые Фрейденберг вносила в текст без изменений (цитировала, переписывала, вшивала или вкладывала, переписанные документы в основном уничтожались), вероятно, в связи с ограниченным временем: эта часть составляет почти половину всех Записок — около 900 рукописных листов, а написана была всего за несколько месяцев. 35% объема части — разнообразные архивные документы. Подобный способ использования документов присутствует и в самой первой мемуарной части, написанной до войны. Там также есть переписанные документы, например обильно цитируются письма Пастернака, но некоторые другие материалы архива введены в текст не столь

явным способом — перефразированы или пересказаны, что позволяет выявить лишь те документы, которые случайно сохранились в архиве.

Во всем разнообразии личных архивов отдельную группу представляют те, которые формировались их создателями целенаправленно. Их объединяет типологическое сходство, связанное прежде всего с особенностями личности их составителей, выявление которых помогает получить представление о замысле, мотивах и целях, которыми они руководствовались, собирая архив.

Осмысление архива с в современную эпоху как формирующего прошлое, настоящее и будущее социума может быть отнесено не только к государственным архивам, но и к частным собраниям как продуктам намеренного действия. Получая от государства или общества примеры того, что важно и необходимо сохранять, «архивисты» используют эту информацию как матрицу для формирования собственного архива. Вместе с тем особенности мировоззрения и биографии таких «архивистов» оказывают решающее влияние на замысел, выбор матрицы и ее наполнение. Поэтому при явном типологическом сходстве с другими подобными собраниями архив Фрейденберг имеет ряд существенных отличий.

На основании анализа материалов архива Фрейденберг можно попытаться реконструировать ее замысел и определить, какими идеями и примерами она руководствовалась при формировании своего архива.

Фрейденберг сформулировала свою концепцию архива и истории в довольно большом фрагменте Записок 1947 года, позже дополняя ее уточнениями и эпитафией из Пиндара ко всему мемуарно-дневниковому комплексу. Источниками этой концепции стали темы и образы ее научных работ об истоках древнегреческой лирики, поэзии Сафо и Пиндара, работ швейцарского антиковеда И. Я. Бахофена о символике могил. Она считала идею архива идеей истории, объективным процессом, свою веру и преклонение перед которой определяет как материализм, для которого человеческая жизнь «составляла составную часть всего сущего». Историю же она представляет как бессмертие, рай или «тот свет», существовавший во всех культурах и религиях, — история хранит память обо всем, и ее невозможно обмануть. Архив, в который Фрейденберг вкладывает всю «систему своего духовного наследия», станет средством сохранения и приобщения ее достижений к «братству мирового человека» (т. е. человечества в целом), и таким образом будет оправдана ее жизнь и жизнь семьи, сгинувшей в неизвестности.

Определенные слова-маркеры, такие как материализм, объективный мировой процесс, мировой человек, чувство истории, проблемы исторической памяти и ее сохранения в современных для Фрейденберг реалиях, а также недостаточное знакомство с ее творчеством и непонимание того, насколько оно самостоятельное и биографичное, побуждает исследователей Записок (Паперно, Перлина) искать аналогии и преемственность взглядов Фрейденберг на историю и архив

в общекультурных образцах, обычно ассоциированных с какой-либо социальной группой или периодом, например в традиции историзма, идущей от Гегеля, развитой в России Герценом и продолженной многими представителями русской, а потом и советской интеллигенции, теми, кто рассматривал свои дневники и воспоминания как свидетельские показания для суда истории.

Однако внимательный анализ фрагмента, рассмотренный в более широком контексте документов — мемуарно-дневникового комплекса и научных работ Фрейденберг этого периода — позволяет определить, что в действительности вдохновляло Фрейденберг в ее представлениях об архиве и истории.

Под историей Фрейденберг подразумевает объективный непрекращающийся процесс смены поколений, которые, подобно светилам в древних космогониях, появляются и исчезают, оставляя «славу» (память) о себе. Так, «пройдя» и «исчезнув», воплотились в ней ее родители, а она оставляет («ликвидирует») все свое «духовное наследство» в материальных предметах, погружая свои работы и жизнеописание во мрак — могилу, — железный сундук, в котором будет храниться архив — вместилище памяти о ней и семье, откуда после ее физической смерти «вспомнится» ее «слава», т. е. возродится, но уже к бессмертной жизни и она, и ее научные достижения, не оцененные современниками. Образ истории как рая, означающего победу над смертью — забвением, почерпнут из архаической доэтической трактовки спортивных состязаний как борьбы героя со смертью, где в качестве награды праведнику-победителю даруются райское изобилие и вечная жизнь.

Свою концепцию архива и истории Фрейденберг удалось проверить на практике, когда она в 1949 году заново открыла для себя архив отца — забытого изобретателя, описавшего свою жизнь и изобретения в воспоминаниях, подтвержденных хранившимися там же документами — патентами, привилегиями, афишами и пр. В этот период приоритет отечественных достижений в науке и технике оказался востребован, и Фрейденберг удалось вписать имя отца в историю через почти 30 лет забвения: документы были изучены и приняты на хранение различными профильными музеями, и его имя заняло полагающееся ему место в истории отечественного изобретательства.

Оригинальная концепция истории и архива делает его уникальным по замыслу и воплощению. Возможно, аналогичное ему явление стоит искать не среди архивов ученых или представителей других сообществ, а у людей, оказавшихся в сходной личной и общественной ситуации.

В этой связи архив полезно рассмотреть в контексте переписки с Пастернаком, в послевоенные годы ставшим фактически единственным человеком, с которым Фрейденберг могла общаться интеллектуально и духовно. Их близость как в автобиографических текстах, так и во взглядах на литературу и философское осмысление творчества отмечали многие исследователи (Перлина, Микурова, Гаспаров, Шмаина-Великанова и др.). Так, неявным примером для первой

части Записок послужила повесть «Охранная грамота», в автобиографической части представляющая то же, что и первая часть Записок, — историю молодого человека перед выбором жизненного пути, только дополненную и рассказанную более подробно.

Наиболее точно описывает биографическую и творческую общность кузенов в послевоенные годы термин «семантическое единство», которым Фрейденберг называет тождество двух формально различных и кажущихся не связанными между собой сюжетов в работе «Три сюжета или семантика одного». Такие несхожие действия, как формирование архива малоизвестным за пределами своей специальности ленинградским филологом-классиком и написание романа знаменитым московским поэтом, связывает единство интенциональное. И хотя Фрейденберг не обсуждает напрямую архив в письмах к брату, именно переписка формирует и отражает то духовное и интеллектуальное напряжение, которое требовалось обоим, чтобы достойно подвести итог собственной творческой жизни в обстановке тотального неприятия государством и обществом. Пусть достигают они этого разными способами, именно обсуждение свободы творчества и достижений на этом пути — главное в послевоенной переписке. Большинство писем Пастернака посвящено работе над романом и важности его роли в жизни и творчестве поэта. В письмах Фрейденберг часто в неявной, метафорической форме излагает решение формировать архив и продолжить Записки, делится планами о работах по греческой лирике, прозе, метафоре, трагедии и т. п., которые станут главами итоговой монографии «Образ и понятие».

На основе анализа материалов архива Фрейденберг, ее переписки с братом и исследований по его послевоенной биографии можно сформулировать несколько соображений, иллюстрирующих их интенциональное единство.

1. Работа над романом и архив. Работа Фрейденберг над архивом и Пастернака над романом велась почти параллельно. Поэт задумал роман в 1945 году, хотя попытки работать над большой прозой предпринимались еще до войны. Первые автобиографические опыты Фрейденберг относятся также к довоенному времени. В 1945 году она начала работу о происхождении прозы, которая стала одной из глав «Образ и понятие», спустя два года приняла решение собирать архив и продолжать Записки.

2. Свобода и неподцензурность. Пастернак писал роман открыто: сообщал о его замысле и процессе воплощения многим корреспондентам, читал главы и рассылал их широкому кругу знакомых, рукописи законченного романа были отправлены в несколько периодических изданий в СССР и за границу. Роман был признан антисоветским — хотя там мало собственно политических высказываний, он совсем не следует партийной линии в литературе. Фрейденберг писала Записки и формировала архив тайно. Еще в блокаду она решила писать свободно «от Марра и Маркса», т. е. от научного и политического диктата. В Записках она предельно жестко высказывается о советской власти, не стесняясь аналогий и обобщений. И все же она стремилась хоть

как-то публиковать свои научные работы: выступала на научных сессиях ЛГУ, что гарантировало публикацию хотя бы экстрактов монографий; пыталась защитить «Образ и понятие» как докторскую диссертацию по философии, что дало бы возможность напечатать тезисы.

3. Длительность работы. Пастернак писал роман медленно, отвлекаясь на переводы, собирая отклики и реагируя на них, но не отступая от задуманного. Работа над романом заняла десять лет. Еще почти два года ушло на публикацию. Фрейденберг писала разные части Записок очень быстро. На самую объемную часть ушло нескольких зимних месяцев. Но в целом работа, начатая в 1939 году, продлилась до самой смерти, причем последнюю часть она так и не успела написать. Над итоговой монографией Фрейденберг трудилась девять лет, а формирование архива, начатое в 1947 году, так и не завершила.

4. Автобиографичность. Метод, которым написан роман, Пастернак называл «субъективно-биографическим реализмом»: воображение автора опирается на жизненные впечатления и реальные события, но при этом конструирует собственный мир, соединяя в персонажах черты и элементы биографий разных прототипов. Различные мотивы биографии автора вплетены в ткань романа, в характеры и судьбы персонажей. Так, здесь нет персонажа, явным прототипом которого можно назвать кузину автора, но она сама и связанные с ней люди, их имена и судьбы так или иначе присутствуют: сестры милосердия, подруга Тоня, врачи, прошедшие войну, работавшие в Сибири и на Урале, эмигрировавшие, писавшие стихи и т. п.

Записки Фрейденберг — настоящая автобиография, охватывающая почти всю ее жизнь с раннего детства. Здесь отражены все главные события эпохи: мировые войны, революции, послереволюционный Петроград и блокада, советская гуманитарная наука и образование с 1917 до 1950 года. Записки не просто точно описывают детали и служат важнейшим историческим источником этого периода, их автор делает масштабные и глубокие обобщения, пишет ли о конкретном человеке или об исторических и политических событиях, судьбах институций или государств.

5. Архив. На первый взгляд, пренебрежительное отношение к рукописям и их хранению Пастернак высказал в стихотворении «Быть знаменитым некрасиво...» (1956). Но прежде всего этот призыв он адресует к себе самому, его отношение к архиву и рукописям было переосмыслено под воздействием потрясения от потери семейного архива во время войны. Теперь же он был полностью захвачен созданием романа: отдать всего себя творчеству и обеспечить жизнь своего творения в мировом пространстве, а рукописи и мирская хвала (или хула) не важны. При этом Пастернак горячо поддерживал сестру и радовался вместе с ней, когда ей удалось благодаря сохранным документам вписать имя своего отца в историю техники. Фрейденберг так же не дорожила рукописями — в архиве почти нет рукописных работ, малозначительная входящая корреспонденция уничтожалась, только Записки остались в рукописном виде, поскольку она не могла их доверить

машинистке. Но она хранила письма Пастернака, избранные письма своих учителей и несколько автографов в конверте с надписью «Мои реликвии», такой же конверт был и у Пастернака: «Самое дорогое. Автографы Рильке и Ахматовой». Оставляя сундук с неопубликованными работами и Записками, Фрейденберг также адресовала их потомкам, считая, что, если ее творчество важно для науки, они будут прочитаны, поняты и востребованы.

6. Влияние на посмертную судьбу. После смерти главного героя романа его брат разбирает бумаги и находит стихи, которые составляют последнюю главу. Фрейденберг умерла раньше Пастернака, и он не участвовал в устройстве ее дел, справедливо полагая свое посредничество опасным после всех событий, связанных с публикацией романа за границей и получении Нобелевской премии. Их переписка была обнаружена потомками — Брагинской и Е. Б. Пастернаком. После ее публикации посмертная слава опального нобелевского лауреата поспособствовала интересу к научному наследию сестры — и на родине, и за рубежом.

7. Значение написанного. Пастернак рассматривает создание романа и в целом задачу творчества не только как эстетическую, но и как воссоздание и сохранение образов погибших и гибнущих вокруг него современников, с которыми уходит эпоха, «эвакуацию» из убийственной действительности в литературу. Свой долг перед умирающей сестрой он видит в том, чтобы завершить главный труд жизни — роман. И Фрейденберг в научных работах и Записках подчеркивает творческое и созидательное значение написанного: написать — значит создать или воссоздать жизнь. Записки и подготовленные к публикации работы, сохраненные в сундуке, должны быть открыты потомками, и извлеченные на свет, возродят ее жизнь, страдания и труды.

8. Политическое действие. В послевоенное десятилетие Фрейденберг и Пастернак находились в таких обстоятельствах, при которых не то что политическое действие, даже намек на несогласие с генеральной линией или попытка отстоять собственное достоинство были смертельно опасны.

Завершив роман и не веря в возможность опубликовать его на родине, Пастернак передал пять экземпляров рукописи за границу, пойдя на смертельный риск для себя и близких. Роман стал не только литературным бестселлером, но важнейшим событием культурной, общественной и политической жизни во всем мире, включив в свою орбиту американскую разведку и противодействующие ей советские партийные, государственные и общественные органы, а его автор фактически стал основателем «тамиздата».

Фрейденберг до самого своего увольнения не боялась высказывать несогласие с действиями партийного и административного руководства факультета и кафедры и публично отстаивала свое достоинство как ученого, а ее бескомпромиссность вызывала неприятие не только у начальства, но и у коллег, которые постарались стереть ее память из истории дисциплины и кафедры. Лишенная близких, научной среды, учеников и студентов, она потратила послевоенное

десятилетие на то, чтобы закончить и подготовить большинство своих работ так, как будто отдавала их в печать, обобщила свой научный опыт в итоговой монографии, добавила к этому *curriculum vitae*, включающее не только перечень научных достижений, но действительно весь жизненный путь — Записки. Ей, как и брату, удалось преодолеть уготованную участь быть преданной забвению. И ее наследие было воспринято следующими поколениями интеллигенции. Со смертью Сталина для них идеологический гнет принципиально не изменился, но сохранившийся в нетронутom виде архив Фрейденберг служил примером стратегии выживания в «безвоздушной среде».

Таким образом, архив Фрейденберг представляет собой сложный феномен культуры, возникший под влиянием личных, общественных, политических, исторических обстоятельств, и его следует изучать именно во всей целостности и в контексте перечисленных обстоятельств.

Помимо основных выводов, в процессе работы с документами архива и рукописью Записок было выявлено и представлено много новых фактов и уточнений, связанных с биографией Фрейденберг, ее друзей, коллег и учеников, а также касающихся истории создания Записок, описания рукописи, датировки отдельных частей и т. п., которые будут использованы при публикации и для комментирования Записок и других документов архива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

А) Неопубликованные

Частные архивы

1. Архив семьи Пастернаков. Москва. В настоящее время материалы Б. Л. Пастернака передаются в РГАЛИ. Ф. 379.
2. Архив О. М. Фрейденберг. Москва.
3. Архив Н. Ю. Костенко.

Государственные архивы РФ

4. ОА СПбГУ — Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета.
5. ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
6. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
7. СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
8. ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы.
9. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
10. ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
11. ЦМС ДФ — Центральный музей связи, отдел документальных фондов.

Зарубежные архивы

12. Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 1—34 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155—157.
 Тетр. 1—2 — Box 155. Folder 4.
 Тетр. 3, 4 — Box 155. Folder 5.
 Тетр. 5 — Box 155. Folder 6.
 Тетр. 6 — Box 155. Folder 7.
 Тетр. 7 — Box 155. Folder 8.
 Тетр. 8 — Box 155. Folder 9.
 Тетр. 9 — Box 156. Folder 1.
 Тетр. 10 — Box 156. Folder 2.

Тетр. 11 — Box 156. Folder 3.
 Тетр. 12а, 12 — Box 156. Folder 4.
 Тетр. 13 — Box 156. Folder 5.
 Тетр. 14 — Box 156. Folder 6.
 Тетр. 15, 16 — Box 156. Folder 7.
 Тетр. 17, 18 — Box 156. Folder 8.
 Тетр. 19, 20 — Box 156. Folder 9.
 Тетр. 21, 22 — Box 156. Folder 10.
 Тетр. 23, 24 — Box 157. Folder 1.
 Тетр. 25, 26 — Box 157. Folder 2.
 Тетр. 27, 28 — Box 157. Folder 3.
 Тетр. 29, 30 — Box 157. Folder 4.
 Тетр. 31, 32 — Box 157. Folder 5.
 Тетр. 33, 34 — Box 157. Folder 6.

Б) Опубликованные

13. «А за мною шум погони...». Борис Пастернак и власть: документы, 1956—1972 / Федер. арх. служба России. Рос. гос. арх. новейшей истории; [сост.: Т. В. Домрачева и др.]; под ред. В. Ю. Афиани и Н. Г. Томилиной. — Москва: РОССПЭН, 2001. — 431, [1] с.
14. Берлин И. Встречи с русскими писателями 1945 и 1956 / Исайя Берлин; пер. с англ. Д. Сегала, Е. Толстой-Сегал, О. Ронена // Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. / Борис Пастернак; [гл. ред. Д. В. Тевекелян ; сост. и коммент.: Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак]. — Москва: Слово/ Slovo, 2005. — Т. 11: Борис Пастернак в воспоминаниях современников. — С. 487—506.
15. Боннэр Е. Г. Постскрипtum: книга о горьковской ссылке / Елена Боннэр. — Москва: Интербук, 1990. — 333 с.
16. Брагинская Н. В. «И я там был...» / Н. В. Брагинская // Фольклор: структура, типология, семиотика. — 2018. — Т. 1, № 1—2. — С. 27—31.
17. В УГТУ отметят 100 лет со дня рождения Н. В. Вулих. — Ухта, 2015. — 7 июля. — URL: <https://www.ugtu.net/event/35462> (дата обращения: 15.10.2025). — Текст: электронный.
18. Вагинов К. К. Труды и дни Свистонова / Константин Вагинов. — Ленинград: Изд-во писателей, 1929. — 150, [2] с.
19. Вересаев В. В. Полное собрание сочинений: перевод с древнегреческого. Т. 10. Эллинские поэты / В. В. Вересаев. — Москва: Недра, 1929. — 267, [5] с.

20. Вулих Н. В. Поэзия Катулла: интерпретации и стилистические наблюдения: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00 / Н. В. Вулих; Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т. — Ленинград, 1945. — 177 с.; Ее же. Автореферат. — Ленинград, 1946. — 4 с.
21. Вы, наверное, из Ленинграда?: дневники эвакуированных из блокадного города / [Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; сост. А. Ф. Павловский; науч. ред. Н. А. Ломагин]. — Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2023. — 358, [1] с.: ил. — (Прожито. Блокада).
22. Гаген-Торн Н. И. Memoria / Н. И. Гаген-Торн; [сост. и примеч. Г. Ю. Гаген-Торн]. — Москва: Возвращение, 1994. — 412 с.: ил.
23. Галеркина Б. Л. Агон в структуре греческой трагедии: тезисы к диссертации на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Б. Л. Галеркина; Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т. — [Ленинград]: тип. ЛГУ, [1945]. — 2 с.
24. Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня / Б. Л. Галеркина // Russian Studies: ежеквартальник русской филологии и культуры. — Санкт-Петербург, 1996 (1998). — Т. 2, № 4. — С. 353—433.
25. Галеркина Б. Л. Элементы фольклора в «Угрюмце» Менандра / Б. Л. Галеркина // Вопросы античной литературы и классической филологии. — Москва: Наука, 1966. — С. 162—171.
26. Гете И. В. Собрание сочинений: перевод с немецкого: в 10 т. Т. 3. Из моей жизни. Поэзия и правда / Иоганн Вольфганг Гете; [под общ. ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста; пер. с нем. Н. Ман]. — Москва: Художественная литература, 1976. — 718 с.
27. Гинзбург Л. Я. Записные книжки: Воспоминания; Эссе / Лидия Гинзбург. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2002. — 766, [1] с.: ил.
28. Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Ист.-мемор. комис. Союза писателей Санкт-Петербурга; сост. З. Л. Дичаров. — Санкт-Петербург: Наука, 1996. — 526 с.
29. Григорий Богослов. О себе самом и о епископах / пер. с древнегр. А. Ястребов; предисл. еп. Илариона (Алфеева) // Церковь и время. — 2003. № 1 (22). — С. 111—172. То же. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm.
30. Гринбаум Н. С. Воспоминания (Ленинград, 1945—1948 гг.) / Н. С. Гринбаум // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. Н. Н. Казанский. — Санкт-Петербург: Наука, 2005. — С. 293—300.
31. Гутан О. А. Памятки / Ольга Гутан // Линтула: альманах / Константино-Еленинский монастырь. — Санкт-Петербург: КультИнформПресс, 2018. — Кн. 10, ч. 2. — С. 38—40.
32. Гутан О. А. Творчество Кратина: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00 / О. А. Гутан. — Ленинград, 1967. — 169 с.

33. Гутан С. Р. Судьба иная: книга стихов / Сергей Гутан; [сост. и предисл. А. С. Гутан]. — Ленинград, 1990. — 160 с.
34. Д'Анджело С. Дело Пастернака: воспоминания очевидца / Серджо Д'Анджело; [пер. с итал. О. Уваровой]. — Москва: Новое лит. обозрение, 2007. — 185 с.
35. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 4—7: Греческая мифология / Диодор Сицилийский; пер. с древнегр., вступ. ст. и коммент. О. П. Цыбенко. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. — 376 с. — (Новая античная библиотека: источники).
36. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний / И. М. Дьяконов. — Санкт-Петербург: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга: Европ. дом: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 1995. — 765, [2] с. — (Дневники и воспоминания петербургских ученых).
37. Жебелев С. А. [Предисловие к автонекрологу] / С. А. Жебелев; [публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестник древней истории. — 1993. — № 2. — С. 173—177.
38. Жебелев С. А. Автонекролог / С. А. Жебелев; [публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестник древней истории. — 1993. — № 2. — С. 177—201.
39. Зайцев А. И. <Автобиография> / А. И. Зайцев // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. — Вып. 3. — С. 191—192. — (Bibliotheca Classica Petropolitana).
40. Зелинский Ф. Ф. Автобиография / Ф. Ф. Зелинский / пер. с нем. А. И. Рубана; коммент. А. И. Рубана при участии В. В. Зельченко // Древний мир и мы: альманах. — Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana: Дмитрий Буланин, 2012. — Вып. 4. — С. 46—197.
41. Зимин А. А. Храм науки (размышления о прожитом) / А. А. Зимин // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. — Москва: Аквариус, 2015. — С. 35—384.
42. Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени / Ольга Ивинская. — Москва: Либрис, 1992. — С. 461, [3] с., [8] л. ил.
43. Кетлинская В. [Воспоминания] / Вера Кетлинская // Мы знали Евгения Шварца / сост.: З. Никитина, Л. Рахманов. — Москва; Ленинград: Искусство, 1966. — С. 85—102.
44. Копельман З. Л. Письма Л. О. Пастернака Х. Н. Бялику / Зоя Копельман // Studies in modern Russian and Polish culture and bibliography: essays in honor of Wojciech Zalewski / ed. by Lazar Fleishman. — Stanford: [s. n.], 1999. — P. 234—272. — (Stanford Slavic Studies; vol. 20).
45. Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни / Б. Я. Копржива-Лурье. — Paris: Atheneum, 1987. — 267 с. То же. Я. С. Лурье — [2-е изд., испр. и доп.]. — Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2004. — 278, [1] с.
46. Кудрявцева Т. А. Превратности одной судьбы: (записки литератора и переводчика) / Татьяна Кудрявцева. — Москва: Р. Валент, 2008. — 152 с.

47. Любарский Я. Н. Кафедра в послевоенные годы (Περὶ ἐαυτοῦ) / Я. Н. Любарский // *Cathedra Petropolitana*: межвузовский сборник: к 70-летию кафедры классической филологии. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. — С. 52—57.
48. Любарский Я. Н. Мой Александр Зайцев / Я. Н. Любарский // *Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России*. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. — Вып. 3. — С. 211—214. — (*Bibliotheca Classica Petropolitana*).
49. Мария Вениаминовна Юдина: Статьи. Воспоминания. Материалы / [сост. подгот. текста и примеч. А. М. Кузнецова; общ. ред. С. В. Аксюка; предисл. Г. М. Когана]. — Москва: Советский композитор, 1978. — 416 с., 13 л. ил.
50. Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН, 1921—1937 гг. и 1941—1945 гг.: (от Института яфетидологических изысканий до Института языка и мышления им. Н. Я. Марра) / Рос. акад. наук, С.-Петерб. филиал архива, Ин-т лингвист. исслед., Науч. совет РАН по классической филологии, сравнительному изучению языков и литератур; сост.: А. Н. Анфертьева, Л. Б. Вольфцун. — Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. — 898 с.
51. Мейлах М. Б. Филологические воспоминания: 1. О Софии Викторовне Поляковой / Михаил Мейлах // *Лесная школа: труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе* / [редкол.: А. Балакин и др.]. — Пос. Поляны (Уусикиркко), Ленингр. обл.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена [и др.], 2010. — С. 173—185.
52. Мейлах М. Б. Памяти Софии Викторовны Поляковой / Михаил Мейлах // *Русская мысль*. — 1994. — 6 июля. — С. 12.
53. Мопассан Г. де. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Монт-Ориоль: роман; Дядюшка Милон: новеллы; Мисти: новеллы / Ги де Мопассан. — Москва: Терра, 1999. — 382 с.
54. Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного университета в 1-м полугодии 1946/47 уч. года / Б. И. Надэль // *Вестник древней истории*. — 1947. — № 2. — С. 215—216.
55. Надэль Б. И. Кафедра классической филологии ЛГУ / Б. И. Надэль // *Вестник древней истории*. — 1948. — № 3. — С. 181—182.
56. Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного университета в 2-м полугодии 1947 года / Б. И. Надэль // *Вестник древней истории*. — 1947. — № 4. — С. 140—141.
57. Пастернак А. Л. Воспоминания / Александр Пастернак. — Москва: Прогресс-Традиция, 2002. — 430, [1] с.
58. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго / Борис Пастернак. — Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1959. — [4], 567 p.

59. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: [в 2 т.] / Борис Леонидович Пастернак. — [S. l.]: Société d'Édition et d'Impression Mondiale, 1959. — Т. 1. — 299 с.; Т. 2. — 299—634 с.
60. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: роман / Борис Пастернак; [крат. примеч. ред. на англ. яз.] // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1958. — 12 окт.—31 дек. (№ 16642—16722); 1959. 1—13 янв. (№ 16723—16735).
61. Пастернак Б. Л. Люди и положения / Борис Пастернак // Новый мир. — 1967. — № 1. — С. 204—236.
62. Пастернак Б. Л. Охранная грамота: [воспоминания 1900—1930 гг.] / Борис Пастернак. — Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, [1931]. — 128 с. То же. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. / Борис Пастернак. — Москва: Слово, 2004. — Т. 3. — С. 148—238.
63. Пастернак Б. Л. Переписка Бориса Пастернака с Элен Пельтье-Замойской / пер. писем с фр. Е. Б. Пастернака; предисл. и коммент. Е. В. Пастернак // Знамя. — 1997. — № 1. — С. 107—143.
64. Пастернак Б. Л. Переписка с Ольгой Фрейденберг / Борис Пастернак; под ред. и с коммент. Элиота Моссмана. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. — VII, 377 с.: илл.
65. Пастернак Б. Л. Письма к родителям и сестрам / Борис Пастернак; изд. подгот. Е. Б. Пастернак и Е. В. Пастернак. — Stanford: [s. n.], 1998. — 2 кн.
66. Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / Борис Пастернак; сост., вступл. и прим. Е. В. и Е. Б. Пастернак. — Москва: Арт-Флекс, 2000. — С. 378—379.
67. Пастернак Б. Л. Стихи из романа в прозе «Доктор Живаго» / Борис Пастернак // Знамя. — 1954. — № 4. — С. 92—95.
68. Пастернак Ж. Л. Хождение по канату: мемуарная и философская проза, стихи / Жозефина Пастернак; [сост. Е. Б. Пастернак, Елена В. Пастернак; пер. с англ. Ирина Борисова и др.]. — Москва: Три квадрата, 2010. — 543 с., [8] л. ил.
69. Пастернак Л. О. Записи разных лет / Л. О. Пастернак; [тексты собраны и обраб. Ж. Л. Пастернак; послесл. М. Милотворской]. — Москва: Советский художник, 1975. — 287 с.: ил.
70. Пастернак Б. Л. Охранная грамота: [ч. 1] / Борис Пастернак // Звезда. — 1929. — № 8. — С. 148—166.
71. Пастернак Б. Л. Охранная грамота: [ч. 2, 3] / Борис Пастернак // Красная новь: литературно художественный и научно-публицистический журнал. — 1931. — № 4. — С. 3—23; № 5—6. — С. 32—46.
72. Пиндар. Оды; Фрагменты / Пиндар, Вакхилид; изд. подгот. М. Л. Гаспаров. — Москва: Наука, 1980. — 503 с.

73. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Т. 1 / Плутарх; изд. подг.: С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Наука, 1994. — 702 с. — (Литературные памятники).
74. Полякова С. В. Закатные оны дни: Цветаева и Парнок / С. Полякова. — Ann Arbor, MI: Ardis, 1983. — 128 с.: ил. — Репр.: Москва: Из глубин, 1992.
75. Полякова С. В. Осип Манделштам: наблюдения, интерпретации, неопубликованное и забытое / С. В. Полякова. — Ann Arbor, MI: Ardis Press, 1992. — 202 с.
76. Полякова С. В. Семантика образности античного исторического эпоса, V в. до н. э. — I в. н. э.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00 / С. В. Полякова. — [Ленинград, 1945]. — 211 с.: ил.; Ее же. Тезисы к диссертации на соискание учен. степени канд. филол. наук. — [Ленинград]: тип. ЛГУ, [1945]. — 2 с.
77. Попков П. С. Год борьбы / П. Попков // Ленинградская правда. — 1943. — 1 янв. — С. 2.
78. Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов: [утверждены 16 мая 1885 г. министром народного просвещения]. — Санкт-Петербург: Тип. Ф. Елеонского и К°, — 1885. — 30, VII с.
79. Пришвин М. М. Дневники. Кн. 2: 1918—1919 / М. М. Пришвин; [подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной]. — Москва: Московский рабочий, 1994. — 380, [1] с.
80. Пузиков А. И. Будни и праздники: из записок главного редактора / А. Пузиков. — Москва: Художественная литература, 1994. — 413, [1] с., [16] л. ил.
81. Рек-Маллечевен Ф. Дневник отчаявшегося / Фридрих Рек-Маллечевен; с послесл. Петера Чойка; пер. с нем. Альбины Бояркиной. — Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. — 316, [2] с. — (Независимый альянс).
82. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 1 / Андрей Сахаров. — Москва: Права человека, 1996. — 909, [1] с., [17] л. ил.
83. Старкова К. Б. Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР / К. Б. Старкова; Центр «Петерб. Иудаика». — Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006. — 353, [2] с., [4] л. ил.
84. Степун Ф. А. Письма / Федор Степун; [сост., археографическая работа, вступ. ст. Кантор В. К.]. — Москва: Росспэн, 2013. — 683 с., [16] л. ил.
85. Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: воспоминания / Аза Тахо-Годи. — Москва: Молодая гвардия, 2009. — 691, [1] с., [16] л. ил. — (Библиотека мемуаров: близкое прошлое; вып. 26).
86. Толстая Л. И. Блокада... блокада... для всех одна и для каждого, ее пережившего своя... / Л. И. Толстая // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию победы в Великой Отечественной войне / [отв. ред. Н.Н. Казанский]. — Санкт-Петербург: Наука, 2005. — С. 304—307.

87. Тристан и Исоolda: от героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африевразии: коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / АН СССР; под ред. акад. Н. Я. Марра. — Ленинград: АН СССР, 1932. — 286, [2] с. — (Труды Института языка и мышления АН СССР; 2).
88. Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. — 1941. — Вып. 7 (№ 63). — 175 с.
89. Франк-Каменецкий И. Г. К генезису легенды о Ромео и Юлии / И. Г. Франк-Каменецкий // Русский текст: российско-американский журнал по русской филологии. — 1994. — № 2. — С. 158—177; 1995. — № 3. — С. 167—205; 1996. — № 4. — С. 178—201.
90. Фрейденберг А. Революционная Одесса в конце 70-х годов / А. Фрейденберг // Былое. — 1925. — № 3 (31). — С. 84—91.
91. Фрейденберг М. Ф. Гамлетовский вопрос. Монолог кассира / [соч.] Осы [псевд.]. — Одесса: тип. «Одесского вестника», 1886. — 16 с.
92. Фрейденберг М. Ф. Находчивый редактор и «еврейский вопрос»: [житейские метаморфозы в 10 картинах] / [соч.] Осы [псевд.]. — Одесса: тип. «Одесского вестника», 1885. — 8 с.
93. Фрейденберг М. Ф. Русский в Париже: из воспоминаний русского непоседа / [Соч.] М. Фрейденберга. — Одесса: тип. М. Фрейденберга, 1889. — [4], 144 с.
94. Фрейденберг О. М. [Вступление к разделу «Фрагменты»] / О. Фрейденберг // Исследования и изыскания. Материалы к истории подводного труда с древнейших времен до наших дней / Р. А. Орбели. — Москва; Ленинград, 1947. — С. 277—278.
95. Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг?: (из Записок 1946—1948 годов) / Ольга Фрейденберг; публ. Ю. М. Каган // Синтаксис. — Париж, 1986. — № 16. — С. 149—163. — Переизд.: Москва; Санкт-Петербург: Прогресс — Феникс, 1991.
96. Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре / О. М. Фрейденберг; предисл. И. М. Дьяконова; публ. и примеч. Н. В. Брагинской // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. — Москва: Наука, 1988. — С. 181—204.
97. Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре / О. М. Фрейденберг // Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания: антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности. — Москва: Academia, 2001. — С. 325—339.
98. Фрейденберг О. М. Воспоминания О. М. Фрейденберг [об А. Н. Генко] // Восток. Афрo-азиатские общества: история и современность. — 2004. — № 4. — С. 137—138.
99. Фрейденберг О. М. Евангелие — один из видов греческого романа / О. Фрейденберг // Атеист. — 1930. — № 59. — С. 129—147.
100. Фрейденберг О. М. Игра в кости / О. М. Фрейденберг; подг. текста и прим. Н. В. Брагинской // Arbor mundi = Мировое древо: международный журнал по теории и истории мировой культуры. — 1996. — Вып. 4. — С. 163—172.

101. Фрейденберг О. М. Из семейной переписки Пастернаков. Письма О. М. и А. О. Фрейденберг к родным в Германии / публ. Н. Костенко и Л. Флейшмана; предисл. и коммент. Л. Флейшмана // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / под ред. Л. Флейшмана. — Москва: Азбуковник, 2017. — С. 21—155.
102. Фрейденберг О. М. К изучению источников Энгельса. Баховен / О. М. Фрейденберг; публ., предисл., примеч. Н. В. Брагинской // Русская антропологическая школа. Труды. — 2004. — Вып. 1. — С. 295—301.
103. Фрейденберг О. М. Кафедра классической филологии: (материалы к 120-летию университета) / О. Фрейденберг // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета / С.-Петерб. гос. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: Фил. фак. СПбГУ, 2000. — С. 105—109.
104. Фрейденберг О. М. Комическое до комедии: (к проблеме возникновения категории качества): [часть неопubl. монографии «Гомеровские этюды»] / О. М. Фрейденберг // Миф и театр / О. М. Фрейденберг; сост., научно-текст. подг., предисл. и примеч. Н. В. Брагинской. — Москва: ГИТИС, 1988. — С. 74—128.
105. Фрейденберг О. М. Лившиц-царь: утопия самого мрачного свойства, и даже с иллюстрациями / О. М. Фрейденберг; публ. подгот. М. Сорокиной; посл. Н. В. Брагинской // Новое литературное обозрение. — 1993—1994. — № 6. — С. 100—105.
106. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг; [сост., подгот. текста, коммент. и послесл., [указ.] Н. В. Брагинской; отв. ред. Е. М. Мелетинский]; АН СССР, Ин-т востоковедения. — Москва: Наука, 1978. — 605 с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
107. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высш. гуманитарных исслед.; [сост., подг. текста, коммент. и послесл. Н. В. Брагинской; библиогр., описание архива и указ. М. Ю. Сорокиной; отв. ред. Е. М. Мелетинский]. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: «Восточная литература» РАН, 1998. — 798, [2] с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
108. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг / [сост., подг. текста, предисл., послесл., коммент., науч. аппарат Н. В. Брагинской; библиогр. Н. Ю. Костенко]. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Академический проект, 2021. — XXIV, 757 с. — (Язык: теории и практики).
109. Фрейденберг О. М. Об основном характере греческой литературы / О. М. Фрейденберг // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. — 1940. — Вып. 6 (№ 60). — С. 32—50.

110. Фрейденберг О. М. Осада человека / О. М. Фрейденберг; публ. К. Невельского [псевд., подлин. имя авт. Ю. М. Каган] // Минувшее: исторический альманах. — Paris: Atheneum, 1987. — Вып. 3. — С. 9—44.
111. Фрейденберг О. М. Паллиата. Глава 21 / О. М. Фрейденберг // Лотмановский сборник. — 1. — Москва: Иц-Гарант, 1995. — С. 714—718.
112. Фрейденберг О. М. Паллиата: [фрагменты монографии] // Миф и театр / О. М. Фрейденберг; сост., научно-текст. подг., предисл. и примеч. Н. В. Брагинской. — Москва: ГИТИС, 1988. — С. 36—73.
113. Фрейденберг О. М. Письма 1926—1940 годов / О. М. Фрейденберг, С. А. Жебелев; публ. и коммент. Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2021. — Т. 4, № 2. — С. 216—225.
114. Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 1] / О. М. Фрейденберг; публ. и коммент. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2019. — Т. 2, № 2. — С. 172—204. — URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9995/10891>.
115. Фрейденберг О. М. Письма, 1911—1940 гг.: [ч. 2] / О. М. Фрейденберг; публ. и коммент. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2019. — Т. 2, № 4. — С. 304—339. — URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/10258/11100>.
116. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы / О. Фрейденберг; Ленингр. ин-т философии, лит., лингвистики и истории (ЛИФЛИ). — Ленинград: Гослитиздат, 1936. — 454 с.
117. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг; подгот. текста, общ. ред. [и послесл.] Н. В. Брагинской. — Москва: Лабиринт, 1997. — 445, [3] с. — (Философия риторики и риторика философии).
118. Фрейденберг О. М. Происхождение греческой лирики / О. М. Фрейденберг; публ. Н. Брагинской // Вопросы литературы. — 1973. — № 11. — С. 101—123.
119. Фрейденберг О. М. Происхождение греческой лирики: (тезисы) / О. М. Фрейденберг // Научная сессия 1946 г.: тезисы докладов по секции филол. наук. — Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946. — С. 21—23.
120. Фрейденберг О. М. Происхождение литературного описания; Фрагмент / Ольга Фрейденберг; публ. и примеч. Натальи Костенко при участии Нины Брагинской // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: колл. монография. — Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. — С. 28—84.
121. Фрейденберг О. М. Происхождение литературной интриги / О. М. Фрейденберг; публ. Ю. М. Лотмана // Труды по знаковым системам. — [Вып.] 6. — Тарту: ТГУ, 1973. — С. 497—512. — (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 308).

122. Фрейденберг О. М. Происхождение пародии / О. М. Фрейденберг; публ. Ю. М. Лотмана // Труды по знаковым системам. — [Вып.] 6. — Тарту: ТГУ, 1973. — С. 490—497. — (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 308).
123. Фрейденберг О. М. Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады) / О. М. Фрейденберг // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. — Ленинград, 1946. — С. 101—113. — Экстракт работы «Гомеровские сравнения» (1941).
124. Фрейденберг О. М. Сафо / О. М. Фрейденберг // Доклады и сообщения Филологического института / Ленингр. гос. ордена Ленина университет им. А. А. Жданова. — Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1949. — Вып. 1. — С. 190—198.
125. Фрейденберг О. М. Терсит / О. Фрейденберг // Яфетический сборник. — 1930. — Т. 6. — С. 231—253.
126. Фрейденберг О. М. Три письма Ольги Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 3 (36): Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Материалы XXIII Лотмановских чтений. — С. 138—152. — (Arbor Mundi= Мировое древо: междунар. журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 24).
127. Фрейденберг О. М. Три сюжета или семантика одного / О. Фрейденберг // Язык и литература. — 1930. — Т. 5. — С. 33—60.
128. Фрейденберг О. М. Университетские годы / Ольга Фрейденберг; публ. и коммент. Н. В. Брагинской // Человек. — 1991. — № 3. — 145—156.
129. Фрейденберг О. М. Фр[агмент] I. Сафо / Ольга Фрейденберг; публ. и предисл. Н. В. Брагинской // Новый круг. — Киев, 1992. — № 2. — С. 142—148.
130. Фрейденберг О. М. Фрагменты из мемуаров. Год 17-й / Ольга Фрейденберг; публ. и коммент. Н. Костенко // Вопросы литературы. — 2017. — № 5. — С. 21—37.
131. Фрейденберг О. М. Человеческая природа отменялась (1942) / О. М. Фрейденберг // Час пик. — 1991. — 11 февр. (№ 6 (51)). — С. 15.
132. Фрейденберг О. М. Четыре письма О. М. Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2017. — № 4 (25): Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Материалы XXIII Лотмановских чтений. — С. 141—151. — (Arbor Mundi= Мировое древо: междунар. журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 23).
133. Фрейденберг О. М. Что такое эсхатология? / О. М. Фрейденберг; публ. Ю. М. Лотмана // Труды по знаковым системам. — [Вып.] 6. — Тарту: ТГУ, 1973. — С. 512—514. — (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 308).

134. Фрейденберг О. О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках: (из служебного дневника) / О. М. Фрейденберг // Одиссей: человек в истории: представления о власти. 1995. — Москва: Наука, 1995. — С. 272—297.
135. Харитонов М. С. Стенография конца века: [из дневниковых записей] / Марк Харитонов. — Москва: Новое лит. обозрение, 2002. — 446, [1] с.: ил.
136. Чехов А. П. Письмо к Н. А. Лейкину от 22 марта 1885 г. / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. — Москва: Наука, 1974. — Письма: в 12 т. — Т. 1: 1875—1886. — С. 144.
137. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. Дневник, 1936—1969 / Корней Чуковский; [сост. и коммент. Е. Чуковская]. — Москва: Терра—Книжный клуб, 2007. — 637 с.
138. Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника / [Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; сост. А. Ю. Павловская; науч. ред. Н. А. Ломагин]. — Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2022. — 459, [1] с.: факс. — (Прожито).
139. Bachofen J. J. Das Mutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur / von J. J. Bachofen. — Stuttgart: Verlag von Kraiss und Hoffmann, 1861. — XXXIX, 435 p.
140. Bachofen J. J. Der Mythos von Orient und Occident: eine Methaphysik der alten Welt / aus den Werken von J. J. Bachofen; mit einer Einleitung von Alfred Baeumler; herausgegeben von Manfred Schroeter. — München: C. H. Beck, 1926. — CCXCIV, 628 p.
141. Bachofen J. J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten / von J. J. Bachofen. — Basel: Bahnmaier's Buchhandlung, 1859. — VII, 433 S.
142. Bialik Ch. Leonid Pasternak. His Life and Work / Chaim Bialik, Max Osborn. — Berlin: Stybel-Verlag, 1924. — [8], 98, [7] p., LXXIII pls. — Тит. л.: ивр., англ., текст: иврит.
143. Freidenberg O. M. Image and Concept: Mythopoetic Roots of Literature / Olga Freidenberg; ed. and annot. by K. M. Moss and N. V. Braginskaia; transl. and intro. by K. M. Moss; foreword by V. V. Ivanov. — Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997. — 492 p. — (Sign/Text/Culture: Studies in Slavic and Comparative Semiotics; vol. 2).
144. Freidenberg O. M. Recollections of N. Ja. Marr / O. M. Freidenberg // Soviet Studies in Literature: a Journal of Translations. — 1991. — Vol. 27, № 3 (Pt. 2). — P. 61—83.
145. Freidenberg O. M. The Race of life / Ol'ga Mikhailovna Freidenberg; transl. by A. Forman // Writing the Siege of Leningrad: Women's Diaries, Memoirs, and Documentary Prose / Cynthia Simmons and Nina Perlina. — Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2002. — P. 64—76.
146. Frejdenbergová O. M. V tom je můj patos / Olga Frejdenbergová; přeložil Ladislav Zadražil // A 2: kulturní týdeník. — 2006. — № 32. — S. 16—17.

147. Osborn M. Leonid Pasternak: mit 77 Textabbildungen und 67 Tafeln in Autotypie-, Offset- und Farbendruck, mit 4 Fragmenten aus der Selbstbiographie des Künstlers / Max Osborn. — Warschau: Stybel-Verlag, 1932. — 4, 111, [67, 3] S.
148. Pasternak B. L. Doctor Zhivago / Boris Pasternak; transl. from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. — London: Collins and Harvill Press, 1958. — 510 p. — (Aramont Library; 305).
149. Pasternak B. L. Doktor Schiwago: Roman / Boris Pasternak; übersetzt aus dem Russischen von Reinhold von Walter. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1958. — 639 S.
150. Pasternak B. L. Doktor Żiwago / Boris Pasternak; przeł. z ros. Paweł Hostowiec; wiersze w przekł. Józefa Łobodowskiego. — Paryż: Instytut Literacki, 1959. — 507, [4] S. — (Biblioteka «Kultury»).
151. Pasternak B. L. Doktor Zjivago / Boris Pasternak; Sven Vallmark (översättare), Ralf Parland och Leo Lindberg (översättare dikter). — Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1958. — 608 s.
152. Pasternak B. L. El doctor Jivago: novela / Boris L. Pasternak; [trad. española de Fernando Gutiérrez]. — Barcelona: Noguer, 1958. — 629 p. — (Galería literaria). То же. El doctor Zhivago. — Montevideo: Editorial Minerva, 1958. — 542 p.
153. Pasternak B. L. Il dottor Živago: romanzo / Boris Leonidovič Pasternak; trad. di Pietro Zveteremich. — 2. ed. — Milano: Feltrinelli, 1957. — 710 p.
154. Pasternak, B. L. Doctor Zhivago / Boris Pasternak; [transl. from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. — New York]: Pantheon, [1958]. — 558 p.
155. Pasternak, B. L. Le docteur Jivago: roman / Boris Pasternak; trad. du russe. — Paris: Gallimard, 1958. — 652 p. — (Du monde entier).
156. Poetarum Lesbiorum fragmenta / ed. E. Lobel and D. L. Page. — Oxford: Clarendon Press, 1955. — XXXVIII, 337 p. То же. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/anthology/poetry/browse.html?text_id=304.

Литература

157. Автономова Н. С. О роли словоформ с элементом «архе» в концептуальной системе Жака Деррида / Н. С. Автономова // Вестник культурологии. — 2011. — № 1. — С. 185—198.
158. Азадовский К. М. «Космополиты» / К. М. Азадовский, Б. Ф. Егоров // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 1. — С. 83—135.
159. Азадовский К. М. Архив Марка Азадовского / К. М. Азадовский // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 19—32.

160. Азадовский К. М. О низкопоклонстве и космополитизме / К. М. Азадовский, Б. Ф. Егоров // Звезда. — 1989. — № 1. — С. 157—176.
161. Аксер Е. Тадеуш Зелинский среди чужих / Е. Аксер // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России: альманах / редкол.: А. К. Гаврилов [и др.]. — Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana: Дмитрий Буланин, 2012. — Вып. 4. — С. 12—22.
162. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика / В. М. Алпатов. — Москва: Языки славянских культур, 2005. — 432 с. — (Studia philologica).
163. Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм / В. М. Алпатов. — 2-е изд., доп. — Москва: УРСС, 2004. — 282, [2] с.
164. Алпатов В. М. Послесловие к воспоминаниям О. М. Фрейденберг: [Анатолий Нестерович Генко (1896—1941). Памяти ученого-востоковеда] / В. М. Алпатов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2004. — № 4. — С. 138.
165. Алпатов В. М. Родной, свой, чужой: новое мышление о языке / В. М. Алпатов // Человек. — 1994. — № 1. — С. 180—183.
166. Альбрехт М. фон. Наводя мосты между культурами и народами: филолог Ф. Ф. Зелинский / М. фон Альбрехт // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России: альманах / редкол.: А. К. Гаврилов [и др.]. — Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana: Дмитрий Буланин, 2012. — Вып. 4. — С. 24—31
167. Ананьев В. Г. «Давайте отложим. Ошибиться всегда успеем»: докторская одиссея Иеремии Иоффе (1935—1943) / Виталий Геннадиевич Ананьев, Михаил Дмитриевич Бухарин // Journal of Modern Russian History and Historiography. — 2022. — Vol. 15. — P. 102—136.
168. Ананьев В. Г. Докторская диссертация И. И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГА РФ) / Виталий Г. Ананьев, Михаил Д. Бухарин // Исторические записки. — 2023. — № 22 (140). — С. 315—364.
169. Ананьев В. Г. С. А. Жебелев в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть I. 1913—1927 / В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин // Вестник древней истории. — 2020. — Т. 80, № 2. — С. 497—512; Часть II. 1927—1932 // Там же. — 2020. — Т. 80, № 3. — С. 753—774.
170. Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — 333, [1] с.: ил.
171. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 363 с.: ил., табл. — (Studia Historica).

172. Астахова А. М. Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском Институте речевой культуры (ИРК), 11 июня 1931 г. / А. Астахова // Советская этнография. 1931. № 3/4. С. 239—242.
173. Асташкин Д. Ю. Гибель ленинградских детей при эвакуации из Ленинградской области: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 года / Д. Ю. Асташкин // Новгородский исторический сборник / [редкол.: П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.]. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2019. — Вып. 18 (28). — С. 275—284.
174. Асташкин Д. Ю. Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается: [Ленинградская область, Вологодская область, Архангельская область, Ярославская область, Ивановская область, Кировская область, Саратовская область, Куйбышевская область, Пензенская область и др. : коллективная монография] / [Ю. З. Кантор и др.; отв. ред. Ю. З. Кантор]. — Москва: РОССПЭН, 2019. — С. 119—144.
175. Барскова П. Ю. * Разговор о том, как и зачем изучать блокадные нарративы (вместо предисловия) / Полина Барскова *, Риккардо Николози // Блокадные нарративы: сборник статей. — Москва: Новое лит. обозрение, 2017. — С. 7—19.
176. Барскова П. Ю. * Что осветило зарево пожара: механизмы и цели блокадного дневникового письма / Полина Барскова * // Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника. — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. — С. 16—37.
177. Батай Ж. Ницше и фашисты / Жорж Батай; пер. с фр. А. Зыгмонт; ред. В. Крачек // Опустошитель. — 2017. — № 2. — С. 112—131. То же. URL: http://www.pustoshit.ru/21/bataille_fashists.html#_ftn1.
178. Беньямин В. Иоганн Якоб Бахофен / Вальтер Беньямин; пер. с фр. А. Владимировой // Маски времени: эссе о культуре и литературе / Вальтер Беньямин. — Санкт-Петербург: Symposium, 2004. — С. 293—312.
179. Библиография опубликованных трудов О. М. Фрейденберг; Personalia и некоторые упоминания; Опубликованные библиографии трудов О. М. Фрейденберг и сведения о материалах ее архива / сост. Н. Ю. Костенко // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Академический проект, 2021. — С. 707—740. — (Язык: теории и практики).
180. Билык А. А. Театрально-критическая элита «Одесского листка»: конец XIX — начало XX века / Анна Билык // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах / [Всемир. клуб одесситов; ред.: Феликс Кохрихт]. Одесса, 2007. № 30. С. 230—238.

---

* П. Ю. Барскова 10.10.2025 включена в реестр иностранных агентов. Здесь и далее помечена *

181. Борисова Н. А. Автоматическая телефонная коммутация: легенды, версии, факты / Н. Борисова // Первая миля. — 2017. — № 8 (69). — С. 70—75.
182. Борисова Н. А. М. Ф. Фрейденоберг об изобретательстве в России и за рубежом / Н. Борисова // Первая миля. — 2020. — № 6 (91). — С. 72—80.
183. Борисочева Е. А. Труды О. М. Фрейденоберг о греческой лирике: генезис и эволюция: магистерская диссертация / Е. А. Борисочева; Европ. ун-т в С.-Петербур., Междунар. Шк. искусств и культурн. наследия. — Санкт-Петербург, 2023. — 70 с.
184. Брагинская Н. В. Анализ литературных мотивов у О. М. Фрейденоберг / Н. В. Брагинская // Актуальные проблемы семиотики культуры / отв. ред. Ю. М. Лотман. — Тарту: [б. и.], 1987. — С. 115—119.
185. Брагинская Н. В. Друзья, университет, учителя, коллеги, наука, жизнь в общем в письмах Ольги Михайловны Фрейденоберг / Нина Владимировна Брагинская // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2019. — Т. 2, № 2. — С. 159—171. — URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9994/10890>.
186. Брагинская Н. В. Дух записок: реплика Н. В. Брагинской по поводу интеллектуального наследия О. М. Фрейденоберг и книги П. А. Дружинина «Идеология и филология» / Нина Брагинская // Гефтер. — 2013. — 16 авг. — URL: <http://gefter.ru/archive/9736>.
187. Брагинская Н. В. Елена Лившиц — Ольга Фрейденоберг, или Травестия близнечного мифа / Н. В. Брагинская // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 6. — С. 107—115.
188. Брагинская Н. В. Лукавая буква / Н. Брагинская // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 82. — С. 155—161.
189. Брагинская Н. В. «...Имеют свою судьбу» / Н. Брагинская // Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденоберг. — Москва: Лабиринт, 1997. — С. 421—433.
190. Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями: реплика по поводу кн. В. М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (Москва: Яз. славян. культуры, 2005) / Н. В. Брагинская // М. М. Бахтин в Саранске: исследования, документы, материалы: сборник научных трудов / Мордов. гос. ун-т, Филол. фак., Независ. ин-т амер. и европ. исслед., Бахтинский центр. — Саранск: [б. и.], 2006. — С. 39—60.
191. Брагинская Н. В. Мировая безвестность: Ольга Фрейденоберг об античном романе: препринт WP6/2009/05 / Н. В. Брагинская. — Москва: ГУ-ВШЕ, 2009. — 40 с.
192. Брагинская Н. В. О научном наследии О. М. Фрейденоберг / Н. В. Брагинская // Миф и театр: лекции по курсу «Теория драмы» для студентов театральных вузов / О. М. Фрейденоберг. — Москва: ГИТИС, 1988. — С. 3—12.

193. Брагинская Н. В. О работе О. М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» / Н. В. Брагинская // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения: [сб. ст.] / АН ЛатвССР, Ин-т философии и права. — Рига: Зинатне, 1986. — С. 272—283.
194. Брагинская Н. В. О связи основных идей О. М. Фрейденберг / Н. В. Брагинская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 3 (36): Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Материалы XXIII Лотмановских чтений. — С. 71—97. — (*Arbor mundi* = Мировое древо: междунар. журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 24).
195. Брагинская Н. В. О. М. Фрейденберг о лирике *in statu nascendi* / Н. В. Брагинская // Лирика: генезис и эволюция / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, Ин-т восточных культур и античности. — Москва: РГГУ, 2007. — С. 392—395.
196. Брагинская Н. В. Образ и наследие Фрейденберг / Нина Брагинская // Польша — Россия: поиски новой идентичности: сходства и различия / ред. Адам Даниэль Ротфельд. — Варшава: Wydział «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2017. — С. 365—383.
197. Брагинская Н. В. От составителя / Н. В. Брагинская // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва: Наука, 1978. — С. 568—575. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
198. Брагинская Н. В. Песнь горизонта / Н. В. Брагинская // Лотмановский сборник / Тартуский ун-т, Каф. рус. лит., Каф. семиотики, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высш. Гуманитарных исслед. — Москва: Иц-Гарант, 1995. — Т. 1. — С. 719—731.
199. Брагинская Н. В. «Письма с оплаченным уведомлением» / Н. В. Брагинская // Аристей. — 2024. — Т. 30. — С. 285—298.
200. Брагинская Н. В. Показ, каталог, сравнение, экфраза: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания / Нина Брагинская // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: колл. монография / Ин-т рег. культуры и литературовед. исслед. им. Францишка Карпиньского в Седльцах, Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко, Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы. — Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. — С. 13—27.
201. Брагинская Н. В. Послесловие ко второму изданию / Н. В. Брагинская // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Восточная литература РАН, 1998. — С. 744—765. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
202. Брагинская Н. В. [Предисловие] / Нина Брагинская, Евгений и Елена Пастернаки // Дружба народов. — 1988. — № 7. — С. 201—208.

203. Брагинская Н. В. Предисловие к публикации [главы «Утопия» из моногр. «Семантика „Трудов и дней“ Гесиода»] / Н. В. Брагинская // Вопросы философии. — 1990. — № 5. — С. 141—147.
204. Брагинская Н. В. [Предисловие к публикации статьи О. М. Фрейденберг «К изучению источников Энгельса. Баховен»] / Н. В. Брагинская // Русская антропологическая школа: труды / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т «Рус. антропол. shk.». — Москва: РГГУ, 2004. — Вып. 1. — С. 290—294.
205. Брагинская Н. В. Предисловие о жизни и трудах Ольги Михайловны Фрейденберг / Н. В. Брагинская // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Академический проект, 2021. — С. I—XXIV. — (Язык: теории и практики).
206. Брагинская Н. В. Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг / Нина Брагинская // Вопросы литературы. — 2017. — № 5. — С. 9—20.
207. Брагинская Н. В. Торжество Кривды, или Эсхатологический зверь в басенной шкуре / Нина Брагинская // Синий диван: философско-теоретический журнал. — 2007. — № 10—11. — С. 117—125.
208. Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» / Н. В. Брагинская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2017. — № 4 (25): Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Материалы XXIII Лотмановских чтений. — С. 11—38. — (Arbor Mundi= Мировое древо: междунар. журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 23).
209. Брагинская Н. В. Филологический роман: предварение к запискам Ольги Фрейденберг / Н. В. Брагинская // Человек. — 1991. — Вып. 3. — С. 134—144.
210. Брагинская Н. В. De vita memoriae / Н. В. Брагинская // Лотмановский сборник / Тартуский ун-т, Каф. рус. лит. Каф. семиотики, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высш. гуманитарных исслед. — Москва: ИЦ-Гарант, 1995. — [Т. 1]. — С. 701—703.
211. Брагинская Н. В. Siste viator!: предисловие к докладу О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках» / Н. В. Брагинская // Одиссей. Человек в истории, 1995: Представления о власти / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. — Москва: Наука, 1995. — С. 244—271.
212. Браткин Д. А. Зайцев Александр Иосифович / Д. Б. // Изучение религии в России в XVIII — первой половине XX в. — Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2023. — URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/zajcev-aleksandr-iosifovic>.

213. Бурлыкина М. И. Вулих Наталья Васильевна / М. И. Бурлыкина // Ученые СГУ: биографические очерки / Сыктывк. гос. ун-т. — Сыктывкар: СГУ, 1997. — Вып. 1: Доктора наук, профессора. — С. 18—19.
214. Бурова Е. М. Личные архивы в контексте репрезентативности архивного фонда Российской Федерации / Е. М. Бурова // Документ. Архив. Информационное общество: сб. материалов III-ей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, Рос. гос. гуманитарный ун-т, 28 сент. 2017 г., Пушкино, Моск архив. центр, 29 сент. 2017 г. — Москва: Термика.ру, 2018. — С. 406—425.
215. Буш Владимир Владимирович / сост. и ред. И. В. Сидорчук, Е. А. Ростовцев // Биографика СПбГУ. — 2012—2025. — URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/813-bush-vladimir-vladimirovich.html>.
216. Ван Баскирк Э. «Записки блокадного человека»: история текста / Эмили Ван Баскирк, Андрей Зорин // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека / Лидия Гинзбург; сост., подгот. текста, примеч. и ст. Эмили ван Баскирк и Андрея Зорина. — Москва: Новое изд-во, 2011. — С. 545—556.
217. Ван Баскирк Э. Лидия Гинзбург: человек и его архив / Эмили Ван Баскирк // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 33—46.
218. Ван Баскирк Э. Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург / Эмили ван Баскирк // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека / Лидия Гинзбург; сост., подгот. текста, примеч. и ст. Эмили ван Баскирк и Андрея Зорина. — Москва: Новое изд-во, 2011. — С. 506—530.
219. Вассена Р. К реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918—1924) / Раффаэлла Вассена; авт. пер. с ит. М. Велижева // Новое литературное обозрение. — 2007. — № 4. — С. 79—95.
220. Веселова А. Ю. Архив частного человека: проблема типологии / А. Ю. Веселова // Архив петербургской русистики: к 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. — [Санкт-Петербург, 2009]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4>.
221. Винников И. Н. Из архива Льюиса Генри Моргана... — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. — VII, 262 с., 23 вкл. л. ил. — (Труды Института антропологии и этнографии; т. 2).
222. Воротной М. В. Исполнительские и педагогические принципы С. И. Савшинского: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Воротной Михаил Вячеславович; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. — Санкт-Петербург, 2007. — 190 с.: ил.

223. Гаврилов А. К. Зелинский Фаддей Францевич / А. К. Гаврилов // Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т. / С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук; редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. — Т. 1. С. 274—291.
224. Гаврилов А. К. Фаддей Францевич Зелинский в контексте русской культуры / А. К. Гаврилов // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России: альманах / редкол.: А. К. Гаврилов [и др.]. — Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana: Дмитрий Буланин, 2012. — Вып. 4. — С. 32—45.
225. Галеркина Б. Л. К истории советской классической филологии: (О. М. Фрейденберг, 1890—1955) / Б. Л. Галеркина, Н. А. Чистякова // Вестник ЛГУ. Сер. 2. — 1990. — Вып. 4 (№ 23). — С. 67—73.
226. Гаспаров Б. М. Поэтика Пастернака в культурно-историческом измерении: (Б. Л. Пастернак и О. М. Фрейденберг) / Борис Гаспаров // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана / Тартуский ун-т. — Тарту: ТГУ, 1992. — С. 366—384.
227. Герман О. Г. Социокультурный феномен: к вопросу о терминологии / О. Г. Герман // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 10 февраля 2021 г.): в 4-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, И. В. Шведова, О. Г. Еремина. — Белгород: БГИИК, 2021. — Т. 1. — С. 238—243.
228. Глейзер М. М. XX век: любительская нумизматика в Петербурге — Петрограде — Ленинграде — Санкт-Петербурге / М. М. Глейзер. — Санкт-Петербург: [б. и.], 2009. — 78 с.
229. Григорьева Н. Я. Человечное, бесчеловечное: радикальная антропология в философии, литературе и кино конца 1920-х — 1950-х гг. / Надежда Григорьева. — Санкт-Петербург: Петрополис, 2012. — 624 с.
230. Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860—1920-е гг. / Н. В. Гришина // Мир историка: историографический сборник. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2014. — Вып. 9. — С. 122—145.
231. Гусев В. С. Предисловие / [В. С. Гусев, В. А. Кутузов, Б. А. Старков, Н. А. Ломагин // Блокадные дневники и документы / сост.: Бернев Станислав Константинович, Чернов Сергей Владимирович]. — Санкт-Петербург: Европ. дом, 2004. — С. 5—11.
232. Гутан А. С. Об авторе и книге / Александр Гутан // Судьба иная: книга стихов / Сергей Гутан. — Ленинград, 1990. — С. 3—10.
233. Гутан А. С. Правнучка Аполлона / Александр Гутан // Колпица: литературный альманах. — Колпино, 1994. — Вып. 11. — С. 3—18.

234. Давыдов Ю. Н. Послесловие к русскому изданию: Ханна Арендт и проблема тоталитаризма / Ю. Н. Давыдов // Истоки тоталитаризма: пер. с англ. / Ханна Арендт. — Москва: ЦентрКом, 1996. — С. 623—638.
235. Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование / П. А. Дружинин. — Москва: Новое лит. обозрение, 2012. — Т. 1. — 587, [1] с., [16] ил.; Т. 2. — 702, [1] с., [16] л. ил.
236. Дружинин П. А. Ольга Фрейденберг как мемуарист: наблюдения историка / П. А. Дружинин // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2017. — № 4 (25): Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Материалы XXIII Лотмановских чтений. — С. 128—140. — (Arbor Mundi= Мировое древо: междунар. журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 23).
237. Дунаев А. Г. Введение к интернет-версии: Святитель Григорий Богослов. О себе самом и о епископах: пер. с древнегр. А. Ястребов; предисл. еп. Илариона (Алфеева) (Церковь и время. 2003. № 1 (22). С. 106—172) / А. Г. Дунаев // Научный сайт по патрологии и богословию / Алексей Георгиевич Дунаев. — URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm.
238. Дурново С. Неопубликованное письмо И. А. Левинской в журнал «Звезда» / durnovo // Живой Журнал (ЖЖ) = LiveJournal. — 2013. — 26 окт. — URL: <https://durnowo.livejournal.com/413974.html>.
239. Дьяконов И. М. По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре / И. М. Дьяконов // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. — Москва: Наука, 1988. — С. 178—181.
240. Егоров Б. Ф. О личном архиве. Что хранить и что уничтожать / Б. Ф. Егоров // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 15—18.
241. Егорова С. Л. Феномен личной переписки в контексте биографики на примере писем профессора-антиковеда Наталии Васильевны Вулих / Егорова Светлана Львовна // Genesis: исторические исследования. — 2018. — № 9. — С. 45—57. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26766.
242. Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические: [общий очерк] / С. А. Жебелев. — Петроград: Огни, 1919. — [6], 123, [3] с. — ([Круг знания]. История литературы).
243. Жердева Ю. А. Семейный архив в цифровой среде: проблемы реконструкции / Юлия Александровна Жердева, Елена Ивановна Сумбурова, Маргарита Владимировна Черкасова // Центр и периферия. — 2020. — № 3. — С. 70—74.

244. Жулькова К. А. Замятин Евгений Иванович / К. А. Жулькова // Большая российская энциклопедия / науч.-ред. совет: председатель — Ю. С. Осипов [и др.]. — Москва: БРЭ, 2008. — Т. 10: Железное дерево — Излучение. — С. 228.
245. Зайцев А. И. Выступление на обсуждении творчества О. М. Фрейденберг, Ленинградский университет, 19 ноября 1979 г. / А. И. Зайцев // Метродор: вестник общества аматоров изящной словесности. — 1980. — № 8. — С. 135—138.
246. Зайцева О. И. Хронологическая канва жизни и творчества А. И. Зайцева / О. И. Зайцева, А. К. Гаврилов // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. — Вып. 3. — С. 193—210. — (Bibliotheca Classica Petropolitana).
247. Зельченко В. В. Дружинин и Левинская / zelchenko // Живой Журнал (ЖЖ) = LiveJournal. — 2013. — 15 авг. — URL: <https://zelchenko.livejournal.com/58055.html>.
248. Зельченко В. В. Пост от 15.08.2013 и комментарии / Всеволод Зельченко // Facebook **. — URL: <https://www.facebook.com/vzelchenko/posts/223222284500062>.
249. Зельченко В. В. Продолжение следует / zelchenko // Живой Журнал (ЖЖ) = LiveJournal. — 2013. — 17 авг. — URL: <https://zelchenko.livejournal.com/58316.html>.
250. Зорин А. А. «Доделать и обеспечить сохранность» / Андрей Зорин // Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека / Лидия Гинзбург; сост., подгот. текста, примеч. и ст. Эмили ван Баскирк и Андрея Зорина. — Москва: Новое изд-во, 2011. — С. 531—544.
251. Зюзин А. В. В. В. Буш / А. В. Зюзин // Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. — 2002—2025. — Саратов. — URL: <https://old.sgu.ru/structure/philological/history/history/bush>.
252. Иларион (Алфеев). [Предисловие к сочинению «О себе самом и о епископах» Григория Богослова] / еп. Иларион (Алфеев) // Церковь и время. — 2003. — № 1 (22). — С. 106—110. То же. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm.
253. Каганович Б. С. Александр Александрович Смирнов, 1883—1962 / Борис Каганович; Рос. акад. наук, Науч. совет РАН по классической филологии и сравнит. изуч. языков и литератур. — Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2018. — 239 с., [1].
254. Калашникова Е. Коктейль в рюмке и ошибки Пастернака / Елена Калашникова // Независимая газета. — 2009. — 17 сен. — URL: https://www.ng.ru/non-fiction/2009-09-17/7_mem-oirs.html.

** Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ. Здесь и далее помечен **.

255. Калинин В. А. Александр Михайлович Михайлов: судьба коллекционера и его коллекции / В. А. Калинин // Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования / Акционерное об-во «Гознак», Выставочный комплекс; [отв. ред. А. А. Богданов]. — Санкт-Петербург: Гознак, 2020. — Вып. 3: Сборник материалов Третьей международной научной конференции (14—16 окт. 2020 г., Санкт-Петербург). — С. 370—374.
256. Каплан Э. «Полно путей к неполным истинам»: архивное дело, антропология и власть репрезентации / Элизабет Каплан; пер. с англ. М. Э. Маликовой // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 300—314.
257. Карпюк С. Г. Академик С. А. Жебелев, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. / С. Г. Карпюк, О. В. Кулишова // Вестник древней истории. — 2018. — Т. 78, № 1. — С. 88—112.
258. Карпюк С. Г. Предвоенная древняя история: С. А. Жебелев и советско-германские научные связи в 1939—1941 гг. / С. Г. Карпюк, О. В. Кулишова // Вестник древней истории. — 2018. — Т. 78, № 2. — С. 389—404.
259. Кириллова М. Н. «Я — фактопоклонник»: С. А. Жебелев и советская наука о древности в начале 1930-х гг. / Кириллова Мария Николаевна // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2020. — Т. 11, вып. 1 (87): Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917—1947 гг. — URL: <https://history.jes.su/s207987840008205-4-1>.
260. Коростелев О. А. Архив В. Ф. Маркова как источник сведений о научной и литературной жизни русской эмиграции в США в 1940—1980-х гг. / О. А. Коростелев // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 55—65.
261. Костенко Н. Ю. Архив О. М. Фрейденберг как интенция: мотивы и целеполагание // Шаги/Steps. — 2021. — Т. 7, № 1. — С. 168—182.
262. Костенко Н. Ю. «Греческий роман» в переписке О. М. Фрейденберг и С. А. Жебелева / Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2021. — Т. 4, № 2. — С. 203—215. — URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/12618>.
263. Костенко Н. Ю. «Записки» О. М. Фрейденберг / Н. Ю. Костенко // Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста», Юрьев-Польский, 3—5 октября 2008 г.: тезисы докладов. — Москва, 2008. — С. 71—72.

264. Костенко Н. Ю. Записки Ольги Фрейденберг и «Охранная грамота» Бориса Пастернака: диалог автобиографий / Наталья Костенко // «Премудрость построила себе дом...»: Анне Ильиничне Шмаиной-Великановой / сост. С. В. Бабкина, Н. Б. Богданович, С. Н. Давидоглу, М. В. Поспелов. — Москва: МЦНМО, 2025. — С. 186—217.
265. Костенко Н. Ю. «Круг чтения Ольги Фрейденберг»: доклад на XXV Лотмановских чтениях «Писатель как читатель» / Н. Ю. Костенко // YouTube: Videoivgirggu. — 2017. — 21 дек. — 41 мин. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wc0gW6jKpGo>.
266. Костенко Н. Ю. «„Осада человека“ — блокадные записки О. М. Фрейденберг»: доклад на Научном семинаре ИВГИ им. Е. М. Мелетинского РГГУ / Н. Ю. Костенко // Институт высших гуманитарных исследований (ИВГИ). — 2020. — 13 мая. — 1 ч. 26 мин. — URL: <http://ivgi.org/Sotrudniki/KostenkoNJU?&tab=video>.
267. Костенко Н. Ю. «Пробег жизни»: к интерпретации заглавия воспоминаний О. М. Фрейденберг / Н. Ю. Костенко // Миф, ритуал, литература / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т классического Востока и античности; сост. Н. Б. Богданович; отв. ред. Ю. В. Иванова; науч. ред. С. Н. Давидоглу. — Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2023. — С. 43—50.
268. Костенко (Глазырина) Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых на примере архива О. М. Фрейденберг: дипломная работа / Костенко (Глазырина) Наталья Юрьевна // Электронный архив О. М. Фрейденберг (1890—1955). — 1994 [2009]. — URL: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom>.
269. Костенко Н. Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг / Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2017. — № 4 (25): Ольга Михайловна Фрейденберг в науке, литературе, истории. Материалы XXIII Лотмановских чтений. — С. 117—127. — (Arbor Mundi= Мировое древо: междунар. журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 23).
270. Крайнева И. А. Персональный архив ученого как феномен исторической идентичности / И. А. Крайнева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2015. — № 2 (18). — С. 135—142.
271. Краснов Р. В. Из истории изучения и коллекционирования монет Петра I: каталог Александра Михайловича Михайлова / Р. В. Краснов // Нумизматика. — 2011. — № 2 (29). — С. 64—67.
272. Краткое описание материалов личного архива О.М. Фрейденберг / [подгот. М. Ю. Сорокиной] // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — 2-е изд., испр. — Москва:

- Восточная литература РАН, 1998. — С. 776—784. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
273. Крих С. Б. Другая история: «периферийная советская наука о древности» / Сергей Крих. — Москва: Новое лит. обозрение, 2020. — 312 с. — (Новое литературное обозрение; вып. 195. Научное приложение).
274. Кузнецова З. С. Академик архитектуры Александр Фёдорович Красовский (1848—1918) / З. С. Кузнецова // Петербургские чтения 98—99 = Petersburg reading 98—99: материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003» / Ассоц. исследователей Санкт-Петербурга. — Санкт-Петербург: Петербургский ин-т печати, 1999. — С. 224—228.
275. Кузовкина Т. Д. Архивы Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц: штрихи к семейному портрету / Т. Д. Кузовкина // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 66—79.
276. Левинская И. А. [Несколько соображений по поводу ответа П. А. Дружинина на статью И. А. Левинской «О филологии без идеологии» (Звезда. 2013. № 8) и на размещенное в интернете письмо в редакцию того же журнала] / И. А. Левинская // Academia / Irina Levinskaya. — [2013]. — 8 с. — URL: https://www.academia.edu/29835679/Левинская_Дружинин_pdf.
277. Левинская И. А. О филологии без идеологии / Ирина Левинская // Звезда. — 2013. — № 8. — С. 173—183. То же. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/8/o-filologii-bez-ideologii.html>.
278. Лейтейзен Ц. Г. Вредная галиматья / Ц. Лейтейзен // Известия. — 1936. — 21 сент.
279. Липовецкий М. Н. Две заметки о (не)насилии / Марк Липовецкий // Новое литературное обозрение. — 2023. — № 6. — С. 367—383.
280. Ломагин Н. А. Библиотека «Прожито». Блокада / Никита Ломагин, Михаил Мельниченко // Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника. — Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2022. — С. 7—15.
281. Ломагин Н. А. Трагическое уравнение: к вопросу об эвакуации, снабжении и смертности в Ленинграде 1941—1942 гг. / Никита Ломагин // Вы, наверное, из Ленинграда? : дневники эвакуированных из блокадного города. — Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2023. — С. 14—28.
282. Лосич Н. И. Две стихии (о многогранном таланте М. Ф. Фрейденберга) / Лосич Надежда Ивановна, Бажитова Любовь Ивановна // Телекоммуникации: история инноваций: материалы Третьих научных чтений памяти А. С. Попова, посвященных Дню радио — празднику

- работников всех отраслей связи (6 мая 2010 г.). — Санкт-Петербург: Центральный музей связи им. А. С. Попова, 2010. — С. 176—183.
283. Лотман Ю. М. Фрейденберг как исследователь культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Тарту: ТГУ, 1973. — [Вып.] 6. — С. 482—486. — (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 308).
284. Лотман Ю. М. К проблеме работы с недостоверными источниками / Ю. М. Лотман // Пушкин: биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: комментарий / Ю. М. Лотман; [вступ. ст. Б. Ф. Егорова]. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1997. — С. 324—329.
285. Лурье В. М. Период «химический»: Узенер и кризис болландистской науки / В. М. Лурье // Введение в критическую агиографию / В. М. Лурье. — Санкт-Петербург: Аxioma, 2009. — С. 18—20.
286. Любарский Я. Н. Софья Викторовна Полякова / Я. Любарский // Византийский временник. — 1995. — Вып. 56. — С. 373—374.
287. Лященко А. И. Даниил Заточник / А. Лященко // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. — Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1893. — Т. 10 (19): Давенпорт — Десмин. — С. 90—91.
288. Маликова М. Э. Автор архива: Е. Г. Эткинд / М. Э. Маликова // Архив ученого-филолога: личность, биография, научный опыт: сборник научных статей и публикаций / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2018. — С. 47—54.
289. Марков А. В. Записки Ольги Фрейденберг: внутри страшного романа с эпилогом: сюжет, жанр, микробы, сталь / Александр Марков // Троицкий вариант. Наука. — 2023. — 27 июня. — С. 10. То же: URL: <https://www.trv-science.ru/2023/06/zapiski-olgi-freidenberg-vnutri-strashnogo-romana-s-epilogom>.
290. Марков А. В. Пост от 15 августа 2013 г. [О реплике И. А. Левинской...] / Александр Марков // Facebook **. — URL: <https://www.facebook.com/markovius/posts/10200093225768430>.
291. Маслов Б. П. Теория мифа О. М. Фрейденберг и XX век: открытая лекция в рамках цикла «Гуманитарный Глобус», организованного Лабораторией ненужных вещей совместно с Независимым московским университетом / Б. П. Маслов // YouTube: Лаборатория ненужных вещей. — 2021. — 4 марта. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wPD08kfr60>.
292. Мелетинский Е. М. От мифа к лирике: [предисловие] / Е. Мелетинский, Н. Брагинская // Вопросы литературы. — 1973. — № 11. — С. 101—103.

293. Мельник А. Н. Предисловие к фрагментам из социально-богословского наследия проф. Р. А. Орбели / А. Н. Мельник // Социологические исследования. — 1991. — № 12. — С. 92—94.
294. Микурова П. Л. Особенности рецепции эпистолярного наследия Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг / П. Л. Микурова // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. научн. конф. XV Виноградовские чтения: в 3-х т. / отв. ред. И. Н. Райкова. — Москва: Книгодел, 2019. — Т. 2. — С. 206—214.
295. Микурова П. Л. Переписка Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг в биографическом, культурном, историко-литературном контексте: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Микурова Полина Леонидовна; [Место защиты: ГАОУ ВО ГМ «Моск. Гор. пед. ун-т»]. — Москва, 2022. — 223 с.: ил.
296. Микурова П. Л. Российская действительность в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1920—1930-х годов / П. Л. Микурова // Вестник Марийского государственного университета. — 2020. — Т. 14, № 2 (38). — С. 203—208.
297. Микурова П. Л. Тема блокадного Ленинграда в письмах О. М. Фрейденберг Б. Л. Пастернаку первой половины 1940-х годов / П. Л. Микурова // Вестник Костромского государственного университета. — 2020. — Т. 26, № 1. — С. 144—148.
298. Микурова П. Л. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930—1940-х гг. / П. Л. Микурова, И. И. Матвеева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2019. — № 2 (34). — С. 50—57.
299. Митрошенков К. А. «Оставалось в живых одно туловище»: о книге Ирины Паперно «Осада человека: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма» / Константин Митрошенков // Горький. — 2023. — 11 июля. — URL: <https://gorky.media/reviews/ostavalos-v-zhivyh-odno-tulovishhe>.
300. Мосс К. М. Ольга Фрейденберг и марризм / Кевин Мосс // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 98—106.
301. Моссман Э. [Предисловие] / Эллиот Моссман // Борис Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг / под ред. и с коммент. Э. Моссмана. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. — С. V—VII.
302. Науменко П. И. Судьба семьи военно-морских офицеров Гутанов в перипетиях войн, революций, эмиграции (конец XIX — середина XX в.); ... (Продолжение); ... (Окончание) / П. И. Науменко // Вестник Челябинского университета. История. — 2013. — Вып. 54, № 6. — С. 114—117; Вып. 55, № 12. — С. 64—67; Вып. 56, № 18. — С. 84—86.

303. Невельский К. [Каган Ю. М.]. [Предисловие к публикации фрагментов воспоминаний О. М. Фрейденберг «Осада человека»] / К. Невельский // Минувшее: исторический альманах. — Paris: Atheneum, 1987. — Вып. 3. — С. 7—9. — Переизд. Москва: Прогресс-Феникс, 1991. — К. Невельский — псевд., подлин. имя автора Ю. М. Каган.
304. Неклюдова М. Ю. Молчание народа: еще раз о французских реминисценциях «Бориса Годунова» / М. Ю. Неклюдова // Russian Literature and the West: a Tribute for David M. Bethea / ed. by David M. Bethea, Aleksandr Dolinin, Lazar' Fleishman, and Leonid Livak. — Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 2008. — Pt. 1. — P. 147—156.
305. Новиков В. И. Филологический роман: старый новый жанр на исходе столетия / Вл. Новиков // Новый мир. — 1999. — № 10. — С. 193—205.
306. Новикова Т. Т. Королева филологии: художественно-документальная повесть о профессоре Ухтинского государственного технического университета Н. В. Вулих / Т. Т. Новикова; Гос. учреждение высш. проф. образования Ухтинский гос. технический ун-т. — Ухта: УГТУ, 2010. — 89, [3] с., [4] л. ил. — (Серия «Остаюсь с вами...»).
307. Орехов Б. В. Что может рассказать теория графов о терминологической системе О. М. Фрейденберг? / Б. В. Орехов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2017. — № 4. — С. 89—98.
308. Осовский О. Е. «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» / О. Осовский // Бахтинский сборник / под ред. В. Махлина. — Саранск: Морд. Гос. пед. Ин-т, 2000. — Вып. 4. — С. 128—134.
309. Осовский О. Е. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле бахтинских маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» / О. Е. Осовский // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. — Саранск: [б. и.], 2002. — Вып. 1. — С. 24—35.
310. Осовский О. Е. Об одном источнике исследования о Рабле: бахтинские пометы на страницах экземпляра книги О. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» / О. Е. Осовский // Невельский сборник: статьи, письма, воспоминания / Науч. совет по изуч. и охране культур. и природ. наследия РАН [и др.]. — Санкт-Петербург: Акрополь, 2001. — Вып. 6: По материалам Седьмых Невельских Бахтинских чтений (1—4 июля 2000 г.). — С. 44—49.
311. От редакции // Звезда. — 2013. — № 8. — С. 184—186. То же. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/8/ot-redakczii-115.html>.
312. Павловская А. Н. Блокадный архив Ленинградского отделения Института истории ВКП(б): сбор воспоминаний горожан в 1942—1944 годы и влияние исторического авангардизма / Анастасия Павловская // Неприкосновенный запас. — 2019. — № 6. — С. 104—118.

313. Павловская А. Ю. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа (1941—2021) / А. Павловская, А. Павловский // Я знаю, что так писать нельзя...: феномен блокадного дневника. — Санкт-Петербург: Изд.-во ЕУСПб, 2022. — С. 421—456.
314. Павловский А. Ф. Сценарий выживания в эпоху катастроф: о чем говорят дневники эвакуированных из блокадного Ленинграда (1941—1945) / Алексей Павловский // Вы, наверное, из Ленинграда?: дневники эвакуированных из блокадного города. — Санкт-Петербург: Изд.-во ЕУСПб, 2023. — С. 29—70.
315. Паперно И. А. «Осада человека»: блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе / Ирина Паперно // Новое литературное обозрение. — 2016. — № 3 (139). — С. 184—204. То же. Блокадные нарративы: сборник статей. — Москва: Новое лит. обозрение, 2017. — С. 126—151.
316. Паперно И. А. «Осада человека»: записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма / Ирина Паперно. — Москва: Новое лит. обозрение, 2023. — 218 с.
317. Паперно И. А. «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день»: послевоенные записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория / Ирина Паперно // Новое литературное обозрение. — 2022. — № 6. — С. 7—28.
318. Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: опыт чтения / Ирина Паперно. — Москва: Новое лит. обозрение, 2021. — 317, [2] с. — (Научная библиотека). — (Новое литературное обозрение: научное приложение; 218).
319. Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель / Ирина Паперно // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 4 (68). — С. 102—127.
320. Пастернак Е. Б. [Предисловие. I] / Е. П. // Дружба народов. — 1988. — № 7. — С. 201—202.
321. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: биография / Е. Пастернак. — Москва: Цитадель, 1997. — 726, [2] с.: ил.
322. Пастернак Е. Б. Вступление / Е. Б. Пастернак // Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / Б. Пастернак. — Москва: Арт-Флекс, 2000. — С. 3—18.
323. Пастернак Е. Б. Жизнь Бориса Пастернака: документальное повествование / Евгений Пастернак, Елена Пастернак. — Санкт-Петербург: Журн. «Звезда», 2004. — 524 с.: ил. — (Русские поэты: жизнь и судьба).
324. Пастернак Е. В. Значение автобиографического момента в романе «Доктор Живаго» / Елена Пастернак // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2017. — №1. — С. 257—268.

325. Педанов Ю. Ф. Хирург Георгий Иванович Педанов (1887—1960) / Ю. Ф. Педанов, А. П. Славута // Актуальные проблемы транспортной медицины. — 2012. — № 1 (27). — С. 143—147.
326. Перлина Н. Избирательное сродство: вчувствование как осмысление духовной истории в творчестве Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака / Нина Перлина // *Indiana Slavic Studies*. — 1996. — Vol. 8. — С. 71—98.
327. Перлина Н. М. Забавные вещи случаются на пути к бахтинскому форуму / Н. Перлина // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. — 1995. — № 1. — С. 20—37.
328. Пешков И. В. Бахтинский вопрос. Статья третья: Валентин Николаевич Волошинов / И. В. Пешков // *Литературоведческий журнал*. — 2022. — № 3(57). — С. 86—109.
329. Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман / Константин Поливанов. — Москва: Новое лит. обозрение, 2024. — 373 с. — (Новое литературное обозрение: научное приложение; вып. 268). — (Научная библиотека).
330. Полякова С. В. Из истории генетического метода / С. В. Полякова // *Литературное обозрение*. — 1994. — № 7/8. — С. 13—20. — Переизд. в: «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. — Санкт-Петербург: ИНАпресс, 1997. — С. 363—379.
331. Поникаровская М. В. Иван Иванович Толстой (1880—1954) как преподаватель (по воспоминаниям учеников) / Поникаровская Марина Владимировна // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. — 2023. — Том 14, вып. 2 (124): Советская античность. Историк и текст. — URL: <https://history.jes.su/s207987840024920-1-1/> (дата обращения: 17.09.2025).
332. Рабинянц А. Г. Борис Пастернак и Петербург / А. Г. Рабинянц // *Петербургский Рериховский сборник*. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. — С. 254—261.
333. Разумова А. О. «Филологический роман» в русской литературе XX века: Генезис, поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Разумова Ангелина Олеговна; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). — Москва, 2005. — 182 с.
334. Рогинский И. Н. Вклад русских изобретателей в развитие автоматической коммутации / И. Н. Рогинский // *Электросвязь*. — 1976. — № 3. — С. 55—60.
335. Рогинский И. Н. Михаил Федорович Фрейденберг — изобретатель АТС / И. Н. Рогинский // *Известия АН СССР. Отделение технических наук*. — 1950. — № 1. — С. 1243—1253.
336. Рогозин Д. М. Автоэтнография / Дмитрий Рогозин // *Постнаука*. — 2016. — 18 мая. — URL: <https://postnauka.ru/video/64437>.
337. Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? / Дмитрий Рогозин // *Социологическое обозрение*. — 2015. — Т. 14, № 1. — С. 224—273.

338. Рощевская Л. П. Наталия Васильевна Вулих / Л. П. Рощевская, Л. П. Кучеренко; М-во образования и науки РФ, Ухтин. гос. техн. ун-т. — Ухта: Ухтин. гос. техн. ун-т, 2004. — 37 с.
339. Сандомирская И. И. Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка / Ирина Сандомирская. — Москва: Новое лит. обозрение, 2013. — 425 с. — (Интеллектуальная история).
340. Сафронова М. Н. Возникновение феномена научного архива в первой половине XIX в.: на примере научной деятельности Александра Ивановича Михайловского-Данилевского: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Сафронова Марина Николаевна; [Место защиты: Рос. ин-т культурологии]. — Москва, 2007. 180 с.
341. Скворцов А. М. Кадры решают все? Подготовка кадров по античной истории в 1920—1930-е годы / А. М. Скворцов // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / Рос. акад наук, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. С. Г. Карпюк. — Москва: ИВИ, 2022. — С. 7—55.
342. Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса / А. М. Скворцов // *Philologia Classica*. — 2020. — Т. 15. № 2. — С. 394—410.
343. Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время / А. М. Скворцов // *Philologia Classica*. — 2022. — Т. 17, № 1. — С. 159—172.
344. Скворцов А. М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: институциональный аспект / А. М. Скворцов // Сравнительное языкознание и классическая филология — XXVII: материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского, 26—28 июня 2023 г. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Науч. совет РАН по клас. филологии, сравн. изучению яз. и лит. — Санкт-Петербург: ИЛИ, 2023. — Ч. 2. — С. 1049—1066.
345. Скворцов А. М. Подготовка кадров по классической филологии в Петроградском/Ленинградском университете в 1920-е годы: институциональный аспект / А. М. Скворцов // *Philologia Classica*. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 321—346.
346. Скворцов А. М. «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942—1944) / А. М. Скворцов // *Philologia Classica*. — 2023. — Т. 18, № 1. — С. 125—138.
347. Соколов И. В. Вклад русской науки и техники в изобретение кинематографа / И. В. Соколов // Известия АН СССР. Отделение технических наук. — 1952. — № 4. — С. 587—602.
348. Соколов И. В. История изобретения кинематографа / И. В. Соколов; под общ. ред. Б. Н. Коноплева. — Москва: Искусство, 1960. — 198 с.

349. Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики / И. Г. Спасский // Нумизматика и эпиграфика / АН СССР, Ин-т археологии. — Москва: Наука, 1970. — [Т.] 8. — С. 123—234.
350. Ставру А. Иоганн Якоб Бахофен / Алессандро Ставру; пер. с англ. и примеч. И. С. Анофриев // Религиозная жизнь. — 2017. — 15 дек. — URL: <https://religious-life.ru/2017/12/bachofen/>.
351. Старк Э. А. Старинный театр / Эдуард Старк. — Петроград: Третья стража. — 1922. — 72, [1] с.: ил.
352. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры / А. Тартаковский // Вопросы литературы. — 1999. — № 1. — С. 35—55.
353. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский; Рос. акад. Наук, Ин-т рос. истории. — Москва: Археографический центр, 1997. — 356, [1] с.
354. Тахтаджян С. А. [О статье О. М. Фрейденберг «Въезд в Иерусалим на осле»] / С. А. Тартаковский // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 15. — С. 115—119.
355. Толстой И. И. Сапфо и тематика ее песен / И. И. Толстой // Ученые записки ЛГУ. — 1939. — № 46. — С. 20—31.
356. Толстой И. Н. «Доктор Живаго»: новые факты и находки в Нобелевском Архиве / Иван Толстой. — Прага: Human rights publ., 2010. — 87, [1] с.
357. Троицкий С. А., Троицкая А. А. М. Ф. Фрейденберг и его семья: одесский след в русской культуре / Сергей Троицкий, Анна Троицкая // Δόξα / Докса. — 2021. — № 1 (35). — С. 181—215.
358. Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева / И. В. Тункина // Древний мир и мы. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. — Вып. 2. — С. 116—161.
359. Тункина И. В. Историографические этюды С. А. Жебелева: (из неизданного научного наследия) / И. В. Тункина, Э. Д. Фролов // Вестник древней истории. — 1993. — № 2. — С. 172—173.
360. Тункина И. В. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Часть I. Корни: Троцкие — Фрейдлины — Дубновы (историко-антропологические зарисовки) / И. В. Тункина // Varietas Delectans: сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева / Ин-т лингвистич. исслед. РАН, Научный совет РАН по классической филологии, сравнительному изучению языков и литератур. — Санкт-Петербург: Нестор-история, 2012. — С. 510—538.
361. Тункина И. В. Одесский период биографии И. М. Тронского (1897—1923) / И. В. Тункина // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2013. — Вып. 12. — С. 555—575.

362. Тюляков С. П. Фамилия мастеров высокой марки / Сергей Тюляков // Военно-промышленный курьер. — 2009. — 4 нояб. (43).
363. Финн П. Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу / Питер Финн, Петра Куве; [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. — Москва: Центрполиграф, 2015. — 347, [2] с., [8] л. ил.
364. Флейшман Л. С. Борис Пастернак и Нобелевская премия / Лазарь Флейшман. — Москва: Азбуковник, 2013. — 639 с.
365. Флейшман Л. С. Из семейной переписки Пастернаков: [предисловие к публикации] / Л. Флейшман // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / под ред. Л. Флейшмана. — Москва: Азбуковник, 2017. — С. 6—20.
366. Фролов М. И. Заболеваемость и смертность эвакуированных по пути от Ленинграда до Костромы / М. И. Фролов // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект: [коллективная монография] / [Дж. Д. Барбер и др.]; Акад. воен.-ист. наук, The Wellcom Trust. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. — Гл. 3. — С. 81—97.
367. Фролов Э. Д. Сергей Александрович Жебелев / Э. Д. Фролов // Портреты историков. Время и судьбы: в 2 т. — Москва; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000. — Т. 2. — С. 16—27.
368. Фуко М. Археология знания / Мишель Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. — Изд. 2-е, испр. — Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2012. — 415 с. — (Ars pura: французская коллекция).
369. Хвалин А. Великий пост в судьбе Императора Павла I Петровича / Андрей Хвалин // Русская линия. — 107. — 6 апр. — URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=111438>.
370. Хелльбек Й. Историки авангарда / [Йохен Хелльбек] // Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев: (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / [сост.: К. Дроздов и др.]; отв. ред.: Й. Хелльбек. — Москва: Германский историч. ин-т в Москве [и др.], 2015. — С. 116—132.
371. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Йохен Хелльбек; [пер. с англ. С. Чачко]. — Москва: Новое лит. обозрение, 2017. — 416, [2] с. — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас». Антропология. Социология. Политология. История).
372. Хорошилов Д. А. Блокада человека: поиск психологической концепции личности в Записках Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг / Д. А. Хорошилов // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — С. 149—182.
373. Хорошилов Д. А. Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг в поисках новой концепции личности / Д. А. Хорошилов // Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству,

- политике: материалы международной научной конференции, 22—25 окт. 2019 г. — Санкт-Петербург: Скифия-Принт, 2019. — С. 352—353.
374. Хорошкевич А. Л. Вопросы издания творческого наследия советских историков русского феодализма / А. Л. Хорошкевич // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. — Москва: Аквариус, 2015. — С. 5—27.
375. Черкасова М. В. «Канон» и «архив» в современной архивной науке США / М. В. Черкасова // Поволжский педагогический вестник. — 2017. — Т. 5, № 4 (17). — С. 158—162.
376. Черкасова М. В. Власть архивов и власть над архивами: опыт осмысления архива в постмодернистской традиции / М. В. Черкасова // Культура и история в компаративном измерении: материалы I Всерос. науч.-методол. семинара (Самара, 12 мая 2011 г.) / [отв. ред. Л. М. Артамонова]. — Самара: Книга, 2012. — С. 238—241.
377. Чистякова Н. А., Галеркина Б. Л. Юбилейное заседание, посвященное памяти О. М. Фрейденберг: (к 100-летию со дня рождения) // Труды по знаковым системам. — Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1992. — 25. — С. 144—150. — (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 936).
378. Чойка П. Послесловие / Петер Чойка // Дневник отчаявшегося / Ф. Рек-Маллечевен; с послесл. Петера Чойка; пер. с нем. Альбины Бояркиной. — Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. — С. 291—303.
379. Чоун Е. «Из предыстории Института живого слова: протоколы заседаний курсов художественного слова / Екатерина Чоун, Крейг Брандист // Новое литературное обозрение. — 2007. — № 4. — С. 96—106.
380. Шалаева А. В. Мифология в романтической науке: символика Фридриха Крейцера / А. В. Шалаева // Труды БГТУ. Серия 6: История, Философия. — 2014. — № 5 (169). — С. 87—90.
381. Шевченко Е. В. Григорий Богослов / Е. В. Шевченко // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 12: Гомельская и Жлобинская епархия — Григорий Пакуриан. — Москва: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. — С. 668—712. То же. URL: <https://www.pravenc.ru/text/166811.html>.
382. Шейнман Е. Портрет на фоне века / Евгения Шейнман // Мишпоха: международный еврейский журнал. — 1999. — № 5. — URL: <http://mishpoha.org/rodoslovnaya/1334-portret-na-fone-veka>.
383. Шенталинский В. А. Рабы свободы в литературных архивах КГБ: Бабель, Булгаков, Флоренский, Пильняк, Мандельштам, Клюев, Платонов, Горький / Виталий Шенталинский. — Москва: Парус, 1995. — 389, [1] с.

384. Шишкин В. А. Академик С. А. Жебелев и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.) / В. А. Шишкин // *Русская наука в биографических очерках* / ред. Э. И. Колчинский, И. П. Медведев. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 288—295.
385. Шмаина-Великанова А. И. Поэзия как выход из богословского тупика: «Доктор Живаго» и его последствия / А. И. Шмаина-Великанова // *Наше положение: образы настоящего* / О. Седакова [и др.]. — Москва: Изд-во гуманитар. лит., 2000. — С. 280—291.
386. Шмаина-Великанова А. И. Сестра: Цветаева в творчестве Пастернака / А. И. Шмаина-Великанова // *Пастернаковский сборник: статьи и публикации* / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Науч. совет Рос. акад. наук «История мировой культуры», Пастернаковская комиссия. — Москва: РГГУ, 2011. — 1. — С. 345—356.
387. Шмаина-Великанова А. И. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака / А. И. Шмаина-Великанова, Н. В. Брагинская // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. — 2017. — № 4 (25). — С. 99—116.
388. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса: смысл и фиаско одного политического символа / Карл Шмитт; пер. с нем. Д. В. Кузницына. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006. — 298, [1] с. — (Civitas terrena/ Центр фундаментальной социологии).
389. Шучалина Д. К столетию. Памяти Натальи Вулих / Д. Шучалина // *Красное знамя Севера: общественно-политическая газета Республики Коми*. — 2005. — 12 сент. То же. URL: <http://www.kzsrk.ru/news/7255>.
390. Щурова Т. В. «И светло, и легко, и отрадно...» / Татьяна Щурова // *Дерибасовская — Рيشельевская: Одесский альманах* / Всемирн. клуб одесситов; сост.: Ф. Д. Кохрихт [и др.]. — Одесса, 2012. — № 50. — С. 314—326.
391. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде 1941—1942 гг. / Сергей Яров. — Изд. 4-е. — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. — 589, [1] с.
392. Ananiev V. G., Bukharin M. D. Academician S. A. Zhebelev and State Hermitage / Vitaliy Ananiev, Mikhail Bukharin // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. — 2018. — Vol. 11. — P. 43—70.
393. Braginskaia N. V. From the Marginals to the Center: Olga Freidenberg's Works on the Greek Novel / Nina V. Braginskaia // *Ancient Narrative*. — 2002. — Vol. 2. — P. 64—76.
394. Braginskaja N. V. Archives et destin d'un chercheur en U.R.S.S. Ol'ga Mixaiajlovna Frejdenberg (1890—1955) / Nina Braginskaja et Natal'ja Kostenko // *Revue des études slaves*. — 2014. — T. 85, Fasc. 1. — P. 109—129.
395. Braginskaya N. Olga Freidenberg: a Creative Mind Incarcerated / Nina Braginskaya; transl. from rus. By Zara M. Torlone, Alla Zeide, and Boris Maslov // *Women Classical Scholars: Unsealing*

- the Fountain from the Renaissance to Jacqueline de Romilly / ed. by Rosie Wyles and Edith Hall. — New York, NY: Oxford University Press, 2016. — P. 286—312.
396. Cook T. Archival Science and postmodernism: New Formulations for Old Concepts / Terry Cook, Joan M. Schwartz // *Archival Science*. — 2000. — Vol. 1, № 1. — P. 3—24.
397. Kabanov A. Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890—1955): eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit / Anette Kabanov. — Wiesbaden: Harrasowitz, 2002. — 417 s. — (Opera Slavica. N. F.; 41)
398. Klages K. Vom Kosmogonischen Eros / Ludwig Klages. — München: G. Müller, 1922. — XI, 182 S.
399. Moss K. M. Introduction / Kevin Moss // *Image and Concept: Mythopoetic Roots of Literature / Olga Freidenberg*; ed. and annot. by Nina Braginskaia and Kevin Moss; transl. from the Russian by Kevin Moss; foreword by Vyacheslav V. Ivanov. — Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997. — P. 1—19. — (Sign/Text/Culture: Studies in Slavic and Comparative Semiotics; vol. 2)
400. Moss K. M. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context: a Thesis... for the Degree of Doctor of Philosophy / by Kevin Mutphy Moss. — [Ithaca]: Cornell University, 1984. — 303 p.
401. Nesmith T. Seeing Archives: Postmodernism and the Changing Intellectual Place of Archives / Tom Nesmith // *The American Archivist*. — 2002. — Vol. 65. — P. 24—41
402. Peri A. The war within. Diaries from the Siege of Leningrad / Alexis Peri. — Cambridge: Harvard University Press, 2017. — XVIII, 337 p.: ill.
403. Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days / Nina Perlina. — Bloomington, IN: Slavica, 2002. — VII, 288 p.
404. Schwartz J. M. Archives, Records, and Power: The Making of Modern Memory / Joan M. Schwartz, Terry Cook // *Archival Science*. 2002. Vol. 2, № 1—2. P. 1—19.
405. Usener H. Philologie und Geschichtswissenschaft / Hermann Usener. — Bonn: M. Cohen & Sohn, 1882. — 39 S.
406. Velmezova E. O. M. Frejdenberg: a la recherche d'une «science intégrale» / Ekaterina Velmezova // *Le discours sur la langue en URSS al'époque stalinienne: (épistémologie, philosophie, idéologie)*. — Lausanne: Université de Lausanne, 2003. — P. 265—280. — (Cahiers de l'ILSL; 14).

Справочные издания

407. Биографика СПбГУ / С.-Петерб. гос. ун-т; отв. ред. Е. А. Ростовцев; ред. Д. А. Сосницкий. — 2012—2025. — URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/> (дата обращения: 18:10. 2025). — Текст: электронный.

408. Википедия: свободная энциклопедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org>. — Текст: электронный.
409. Древнегреческо-русский словарь: около 70 000 слов: в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского; с прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. — Москва: ГИС, 1958. — Т. 1: А — Л. — 1043 с.; Т. 2: М — Ω. — С. 1045—1904.
410. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Николай Иванович Епишкин. — Москва: ЭТС, 2010. — 5140 с.
411. Изучение религии в России в XVIII — первой половине XX в. / С.-Петерб. гос. ун-т; в работе над ст. и аннот. принимали участие А. Д. Белова [и др.]. — 2019—2025. — URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/> (дата обращения: 18.10. 2025). — Текст: электронный.
412. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область / [редкол.: М. А. Бочкарев и др.]. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999—2012. — 9 т.
413. Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: www.ruscorpora.ru.
414. Российские врачи в королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Арх. Югославии; отв. ред. Миладин Милошевич, Виктор Москвин; сост.: Михаил Горинов-мл., Нада Петрович [и др.]. — Белград; Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. — 451, [1] с.: ил.
415. Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в трех томах / С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук; редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. — 3 т.
416. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета / [сост. И. С. Лутовинова]. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: Фил. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. 546 с.
417. Центр документации «Народный архив»: справочник. по фондам / Г. С. Акимова и др. — Москва, 1998. — 349 с.
418. LSJ — Ancient Greek dictionaries. — 2013—2026. — URL: https://lsj.gr/wiki/Main_Page. Текст: электронный.
419. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. — 2026. — URL: <https://www.merriam-webster.com>. Текст: электронный.

Электронные ресурсы

420. Архив академика А. П. Ершова / Ин-т систем информатика СО РАН; рук. проекта: А. Г. Марчук, А. Р. Агамерзян. — 2000—2026. — URL: <https://ershov.iis.nsk.su/>. — Текст: электронный.

421. Марина Цветаева: [сайт, посвященный творческому наследию М. И. Цветаевой] / ред. Любовь Валерьевна Хачатурян. — [2019—2026]. — URL: <http://tsvetaeva.literature-archive.ru/ru>. — Текст: электронный.
422. Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг (1890—1955). — 2008—2026. — URL: <http://freidenberg.ru/>. — Текст: электронный.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Иллюстрации

1. Рисунок 3. Список последних дел. С. 107.
2. Рисунок 4. Фрагмент первоначального плана архива (1947). С. 114.
3. Рисунок 3. Тетрадь 1—2. Листы 4 об., 5. С. 152.
4. Рисунок 4. Тетрадь 1—2. Лист 144 об. С. 152.
5. Рисунок 5. Тетрадь 1—2. Лист 1 об. С. 152.
6. Рисунок 6. Тетрадь 1—2. Лист 2. С. 153.
7. Рисунок 7. Тетрадь 1—2. Лист 6. С. 153.
8. Рисунок 8. Тетрадь 1—2. Листы 13 об., 14. С. 153.
9. Рисунок 9. Тетрадь 1—2. Лист 6. С. 154.
10. Рисунок 10. Тетрадь 1—2. Лист 1. С. 154.
11. Рисунок 11. Блокадные записи. С. 158.
12. Рисунок 12. Блокадная хроника. С. 158.
13. Рисунок 13. Тетрадь 27. Листы 0, 21. С. 179.
14. Рисунок 14. Краткая запись событий в жизни Фрейденберг. С. 183.
15. Рисунок 15. Тетради: (а) 13, (б) 21, (в) 28. С. 185.
16. Рисунок 16. Записная книжка № 4. С. 202.
17. Рисунок 17. Записная книжка № 1. С. 206
18. Рисунок 18. Вырванный листок из записной книжки, возможно, № 1. (Архив семьи Пастернаков. Москва). С. 206.
19. Рисунок 19. Тетрадь стихов «1905—1919». С. 206.

Таблицы

1. Таблица 1. Пример использования записной книжки в Записках. С. 202—203.